ISSN 2307-1052

ПОВОЛЖСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

VOLGA REGION PEDAGOGICAL SEARCH

Научный журнал

Scientific Journal

№ 2(4)
2013

№ 2(4)
2013
Научный журнал

ПОВОЛЖСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. И. Н. Ульянова»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационное свидетельство ПИ №ФС77-51643)

ISSN 2307-1052

Журнал издается в рамках реализации программы стратегического развития Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова на 2012–2016 гг.

Основан в 2012 году

Выходит 4 раза в год

Очередной номер журнала можно приобрести в редакции

Главный редактор

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, ректор Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова **А. А. Бакаев**

Заместители главного редактора

доктор исторических наук, профессор **И. А. Чуканов**;

кандидат исторических наук, доцент **Л. А. Шайпак**

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук **Е. Ю. Власенко**

Редакционная группа

Е. Ю. Власенко, О. П. Белова, Н. В. Пенькова

Адрес редакции

Россия, 432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, д. 4.

Тел.: 8(8422)44-16-98

E-mail: pedpoisk@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен в Издательском центре Ульяновского государственного университета 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 25.06.2013.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 26,56. Тираж 500 экз.

Заказ № 75 /

Редакционная коллегия

Бакаев Анатолий Александрович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, ректор Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Арзамаскин Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор

Арябкина Ирина Валентиновна – доктор педагогических наук, доцент

Байгулов Ришат Мягдянович – доктор экономических наук, профессор

Баранец Наталья Григорьевна – доктор философских наук, профессор

Борисова Светлана Александровна – доктор филологических наук, профессор

Гошуляк Виталий Владимирович – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, профессор

Захарова Лариса Михайловна – доктор педагогических наук, доцент

Калинина Наталья Валентиновна – доктор психологических наук, профессор

Климов Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор

Лазарев Владимир Николаевич – доктор экономических наук, профессор

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор

Лукьянова Маргарита Ивановна – доктор педагогических наук, профессор

Магомедов Арбахан Курбанович – доктор политических наук, профессор

Мальцева Анжела Петровна – доктор философских наук, профессор

Мухамедов Рашит Алимович – доктор исторических наук, доцент

Петренко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор

Прокопенко Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, доцент

Романов Валерий Васильевич – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент

Романова Ирина Борисовна – доктор экономических наук, профессор

Светуньков Максим Геннадиевич – доктор экономических наук, доцент

Тихонова Анна Юрьевна – доктор культурологии, доцент

Чуканов Иван Альбертович – доктор исторических наук, профессор

Шайпак Леонид Александрович – кандидат исторических наук, доцент

Шмелёва Наталья Борисовна – доктор педагогических наук, профессор

Шубович Марина Михайловна – доктор педагогических наук, доцент

Редакционный совет

Бакаев Анатолий Александрович – председатель, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, ректор Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Морозов Сергей Иванович – Губернатор – Председатель Правительства Ульяновской области, кандидат экономических наук

Арзамасцев Алексей Дмитриевич – заведующий кафедрой управления и права Марийского государственного технического университета, доктор экономических наук, профессор

Арсентьев Николай Михайлович – директор Историко-социологического института Мордовского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Волков Александр Павлович – главный редактор журнала «Вестник Екатерининского института», доктор исторических наук, профессор

Гаврищук Владимир Владимирович – главный редактор журнала «Право и образование», доктор исторических наук, профессор

Гирько Сергей Иванович – начальник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Горбоконенко Александр Дмитриевич – ректор Ульяновского государственного технического университета, кандидат технических наук, профессор

Дугенец Александр Сергеевич – главный советник аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

Дозоров Александр Владимирович – ректор Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии, доктор сельскохозяйственных наук, профессор

Иванов Ананий Герасимович – заведующий кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Ильина Наталья Анатольевна – заместитель председателя, первый проректор – проректор по научной работе Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, доктор биологических наук, профессор

Кабытов Петр Серафимович – проректор по учебной работе Самарского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Краснов Сергей Иванович – ректор Ульяновского высшего авиационного училища гражданской авиации (институт), кандидат философских наук, заслуженный работник транспорта Российской Федерации

Любимов Михаил Митрофанович – президент Всемирной академии наук комплексной безопасности, доктор технических наук, профессор

Минеева Елена Константиновна – профессор кафедры отечественной истории Чувашского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Шайдуллин Рафаэль Валеевич – профессор кафедры современной отечественной истории Казанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Ответственность за содержание публикаций несут авторы.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Рукописи авторам не возвращаются.

При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «Поволжский педагогический поиск» обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Алферьев Д. С.
Балашовские волнения 1905 г.

Андреев С. А.
Социально ориентированная деятельность Симбирского земства

Будылина И. Н.
Основные методы изучения боевого опыта и использование его в процессе подготовки командных кадров войск связи во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Галдобина С. В.
Военно-техническая подготовка гражданской молодежи в 60–80-х гг. XX в.: историографический анализ

Дергунова Н. В., Жилкина Л. Н.
Генезис геополитических взглядов В. П. Семёнова-Тян-Шанского

Долгов С. Н.
Олимпиады мира и Советская Россия: уйти, чтобы вернуться

Камениченко С. Б.
Повышение квалификации инженерно-технических специалистов в частях ВВС в 1921–1941 гг.

Костяев Э. В.
Отстаивание А. Н. Потресовым и его единомышленниками «оборонческих» взглядов в газете «День» в 1917–1918 гг.

Кузнецов В. Н.
«Неизвестная» Поволжская конференция РСДРП: фантазия и реальность в отчете секретного сотрудника Симбирского ГЖУ

Лёвин С. В.
«От Рязани – до Иркутска» (земский статистик Л. С. Личков)

Максимов Д. С.
Волостной суд в системе правового регулирования деятельности крестьянской общины во второй половине XIX – начале XX вв.

Мартынов В. Ф.
Дисциплинарные отношения в Российской армии во второй половине XIX – начале XX вв.

CONTENTS

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

Alferiev D.S. 7
Balashov's Rebels of 1905

Andreev S. A. 12
Social-oriented activity of Simbirsk Zemstvo

Budylina I. N. 19
Main Methods of Military Experience Analysis and its Use in the Process of Signal Troops Command Staff Training During the Great Patriotic War (1941–1945)

Galdobina S. V. 24
Military and Technical Training of Youth in 1960–1980: Historiographical Analysis

Dergunova N. V., Zhilkina L. N. 28
Genesis of V. P. Semenov-Tyan-Shansky Geopolitical Views

Dolgov S. N. 33
Olympics and the Soviet Russia

Kamenichenko S. B. 36
Professional Development of Air Force Engineering and Technical Staff in 1921–1941

Kostyaev E. V. 44
Protection of A. N. Potresov and his Adherents of their «Defensive» Views in the Newspaper «Den′» in 1917–1918

Kuznetsov V. N. 54
«Unknown» Volga Region Conference of the RSDLP: Fiction and Reality in the Report of Simbirsk Gendarmery Secret Agent

Lyovin S. V. 57
«From Ryazan – to Irkutsk» (Zemstvo Statistician L.S. Lichkov)

Maksimov D. S. 63
Volost Court in the System of Legal Regulation of Peasant Community (late XIX – early XX Century)

Martynov V. F. 67
Disciplinary Relations in the Russian Army (late XIX – early XX Centuries)

Сосновский Я. В.
Деятельность подсобных и прикухонных хозяйств подразделений и воинских частей внутренних войск МВД СССР в период с 1968 по 1991 гг.

Sosnovskiy Ya. V. **72**
Activity of Kitchen and Auxiliary Branches and Military Units of Internal Troops of the USSR Ministry of the Interior (1968–1991)

Шубович В. Г.
Содержание образования в женских производственных училищах начала XX в. (на материалах Симбирской губернии)

Shubovich V. G. **79**
Educational Process in Female Technical Schools in Simbirsk Province (Early XX Century)

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Арябкина И. В.
Соотношение понятий «культура» и «образование» в контексте формирования профессиональной компетентности учителя начальных классов

Aryabkina I. V. **82**
Correlation of Concepts “Culture” and “Education” in the Context of Professional Competence Formation among Primary School Teachers

Башаева С. Г., Смирнова Л. Е.
К вопросу о развитии целостного мышления студентов

Bashaeva S. G., Smirnova L. E. **87**
Some Words about Development of the Students’ Integral Thinking

Бибикова Н. В.
Арт-терапия как инновационная технология социальной работы

Bibikova N. V. **92**
Art-therapy as an Innovative Technology of Social Work

Ерхова М. В.
Индивидуальные мотиваторы заместителей директоров школ по воспитательной работе

Erkhova M. V. **95**
Special Motivators for Vice-Principles for Education

Ильина Л. М.
Роль спецкурса в формировании готовности будущих учителей начальных классов к преподаванию иностранного языка на основе интегративного подхода

Ilyina L. M. **100**
Role of a Special Course in Formation of Future Primary School Teachers’ Readiness to Teaching Foreign Languages on the Base of Integrative Approach

Илькин А. Н.
Актуализация подготовки «лыжников-универсалов» высокой квалификации

Ilkin A. N. **105**
New Trends of Professional Skiers training

Истомин А. В., Костюнина Л. И.
Обоснование теоретико-методических подходов к процессу формирования специализированных восприятий у юных боксеров 10–12 лет

Istomin A. V., Kostyunina L. I. **109**
Theoretical and Methodological Approaches to the Process of Problem-Oriented Perception among Young Boxers (aged 10–12)

Калинина Н. В., Хайрудинова Р. И.
Особенности и принципы психолого-педагогической поддержки родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями в условиях реализации инклюзивного образования

Kalinina N. V., Khairudinova P. I. **113**
Peculiarities and Principles of Psychological and Educational Support for Parents Bringing up Children with Disabilities in Terms of Implementation of Inclusive Education

Кондратьев В. В., Ушников А. И., Мещеряков А. В.
Диагностика отношения к физической культуре у студентов педагогического университета

Kondrat’ev V. V., Ushnikov A. I., Mesheryakov A. V. **116**
Diagnostics of Pedagogical University Students’ Attitude to Physical Education

Плохова И. А.
Дистанционное образование как процесс интеграции в общество граждан с ограниченными возможностями

Plokhova I. A. **119**
Distance Learning as the Process of Integrating Disabled People into Society

Тулякова Л. М.
Антикризисное управление персоналом
в сфере образования

Tulyakova L. M. **121**
Crisis Personnel Management
in the Sphere of Education

Юдина А. А.
Развитие физической культуры и спорта
в современном российском обществе

Yudina A. A. **125**
Development of Physical Education and Sports
in Modern Russian Society

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

JURISPRUDENCE

Иглин А. В.
Профессия «спортсмен»:
сравнительно-правовой аспект

Iglin V. **130**
Profession of a Sportsman:
Comparative and Legal Aspect

Максимов А. И.
Содержание наказания в виде лишения
права занимать определенные должности
или заниматься определенной деятельностью

Maksimov A. I. **134**
Disqualification to Hold Certain Positions
or be Engaged in Certain Activities
as Means of Penalty

Сычёва О. А., Спиридонова А. В.
Приказное производство
в российском гражданском процессе

Sycheva O. A., Spiridonova A. V. **139**
Writ Proceedings
in Russian Civil Practice

Шердяев Д. М.
Проблемы правового статуса
Уполномоченного по правам человека
в Российской Федерации в гражданском,
уголовном и административном процессе

Sherdyaev D. M. **143**
Legal Status of the Commissioner
for Human Rights in the Russian Federation
in the Civil, Criminal and Administrative
Proceedings

Хохлов В. И.
Преступления против военной службы
в зарубежных странах

V. I. Khokhlov **146**
Crimes against Military Service
in Foreign Countries

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Романова И. Б., Ермишина О. Ф.
Оценка системы
внутреннего контроля вуза

Romanova I. B., Ermishina O. F. **150**
Assessment of the Internal University
Control System

Ходжаян Е. Г.
Понятие бизнес-процесса
учреждения культуры

Khodzhayan E. G. **155**
Business Process Concept
of Cultural Institution

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY

Баранец Н. Г., Дорожкин А. М.
О классификации наук
и моделях роста научного знания

Baranets N. G., Dorozhkin A. M. **159**
Some Words about Classification
of Sciences and Growth Models
of Scientific Knowledge

Едышев Д. В.
Роль культурно-досуговой деятельности
в формировании личностных
качеств молодежи

Edyshev D. V. **166**
Role of Cultural and Leisure Activity
in Development of Personality Traits
among the Young Generation

Конопкин А. М., Медиев М. М.
Религиозный «ренессанс»
в постсоветской России

Konopkin A. M., Mediev M. M. **169**
Religious Renaissance
in Post-Soviet Russia

Мальцева А. П.
О месте и роли философии
в современном мире:
по итогам работы XXIII Всемирного
конгресса философии
(Греция, Афины, 4–10 августа 2013 г.)

Maltseva A. P. **173**
Some Words about the Role
of Philosophy in Modern World:
based on the Work of XXIII World
Conference of Philosophy
(Greece, Athens, 4–10 August 2013)

Марасова С. Е.
Научная рефлексия
как объект исследования
отечественных эпистемологов

Marasova S. E. **178**
Scientific Reflexion
as an Object of Investigation
of Native Epistemologists

ФИЛОЛОГИЯ

Егорова Э. В., Крашенинникова Н. А.
Способы речевой характеристики персонажа в политическом анекдоте

Крошнева М. Е.
Истоки русской печати в Финляндии

Кузнецов В. Н., Шумаева Е. А.
Взаимосвязь развития языка и исторического пути его носителей: степень изученности проблемы

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ

Городской междисциплинарный семинар «Проблемы развития российского и регионального образования»

Ильязова Р. В.
Студенческая научно-практическая конференция на историческом факультете УлГПУ им. И. Н. Ульянова

НАШИ АВТОРЫ

Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «Поволжский педагогический поиск»

PHILOLOGY

Egorova E. V., Krasheninnikova N. A. **184**
Methods of Speech Characteristics of Characters in a Political Anecdote

Kroshneva M. E. **188**
Origins of Russian Printing in Finland

Kuznetsov V. N., Shumaeva E. A. **193**
Interrelation of Language Development and Historical Way of its Native Speakers: State of Knowledge

DISCUSSING THE PROBLEM

City Interdisciplinary Seminar "Problems of Russian and Regional Education Development" **200**

Ilyazova R. V. **213**
Scientific Conference among Students of Historical Department, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov

OUR AUTHORS **217**

Rules of Representation and Registration of Mountig of Articles by Authors for Publication in the "Volga Region Pedagogical Search" **222**

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Балашовские волнения 1905 года

Д. С. Алферьев

В данной статье раскрываются основные вехи государственной деятельности великого российского реформатора П. А. Столыпина, административный талант которого проявился в период Первой русской революции во время урегулирования крупных социальных конфликтов в губерниях Среднего Поволжья, одним из крупнейших среди которых были так называемые «Балашовские волнения», произошедшие в 1904–1906 гг.

Ключевые слова: крестьяне, социальные отношения в деревне, рабочие волнения, земская медицина, полиция, казачество.

Данная статья посвящена известной и противоречивой личности, судьба которой тесно связана с историей страны, – Петру Аркадьевичу Столыпину. Мы преследуем цель показать один из эпизодов его многогранной деятельности на благо страны. В период Первой русской революции он занимал пост губернатора Саратовской губернии, которая в России считалась одной из крупнейших.

В начале XX в. она представляла собой аграрную губернию с развитым помещичьим землевладением, крестьяне в ней были запуганы, подвергались жестокой эксплуатации со стороны дворян и частных землевладельцев, поэтому в течение многих лет она не была в стороне от тех волнений, которые происходили в крае. Ее не обошли восстания Степана Разина и Емельяна Пугачева, и даже в спокойные времена в ней всегда что-то происходило.

Петр Аркадьевич Столыпин был назначен саратовским губернатором 26 марта 1903 г. Можно сказать, что это был новый этап в его жизни [1, с. 18]. Назначение в Саратов оказалось неожиданным для П. А. Столыпина, так как после тихой Прибалтики его ждала неспокойная, мятежная, одна из самых революционных губерний с прогрессивным, передовым земством.

Сельская и городская интеллигенция, находящаяся в плену революционных настроений, требовала перемен. Уже в 1904 г. земские служащие (врачи, учителя, статистики) одного из самых неблагополучных уездов – Балашовского – выступали противниками самодержавия, пропагандировали демократические и революционные взгляды.

Городская интеллигенция г. Балашова неоднократно становилась источником беспокойства. Так, например, во время новогоднего банкета 31 декабря 1904 г., созванного руководителями уездного земства, представители земства критиковали действия правительства и требовали его отставки, что для того времени было неслыханным событием.

Руководство губернии было обеспокоено, а вновь назначенный губернатор стал решительно пресекать возникающие инсинуации. Начнем с того, что он вообще отказывался рассматривать земских служащих как неотъемлемый элемент русской жизни, подчеркивая их оторванность от русской почвы и реальной жизни. В связи с этим Столыпин высказывался категорически против предложенного местными либералами расширения состава земства за счет мелких служащих-разночинцев. По его мнению, высказанному в высочайшем отчете за 1903 г., «…люди, ничем не прикреплённые к земле, всегда будут слишком абстрактно и теоретично смотреть на земские дела со своей предвзятой точки зрения и будут идти в разрез с интересами земельных собственников» [8]. Поэтому его политика была направлена на то, чтобы укомплектовать земские учреждения в первую очередь выходцами из дворян.

Немало беспокойств П. А. Столыпину доставляли и крестьяне. В мае 1904 г. в Саратовской губернии начались крестьянские беспорядки – явление, с которым новый губернатор прежде не сталкивался. Столыпину досталась губерния с поголовно недовольным властью крестьянством.

Крестьянское движение в Саратовской губернии своими размерами заметно выделялось даже на беспокойном общероссийском фоне. Губернатор с тревогой извещал правительство, что волнения крестьян растут, в некоторых деревнях стало даже небезопасно появляться. Формы крестьянской борьбы в основном оставались традиционными: увоз хлеба, порубки лесов, покосы и потравы скотом лугов, разгромы и поджоги барских усадеб. Так, крестьяне сел Баланда, Ахтуба, Широкий Уступ Аткарского уезда в течение всего лета самоуправно косили и травили скотом луга в имении графа Шереметева, а в ночь на 24 июня подожгли усадьбу помещика.

Уже в первой половине 1905 г. в Саратовской губернии было отмечено более 150 крестьянских выступлений. В деревне творились полнейший произвол и беззаконие. Настроение крестьян хорошо видно из постановления сельского схода жителей села Ивановка-2 Балашовского уезда, состоявшегося 29 марта 1905 г.:

«...Мы не верим больше начальникам. Мы не верим своим пастырям церковным. Своими делами, бесчестными и корыстными, они совершенно оттолкнули нас от себя. Благодаря попечению наших врагов – начальников мы стали совершенно нищими. Наша кормилица-земля, которую мы и деды наши кропили своими слезами и рабочим потом, в руках тех, которые никогда не болели о ней своей душой, которые захватывали ее только для того, чтобы жить чужим трудом, трудом нас, рабочих. А нам из обширных степей России достались ничтожные клочки, за которые положили, однако, разорительные подати. Чтобы уплатить подати и различные налоги, нам приходится выжимать последние соки, отдавать последние силы. Мы выбились из сил, голодаем и мрем, как мухи. От нашей нищеты и земля наша истощилась, не дает урожая, а подати выколачивают кнутом и плетью. А тут еще откуда ни возьмись нашла беда великая – война страшная. Сколько наших работников полегло на войне, не зная, за что. Сколько вдов, сирот наделала она, проклятая. Сколько слез, сколько муки прибавила она в нашу и без того страдальческую жизнь. Ужасы войны заставляют нас кричать – не нужно нам войны! Пусть будет мир...» [2, с. 260].

П. А. Столыпин не мог с этим мириться и направил для подавления беспорядков в неспокойные районы войска, расквартированные в губернии, казаков. В своем донесении министру внутренних дел Святополку Мирскому из с. Ивановка он писал: «Все село почти сидело в тюрьме по моим постановлениям. Я занял дома наиболее виновных войсками» [2, с. 148]. Жесткими мерами он пресек волнения.

Апофеозом революционных событий 1905 г. в Саратовской губернии считается знаменитый разгон 21 июля съезда врачей, получивший широкий общественный резонанс в России того времени. Рассмотрим канву происшедших событий.

Во главе оппозиционно настроенной интеллигенции в Саратовской губернии встали медицинские работники. Узнав об их действиях, 24 мая 1905 г. губернатор Столыпин запретил дальнейшую деятельность Санитарного общества, созданного еще в 1874 г. и отличавшегося особым радикализмом. Одновременно в Саратове была закрыта женская фельдшерская школа, ставшая оплотом антиправительственных настроений.

Репрессии привели интеллигенцию, возмущенную случившимся, к такой форме борьбы, как забастовка. 12 июля медперсонал уезда в ответ на закрытие Балашовского отделения Саратовского санитарного общества и массовые увольнения предъявил властям ультиматум, в котором требовал «немедленного возвращения всех административно уволенных», а также прекращения травли. В противном случае с 15 июля объявлялась забастовка [2, с. 150]. Требования медиков не были удовлетворены, и тогда, в знак протеста против политического бесправия и полицейского произвола в стране, 18 врачей и 30 фельдшеров ушли со службы.

20 июля 1905 г. врачи, прибывшие в Балашов на врачебный уездный съезд, организовали обсуждение демократических требований, а на повестку дня был поставлен вопрос о забастовке («об уходе врачей») в знак протеста против увольнения и «травли со стороны власти» земских служащих. Однако съезд, начав работу, фактически не состоялся. По приказу губернатора казачья сотня разогнала собравшихся.

Для того чтобы окончательно «сбить спесь» с «зарвавшейся интеллигенции», уездные черносотенцы организовали провокации. 21 июля 1905 г. в балашовской гостинице «Центральные номера» происходил прощальный обед по случаю окончанию съезда. В это время под окнами собралась толпа недовольных собранием монархически настроенных крестьян, которая «желала избить врачей». Необходимо отметить, что в тот год буйствовала эпидемия холеры, унося много жизней детей и взрослых, и вполне естественно, что собрание, на котором обсуждался вопрос «ухода врачей», было воспринято простыми людьми агрессивно, так как они боялись распространения эпидемии. И, как естественная реакция, съезд врачей приукрасили (или просто преувеличили некоторыми фактами – доподлинно неизвестно) разного рода «дополнениями», например «пением Марсельезы» (из донесения революционера Н. Малинина). Но главная претензия бунтов-

щиков была в том, что врачи хотят «погубить простой люд».

Власть не на шутку перепугалась. Пристав Сахаров по указанию губернатора собрал казаков, которые окружили гостиницу с целью защиты врачей от самосуда толпы, забросавшей окна гостиницы камнями. На место происшествия прибыл сам губернатор (гарантировавший медикам неприкосновенность и на время успокоивший толпу) и стал выводить попрятавшихся по номерам врачей к пролеткам, которые повезли участников съезда к вокзалу. Но казачья сотня в пылу служебного рвения во время проезда врачей на семнадцати извозчиках к железнодорожному вокзалу стала хлестать нагайками всех без разбора: врачи ли это или бунтовщики-смутьяны. И именно поэтому в большинстве источников, освещающих это события, чаще всего встречается интерпретация нападения именно черносотенцев на врачей с одобрения губернатора. Нельзя не признать, что Столыпину было очень невыгодно допустить анархию в подведомственном ему уезде, несмотря на его явно негативное отношение к земству.

После избиения и отъезда врачей толпа вернулась в город громить дома известных земцев. В частности, во время погрома больше всего пострадал дом А. П. Феологова, известного земского деятеля и защитника крестьянских интересов в с. Ивановка-2

События приобрели общероссийскую известность и вызвали широкий общественный резонанс. Губернатору было необходимо срочно успокоить общественное мнение. Около 5 часов вечера губернатор разговаривал с председателем управы по вопросу о забастовке врачей. Когда он уже собирался уезжать, ему прислали донесение о том, что «…перед гостиницей, в которой остановились врачи, собралась толпа». Толпу губернатор в телеграмме классифицировал так: «…Передние ряды, певшие гимн», исполняющие требования губернатора; задние ряды, состоящие из «отребьев босяков, галахов города. Эти-то последние... и избивали врачей на извозчиках». Цель толпы была – «поучить крамольников», поскольку в результате совещания врачей «...верх взяла партия забастовщиков. 21 июля они проводили последний день в гостинице… и начали петь... По их словам, они пели цензурную песню из пьесы «На дне» Горького» [5, с. 485]. «По словам полиции, они запели «Марсельезу» и какую-то песню со словами «наша взяла»<...> Перед гостиницей начала собираться толпа<...> Явился исправник, казаки, а вслед за ними и я. В это же время ворота гостиницы были взломаны, сотня казаков была одна против толпы, возросшей до нескольких тысяч, и положение осаждённых было опасно» [1, с. 163].

Столыпин пришел к убеждению, что если оставить врачей в городе, то не обойдется «без человеческих жертв» [1, с. 112]. Он разыскал врачей там, где они укрылись, сказав толпе, что «виновные врачи будут наказаны». Он под конвоем казаков сопроводил врачей к вокзалу на семнадцати подготовленных извозчиках, но «задние ряды толпы прорвали передние... и с камнями бросились на увозимых... На вокзале встретила врачей уже небольшая кучка, которая наносила удары входящим на станцию» [1]. По приказанию Столыпина толпа разошлась. Поезд с врачами был отправлен в Саратов. Внимание Столыпина было обращено на поведение казаков, которые в своей основной массе были «недавно мобилизованными, озлобленными, мало дисциплинированными. Во время конвоирования врачей они то и дело били их и фельдшериц нагайками» [1]. Конец донесения, оправдывавший все дальнейшие реакционные действия П. А. Столыпина, звучал так: «Если не сдержать... революционных проявлений, ...то не избежать море крови» [1, с. 187].

После разгрома съезда полиция по инициативе губернатора инсценировала «патриотическую» манифестацию, а 23 июля был устроен молебен и послана телеграмма царю от имени 159 балашовских граждан. В ответном послании монарх выразил свою благодарность авторам. Практически инцидент был исчерпан.

Однако общественное мнение было взбудоражено. В знак протеста против балашовского погрома в губернии созывались чрезвычайные съезды союзов интеллигенции, студенческие и крестьянские сходки, принимались воззвания, протесты, распространялись листовки. Решительные меры саратовского губернатора при подавлении народного движения в губернии были отмечены Николаем II. П. А. Столыпину летом 1905 г. была объявлена высочайшая благодарность за «умелые, твёрдые и энергичные действия по искоренению беспорядков в Балашовском уезде и в г. Саратове» [2, с. 262].

Так благодаря действиям Столыпина к августу 1905 г. в Саратовской губернии был восстановлен порядок [3, с. 76]. Однако мирный период длился недолго, и волнения вновь возобновились благодаря революционным партиям, приложившим немало усилий для того, чтобы страсти в крестьянских массах не затухали. Так, либеральный состав земской управы Петровского уезда, поддержавший идею передачи помещичьей земли крестьянам, ввиду угрозы судебного преследования, был вынужден уйти в отставку. А 3 сентября в местных газетах опубликовали постановление Столыпина об административном аресте до трех месяцев и наложении штрафа на бастовавших медиков за незаконное собрание 21 июля.

В ответ на это 5–6 сентября съезд медперсонала 150 голосами против 21 высказался за забастовку, а 22 сентября на экстренном губернском земском собрании либеральные земцы потребовали удаления губернатора с должности. Но под давлением правых было решено просить правительство о назначении сенаторской ревизии происшедших событий [7, с. 322]. Из-за угрозы забастовки медперсонала губернии столыпинское постановление осталось нереализованным, а в октябре балашовцев амнистировали.

В революционных событиях принимала участие и учащаяся молодежь. Высших учебных заведений в Саратове того времени не было, но активный отклик происходящее находило среди учащихся гимназий, реальных училищ, фельдшерской школы и других средних образовательных учреждений Саратова.

Учащиеся средних специальных учебных заведений были в большинстве своем выходцами из рабочего класса, крестьянства и служилой интеллигенции, а по возрасту часто близки к студентам. В их среде наибольший отклик находили идеи социал-демократов и эсеров [6, с. 21]. Так, сильная социал-демократическая группа образовалась на базе Саратовского среднетехнического училища, которую с осени 1905 г. возглавлял комитет учащихся во главе с В. Н. Энвальдом, Б. М. Алопеусом, М. А. Дорогунцевым и др. [3, с. 97]. Комитет имел свою печать и охватывал влиянием до 150 человек. Была социал-демократическая группа и в Саратовском земледельческом училище, которая доставляла много неприятностей властям.

Таким образом, осенью 1905 г. рабочекрестьянское движение приняло грандиозные размеры – оно охватило практически всю Саратовскую губернию и вошло в историю губернии и всей России как один из самых тяжелых периодов в жизни страны.

Однако революционные настроения не утихали, забастовали промышленные предприятия, а в сельской местности продолжились выступления крестьян. Чтобы остановить произвол, власть была вынуждена прибегнуть к более жестким мерам. В Саратов для подавления смуты и поддержания порядка по ходатайству губернатора был командирован бывший военный министр генерал-адъютант Сахаров. 3 ноября он прибыл с войсками в Саратовскую губернию, а вскоре отправился в карательную экспедицию. По предложению губернатора генерал Сахаров разместился в его доме, здесь же он иногда принимал посетителей с их ходатайствами, просьбами и жалобами. Однако вскоре генерал был убит в этом самом губернаторском доме террористом-одиночкой.

На посту убитого Сахарова заменяет генерал Максимович, который также идет на самые суровые меры, чтобы сбить волну крестьянских выступлений. И все-таки в критический период волнений и беспорядков в Балашовском уезде карательными экспедициями руководили генерал-адъютанты, крестьян расстреливали строевые офицеры, а Столыпин оказался как бы в стороне. На него, в отличие от многих других губернаторов, не было систематической охоты со стороны террористов. Эсерка-террористка, явившаяся в губернаторский дом под видом просительницы, прошла с целью убийства к Сахарову, а не к Столыпину.

Трагедия личности Столыпина в том, что над ним, как и над многими другими, несомненно выдающимися деятелями того времени, довлело дворянско-помещичье социальное происхождение, выражавшееся в непонимании нужд и чаяний простого народа. Это роковой тенью легло на всю без исключения его деятельность.

Однако мы считаем, что именно данный период является отправной точкой карьеры этого государственного служащего. Какими бы значительными ни были все его последующие проекты на посту министра, их начало лежит именно в Саратовской губернии, а портрет Столыпина как «душителя революции», «жёсткого, решительного, смелого, бескомпромиссного», который преподносится нам большинством историков, слегка приукрашен. Подчеркиваем, что данное мнение было сформировано небезосновательно, а исходя из реалий того времени, архивных и музейных документов, воспоминаний современников.

Возможно, находясь на посту министра, Столыпин и приобрел те самые жесткость и смелость, о чем свидетельствует эпизод, связанный с выступлением крестьян в с. Ивановка-2 Балашовского уезда. Некоторые историки-исследователи, как, например, Н. Борисов, Г. Сидоровнин, Д. Табачник, В. Воронин, А. Изгоев, основными качествами в характере Столыпина видят именно смелость, решительность и даже храбрость, основываясь на том, что в ряде критических случаев он «не боялся за свою жизнь, выходя безоружным без охраны к разгневанной толпе, говоря: «Вот я, губернатор, перед вами». А из показаний очевидцев в том же с. Ивановка-2 следует, что Столыпин в сопровождении казаков, вооруженный в буквальном смысле, орал на толпу безоружных крестьян, требовал, чтобы они встали на колени, призывая восставших к порядку. Но разве это является признаком смелости? Столыпин, как человек умный, должен был понимать, что он, наделенный властью, изначально находится в неравном положении с и без того бесправными, изголодавшимися крестьянами, которые, кстати сказать, так и не встали на колени. И как трезвый политик, он должен был искать ком-

промиссы с крестьянством, а не апеллировать к силами казаков, постоянно находившихся при нём в период губернаторства. Подобное повторялось и в других селах, особенно в наиболее революционном Балашовском уезде губернии.

Теперь обратимся к его взаимоотношениям с интеллигенцией, земством, которое, нужно отметить, было наиболее прогрессивным в Саратовской губернии. Трезвый и расчетливый политик должен был привлечь интеллигенцию на свою сторону, а не вынуждать ее к оппозиции. Что же делает Столыпин, вступив на должность губернатора? Своими приказами, распоряжениями он все больше увеличивает пропасть между властью и земством. А чтобы обезопасить себя, одно за другим шлет донесения в Петербург, давая выгодную для себя интерпретацию событий, иногда замалчивая факты.

Не совсем понятна позиция губернатора, когда в разгар холерной эпидемии им увольняются квалифицированные врачи и фельдшера, основная вина которых – прогрессивные взгляды. Так, оценивая происшедшие события, В. И. Ленин в своей статье «Столыпин и революция» пишет о саратовском губернаторе: «…Помещик и предводитель дворянства становится губернатором в 1902 г., при Плеве, – «прославляет» себя в глазах царя и его черносотенной камарильи зверской расправой над крестьянами, истязаниями их (в Саратовской губернии), – организует черносотенные шайки и погромы в 1905 г. (Балашовский погром)...» [4]. Представляется, что Владимир Ильич несколько преувеличил значимость личности Столыпина именно в период с 1903 по 1906 гг. Столыпин не организовывал черносотенные погромы, а шел у них на поводу, лишь на словах лицемерно заботясь о безопасности земства, а фактически 21 июля он допускает погромы домов видных представителей Балашовского уездного земства (Феологова, Тараксина).

На словах Столыпин якобы охранял врачей, препровождая их в пролетках на вокзал, но избиение людей нагайками произошло на его глазах. Почему же человек, наделенный властью, не остановил самосуд крестьян и произвол казаков? И эта половинчатая позиция дала свои плоды: перевод на должность министра, хотя его губернаторство нельзя назвать идеальным для губернии. Очень интересная деталь: в Саратовской губернии тюрьмы стали строить в виде буквы «С» во время нахождения П. А. Столыпина на посту губернатора.

Таким образом, личность П. А. Столыпина была сложной и противоречивой. Он был продуктом своего времени и действовал в сложных революционных условиях так, как ему подсказывали его убеждения и политический опыт.

1. *Бок М. А.* Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. М. : Товарищество А. Н. Сытин и К. 1992.
2. *Воронежцев А. В., Пиреев А. И.* Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). Саратов : Архитектор, 2007.
3. *Зырянов П. Н.* Пётр Столыпин: политический портрет. М. : Высш. шк., 1992.
4. *Ленин В. И.* Столыпин и революция // ПСС. Т. 20. С. 324–333. URL : http://major-theoretic.narod.ru/st-re.html (дата обращения 30.08.2012).
5. *Сидоровнин Г.* Петр Аркадьевич Столыпин. Жизнь за Отечество. М. : Поколение, 2007.
6. *Сытин А.* Пётр Аркадьевич Столыпин // Московский журн. 1993. № 12. С. 19–30.
7. *Табачник, Д., Воронин В.* Петр Столыпин. Крестный путь реформатора. М. : Молодая гвардия, 2012.
8. ГАСО. Ф. 1. ОП. 1. Д. 10 243. Л.15.

Balashov's Rebels of 1905

D. S. Alferiev

The article reveals the main stages of state activity of a Great Russian reformist P. A. Stolypin. The administrative talent of Stolypin manifested during the First Russian Revolution during the regulation of gross social conflicts in the Middle Volga provinces. "Balashov's rebels" of 1904–1906 were among the most significant ones.

Keywords: peasants, social relations in a village, labor unrest, local medicine, police, cossacks.

Социально ориентированная деятельность Симбирского земства

С. А. Андреев

В статье на основе архивных материалов и ранее неизвестных опубликованных источников проанализирована деятельность Симбирского земства по развитию института доступной медицины, призрению покинутых детей, инвалидов и пожилых граждан. Отдельно в статье рассмотрен вопрос о благотворительной помощи сельскому населению в случае неурожаев и стихийных бедствий, о работе по профилактике обнищания и создания эмеритальных касс. Проанализированы меры социальной поддержки семей нижних чинов, воевавших на фронте в период Русско-турецкой (1877–1878), Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войн.

Ключевые слова: земство, благотворительность, призрение, социальная поддержка.

В середине XIX столетия Россия переживала период модернизации во всех сферах общественной жизни. Этот процесс начался с перестройки социально-экономических отношений, в основе которой была отмена крепостного права в 1861 г. и последовавшие за ней реформы. Введение института местного самоуправления стало неотъемлемой частью преобразований. Земская реформа существенно изменила власть на местах, возник принципиально новый общественный институт, базирующийся на принципах всесословности и выборности. Страна выбрала капиталистический вектор развития, были заложены основы гражданского общества, а государственное управление России претерпело существенные изменения.

Процесс становления земских институтов свидетельствует как о росте самосознания и политической активности общества, так и о зарождении тенденций в развитии органов самоуправления как учреждений общественных, противостоящих бюрократическому аппарату монархии.

Основу правовой базы органов земского самоуправления составило «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», подписанное Александром II 1 января 1864 г. В документе подчеркивались независимость и самостоятельность земских учреждений как негосударственных органов, ведающих только местными делами. Законодательство регламентировало права и обязанности органов местного самоуправления в отношении общественного призрения как одного из проявлений благотворительности. Указанным положением данная функция для земств была отнесена к «необязательным». Исключение составляло содержание заведений, переданных из ведения приказов общественного призрения, и содержание семейств нижних чинов запаса, вдов и сирот воинов. Осуществление данной деятельности подкреплялось со стороны государства правом органов местного самоуправления принимать частные пожертвования, управлять благотворительными капиталами, помещая их в банки, а также облагать налогами имущество и доходы частных лиц, промышленные и торговые предприятия, городскую недвижимость.

Согласно Положению в 34 губерниях России было введено земское самоуправление. Земские учреждения обязаны были на местном уровне отстаивать основные жизненные интересы населения. В их компетенцию входили: заведование продовольственным делом, организация поземельного кредита, пропаганда агрономических знаний, развитие промышленности и торговли, здравоохранения, ветеринарии, строительство больниц, школ, дорог, просвещение и т. п. Одной из главнейших задач земства было оказание социальной помощи обездоленным, неимущим и не способным к труду слоям населения. Земским органам были переданы дела и учреждения бывших приказов общественного призрения, из которых главными были больницы и богадельни.

Непосредственно перед анализом мер социальной поддержки населения и благотворительной деятельности Симбирского земства хотелось бы остановиться на понятийном аппарате. Нами непосредственно будут использоваться термины «благотворительность», «филантропия», «бедность», «нищенство», «общественное призрение», «частная благотворительность», «попечение».

Под благотворительностью мы подразумеваем добровольную негосударственную деятельность, основанную на безвозмездной помощи и имеющую своей целью улучшение социального благополучия как отдельных лиц или групп, так и общества в целом. Филантропия – синоним термина благотворительность. Меры социальной поддержки прежде всего предназначались бедным, не имеющим возможности получать средства от трудовой деятельности

(детям, старикам, инвалидам). Кроме того, помощь предоставлялась другим социально незащищенным категориям населения: вдовам, безработным, пострадавшим от неурожаев и стихийных бедствий, больным, а также нищим. Нищенство рассматривается нами как крайняя степень бедности населения, живущего в отсутствии возможности иной помощи подаянием и прошением милостыни. Общественная и частная благотворительность, общественное и частное призрение понимаются как формы организации благотворительной деятельности. При этом общественное призрение объединяет деятельность сословных обществ и органов местного самоуправление, включая и земства, по оказанию помощи бедным. В понятие «частное призрение» включается работа иных благотворительных обществ (в том числе и церковно-приходских попечительств) и учреждений, а также отдельных филантропов.

Термин «призрение», получивший свое распространение в XVIII в., употреблялся на протяжении и XIX в., постепенно уступая место понятию «попечение», которое подразумевало непосредственное личное участие в оказании помощи, а не только предоставление денежного пожертвования. Таким образом, мы будем употреблять данные термины в качестве синонимов, которые обозначают непосредственное участие, заботу, присмотр в отношении адресатов благотворительности.

Одной из форм социальной помощи обездоленным слоям населения было строительство и содержание богаделен.

Вплоть до XVIII в. государство не было в состоянии взять на себя призрение всех нуждающихся. Больные и престарелые нуждающиеся содержались главным образом в богадельнях при монастырях и церквах, которые содержались на официальную десятину. В 1670 г. был учрежден Приказ для строения богаделен.

Как было отмечено выше, земским органам были переданы учреждения Приказа общественного призрения. На баланс Симбирского земства были приняты следующие богоугодные заведения: сиротский дом для девочек, который был передан Обществу христианского милосердия; сиротский дом для мальчиков (его воспитанники были определены в ремесленное училище графа Орлова-Давыдова); дом для душевнобольных; женская богадельня на 60 мест; мужская богадельня на 50 мест; аптека; Александровская больница. В больнице располагались терапевтическое, хирургическое, общее женское, мужское сифилитическое, женское сифилитическое, заразное и арестантское отделения. Женское общее отделение было многопрофильным. Здесь же размещались больные дети и роженицы. В терапевтическом отделении находились больные с кожными заболеваниями, хирургические больные, не нуждающиеся в операциях, больные с глазными и ушными заболеваниями. Хирургическое отделение имело постоянное помещение в главном корпусе, но в 60-е гг. XIX в. оно не имело операционной, и операции проводились в комнате главного врача [12, с. 244–245]. В целом губернская земская больница была устроена на 200 кроватей, но в действительности их число благодаря достаточному помещению достигало иногда 350.

Главной заботой земства стала забота об улучшении материальной обстановки как самих призреваемых, так и зданий, в которых они размещались. Так, в начале 70-х гг. XIX в. в земской больнице был проведен водопровод, проложена канализация, открыта паровая прачечная, что улучшило гигиеническую обстановку. Одновременно с этим улучшилось снабжение препаратами и инструментами [14, с. 2]. Старания Симбирского земства были оценены Министерством внутренних дел. В 1876 г. министр выразил благодарность губернскому земству за улучшение и развитие дела общественного призрения [5, с. 8–10]. В 1878 г. Симбирское губернское земское собрание приняло ряд мер по расширению губернской земской больницы. Было увеличено помещение дома умалишенных, открыты отдельные родильное, инфекционное отделения, отделение для больных, испытуемых в умственных способностях [15, с. 3–4].

Параллельно с этим изменяется практика приема больных. Если первоначально специализированного приема больных в губернской больнице не было (их принимал старший врач), то с 1880 г. вводится прием больных по специальностям, для чего в каждом отделении была выделена отдельная комната [12, с. 246].

Земская богадельня находилась на территории Александровской больницы. Она содержалась на общий капитал общественного призрения, на частные пожертвования и на получаемые призреваемыми от казны пособия и пенсии. Губернское земское собрание ежегодно выделяло на нужды богадельни до 10 тыс. руб. В богадельню принимались увечные, престарелые и не имеющие пропитания лица всех сословий и вероисповедания. Не принимались только лица, приписанные к сельским и городским обществам. Богадельня была разделена на женское и мужское отделения. Перед поступлением врач земской больницы проверял состояние каждого нуждающегося, а через полицию узнавали, действительно ли они не имеют родственников и средств пропитания. Частные лица и учреждения за содержание в богадельне призреваемого платили полную стоимость. С призреваемых, которые получали от государства пенсию выше, чем сто-

имость содержания, тоже взималась действительная стоимость содержания. С тех, кто получал пенсию меньшего размера, стоимость содержания удерживалась сполна. Остальные лица содержались бесплатно. Всех призреваемых бесплатно одевали, кормили и лечили.

В 80-е гг. XIX в. земцы поднимают вопрос о призрении лиц крестьянского сословия, так как, согласно уставу Приказа общественного призрения, в земскую богадельню крестьяне не принимались. Помощь крестьянам оставалась обязанностью сельских обществ. Беспомощные, неспособные к труду лица были «лишним ртом» для родственников и сельских обществ. Для них требовались не только материальные затраты, но и особенный уход.

В течение 80-х гг. XIX в. наиболее острым оставался вопрос о содержании душевнобольных в губернской земской больнице. Особого помещения не было, а количество подобных пациентов постоянно увеличивалось. Если в 1868 г. их было 37, то в 1888 г. – уже 140. К тому же в больнице отсутствовали специальные приспособленные изолированные комнаты. Поэтому «буйные» и «спокойные» пациенты нередко содержались вместе [13, с. 42]. В этих условиях руководство губернской больницы обратилось к земству за помощью в устройстве дома умалишенных.

В 1890 г. губернское земское собрание приняло решение об устройстве колонии душевнобольных. На данное мероприятие предлагалось использовать так называемый карамзинский капитал в 125 тыс. руб., завещанный Симбирскому губернскому земству сенатором В. Н. Карамзиным. Гласными был принят проект устройства колонии, по которому ее предлагалось построить за городом. Это, по мнению врачей, должно было способствовать выздоровлению и общему хорошему состоянию подопечных. Для колонии губернской управой было выбрано место в 11 верстах от города. Недалеко располагалась Волга, вокруг – лес. Участок был куплен губернским земством в 1890 г. за 31 846 руб., в этом же году начались строительные работы [14, с. 13–14].

В середине XIX в. самым распространенным заболеванием в Симбирской губернии был сифилис [16, с. 184]. В этих условиях губернское земство взяло на себя расходы по содержанию и лечению сифилитиков в уездных больницах, способствовало созданию сифилитических отделений на всех врачебных участках [14, с. 5–7]. Эти мероприятия санитарного и лечебного характера снизили в губернии распространение заболевания бытовым способом.

Большую работу Симбирское земство проводило в плане организации призрения покинутых детей. В первые годы существования земских учреждений журналы земских собраний практически не содержали никакой информации о мероприятиях органов самоуправления в области призрения подкинутых детей, и только ежегодные денежные отчеты свидетельствовали о том, что на их попечение тратились некоторые, в большинстве случаев ничтожные, суммы. Начиная с 80-х гг. XIX в. ситуация изменяется. Земские деятели, врачи обращаются к проблеме подкидышей, обустраиваются приюты, улучшаются их содержание и медицинское обслуживание, что сокращает смертность детей. С 90-х гг. XIX в. во главе управления приютами ставятся врачи, организуются патронажи и производятся опыты по технике содержания детей. В этот период заметен рост земских смет на призрение при многочисленных ходатайствах перед правительством о выдаче безвозвратных субсидий. Как правило, в приютах дети содержались до определенного возраста, а затем отдавались земствами в деревенские семьи, с выделением последним специального пособия [18, с. 4–5].

В Симбирской губернии более других видов призрения был распространен именно патронаж – передача брошенных детей в крестьянские семьи. Таким семьям земство выплачивало вознаграждение до достижения ребенком определенного возраста [1, с. 148]. Вместе с тем воспитание детей не ограничивалось лишь подобного рода патронажем. Безнадзорность детей, имеющих родителей, которые в силу определенных забот вынуждены были оставлять их в одиночестве, вызвала к жизни такие формы попечения, как «бесплатные колыбельни» и ясли.

Особую актуальность эти меры приобретали в голодные годы. Во время голода 1906–1907 гг. в числе мер, выработанных Симбирским земством и направленных на ликвидацию последствий засухи, были организация школьно-детских столовых, яслей и молочно-питательных пунктов, оказание врачебно-санитарной помощи. Деятельность земского самоуправления распространялась более чем на 1 тыс. селений, на благотворительные нужды было изыскано более 500 тыс. руб. На территории губернии земствами было открыто более 700 школьных столовых с общим числом едоков около 70 тыс. человек, общих столовых было организовано 111 с числом едоков около 12 тыс. человек; были открыты 81 ясли и 169 молочно-питательных пунктов.

Меры социальной поддержки населения земствами оказывались и в области народного образования.

Основной формой содействия развитию образования было субсидирование различных учебных заведений губернии из земских средств. Например, ежегодную финансовую помощь получали Симбирская военная гимназия

в размере 12 тыс. руб. и Алатырская прогимназия в размере 950 руб. [3, с. 6–7].

Второй формой земской деятельности по развитию образования явилось учреждение собственных учебных заведений. Так, например, в 1901 г. Симбирское губернское земское собрание принимает решение об ассигновании пособий на открытие в городе Карсуне женской прогимназии, а в 1908 г. подобное заведение было открыто в Сенгилее [19, с. 122–123].

Третьей формой стала выдача разного рода стипендий в учебных заведениях. Необходимость подготовки медицинского персонала заставила губернское земство ввести стипендии в специальных учебных заведениях: в медицинской академии их получали 8 человек, в Казанском институте на ветеринарном факультете – 2 человека, на фельдшерском – 4. Одновременно с этим при губернской больнице была открыта фельдшерская школа, содержавшаяся за счет Симбирского губернского земства, до 1875 г. в ней также обучались земские стипендиаты [8, с. 12–16]. Институт стипендиатов распространялся в это время на учительскую семинарию и чувашскую учительскую школу [9, с. 6]. Благодаря именно земским учительским стипендиям в губернии удалось повысить качество подготовки преподавательского состава и увеличить количество учителей со специальным и средним образованием.

Важнейшей задачей уездных и губернских земств была организация благотворительной помощи сельскому населению в случае неурожаев и стихийных бедствий.

В 1890–1891 гг. в Поволжье разразился тяжелый голод. В связи с этим Симбирское земство организовало благотворительную помощь населению губернии. Для обеспечения социального благополучия в уездах земством открывались волостные попечительства, в задачу которых входило открытие пекарен, столовых, а также врачебных пунктов, обслуживаемых земским медицинским персоналом.

Согласно статистическим данным, земствами за этот период было организовано более 300 пекарен, открыто 17 столовых, занимавшихся бесплатной раздачей питания. За все время было выдано 5 370 840 обеденных порций. Число едоков колебалось от 34 587 до 48 696 человек в месяц. Было израсходовано на оказание благотворительной помощи муки, мяса, сушеных овощей, картофеля и других продуктов на сумму свыше 400 тыс. руб. [7, с. 17–28].

Одновременно с этим была организована выдача ссуд на продовольствие из запасных хлебных магазинов за счет общеимперского продовольственного капитала и из натуральных общественных продовольственных магазинов. На эти цели Симбирским губернским земством было потрачено собственных средств в размере 120 тыс. руб. и привлечено 600 тыс. руб. из общеимперского продовольственного капитала [4, с. 11–12].

В условиях крайнего дефицита муки земские органы самоуправления делегировали своих представителей в губернии, не пострадавшие от засухи, с целью закупки необходимого количества съестных припасов. Приобретенные мука и зерно продавались на местных ярмарках по заготовительной цене, что отвечало интересам неимущих слоев населения.

Земства стали инициаторами проведения в голодные годы общественных работ. В 1890–1891 гг. на их проведение Симбирской губернии было ассигновано 442 тыс. руб. [10, с. 166] – наибольшая сумма по губерниям Поволжья (например, Пензенская получила только 160 тыс., а Самарская – 162 тыс.) [21, с. 156]. За этот период крестьянами губернии в виде общественных работ было перевезено в попечительства 761 934 пуда ржи и муки, отпущенной на благотворительную помощь и на продажу из складочных пунктов, за что было уплачено населению 29 711 руб. За перевозку уплачивалось до 2 копеек с пуда за каждые 10 верст дороги. Особенно активно в общественные работы включились крестьяне Симбирского и Сызранского уездов, в которых функционировали крупные волжские пристани. Одновременно с этим земством были организованы общественные работы при проведении железной дороги на участке Симбирск-Алатырь и на строительстве особых зернохранилищ [14, с. 212].

Вместе с тем работу земств в направлении ликвидации последствий неурожая серьезно осложняли различные факторы. Уездные управы были вынуждены пользоваться устаревшим продовольственным уставом эпохи Николая I, не учитывавшим реально сложившейся практики. В общем и целом без помощи властных структур земства оказались неспособны к ведению операций с широким размахом [17, с. 32–34]. К активным общественным работам земства вернулись после 1900 г., когда по новому законодательству из их ведения было изъято продовольственное дело и остались лишь «мероприятия, касающиеся поддержки экономического состояния населения» [14, с. 208].

Тем не менее в неурожай 1911 г. Симбирское земство вновь стало организатором комплекса мер по организации помощи населению. Были организованы общественные работы, продажа хлеба по заготовительной цене, выдача ссуд для врачебно-питательной помощи и на прокорм скота. На осуществление данных мер земством губернии было закуплено 1 693 027 пудов хлеба на сумму 1 877 533 руб. 93 коп. [14, с. 213].

В конце XIX – начале XX вв. Симбирское земство вело большую работу по профилактике обнищания. С этой целью были созданы ссудно-благотворительные капиталы, эмеритальные кассы. Их средства направлялись на поддержку переселенцев, на ремонт и постройку квартир, домов. Эмеритальная касса выплачивала пенсии земским служащим (со сроком выслуги не менее 15 лет), а также в случае смерти служащего оказывала материальную помощь его семье, детям. Отличие земских эмеритальных касс от государственных состояло в том, что право на получении пенсионного содержания получали после смети служащего не только дети и супруга, но и родители, если он был холост и было доказано, что родители существовали на средства умершего. Вдовцы пенсионерок, не способные к труду, также получали пенсию. В случае увечья или тяжкой болезни, лишающих возможности работать, пенсия выдавалась и ранее срока выслуги. В 1890 г. общероссийский земский пенсионный капитал равнялся 401 474 руб., эмеритальный – 1 480 993 руб.

Меры социальной поддержки воинов и их семей также были одной из прерогатив земской деятельности.

В период Русско-турецкой (1877–1878), Русско-японской и Первой мировой войн земские учреждения активно помогали армии и флоту, семьям нижних чинов, воевавших на фронте. Так, Симбирское губернское земство приняло активное участие в мероприятиях «по поддержке русского оружия» в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. На экстренном губернском земском собрании гласные приняли решение об увеличении числа кроватей в губернской больнице для поступающих раненых. Это начинание Симбирского земства было поддержано министром внутренних дел. Для устройства госпитальных помещений было выделено из местного бюджета 50 тыс. руб., из которых 36 тыс. руб. направились на содержание 160 больничных коек, оставшаяся сумма была направлена в уезды для оказания немедленной медицинской помощи нуждающимся [6, с. 1–28].

Также на земства было возложено обязательное по закону оказание помощи семьям запасных нижних чинов, призванных на действительную службу. Управы должны были определить степень нужды, а также размер и вид пособия для лиц, чьи ближайшие родственники были призваны на войну. К кругу таких людей принадлежали престарелые лица, матери, сестры и братья, бывшие на попечении нижних чинов, а также раненые, прибывшие с театра военных действий. Министерство внутренних дел нередко выражало обеспокоенность тем, что выдача денежных пособий производится без обследования действительного материального положения, и призывало губернатора принять меры «к устранению допускаемых органами земского и городского самоуправления отступлений от законного порядка». Однако все расходы губернской управы по выплатам осуществлялись согласно утвержденным заранее спискам и за счет специальных капиталов. К началу Первой мировой войны земства накопили достаточный опыт действий в подобных условиях, но законом 25 июня 1912 г. забота о семьях нижних чинов была снята с земств, и организация этой формы помощи передана казенным палатам, земским начальникам и волостным попечительствам.

Начало Первой мировой войны побудило Московское земство приступить к объединению всей земской деятельности в России. 25 июля 1914 г. Московское губернское земское собрание решило предложить всем губернским земствам образовать общероссийскую организацию и выделило на эти нужды 500 тыс. руб. Правительство обусловило создание такого объединения требованием, чтобы его деятельность не выходила за рамки медицинской и благотворительной помощи действующей армии. 30 июля состоялся Всероссийский земский съезд, на котором был образован Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам.

К 10 августа состоялись земские сессии в 38 губерниях. Губернские земские собрания образовали губернские комитеты помощи больным и раненым воинам. Всего во Всероссийский земский союз вступило 40 губернских земств. Отказалась присоединиться к деятельности общеземского объединения только Курская губерния.

Всероссийский земский союз имел четкую вертикаль управления: Главный комитет – губернский комитет (губернское земство) – уездный комитет (уездное земство). При центральных и местных органах союза сложился огромный и разветвленный аппарат управления, состоявший из десятков отделов и управлений. По мере расширения функций Земского союза росла численность штата его сотрудников. Впоследствии были созданы также фронтовые комитеты.

Первые успехи не заставили себя ждать. К 1 сентября 1914 г. Земский союз обеспечил устройство госпиталей и лазаретов на 60 тыс. коек, к концу 1914 г. – на 155 тыс., а к концу 1915 г. – на 173 тыс. Главный комитет Земского союза ведал также созданием санитарных поездов для перевозки раненых. К середине октября 1914 г. уже имелось 35 таких поездов, к 1 января 1915 г. – 40. Набор и подготовка медицинского персонала, обеспечение лечебных учреждений медикаментами также изначально входили в сферу деятельности Земского сою-

за. Врачей не хватало. Медики, поступавшие на службу Союза, не пользовались освобождением от призыва на военную службу. За первые пять месяцев войны из 1660 врачей, подавших заявления о приеме на работу в Союз, удалось принять лишь 298. Чтобы помочь земцам решить проблему, правительство санкционировало досрочный выпуск специалистов медицинских факультетов университетов. Для пополнения среднего медицинского персонала земские управы открывали курсы сестер и братьев милосердия. Медикаменты поначалу закупались Союзом за границей. Но затем в Москве был открыт фармацевтический завод, ежегодно производивший продукцию стоимостью более 1 млн руб. Для больных закупались белье и теплая одежда. Финансы Земского союза складывались из взносов местных обществ, пожертвований и субсидий правительства. К концу 1915 г. они составляли 152 млн руб. Наличие таких средств позволяло Главному комитету Союза брать на свое содержание медицинские и прочие учреждения тех земств, которые были не в состоянии их содержать.

Сами земства вели большую работу по обеспечению денежными пособиями семей воинов, по уходу за ранеными и увечными. Земские управы снабжали действующую армию подарками по случаю праздников – Рождества, Пасхи и др. Наконец, земства занимались делами непосредственного укомплектования действующей армии. В 1914–1915 гг. при их содействии на фронт были отправлены «дружины» из Саратовской, Петроградской, Ставропольской, Тульской и других губерний. С фронта, от генералов и офицеров, в адрес земских учреждений и Земского союза поступали благодарности за присылку одежды, теплых вещей и др. Ведя заготовку необходимых вещей для армии, земства активно сотрудничали с местными кооперативами.

Полномочия Земского союза постепенно расширялись. Правительство передало в ведение Союза снабжение продовольствием и медикаментами самого фронта. Главный комитет Союза первым делом принял решение о формировании и отправке на фронт врачебно-питательных отрядов. На фронте открывались полевые госпитали, действовали банно-прачечные отряды, починочные мастерские, всевозможные склады, пекарни и др. К концу 1915 г. на фронте насчитывалось около 2,5 тыс. различных заведений, устроенных Земским союзом: на Западном фронте – 931, на Юго-Западном – 1239, на Северном – 176, на Кавказском – 214. В 1915–1916 гг. фронтовые госпитали Земского союза обеспечили прием свыше 320 тыс. раненых. По линиям следования поездов с ранеными вглубь России открывались питательные и перевязочные пункты. С 1915 г. Земский союз занялся организацией мелкой промышленности и мастерских по производству обозного снаряжения и инженерно-строительных средств [2, с. 126–127].

На территории Симбирской губернии земские комитеты активно участвовали в организации военных поставок. Они организовывали деятельность артелей портных и сапожников, снабжали их сырьем и первоначальными средствами для покупки оборудования. В Карсунском уезде Симбирским губернским земством была созвана специальная комиссия по военным поставкам, при содействии которой было заготовлено 26 437 пар солдатских сапог. Уже с 1915 г. губернская управа начала регулярные поставки необходимых для фронта предметов и продуктов [20, с. 138]. В 1916–1917 гг. Государственный банк выдал Симбирской губернской земской управе на организацию военных поставок кредит в 279 700 руб. Кредитные товарищества по договоренности с уездными управами закупали хлеб, рогожу и мочало для армии, занимались заготовлением сукна, лаптей, сапог, валенок [11, с. 45]. Организация хлебозаготовок – еще одно направление деятельности органов местного самоуправления во время Первой мировой войны. Их объем с 1914 по 1917 гг. вырос со 150 пудов до 150 тыс. пудов, т. е. в тысячу раз. Весь заготовленный хлеб отправлялся на нужды российской армии посредством специализированных поездов.

Таким образом, меры социальной поддержки населения, предоставляемые земством, включали в себя: призрение детей и взрослых в специальных заведениях, денежную помощь нуждающимся, помощь вещами, продуктами, выдачу стипендий. При этом средства на общественное призрение составляли небольшую статью земского бюджета (не более 2%) в связи с тем, что заботу о благосостоянии местного населения земства осуществляли через иные виды деятельности: развитие хозяйства, народного образования, медицинской помощи. Сосредоточив основное внимание на развитии медицинской помощи, земства способствовали сокращению расходов других благотворительных организаций на эти цели. Помимо этого деятельность земского самоуправления способствовала формированию гражданского самосознания.

1. *Абрамов В. Ф.* Российское земство: экономика, финансы, культура. М., 1996.
2. *Воронин В. Е.* Земство в годы Первой мировой войны и революций 1917 года // Военный журн. 2009. № 2. С. 120–127.
3. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 52.
4. ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 66.

5. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 84.
6. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 117.
7. ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 126.
8. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 191.
9. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 718.
10. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 983.
11. ГАУО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1330.
12. *Евдокимов П. П.* Здравоохранение Симбирской губернии в 70–80 гг. XIX века // Краеведческие зап. 1971. Вып. 3. С. 240–260.
13. Медицинский отчет Симбирской губернской земской больницы за 1888 год. Симбирск : тип. П. В. Мураховского, 1889.
14. Симбирское губернское земство. Юбилейный сборник 1864–1914. Симбирск, 1914.
15. Симбирская земская газета. 17 декабря 1878. № 118.
16. Систематический сборник постановлений Симбирского губернского земского собрания (1883–1888). Симбирск, 1889.
17. Общественная помощь голодающим. Отчет Самарского комитета помощи голодающим за время деятельности в 1906–1907 гг. Самара, 1908.
18. *Ошанин М. А.* О призрении покинутых детей. СПб., 1913.
19. *Ростова Т. А.* Роль Симбирского земства в развитии народного образования Симбирской губернии в начале XX века // Краеведческие зап. Итоги 2002 года. Ульяновск, 2004. С. 120–126.
20. *Ростова Т. А.* Кредитно-финансовая деятельность земских учреждений Симбирской губернии в 1910–1917 гг. // Отечественная история. 2008. № 1. С. 130–138.
21. *Федулова А. В.* Социальная помощь голодающему населению во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Симбирской губернии) // Материалы Третьей науч. конф., посвященной ученому и краеведу С. Л. Сытину. Ульяновск, 2006. С. 156–165.

Social-oriented activity of Simbirsk Zemstvo

S. A. Andereev

Using the archival materials the author analyses the activity of Simbirsk Zemstvo on development of the institute of public medicine, care of abandoned children, disabled persons and senior citizens. The particular attention is given to the problem of charity towards rural population in case of crop failure and natural disasters and towards the protective treatment against impoverishment and funds for pensioners. The author considers the social support measures for lower ranks families during Russian-Turkish (1877–1878), Russian-Japanese (1904–1905) wars and World War I.

Keywords: Zemstvo, charity, care, social support.

Основные методы изучения боевого опыта и использование его в процессе подготовки командных кадров войск связи во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

И. Н. Будылина

Статья посвящена методике изучения боевого опыта в военных учебных заведениях связи в процессе профессиональной подготовки командных кадров. На конкретных примерах показан процесс совершенствования практической подготовки переменного состава. Подробно описаны основные методы изучения боевого опыта и использования его в практике обучения и воспитания курсантов и слушателей.

Ключевые слова: командные кадры, войска связи, Великая Отечественная война, боевой опыт, система боевой подготовки, практика, командирская подготовка, стажировка.

Одним из основных показателей состояния командных кадров войск связи в период Великой Отечественной войны являлось наличие боевого опыта. Профессиональная компетентность военнослужащего представляла собой единство теоретической и практической готовности к осуществлению профессиональной деятельности, являлась результатом функционирования системы профессионального становления военных кадров, которая, в свою очередь, состояла из системы военного образования и системы боевой подготовки.

Как было подчеркнуто в выступлении генерал-майора войск связи Т. П. Каргополова[1] 28 сентября 1942 г., «командир должен практически овладеть своей специальностью, быть мастером, постоянно и настойчиво изучать и использовать опыт боевой работы. Должны быть развиты инициатива, организованность, упорство. Если в мирное время командир по окончании училища шел в часть и доучивался в спокойной обстановке, набирался практического опыта у старших товарищей, то во время войны такой способ доучивания в большинстве случаев невозможен…» [1].

В ходе профессиональной (теоретической) подготовки огромное внимание уделялось изучению опыта войны. Как писала в марте 1942 г. газета «Красная Звезда», «…нельзя новым частям, прибывающим на фронт, ссылаться на неопытность, необстрелянность, непривычность» [2].

Приказом начальника Главного управления связи от 6 октября 1942 г. № 0166 были определены основные требования фронта к военным училищам связи, разработан план конкретных мероприятий по улучшению практической подготовки курсантов. В приказе отмечалось, что «курсанты военных училищ обладают недостаточной практической подготовкой, не приучены работать в сложных условиях современного боя» [3].

Основные недочеты в боевой и политической подготовке были отмечены в актах по итогам инспектирования училищ связи в 1941–1942 гг. К общим недочетам в организации и проведении занятий относилось увлечение части преподавателей, особенно технических дисциплин, излишне углубленным изучением теоретических основ в ущерб практическому изучению и эксплуатации материальной части. Как было отражено в акте, подготовленном по итогам инспектирования Ленинградского военного училища связи в январе 1942 г., «по электротехнике изучаются векторные диаграммы тока, а курсанты не имеют нужных знаний по устройству и эксплуатации аккумуляторов; по радиотехнике углубленно производится изучение физических процессов, происходящих в контурах и цепях радиосхем, а курсанты не имеют необходимых навыков по подготовке радиостанции к работе, настройке ее на заданную волну» [4].

Недостаточно была проработана методика преподавания. На занятиях, как правило, опрашивался один курсант. Остальные курсанты оставались безучастными. По этой причине у курсантов не развивалась быстрота мышления в принятии решений. В процессе обучения слабо прививался командный и техниче-

[1] Каргополов Тихон Павлович (1.09.1896–8.02.1972). Военачальник, генерал-лейтенант войск связи (2.11.1944). С августа 1941 г. — начальник связи Северо-Западного направления. В феврале 1942 г. назначен начальником Управления связи Волховского фронта. С июня 1942 г. — начальник Управления боевой подготовки ГУСКА. См.: [сайт]. URL : http://russian-dossier.ru.

ский язык, вследствие чего выпускаемые лейтенанты не могли в своем большинстве твердо отдать приказание по связи или обосновать принятое решение по обеспечению боя техническими средствами.

Для устранения этих недостатков, в целях выполнения требований приказа НКО № 0166 – 1942 г. в каждом военно-учебном заведении связи был разработан план конкретных мероприятий по улучшению практической подготовки переменного состава. В итоге в новых учебных планах и программах на военную и специальную подготовку было предусмотрено не менее 50 % учебного времени. Большое внимание было уделено правильному сочетанию теоретической подготовки слушателей и курсантов с привитием им практических навыков в боевом применении техники связи (как отечественной, так и трофейной и иностранной). С целью повышения полевой выучки значительно увеличилось количество часов на проведение занятий в поле со средствами связи.

При Военной электротехнической академии связи «для привития слушателям академии практических навыков по эксплуатации радио и проводных средств связи» был оборудован учебный полигон [5]. Во время занятий на полигоне было организовано круглосуточное дежурство личного состава и созданы условия, соответствовавшие работе в действительной боевой обстановке.

В учебную программу кафедры тактики и службы связи академии была включена новая тематика: по боевым действиям и организации связи в маневренной войне, при окружении, при взаимодействии с флотом, авиадесантом и моторизованными частями. Больше внимания было уделено вопросам радиосвязи, подвижных средств связи, секретному управлению войсками. В учебную программу было включено решение повторно-тренировочных задач в сложных условиях боевой обстановки с малым количеством средств связи.

С целью улучшения процесса боевой подготовки слушателей академии на кафедре «Военные радиостанции» были проведены следующие мероприятия: введен курсовой проект по военным радиостанциям; оборудованы специальные классы по приему на слух, для чего было приобретено около ста звуковых генераторов; значительно усилены в обучении практические элементы. Преподавателями кафедры на основе военного опыта был подготовлен к печати ряд статей: по вопросу распространения радиоволн и дальности действия радиостанций; о радиопомехах и борьбе с ними; по вопросу работы антенных устройств в различных условиях боевого использования раций; по вопросу ремонта военных раций и др.

Целый ряд мероприятий по совершенствованию учебного процесса был проведен в военных училищах связи. Силами преподавателей были капитально переоборудованы учебные классы и лаборатории, разработана система обучения курсантов в учебных мастерских. В Воронежском военном училище связи был оборудован полигон действующих средств связи на базе командных пунктов стрелковой дивизии, стрелкового полка, стрелкового батальона.

Во всех военно-учебных заведениях связи были разработаны основные методы изучения боевого опыта и использования его в практике подготовки и воспитания переменного состава. Рассмотрим эти методы более подробно.

Военно-технические полевые занятия. Основным содержанием подобных занятий являлись привитие навыков эксплуатации военной аппаратуры в полевых условиях и тренировка в выполнении функций служебного предназначения. Занятия проводились в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке действующего фронта. В программу полевых занятий входило обнаружение и исправление простейших неисправностей, замена одних средств связи другими и т. п. «Военно-технические полевые занятия являлись проверкой программы и преподавателей, в том смысле, насколько они удовлетворяли правилу – учить тому, что требуется на войне» [6].

В целом ряде военных училищ связи для привития курсантам командирских и инструкторско-методических навыков преподаватели не ограничивались занятиями в поле с одной учебной группой. Проводились ротные и училищные выходы – побатальонно, со средствами связи и сроком на сутки-двое. На выходах, на определенном тактическом фоне, на реальной местности отрабатывались задачи по службе связи в комплексе с тактикой, инженерным делом и линейным делом. При этом ротные выходы поручалось разрабатывать учебной части батальона и проводить под руководством командира батальона, общеучилищные выходы батальонов разрабатывались учебным отделом и проводились под руководством командования училища [7].

Метод показных занятий. В классных занятиях, кроме лекций по основам и принципам организации связи, преобладал метод показных занятий. Преподаватель демонстрировал курсантам методику работы начальника связи, методы организации связи и их зависимость от обстановки. При помощи коротких вводных менялись некоторые элементы тактической обстановки, тем самым курсант находился в роли начальника связи, командира радиовзвода или в роли начальника радиостанции – в условиях, требовавших принятия какого-либо решения. Такая динамичность в занятиях за-

ставляла курсанта – будущего командира понимать место и роль связи в бою, приучала к самостоятельной оценке обстановки и принятию решений [8].

На протяжении всего периода Великой Отечественной войны в ходе боевых действий войска совершенствовали свое боевое мастерство и находили новые тактические приемы боя. Перед военно-учебными заведениями стояла задача внимательно следить за этим и быстро использовать опыт войны в боевой подготовке.

По инициативе руководства Генерального штаба Красной армии была создана стройная система организаций, занимавшихся изучением опыта войны и внедрением его в практику обучения командных кадров. В 1942 г. в Генеральном штабе РККА был образован самостоятельный отдел по изучению и использованию опыта войны, впоследствии преобразованный, согласно приказу НКО СССР от 8.03.1944 г. № 059, в соответствующее управление. Данное подразделение систематически проводило совещания, на которых обсуждались как положительные стороны, так и имевшиеся в этой области недостатки.

Аналогичный отдел по изучению опыта войны был образован в Главном управлении связи Красной армии. Отдел осуществлял сбор, обобщение и изучение материалов, отражавших практику боевых действий войск связи, использование техники и аппаратуры связи, совершенствование способов ее организации. В обязанности личного состава отдела входило доведение до войск, учреждений и военных учебных заведений войск связи передовых методов и способов организации связи, примеров героизма и мужества воинов-связистов.

Вопросы изучения и использования опыта войны в войсках и штабах Красной армии были подробно освещены в приказе народного комиссара обороны СССР от 11 декабря 1943 г. № 0443. В приказе отмечалось, что «...войска Красной армии в результате использования накопленного боевого опыта повысили искусство ведения боя. Командиры всех степеней и офицеры, непосредственно ведущие в штабах фронтов, армий, родов войск работу по изучению опыта войны, значительно развили восприимчивость к новым явлениям в военном деле, научились своевременно вскрывать и творчески претворять в действиях войск и в руководстве боем полученный боевой опыт...» [9].

Вместе с тем были отмечены и недостатки в изучении и использовании опыта войны. Одним из важнейших недостатков являлось отсутствие тесного делового взаимодействия групп, изучавших опыт войны, с отделами боевой подготовки, а также с офицерами родов войск, которые вели эту работу в системе полевых управлений фронтов и армий. Как отмечалось в приказе, «непосредственное преломление полученного боевого опыта в подготовке пополнений и кадров офицерского состава запаздывает, а итоговые материалы штабов родов войск не всегда бывают согласованы по части оперативной обстановки и выводов» [10].

Главному управлению связи было поручено в целях улучшения изучения опыта войны и внедрения его в систему обучения и воспитания курсантов и слушателей издание «Информационного бюллетеня» с освещением в нем наиболее актуальных вопросов связи. Было дано указание обобщить и отразить в бюллетене все положительные и отрицательные факты боевой деятельности войск связи на опыте первых двух периодов войны.

Соответствующие указания ГУСКА о сборе и обобщении фактов организации связи в период ведения боевых действий были направлены в войска. Так, 13 июля 1944 г. в адрес начальника связи 3-й армии 1-го Белорусского фронта поступили указания начальника 2-го Управления Главного управления связи Красной армии (исх. № 1 077 195) о представлении в ГУСКА описания организации и работы связи. В документе были подробно расписаны требования к содержанию будущего материала. В представленном отчете начальником связи 3-й армии 1-го Белорусского фронта был проанализирован опыт боевой организации связи в Белорусской стратегической наступательной операции, проведенной в июне-августе 1944 г., подробно описана организация непрерывной связи при преследовании противника, опыт организации разведки в интересах связи при форсировании водных преград, а также опыт обеспечения твердого, гибкого и непрерывного управления войсками при захвате и удержании плацдармов [11].

Главным управлением связи составлялись краткие сводки обобщенного опыта работы войск связи в период боевых действий, с разбором выявленных недостатков, изложением требований, предъявляемых к связистам в экстремальных условиях военного времени. В каждой такой сводке было несколько подразделов: «О противнике», «Проводная связь штаба армии (фронта)», «Организация радиосвязи», «Связь в подразделениях».

Простой и доступной формой доведения боевого опыта были информационные листки, издаваемые управлениями связи фронтов. В них освещались вопросы боевого применения подразделений связи тактического звена, кратко излагались новые приемы и способы организации связи и использования техники связи, давались рекомендации по преодолению имевшихся трудностей и недостатков.

Главное политическое управление Красной армии, военные советы фронтов и армий оказывали помощь ГУСКА и управлениям связи фронтов в издании массовым тиражом листовок, памяток, инструкций и брошюр под рубрикой «В помощь командиру-связисту». В них содержались практические рекомендации по действиям в конкретных условиях боевой обстановки.

Лучшему внедрению опыта войны в процесс обучения переменного состава способствовало включение в июне 1944 г. в учебные программы военно-учебных заведений дополнительной дисциплины: «История войск связи и службы связи». В военной электротехнической академии связи была образована кафедра военной истории, а на всех факультетах введена дисциплина «Военная история». На кафедре службы связи академии в программу подготовки слушателей был включен целый ряд тем по истории войск связи и службы связи в объеме 20 часов. Всего на изучение военной истории и истории войск связи отводилось 220 часов. Программа по военной истории разрабатывалась Главным политическим управлением Красной армии и высылалась всем высшим военным учебным заведениям. Для военных училищ связи академия разрабатывала конспекты лекций по истории войск связи и службы связи на 10 часов (дополнительно к темам общей военной истории).

В каждом военно-учебном заведении, согласно утвержденным планам по изучению опыта Великой Отечественной войны, для командного и переменного состава были подготовлены и прочитаны доклады, лекции, проведены беседы. Опыт Великой Отечественной войны находил отражение в уставах, наставлениях и руководствах. В годы войны ГУСКА издало целый ряд руководств и наставлений, в разработке которых приняли участие офицеры и генералы центральных управлений, штабов видов Вооруженных сил, управлений связи фронтов и армий, вузов связи. Так, в 1944 г. войска связи получили «Наставление по службе связи», «Наставление по радиослужбе», «Наставление по телеграфной службе», «Наставление по постоянным линиям связи» (в трех частях), «Наставление по полевым линиям связи». Ценным пособием стал учебник «Радиотехника», изданный Воениздатом в 1944 г. Автором учебника являлся известный ученый в области радиосвязи, генерал-майор инженерно-технической службы Н. М. Изюмов.

Боевой опыт наглядно демонстрировался с помощью специально созданной фильмотеки. Согласно указаниям начальника Управления ВУЗ ГУК НКО от 7 июля 1944 г. № 2/11/1007, начальникам училищ и курсов было приказано организовать изучение кинофильма «Немецкая оборона и ее преодоление». В соответствии с методическими указаниями по использованию в вузах указанного фильма по окончании его показа необходимо было в ходе обсуждения затронуть и те вопросы, которые не были освещены в фильме, но требовали обязательного пояснения, ознакомить курсантов и слушателей с новыми известными приемами сопротивления врага и приемами обороны, сославшись на новейшие материалы из опыта Отечественной войны [12].

В годы войны ГУСКА уделяло внимание не только совершенствованию процесса обучения переменного состава, но и повышению боевого мастерства постоянного командно-начальствующего и преподавательского состава военных учебных заведений связи. Важное место отводилось командирской подготовке, которая считалась ведущей формой совершенствования военных и специальных знаний.

Основной задачей командирской подготовки являлось совершенствование квалификации командного и начальствующего состава по занимаемым должностям. Особое внимание было обращено на изучение вопросов управления войсками, организации и обеспечения связи в сложных боевых условиях, применения и наиболее эффективного использования техники.

Командирская подготовка охватывала 100 % офицерского состава, занятия по ней проводились регулярно и преимущественно в полевых условиях. Особенностью командирской подготовки являлось то, что она организовывалась и проводилась не только на основе опыта войны, но и с учетом планируемых боевых действий в предстоящих операциях.

Командирская подготовка офицеров войск связи осуществлялась на основе «Инструктивных указаний ГУСКА по вопросам организации, проведения и контроля за ходом боевой подготовки в частях связи», которые высылались в войска на каждый период обучения, а также «Программ тактико-специальной и технической подготовки офицерского состава Красной армии», изданных в 1944 г. Серьезное внимание уделялось изучению уставов, наставлений, инструкций, в которых наиболее полно был сконцентрирован обобщенный опыт войны.

Офицеры войск связи изучали не только тактику войск связи, но и тактику, оперативное искусство тех родов войск, управление которыми они должны были обеспечить. Значительная часть времени отводилась изучению тактики противника, особенно организации радиоразведки и радиопомех, подслушивания переговоров, методов радиомаскировки.

Формы и методы организации занятий зависели от конкретной сложившейся боевой

обстановки и задач, которые предстояло решать войскам. В период подготовки к крупным наступательным операциям широко применялись сборы офицеров-связистов различных звеньев управления. Например, в мае 1944 г. были проведены двухдневные сборы в армиях 2-го Украинского фронта. В основу сборов была положена практическая работа во фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных сетях с целью достижения слаженности и обеспечения бесперебойной связи при перемещении пунктов управления.

В целях более глубокого внедрения опыта войны в боевую подготовку слушателей и курсантов в третьем периоде войны постоянный состав академии и училищ связи не только изучал опыт войны в системе командирской подготовки, но и проходил стажировку в действующей армии. Перед убытием в войска курсанты и слушатели получали четкие указания, на какие вопросы обратить внимание, в какой очередности и какими способами выполнить поставленные задачи. Материал, полученный во время стажировки в войсках, использовался в дальнейшем при проведении научно-исследовательской и воспитательной работы. Как правило, войсковая стажировка проводилась в частях связи, а производственная практика – во фронтовых или армейских мастерских.

В итоге в 1944 учебном году войсковую стажировку на фронте прошли более 500 курсантов и слушателей военных учебных заведений связи. Это обеспечило закрепление теоретических знаний на практике, позволило слушателям и курсантам критически оценить свою подготовку и готовность руководить подразделениями в условиях боевой обстановки.

Повышение уровня подготовки офицерского состава в большинстве военно-учебных заведений связи было отмечено в приказе Главного управления связи от 19 мая 1944 г. № 041 «Об итогах работы военно-учебных заведений связи Красной армии за период май 1943 г. – май 1944 г. и задачах на 1944–1945 гг.». Было подчеркнуто, что «подготовка офицерского состава в большинстве военно-учебных заведений связи улучшилась… среди выпускников повысилось количество отличников, значительно выросло число классных специалистов при общем повышении офицерских знаний по общевойсковым и специальным дисциплинам» [13].

Таким образом, подготовка командных кадров войск связи на боевом опыте, его оперативное внедрение позволяли повысить эффективность всего процесса обучения.

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 71. Оп. 12 171. Д. 365. Л. 104–109.
2. ЦА МО РФ. Ф. 71. Оп. 12 171. Д. 107. Л. 59–79.
3. ЦА МО РФ. Ф. 60 722. Оп. 36 360. Д. 208. Л. 8–12.
4. ЦА МО РФ. Ф. 71. Оп. 12 191. Д. 38. Л. 18–32.
5. Там же.
6. ЦА МО РФ. Ф. 60 722. Оп. 36 360. Д. 339. Л. 2.
7. ЦА МО РФ. Ф. 71. Оп. 12 171. Д. 94. Л. 152.
8. ЦА МО РФ. Ф. 71. Оп. 12 188. Д. 38. Л. 121–122.
9. ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 795 437. Д. 11. Л. 631–632.
10. Там же.
11. ЦА МО РФ. Ф. 71. Оп. 12 191. Д. 55. Л. 54.
12. ЦА МО РФ. Ф. 54. Оп. 12 301. Д. 28. Л. 33–35.
13. ЦА МО РФ. Ф. 71. Оп. 12 171. Д. 253. Л. 46–48.

Main Methods of Military Experience Analysis and its Use in the Process of Signal Troops Command Staff Training during the Great Patriotic War (1941–1945)

I. N. Budylina

The article is devoted to the methodology of combat experience analysis in military schools in the professional training of the command staff. The author gives the examples of military students' practical skills improving. She describes the main methods of military experience analysis and its use while training and bringing up the military students.

Keywords: command staff, signal troops, Great Patriotic war, military experience, system of combat training, practice, commander training, practical training.

Военно-техническая подготовка гражданской молодежи в 60–80-х гг. XX в. : историографический анализ

С. В. Галдобина

В статье дан историографический анализ основных направлений и форм работы по организации военно-технической подготовки гражданской молодежи в 60–80-х гг. XX в. Показаны наиболее исследованные проблемы в данной деятельности Советского государства, даны рекомендации по дальнейшим историческим исследованиям.

Ключевые слова: военно-техническая подготовка, ДОСААФ, Вооруженные силы, историография, период, специалисты, молодежь.

В условиях реформирования Вооруженных сил представляет большой научный интерес историографический анализ литературы по проблемам военно-технической подготовки допризывной и призывной молодежи. Ввиду закрытости основного материала для исследований вплоть до середины 90-х гг. XX в. данная составляющая военной подготовки за период с 1946 по 1985 гг. была представлена в основном работами по деятельности ДОСААФ, которое было основным исполнителем этой государственной задачи.

Анализ историографических источников показывает, что военные специалисты готовились по двум основным направлениям [1]: через конкретную подготовку специалистов для Вооруженных сил и опосредованно через подготовку специалистов для народного хозяйства по специальностям, близким к военным.

Чтобы глубже понять суть проводимой работы с ее плюсами и минусами, рассмотрим каждое из этих направлений отдельно.

Подготовка специалистов для Вооруженных сил осуществлялась в форме своеобразного «госзаказа», что видно из механизма его принятия и реализации: ЦК ДОСААФ готовил предложения, которые через Министерство обороны СССР попадали в Совет Министров и возвращались обратно как постановления правительства и директивы Генерального штаба Вооруженных сил.

Под утвержденные задания ДОСААФ выделялись денежные средства. Такой порядок был четко виден из вышедшего в эти годы исследования Н. Е. Пасичного, Г. Г. Письменного, В. Н. Чуговцева [2].

В развитии системы подготовки специалистов для Вооруженных сил авторы выделяли два этапа:

- до 1967 г.;
- с 1967 г.

За «разграничительную» линию здесь можно взять Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности», постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 мая 1966 г. «О мероприятиях, связанных с подготовкой специалистов для Вооруженных Сил СССР» [3]. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июня 1967 г. потребовало значительно увеличить количество готовящихся специалистов для Вооруженных сил, повысить их качество. На это указывали директива Генерального штаба Вооруженных сил от 14 июля 1967 г. и соответствующее постановление бюро президиума ЦК ДОСААФ от 9 августа 1967 г. [4]

Такие выводы заставляло делать создавшееся положение с военно-технической подготовкой в учебных организациях ДОСААФ. Если посмотреть не только отчеты в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Министерство обороны [5], но и другие документы, положение было далеко не идеальным, о чем много говорилось на заседаниях коллегий Министерства обороны СССР как заказчика, так как именно при прохождении военной службы наглядно проявлялись недостатки.

Так, после проверки комиссией Министерства обороны с участием представителей ЦК ДОСААФ в январе-феврале 1962 г. подготовки специалистов для армии и флота в учебных организациях добровольного общества Грузии, Узбекистана, на Украине, в Татарии, Краснодарском крае, Куйбышевской, Московской, Ростовской, Свердловской, Челябинской областях и г. Москве коллегия Министерства обороны отметила, что «качество подготовки специалистов для Вооруженных Сил во многих учебных организациях продолжает оставаться низким, в обучении призывников и военнообязанных допускается много условностей, практические навыки по специальностям отрабатываются крайне недостаточно». Интересно, что одной из причин этого коллегия назвала чрезмерное увлечение хозрасчетной деятельностью в автоклубах.

Из множества литературы, по мнению автора, можно выделить в первую оче-

редь работы председателей ДОСААФ, авторов регионального характера. Среди них труды С. И. Грачева, Д. Н. Кузнецова, А. И. Покрышкина, А. Л. Гетмана, Т. М. Егорова и др. [6].

С точки зрения практики интересны местные материалы о деятельности ДОСААФ по военно-технической подготовке на заводах, в сельских трудовых коллективах. Например, наиболее обширна здесь литература 70-х – начала 80-х гг., когда началась массовая кампания по увеличению численности членов ДОСААФ. Классическими примерами здесь могут быть работы В. В. Адоринского «Общественный мотив в действии», «Служба начинается с завода» [7], С. Аслезова «Автозаводы об опыте работы досаафовской организации Минского автозавода» [8]; Ю. В. Баранюка «Завод и армия» (из опыта работы ДОСААФ завода «Севкав-электроприбор») [9], Г. П. Говорухина «Служба начинается с завода» [10], М. Н. Кошевитского «Сельская оборонная» [11] и др. [12].

Своеобразный итог работы ДОСААФ к середине 80-х гг. XX в. подведен в книге «Дважды краснознаменное» под общей редакцией Г. М. Егорова [18]. В книге рассказывается о возникновении и развитии ДОСААФ как добровольной массовой патриотической организации трудящихся, о его разносторонней деятельности по подготовке советских людей к защите Родины. Председателем редакционной комиссии данного издания был адмирал флота Г. М. Егоров, который в 1981–1988 гг. был и председателем ЦК ДОСААФ СССР. Первые два издания (1971 г. и 1975 г.) вышли под названием «Краснознаменное оборонное». Третье переработанное издание отличают наиболее подробное изложение истории оборонного Общества периода 1945–1967 гг., критическое осмысление его деятельности в рассматриваемые годы [14].

В целом особенностью представленной выше литературы по проблемам участия ДОСААФ в военно-технической подготовке населения в 60-х – первой половине 80-х гг. XX в. было отсутствие глубокого критического анализа. Все представлялось с лучшей стороны, говорилось, как правило, об успехах, которые, несомненно, были.

Например, по подсчетам автора, которые соответствуют данным Г. М. Егорова, только с 1966 по 1985 гг. было подготовлено около 8 млн человек – специалистов для Вооруженных сил [15].

Научный интерес для исследователей в рамках анализируемой темы представляет тот факт, что из подготовленных за 1961–1985 гг. более 64 млн специалистов для народного хозяйства [16] 15–20 % были призывники, а 40–50 % – молодые люди, прошедшие армейскую службу [17]. Это давало возможность в комплексе с подготовкой специалистов для Вооруженных сил проводить своеобразный технический всеобуч молодежи, оперативно реагировавший на ход научно-технического прогресса, дававший возможность распространять технические знания в массах.

В эти же годы исследовались в трудах ученых и другие формы распространения технических знаний в рамках ДОСААФ. Заслуживает внимания организация технических кружков и курсов, лабораторий и мастерских моделирования общественных конструкторских бюро, домов военно-технического обучения, смотров-конкурсов технического творчества, опыт которых требует тщательного изучения. Справедливо отмечалось в литературе, вышедшей в 1961–1985 гг., что определенную роль в подготовке военных специалистов играла система профессионально-технического образования (ПТО). Ее особенностью было то, что военные специалисты готовились по двум специальностям: шоферы 3-го класса и механики-водители гусеничных арттягачей. Эта подготовка осуществлялась в основном в сельских профессионально-технических училищах, каковых было около 500. Контроль за подготовкой со стороны Государственного комитета по профессионально-техническому обучению был возложен на Управление подготовки кадров для сельского хозяйства, сельского и водохозяйственного строительства [18].

Однако недостаточная архивная база не дала возможности ученым того времени полностью раскрыть тему, показать, что на основании постановлений Совета Министров СССР от 11 марта 1959 г. и 28 августа 1962 г. из числа молодежи допризывного и призывного возраста профессионально-технические училища ежегодно должны были выпускать 60 тыс. военных специалистов – 51,1 тыс. шоферов и 8,9 тыс. механиков-водителей арттягачей [19]. Распоряжением Совета Министров СССР от 1 апреля 1976 г. выпуск данных специалистов к 1980 г. был доведен до 80 тыс. человек в год в соотношении 14:1 [20].

Вызывает научный интерес также то, что до 1967 г. не предусматривалось материально-техническое обеспечение ПТУ, готовивших кадры шоферов 3-го класса. Только после письма Председателя Госкомитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому обучению в Совет Министров распоряжением Правительства СССР от 3 марта 1967 г. Министерство обороны обязывалось обеспечить ПТУ автомобилями безвозмездно и запасными частями для текущего и среднего ремонта за плату по нормам Министерства обороны в пределах расхода моторесурсов, использовавшихся на обучение водителей автомобилей

для Вооруженных сил и в пределах выделяемых фондов [21].

Таким образом, изучение литературы и архивных материалов говорит о большой работе, проделанной учеными и практиками по организации военно-технической подготовки гражданской молодежи в 60–80-х гг. XX в.

1. В 60-е гг. ДОСААФ также выполняло ряд других функций, в том числе связанных с подготовкой населения СССР по 14-часовой программе «Готов к ПВО» и 19-часовой программе гражданской обороны. При обучении нормам «Готов к ПВО» повсеместно использовался метод проведения киносеансов для населения того или иного района, что позволяло получать стопроцентные результаты охвата (ГА РФ, ф. 9552, оп. 2, д. 597, л. 45). Задача проводить всеобщее обязательное обучение населения СССР способам защиты от оружия массового поражения была возложена на ДОСААФ постановлением Совета Министров СССР от 29 июня 1955 г., вводившим это обучение (ГА РФ, ф. 9552, оп. 2, д. 703, л. 23) и постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 июля 1961 г. (ГА РФ, ф. 9552, оп. 2, д. 569, л. 17). Для обучения населения по программе гражданской обороны в ДОСААФ имелось 809 школ и учебно-методический центр (ГА РФ, ф. 9552, оп. 2, д. 615, л. 7–8). Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 мая 1966 г. «О состоянии и мерах по улучшению работы ДОСААФ СССР» ДОСААФ было освобождено от проведения всеобщего обязательного обучения населения СССР защите от оружия массового поражения. Эта обязанность была возложена на органы гражданской обороны СССР (ГА РФ, ф. 9552, оп. 2, д. 741, л. 9).
2. См.: *Пасичный Н. Е.* Деятельность партийных организаций Западной Сибири по укреплению единства армии и народа в период коммунистического строительства (1959–1965 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Томск, 1968; *Письменный Г. Г.* Деятельность КПСС по укреплению единства армии и народа (1956–1967 гг. На материалах партийных организаций Украины, Киевского, Одесского, Прикарпатского военных округов и Черноморского флота) : дис. … канд. ист. наук. К., 1973; *Чуговцев В. Н.* КПСС об основных задачах идеологической работы по укреплению единства советского народа и Вооруженных Сил (1966–1976 гг.). Л., 1976.
3. ГА РФ. Ф. 9552. Оп. 2. Д. 778. Л. 47.
4. Там же. Л. 48–52.
5. ГА РФ. Ф. 9552. Оп. 2. Д. 532. Л. 18–66.
   Д. 574. Л. 9–31.
   Д. 615. Л. 1–17, 18–35.
   Д. 663. Л. 1–73.
   Д. 703. Л. 1–10.
6. См.: Армии, авиации, флоту / ред.-сост. Е. В. Сафронов. М. : ДОСААФ, 1976; Боевой отряд советских патриотов. Очерки истории ДОСААФ УССР: ступени роста. 1966–1975. М. : ДОСААФ, 1976; Краснознаменное оборонное / под общ. ред. А. И. Покрышкина. М. : ДОСААФ, 1975; *Кузнецов Д. Н.* Укрепление обороны страны и ДОСААФ. 1972; Малешевский Э. В. В единой семье советских патриотов. Вильнюс, 1973; *Мамаев А.* Там строится БАМ // Советский патриот. 1976. 4 июля; *Мамедов В.* 50 лет ДОСААФ Таджикистана. Душанбе, 1976; *Покрышкин А. И.* Оборонному обществу – 50 лет // Морской сб. 1976. № 24. С. 33–38; Дважды орденоносное оборонное / под общ. ред. Т. М. Егорова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ДОСААФ, 1983; Школа патриотов (О деятельности организации ДОСААФ Казахстана). Алма-Ата, 1976.
7. См.: *Адоринский В. В.* Общественный мотив в действии. М. : ДОСААФ, 1976; Служба начинается с завода. М. : ДОСААФ, 1976.
8. См.: *Аслезов С.* Автозаводцы. М. : ДОСААФ, 1971.
9. См.: *Баранюк Ю. В.* Завод и армия. Нальчик, 1978.
10. См.: *Говорухин Г. П.* Служба начинается с завода (оборонно-массовая работа на предприятии). М., 1970.
11. См.: *Кошевитский М. Н.* Сельская оборонная. М. : ДОСААФ, 1975.
12. См.: *Колесников Ф. И.* Товарищеская взаимопомощь: из опыта работы организаций ДОСААФ Хабаровского края. М. : ДОСААФ, 1977; *Рогожкин А. А.* У тульских оружейников. М. : ДОСААФ, 1976; *Синев В., Степаненко А.* Наш опыт подготовки специалистов для флота в Херсонской объединенной технической школе ДОСААФ // Морской сб. 1976. № 12. С. 23–25; *Сорокин В. Н.* Сельская организация ДОСААФ. М. : ДОСААФ, 1973; Радиолекция по военно-технической проблематике. М. : ДОСААФ, 1979.
13. См.: Дважды орденоносное и оборонное / под общ. ред. Г. М. Егорова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ДОСААФ, 1983.
14. См.: Там же.
15. См.: Дважды краснознаменные. С. 325.
16. Подсчитано автором по фондам ГА РФ и РОСТО.
17. См.: *Васильев И. Ф.* Обороне Родины содействует (К 50-летию оборонного общества. Краткий очерк). М. : ДОСААФ, 1975; Они будут достойными воинами : сб. ст. и очерков. М. : ДОСААФ, 1974; *Шарапов С.* ДОСААФ Таджикистана – народному хозяйству. Душанбе, 1967; *Тюмин Г. В.* Как организовать работу районного комитета ДОСААФ. М. :

ДОСААФ, 1978; В помощь председателю первичной организации ДОСААФ. Сб. документов. М. : ДОСААФ, 1984.

18. См.: Военно-историческое воспитание учащихся в ПТУ. М. : ДОСААФ, 1973; *Бавыкин Ф. В.* Первичная организация ДОСААФ в ПТУ. Из опыта работы среднего профтехучилища № 40 металлистов Латвийской ССР. М. : ДОСААФ, 1973; *Школьник И. С.* Военно-патриотическое воспитание учащихся ПТУ. Л., 1972.
19. ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 8. Д. 60. Л. 3–4. По данным ДОСААФ СССР, количество подготавливаемых шоферов равнялось 53,1 тыс. человек (ГАРФ. Ф. 9552. Оп. 2. Д. 567. Л. 11).
20. ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 8. Д.192. Л. 51–57.
21. ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 8. Д. 69. Л. 13–14.

Military and Technical Training of Youth in 1960–1980: Historiographical Analysis

S. V. Galdobina

The article presents historiographical analysis of the main directions and organization of work on the military and technical training of civil youth in 1960-1980. It also considers the urgent problems of Soviet government activity in this sphere and gives the recommendation on further historical research.

Keywords: military and technical training, Voluntary Association for Assistance to Army, Air Force and Navy, Armed Forces, historiography, period, experts, youth.

Генезис геополитических взглядов В. П. Семёнова-Тян-Шанского

Н. В. Дергунова, Л. Н. Жилкина

Проведено научное исследование генезиса геополитических взглядов ученого-географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского. В ходе изучения выявлено формирование первой в России геополитической концепции. Интерес к геополитической концепции В. П. Семёнова-Тян-Шанского неслучаен. Он создал проект видения русского будущего, осознающего свою континентальную миссию.

Ключевые слова: политическая география, местоположение государства, Россия-Евразия, государство-материк.

Выдающаяся страница в истории как отечественной, так и мировой геополитической мысли связана с трудами В. П. Семёнова-Тян-Шанского. Многие геополитики, а также ученые различных отраслей знаний считают его работы классическими. Известный русский географ В. П. Семёнов-Тян-Шанский (1870–1942), разработав оригинальную классификацию географических наук, сосредоточился преимущественно на географии человека. По его мнению, человек – мера всех географических понятий, придающих смысл географическому синтезу [8, с. 45; 10, с. 476–477]. Благодаря такому антропоцентрическому видению ему удалось высказать немало универсальных идей, предвосхитивших развитие не только географической науки, но и геополитики.

В. П. Семёнов-Тян-Шанский никогда не упоминал термин «геополитика», высказывался о «политической географии». Однако «известно, что отсутствие слова с определенным значением еще не означает отсутствия того или иного понятия... Если в силу конкретно-исторических, идеологических обстоятельств... то или иное слово нигде не фигурирует, то его концепт... все равно развивается» [3, с. 18].

Работы В. П. Семёнова-Тян-Шанского «О могущественном территориальном владении применительно к России» (1915), «Географические соображения о расселении человечества в Евразии и о прародине славян» (1916), «Район и страна» (1928) содержат немало оригинальных геополитических идей, представляющих интерес и сегодня, в начале XXI в.

В работе «О могущественно территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии» (1915) он критически переосмысливает историю геополитической экспансии. Природа мирового господства и экспансии объясняется им в контексте синтеза морских и континентальных частей земного шара. Прежняя интерпретация глобального могущества государств опиралась на вульгарный тезис британских географов о дихотомии и извечном противостоянии Суши и Моря (талассократий и теллурократий). Подобная упрощенная и односторонняя геополитическая идея, по мнению В. П. Семёнова-Тян-Шанского, приводила к недолговечности существования государств-гегемонов и их упадку [4, с. 258–260].

Он создал достаточно целостную концепцию глобального (по охвату материала) характера. Круг задач, поставленных ученым, по-прежнему впечатляет:

- анализ мировой роли русской колонизации;
- исследование территориальных форм русского могущественного владения и выявление наибольшей практической пригодности тех или иных из них в настоящее время;
- разработка концепции наших колонизационных баз и их оборудования;
- исследование путей сообщения России и сопредельных стран с точки зрения могущественного владения;
- разработка практической картографии России и сопредельных стран [7, с. 33].

В. П. Семёнов-Тян-Шанский выделял на земной поверхности обширную зону между экватором и 45° с. ш., где расположены три большие океанические бухты: европейское Средиземное море с Черным, Китайское (Южное и Восточное) море с Японским и Желтым, Карибское море с Мексиканским заливом [7, с. 4]. Географ пишет, что здесь, у трех средиземных морей и двух полуостровов между ними (Индостанского и Малоазийско-Аравийского), выросли наиболее сильные и оригинальные человеческие цивилизации, государственности и религиозные системы. «Господином мира», полагал он, будет тот, кто «сможет владеть одновременно всеми тремя морями», тремя «господами мира» будут те три нации, «каждая из которых в отдельности завладеет одним из этих морей» [7, с. 9].

Эти слова стали пророческими: и сегодня не прекращается борьба в Карибском бассейне, в Средиземноморье, идут непрерывные территориальные споры из-за Курильских островов на Тихом океане. Россия, США, Япония и Китай соперничают за право контролировать важнейшие океанические бухты, но пока ни одна из этих стран не добилась полного господства даже над одной из них.

Главным геополитическим открытием В. П. Семёнова-Тян-Шанского, имеющим стратегическое значение для России, является обоснование русской системы геополитического контроля над пространством «от моря до моря». Ученый не просто описал этот исторически сложившийся тип русского могущественного владения, но и проделал глубокий сравнительный анализ системы контроля «от моря до моря» по сравнению с двумя другими геополитическими моделями – кольцеобразной и клочкообразной [7, с. 10–11]. «В этой незаслуженно забытой работе, – писал еще в 1942 г. В. В. Покшишевский, – Вениамин Петрович свойственными его манере крупными мазками рисует отдельные территориальные типы крупных государственных образований… Географические задачи защиты внешних границ и внутренней «технической организации» территории, встающей перед Россией, с большой четкостью показанная автором…» [6, с. 59–60].

Исторически первым типом могущественного геополитического владения стала кольцеобразная система, которая возникла на побережьях «средиземных морей». Наиболее могущественная и деятельная нация постепенно захватывала и объединяла прибрежные территории, что позволяло контролировать внутреннее морское пространство, после чего эти объединенные владения постепенно расширялись вглубь окружающих материков. Позднее эту модель использовали шведы в XVII в., французы во главе с Наполеоном – в XIX в. В XXI в. эта идея реализуется блоком НАТО в Атлантике.

Значительно позже, в эпоху Великих географических открытий, возникла клочкообразная система геополитического контроля. Ее используют обычно островные или полуостровные государства, обладающие могучим флотом.

Большой вред этой системе нанесли трансконтинентальные железнодорожные пути, поскольку по ним сообщение передается значительно быстрее, чем морским путем вокруг материков.

«Ахиллесовой пятой» клочкообразной системы контроля является ее непосредственная граница с континентальными государствами, всегда способными к могучему «боковому» давлению. Поэтому из политических соображений нередко применяется полоса государств-буферов, лишенных особой самостоятельности и выполняющих лишь предписания их основателей. В XIX столетии буферная система применялась Англией на границе между Индией и Туркестаном: роль государства-буфера здесь играл Афганистан [8, с. 162–163]. В XX в. эту модель достаточно активно использовало НАТО для изолирования России: в роли государств-буферов выступали Финляндия, Польша, Эстония, Латвия, Чехия, Венгрия, Румыния, Киргизия.

Третья система – «от моря до моря», континентальная. Таковой система является, если владения господствующей державы охватывают территорию «от моря до моря». Наибольшего успеха в ее создании добились древние персияне, русские и американцы.

Особенностью российской континентальной модели «от моря до моря» стало то, что в наших условиях колонизация имеет вид постепенно суживающегося, зазубренного меча, утончающегося и «слабеющего» в своем восточном конце, вклинивающегося между суровыми в климатическом отношении территориями Северной Азии и исконными землями Китая – самого обширного государства желтой расы. При всяком столкновении с внешними врагами достаточно легко обрубить конец такого меча. Для того чтобы этого не произошло, В. П. Семёнов-Тян-Шанский предложил поменять акценты в геополитической модели контроля над пространством: «Надо изменить наше обычное представление о Российской Империи, искусственно делящейся Уральским хребтом на совершенно неравные по площади европейскую и азиатскую части. Нам более чем кому-либо на свете не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединить ее в одно целое, в противовес доктрине «Азия для азиатов» [7, с. 17].

В. П. Семёнову-Тян-Шанскому принадлежит идея выделения на пространстве между Волгой и Енисеем от Ледовитого океана до самых южных границ государства особой культурно-экономической единицы в виде «Русской Евразии», которую он призывал никоим образом не считать за окраину, а говорить о ней как о коренной и равноправной во всем русской земле, как мы привыкли говорить о Европейской России. Он призывал построить эту часть государства по тому же культурно-экономическому типу, к которому мы исторически привыкли в Европейской России. Это должно сильно укрепить русскую модель геополитического контроля «от моря до моря».

Одна из идей проведения саммита АТЭС в 2012 г. на острове Русском в Приморье была посвящена культурно-экономическому развитию данной территории.

Также В. П. Семёнов-Тян-Шанский отметил резкие перепады степени освоения центра (он хорошо развит) и периферии (она значительно уступает центру и напоминает сравнительно отсталую колонию). Как полагал ученый, необходимо подтянуть периферию по плотности населения и развитию инфраструктуры до уровня центра, а также поднять уровень экономического развития географического центра территории. «Тогда крайняя восточная часть приблизится сама собой на несколько тысяч верст к сильной количеством населения и культурной средней части государства и, опираясь на такого своего непосредственного соседа, гораздо успешнее сможет выдержать борьбу с внешним врагом» [7, с. 13].

Сегодня Государственная Дума, обеспокоенная небольшим приростом населения в Сибирском и Дальневосточном регионах страны, приняла закон о значительной денежной доплате за рождение третьего и последующих детей именно в малонаселенных территориях страны.

Еще одним шагом на этом пути должно быть перемещение политического центра государства ближе к истинному географическому центру.

По мнению В. П. Семёнова-Тян-Шанского, осуществить эту идею можно двумя способами. Первый способ радикальный, ему следовал Петр I, в свое время перенесший столицу из Москвы в устье Невы. Сегодня, следуя этому способу, пришлось бы перенести столицу из Москвы в Екатеринбург – на Урал. Как отмечает И. А. Василенко, такие эксперименты были вполне возможны во времена, когда устройство новой столицы обходилось сравнительно дешево, но они совершенно непригодны ныне из-за дороговизны, да и пути сообщений сегодня настолько улучшились, что в этом нет особой необходимости [2, с. 201].

Однако есть другие мнения. В интервью газете «Аргументы и факты» историк-экономист Владимир Димов говорит: «...вспоминается решение расширить Москву. Помню, не задолго до смерти академик Сергей Капица сказал мне: «Ну, что за глупость, нужно сделать вторую столицу в Сибири, зачем раздувать мегаполис, проблемы которого от этого лишь возрастут?» [11, с. 8].

Есть еще способ, более пригодный в наши дни, хотя и известный с самых древних времен. Речь идет о создании культурно-экономических «колонизационных баз» – анклавов ускоренного развития. Эти очаги, «посылая свои лучи во все стороны» [7, с. 19], поддерживают прочность государственной территории, способствуя более равномерному расселению и культурно-экономическому развитию. По мнению В. П. Семёнова-Тян-Шанского, на территории России исторически сформировались четыре такие «базы»:

- Галицкая и Киево-Черниговская земля;
- Новгородско-Петроградская земля;
- Московская земля;
- Средневолжская земля.

Две первые «базы», обращенные к западным врагам, часто приходили в полный упадок, но затем снова возрождались, как феникс из пепла. И только Московская и Средневолжская земли, занимавшие внутреннее геополитическое положение, росли почти непрерывно, без длительных периодов упадка. Лишь благодаря этим «базам», давшим возможность стране твердо укрепиться до самых берегов четырех морей, Европейская Россия и представляет ту культурно-экономическую массу, которая позволила ей стать в ряд великих держав мира [7, с. 18].

Чтобы полностью развить русскую систему «от моря до моря», по мнению В. П. Семёнова-Тян-Шанского, необходимо и в азиатских владениях России создать четыре аналогичные «базы»: Уральскую, Алтайскую, Туркестанскую и Прибайкальскую. При этом придется отрешиться от многих давно коренившихся в нас предрассудков. В. П. Семёнов-Тян-Шанский считал, что наши старые «европейские» центры должны отказаться от своих монопольных привычек в торгово-промышленном отношении и основать в азиатских «базах» свои филиалы, развивать их самостоятельность, относиться не только терпимо, но и любовно-поощрительно к возникающим там культурным и промышленным начинаниям [7, с. 19–20]. Для этого нужно точно определить потребности тех современных рынков, на которые должна работать промышленность азиатских центров, и в соответствии с этим дать им тот или иной размах. Ученый справедливо полагал, что потребности населения в наших азиатских владениях плюс потребности населения в смежных частях азиатских государств, несомненно, дадут солидную рыночную величину для промышленности.

В. П. Семёнов-Тян-Шанский предупреждал о повторении вечных русских ошибок в Азии: проектируя железнодорожные пути, у нас обычно смотрят почти исключительно на то, что они дадут Европейской России, а не самим азиатским землям. Например, когда в 1880-е гг. проектировали первую Сибирскую магистраль, многие были искренне уверены, что она важна только потому, что по ней удобно будет возить войска и каторжников, и предлагали строить ее узкоколейкой [9, с. 16–17]. Позднее, проектируя Южно-Сибирскую магистраль, радовались, что благодаря ей сибирская пшеница будет молоться в Поволжье, и без того перегруженном собственной работой.

Между тем логично предположить, что сибирская пшеница должна молоться там, где произрастает и где в ней есть исключительная потребность [7, с. 18]. Эти мысли великого русского ученого не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Как считал В. П. Семёнов-Тян-Шанский, стихийное стремление русской колонизации в широтном направлении – к берегам Тихого океана – может быть сломлено только в двух случаях: из-за физических сил природы (новая ледниковая эпоха) или исторических событий (в случае вековых политических неудач в Северной Азии). Если Россия потеряет «Кругобайкальскую базу», русская колонизация будет вынуждена спонтанно ринуться в западную половину страны, на юг, по направлению к Средиземному морю и Персидскому заливу. В этом случае система геополитического господства «от моря до моря» протянулась бы в меридианном направлении, но до сих пор эту модель еще никому не удавалось осуществить.

Есть проект В. В. Жириновского «дойти» до Индийского океана [2, с. 45]. Политик говорит о двух основных видах освоения географических пространств: внедрении и завоевании. По этому поводу он пишет: «Внедрение и завоевание двигались всегда в страны наименьшего сопротивления, причем, если при завоевательном движении не слишком истощались внутренние силы народа-завоевателя, то образовывалось долговечное и сильное государство с последующим медленным внедрением его господствующего племени во все углы территории; если же они при этом слишком истощались, то государство быстро распадалось, оставив лишь известный след на культуре аборигенов тех территорий, которые оно занимало» [6, с. 1–2]. Мирное внедрение народов оставляет, по мнению ученого, «большие следы не на территории, а на духовной жизни человека, особенно большой отпечаток на его языке», «мирное внедрение, многовековая земледельческая колонизация прежде всего ищет удобных и привычных почв… и подходящих топографических условий» [6, с. 4].

В сегодняшней действительности для азиатской территории России возможно говорить об инверсии внедрения – китайский народ (большая желтая раса) осваивает огромные территории России.

Большой интерес представляют новаторские идеи В. П. Семёнова-Тян-Шанского в области районирования и картографии. Ученый полагал, что русская колонизация принципиально отличается от европейской и американской, поскольку на всем протяжение русской истории она имела и долго еще будет иметь преимущественно военно-мобилизационный характер, зависеть от безопасности границ на том или другом фронте, пока, наконец, новые наши «базы» не будут оборудованы настолько прочно, что смогут сами за себя постоять. Именно поэтому его предложения в области картографии и районирования имеют важное геополитическое значение, они не потеряли своей актуальности до сих пор.

В. П. Семёнов-Тян-Шанский предлагал не разбивать общую карту России на две неравные части, как было раньше,– Европейскую и Азиатскую, а сделать их приблизительно равными. В западной части он предлагал выделить 11 территорий, или районов, в восточной – восемь, тем самым разбив карту всей территории государства на 19 частей.

В. П. Семёнов-Тян-Шанский дал классическое определение понятию «географический район», которое сохраняет свое значение и в современной геополитике: «Район есть произведение, с одной стороны, пространства, а с другой – движения, как внутреннего в этом пространстве, так и проникающего в это пространство извне, а также выходящего из данного пространства в другое» [8, с.11].

Мы знаем, что укрупнение административных территорий Российской Федерации началось с азиатской части российской территории.

Представленные в Кремле 31 января 2013 г. стратегические решения Кабинета министров РФ на ближайшие пять лет, вторая из десяти задач правительства, направлены на «открытость экономики», «развитие конкуренции», «евразийскую, европейскую и Тихоокеанскую интеграцию» [12, с. 2]. Мы видим, что геополитическая реальность, в частности, освоение территории азиатской России, в основных чертах складывается по теории В. П. Семёнова-Тян-Шанского – путем создания новых социально-экономических отношений регионов, укрепления социально-культурных позиций в пограничных зонах Тихого океана, укрепления политического статуса пограничных зон Ближнего Востока.

1. *Василенко И. А.* Геополитика современного мира. М., 2010.
2. *Жириновский В. В.* Геополитика и русский выбор. М., 2009.
3. *Луковская Д. И.* Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. Л., 1985.
4. *Мухаев Т.* Геополитика. М., 2005.
5. *Покшишевский В. В.* В. П. Семёнов-Тян-Шанский // Экономическая и социальная география в СССР. История и современное развитие. М., 1987.
6. *Семёнов-Тян-Шанский В. П.* Географические соображения о расселении человечества в Евразии и о прародине славян. Пг., 1916.

7. *Семёнов-Тян-Шанский В. П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. Пг., 1915.
8. *Семёнов-Тян-Шанский В. П.* Район и страна. М. ; Л., 1928.
9. *Семёнов-Тян-Шанский В. П.* То, что прошло. М., 2009.
10. *Семёнов-Тян-Шанский В. П.* Что такое география? // Изв. Русского географического об-ва. Пг. 1915. Т. 51. Вып. 9.
11. *Арсюхин Е.* На сырьевую иглу наша страна подсела 100 лет назад // Комсомольская правда. 2013. 30 янв. URL : http://www.kp.ru/daily/26023/2943128.
12. Комсомольская правда. 2013. № 14. С. 2.

Genesis of V.P. Semenov-Tyan-Shansky and P.N. Savitskiy's Geopolitical Views

N. V. Dergunova, L. N. Zhilkina

The authors analyze the genesis of geopolitical views of a famous geographer V. P. Semenov-Tyan-Shansky. The authors also describe the formation of the first Russian geopolitical conception. The interest to the geopolitical conception of V.P. Semenov-Tyan-Shansky is not accidental. He created the project of vision of the Russian future, being aware of its continental mission.

Keywords: political geography, state location, Russia-Eurasia, continent-size state.

Олимпиады мира и Советская Россия: уйти, чтобы вернуться

С. Н. Долгов

В статье проанализирована история олимпийского движения и его взаимоотношение с Советской Россией с самых первых лет советской власти до 1951 года – года возвращения СССР на арену олимпиад.

Ключевые слова: Олимпиада, Советская Россия, Российский олимпийский комитет, физическая культура.

По распространенной легенде, возникновение Олимпийских игр связано с именем Геракла, сына Зевса. Их происхождение теряется в глубокой истории Греции. Первые известные Игры относятся к 776 г. до н. э. Насколько важным событием являлись Олимпийские игры, свидетельствует исчисление времени в Древней Греции периодами в четыре года между ними, которые называли Олимпиадой. Во время проведения Олимпийских игр войны прекращались, дороги освобождались, и никто не смел нарушать перемирие. Таков был закон, который соблюдался многие века, за исключением тех неприятных периодов, которые имели место в последние годы. Игры были отменены в 394 г. н. э. по указу императора Феодосия. Возродились Олимпийские игры в 1896 г. Это была первая Олимпиада, которая проводилась в Греции, в Афинах. В ней участвовало всего 250 спортсменов из 13 стран. Соревнования проходили по 10 видам спорта. С этого времени Игры проводились каждые 4 года.

По масштабам и сложности организации Олимпийские игры представляют собой одно из крупнейших международных спортивных мероприятий, в которых участвуют представители стран всех континентов мира.

В Новое время интерес государственных политических деятелей и общественности разных стран к Олимпийским играм значительно повысился. Например, Геральд Форд, президент США в 70-е гг. XX столетия, в широком материале, помещенном в журнале «Спорт Иллюстрейтед» следующим образом оценивал значение спорта и, в частности, Олимпийских игр в современном обществе: «Нашей главной целью участия в международных соревнованиях должна быть победа, а не участие. Исходя из чисто политической точки зрения, я не знаю ничего более выигрышного в дипломатии или поддержании престижа нации. В связи с этим я призываю сделать все, что в наших силах, чтобы как можно быстрее преодолеть трудности, которые мешают нашим выступлениям на Олимпийских играх» [1].

С 1896 г., несмотря на две мировые войны, политический и расовый антагонизм, олимпийское движение и Олимпийские игры успешно утвердились на пяти континентах и продолжают подниматься на небывалую высоту.

Первые национальные спортивные федерации стали формироваться в России вскоре после отмены крепостного права, с началом бурного развития промышленного производства. И хотя в то время, на рубеже XIX–XX вв., спорт еще не играл заметной роли в жизни общества, в стране нашлись люди, уже тогда осознавшие его социальную значимость. Среди них был генерал Алексей Бутовский [2], один из соучредителей МОК, состав которого, по предложению Пьера де Кубертена, делегаты Международного атлетического конгресса в Париже утвердили 23 июня 1894 г.

П. Ф. Лесгафт [3] положил начало научному анализу физического воспитания, рассматривая его с позиций анатомии и физиологии, педагогики и психологии. Он одним из первых в мире поставил физическое воспитание в один ряд с другими дисциплинами, преподаваемыми в школе. Величайшая заслуга Петра Францевича состоит в том, что он научно раскрыл неразрывную связь физического воспитания с умственным, нравственным и эстетическим, их взаимосвязь и взаимообусловленность. Сердцевиной педагогических взглядов ученого на физическое воспитание явилось положение о единстве физического и духовного развития человека при решающей роли нравственного воспитания [4].

В первых трех Олимпиадах современности Россия участия не принимала, а в 1908 г. на Игры в Лондон отправилась группа из шести российских спортсменов. Один из них – фигурист Николай Панин-Коломенкин – стал первым в истории отечественного спорта олимпийским чемпионом, показав лучший результат в исполнении специальных фигур; еще двое – борцы Николай Орлов и Алексей Петров – завоевали серебряные медали.

Что касается Российского олимпийского комитета (РОК), он был основан в марте 1911 г. и сразу призвал спортивные организации страны принять активное участие в подготовке к Играм V Олимпиады в Стокгольме.

Председателем РОК стал один из наиболее авторитетных деятелей в российском спортивном движении Вячеслав Срезневский – основатель и бессменный руководитель Санкт-Петербургского общества любителей бега на коньках.

Участие России в Играх 1912 г. взял под свое покровительство император Николай II. Но российская делегация, хотя и была одной из самых представительных в Стокгольме (170 спортсменов и 50 официальных лиц), вернулась домой лишь с двумя серебряными и двумя бронзовыми медалями.

Причины столь слабого выступления были тщательно проанализированы, и в итоге РОК признал, что к Играм надо готовиться более основательно, шире развивать спорт в целом и олимпийские виды в частности, а для выявления молодых талантов проводить всероссийские олимпиады. Первая из них прошла в августе 1913 г. в Киеве, вторая, собравшая примерно 900 участников из 29 городов, – в июле 1914 г. в Риге. Торжественное закрытие рижских стартов было намечено на 1 августа, но церемонию отменили, т. к. в тот день началась Первая мировая война.

После октябрьских событий 1917 г. Россия, а потом и СССР по политическим мотивам оказались вне олимпийского движения.

Как показывает опыт истории, забвение прошлого, нарушение преемственности тормозит процесс общественного развития, оказывая отрицательное воздействие на все сферы народного хозяйства и культуры.

Нечто подобное произошло в нашей стране в результате Октябрьской революции. В угоду классовым амбициям прошлый положительный опыт спорта, рост спортивного мастерства отечественных спортсменов были забыты. Этому способствовал и запрет в ряде регионов страны соревнований по гимнастике, боксу, борьбе и футболу, а также отказ от участия в Олимпийских играх (при проведении собственных региональных олимпиад). Что касается детского спорта, то его развитию мешала так называемая теория «нормального урока», согласно которой физические нагрузки на уроках физической культуры не рекомендовались.

Большой вред молодому советскому физкультурному движению наносили пролеткультовские извращения. Возникшие еще до Октябрьской революции организации «Пролетарской культуры» оказывали заметное влияние на развитие культуры в первые годы советской власти. Маскируясь крикливыми фразами, теоретики Пролеткульта проповедовали отказ от использования предшествующих достижений российской культуры.

В угоду классовым амбициям прошлый положительный опыт, достижения в развитии физической культуры замалчивались или отрицались. После создания Всевобуча (1918 г.), решений II и III съездов комсомола (1919, 1920 гг.) в физическом воспитании наблюдались сугубо классовый подход, идеологизация, политизация, подчинение физкультурно-спортивной деятельности задачам коммунистического воспитания при игнорировании общечеловеческих нравственных ценностей. Приверженность идее разрушения старого, пренебрежение к требованиям преемственности в физкультурном движении породили такие вопросы, как: проводить ли спортивные соревнования; встречаться ли советским спортсменам с зарубежными («буржуазными») спортсменами; участвовать ли в Олимпийских играх; развивать ли спорт среди детей; нужен ли вообще спорт с его утверждением превосходства одних людей над другими?

В результате подобных дебатов, например в вопросе о спортивных соревнованиях, в 1920-х гг. проявлялась тенденция отдавать приоритет не индивидуальным состязаниям, а достижениям коллективов, к чему призывало постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 г. «О задачах партии в области физической культуры» [5, с. 294].

Встречи с «буржуазными» спортсменами вплоть до 30-х гг. не проводились, развивались лишь спортивные связи с представителями рабочего спорта; наши спортивные организации, не являясь членами международных спортивных объединений, не участвовали в первенствах Европы и мира. Поэтому они оказались в изоляции от мирового спортивного движения, что замедляло развитие достижений культуры, исключало возможность культивирования в нашей стране ряда видов спорта только потому, что они существовали в капиталистическом обществе. Отрицание наследия прошлого в области физической культуры нашло яркое выражение в программных тезисах Центрального комитета Пролеткульта «О задачах физической культуры пролетариата», в которых говорилось:

«1. Отрицая с исторической и научной точки зрения все старые системы физической культуры буржуазии, пролетариат создает классовую физическую культуру.

2. В настоящее время надо строить не физическую культуру для пролетариата, а физическую культуру пролетариата.

3. Новая физическая культура пролетариата – это психофизиологическое воспитание нового квалифицированного человека.

4. Новая физкультура пролетариата есть новая трудовая гимнастика и новый коллективный спорт…».

На практике это приводило к тому, что вместо занятий спортом, играми и гимнастикой изучались трудовые движения. Например, вместо упражнений на гимнастических снарядах рекомендовалось выполнять движения молотобойца по наковальне. Спортивные сооружения – залы и стадионы – сторонники Пролеткульта хотели превратить в мастерские, в которых рабочие упражнялись бы в трудовых движениях. «Долой спорт!», «Долой брусья!», «Создадим свои пролетарские упражнения и снаряды!» – вот лозунги, провозглашавшиеся пролеткультовцами.

Недооценка спорта привела к тому, что вместо спортивных объединений основной организационной формой в сфере физической культуры стали кружки на предприятиях, в учебных заведениях, рабочих клубах. На это ориентировал общественность ЦК РКП(б), о чем свидетельствуют резолюции XII (1923 г.) и XIII (1924 г.) съездов партии. А в постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 г. «О задачах партии в области физической культуры» отмечалось, что «физкультура не должна обособляться в организационном отношении в какие-либо самостоятельные спортивно-гимнастические объединения, что неизбежно привело бы к отрыву от основной политико-просветительной работы и к отрыву занимающихся физической культурой масс от основных общественных организаций» [5, с. 296].

Лишь в 1951 г. мы вернулись в олимпийскую семью, приняв участие в Играх XV Олимпиады в Хельсинки. Дебют оказался успешным: 22 золотые, 30 серебряных и 19 бронзовых наград.

1. ГАРФ. Ф. 9610. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.
2. Алексей Дмитриевич Бутовский (1838–1917) – российский спортивный деятель, один из учредителей и член Международного олимпийского комитета (МОК) (1894–1900), генерал от инфантерии, педагог, ученый.
3. Петр Францевич Лесгафт (8 (20) сентября 1837, Санкт-Петербург – 28 ноября 1909) – основоположник научной системы физического образования и врачебно-педагогического контроля в физической культуре в России, педагог, анатом, врач. В 1896 г. добился открытия при Биологической лаборатории Курсов воспитательниц и руководительниц физического образования (Высшие курсы Лесгафта, ныне – Санкт-Петербургский государственный университет физической культуры им. П. Ф. Лесгафта).
4. Памяти П. Ф. Лесгафта. М., 1947. С. 8.
5. Справочник партийного работника. Вып. 5. Госиздат, 1926.

Olympics and the Soviet Russia

S. N. Dolgov

The article analyses the historical development of Olympic Movement and its relation with the Soviet Russia from the first years of the Soviet Government till 1951 when the USSR renewed its participation in the Olympics.

Keywords: Olympics, Soviet Russia, Russian Olympic Committee, physical training.

Повышение квалификации инженерно-технических специалистов в частях ВВС в 1921–1941 гг.

С. Б. Камениченко

В статье показано повышение квалификации инженерно-технических специалистов в ВВС СССР в межвоенный период с учетом участия советской авиации в военных конфликтах и войнах этого периода.

Ключевые слова: ВВС, инженерно-технические специалисты, повышение квалификации, война в Испании, Советско-финская война, Халхин-Гол, Западная Украина, Финляндия, Прибалтика, авиация.

Организация технической подготовки и освоения личным составом строевых частей новой авиационной техники всегда была одним из основных направлений работы эксплуатационно-технической службы ВВС. Основными задачами технической подготовки в межвоенный период считались: отличное освоение инженерно-техническим составом материальной части (самолетов, моторов, вооружения и специального оборудования), изучение методов ремонта этой материальной части в полевых условиях, изучение авиационной техники иностранных армий и повышение теоретических знании по своей специальности. В рамках технической подготовки инженерно-технического состава проводилось и освоение им новой авиационной техники.

В 1920-х гг. техническая подготовка в авиационных отрядах РККВФ заключалась в простом изучении личным составом технической документации. Переучивание технического состава ВВС на новую технику осуществлялось непосредственно в частях по ее получении путем изучения технической документации и практического освоения новой материальной части. Иногда в авиационных эскадрильях изучение различных указаний и инструкций по эксплуатации проводилось в военно-научных кружках [1]. Со временем, конечно же, формы технической подготовки и переучивания развивались и совершенствовались.

В июне 1929 г. для повышения уровня технических знаний и изучения материальной части техническим составом ВВС председатель Техническо-эксплуатационной инспекции УСС УВВС А. П. Смолин предложил организовать ежемесячные технические совещания в строевых частях и авиашколах, а также центральные совещания (раз в год) инженеров-механиков авиачастей и школ при ТЭИ.

В 1930-е гг. техническая подготовка в авиачастях и соединениях проводилась в виде занятий с инженерно-техническим составом. Занятия были обязаны проводить соответствующие руководители эксплуатационно-технической службы подразделений, частей и соединений: в эскадрилье – старший инженер-механик эскадрильи, в бригаде – старший инженер-механик авиабригады, в округе – старший инспектор по технической эксплуатации ВВС округа. Они же являлись ответственными за уровень технических знаний подчиненного им инженерно-технического состава [2].

Другой формой технической подготовки инженерного состава ВВС РККА являлись кратковременные сборы. Так, например, сборы помощников командующих ВВС военных округов (армий) по эксплуатации проводились при НИИ ВВС. С 1938 г. руководил ими главный инженер ВВС РККА – начальник ТЭИ УВВС РККА, а с 1939 г. – начальник Эксплуатационного управления УВВС. Он же и разрабатывал программы проведения этих совещаний [3]. Материалы этих совещаний выпускались небольшим тиражом в виде книжек и распространялись среди руководящего состава эксплуатационно-технической службы ВВС [4].

Переподготовка личного состава сухопутных и морских авиачастей на новую материальную часть в 1930-е гг. в основном осуществлялась откомандированием части летно-технического состава на авиационные заводы для ознакомления с ней, с последующим получением новой техники в часть и изучением ее всем остальным инженерно-техническим составом. Но не всегда такая переподготовка осуществлялась правильно и приносила свои плоды. Так, инспектируя в январе 1930 г. готовность 11-й авиационной бригады к приему новой материальной части – тяжелых металлических бомбардировщиков ТБ-1, начальник ТЭИ УСС А. П. Смолин констатировал, что личный состав эскадрилий не переучен на новую технику [5]. На авиазавод № 22, выпускавший бомбардировщики, были откомандированы девять техников, но там их ознакомили только с монтажом двигателя на самолет ТБ-1, но не ознакомили ни с самим устройством само-

лета и двигателя БМВ-VI, ни с правилами их эксплуатации.

Одним из основных факторов, оказавших значительное влияние на развитие взглядов на подготовку специалистов эксплуатационно-технической службы ВВС РККА, являлся опыт применения советской авиации в локальных войнах и вооруженных конфликтах того времени. В рассматриваемый период советские авиаторы принимали участие в нескольких локальных войнах и вооруженных конфликтах, из них набольший опыт эксплуатационно-техническая служба ВВС РККА накопила во время гражданской войны в Испании и Советско-финской войны.

В период 1938–1941 гг., учитывая все более обострявшуюся международную обстановку, тенденции развития военного дела и Вооруженных сил, накопленный боевой опыт, руководство страны и РККА провели огромную работу по укреплению ВВС. В короткий срок была значительно увеличена мощность авиационной промышленности, созданы и поставлены на серийное производство самолеты новых типов, на базе которых развернулось техническое перевооружение авиачастей. Одновременно началось переучивание авиаторов на новую авиационную технику [6].

В мае 1938 г. по инициативе заместителя начальника ВВС комкора Я. В. Смушкевича при Военном совете ВВС РККА был создан специальный нештатный Отдел специальных заданий. Задачей отдела было изучение и внедрение в строевые части опыта боевых действий авиации на Западе и Востоке. Наряду с другими вопросами, отдел обобщал и систематизировал опыт эксплуатации авиационной техники в Испании и Китае. Руководящий состав ВВС РККА должен был в обязательном порядке знакомиться с материалами, подготовленными в отделе.

В мае-сентябре 1939 г. соединения и части ВВС РККА принимали участие в боевых действиях между советско-монгольскими и японскими войсками в районе реки Халхин-Гол. К 15 сентября советско-монгольские войска, сведенные в 1-ю армейскую группу под командованием комкора Г. К. Жукова, насчитывали в своем составе 515 самолетов [7]. Боевые действия авиации были очень интенсивными. Всего с 22 мая по 15 сентября 1939 г. советская авиация произвела 20 672 самолетовылета [8].

Естественно, что столь масштабные боевые действия не могли остаться без внимания руководства Военно-воздушных сил и РККА в целом. Как выявлено из архивных источников, еще во время боев в Монголии туда была послана для изучения работы материальной части ВВС в боевых условиях группа сотрудников НИИ ВВС РККА. В состав группы входили инженеры по эксплуатации материальной части, моторам, вооружению, горючим и смазочным материалам и другие специалисты. Инженеры и техники НИИ оказывали помощь войсковым частям по освоению новой материальной части (истребитель И-153) и наладили работу по обеспечению горючим и смазочными материалами надлежащего качества. Кроме того, сотрудники института, непосредственно занимавшегося войсковыми и государственными испытаниями самолетов, поступавших на вооружение советской авиации, могли лично, своими глазами, наблюдать все недостатки этой техники, особенно остро проявляющиеся в боевой обстановке, что давало возможность взять правильное направление в работе по их устранению [9].

По результатам поездки этой группы начальник НИИ ВВС бригинженер А. И. Филин представил наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову «Отчет по изучению работы материальной части ВВС в боевых действиях в МНР» на 34 листах [10]. В отчете рассматривалось устройство японских самолетов И-96 и И-97 в сравнении с отечественными И-15 и И-16, поднимался вопрос о необходимости применения протектирования бензобаков и наддува их отработанными газами, указывались недостатки в эксплуатации материальной части. Отдельными приложениями были даны списки дефектов и недостатков конструкции самолетов И-153 «Чайка» (42 пункта на 5 листах) и СБ (27 пунктов на 3 листах). Причем если И-153 только начал поступать в войска с заводов и у него в основном были конструктивные недостатки по планеру и его системам, то СБ уже три года выпускался серийно и эксплуатировался в ВВС, и у него все недостатки относились как к оборудованию, так и к вооружению [11]. Подобные списки дефектов АТ помогали инженерно-техническому составу в частях в поиске аналогичных дефектов и неисправностей.

С 17 по 25 сентября 1939 г. советские войска силами Киевского и Белорусского особых военных округов (впоследствии Украинского и Белорусского фронтов) совершили поход в Польшу, заняв территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, а также Вильнюсского края [12]. В составе двух советских фронтов насчитывалось более 3 тыс. боевых самолетов [13]. Авиации ставились задачи содействовать наступлению наземных сил, вскрывать группировку наземных войск и авиации противника и уничтожать их, препятствовать подходу резервов. Польские сухопутные войска и авиация оказывали незначительное сопротивление, и боевые действия советской авиации не отличались интенсивностью. Командующий ВВС Белорусского фронта комдив А. И. Гусев писал: «Вследствие отсутствия сопротивления со

стороны польской армии, авиация Белфронта боевых действий не вела» [14]. В то же время было отмечено, что значительная часть советского авиапарка, включающая бипланы Р-5 и Р-Z, на которые легла основная боевая нагрузка в Польше, абсолютно не пригодна для боевых действий в современных условиях и нуждается в авральной модернизации.

На основе накопленного опыта в 1940 г. вопросы организации технической подготовки летно-технического состава были обобщены и систематизированы. Руководством эксплуатационно-технической службы ВВС были выработаны четкие указания по ее организации в строевых частях. Эти указания отдельным параграфом вошли в новое «Наставление по эксплуатационно-технической службе ВВС Красной армии (НЭТС ВВС 40)».

Кроме того, с целью воспитания технического состава, предотвращения выпуска в полет неисправной материальной части и предупреждения случаев неграмотной эксплуатации помощники командиров подразделений по эксплуатации ежедневно проводили технические разборы, на которых должен был присутствовать весь технический состав подразделения.

Помощники командиров частей, соединений и начальников авиаучилищ (школ) по эксплуатации проводили на своем уровне технические совещания с руководящим составом эксплуатационно-технической службы по своему плану, но не реже одного раза в месяц. На этих совещаниях подводились итоги месячной работы частей, давались указания и ставились задачи на следующий месяц по вопросам эксплуатации и технической подготовки, производился обмен опытом по эксплуатации в частях и подразделениях [15].

Изучение иностранной техники в авиачастях производилось в основном по публикациям в официальном печатном органе УВВС – журнале «Вестник Воздушного Флота», а также в журнале «Техника и вооружение».

В конце 1940 г. самолеты новых, технически более совершенных типов начали поступать в авиационные части. Необходимо было их изучить, освоить техническую эксплуатацию. Руководящие указания по переучиванию были изложены в постановлении СНК СССР И ЦК ВКП(б) № 368-167 от 25 февраля 1941 г. «О реорганизации авиационных сил Красной армии».

С целью мобилизации личного состава на успешное выполнение крупных организационных и технических мероприятий главными инженерами ВВС военных округов накануне войны проводились сборы инженеров всех специальностей с привлечением специалистов заводов, НИИ и преподавателей ВВА им. Н. Е. Жуковского, организовывались методические показы технологии. Например, на базе ВВС Западного особого военного округа был проведен эксперимент, в результате которого прибывшие эшелоном 60 самолетов-истребителей были собраны, облетаны и поступили в строй через 4–5 дней [16].

Серьезным испытанием для Военно-воздушных сил РККА стала Советско-финская война (30.11.1939–12.03.1940). Согласно докладу командующего Ленинградским военным округом (ЛВО) командарма 2 ранга К. А. Мерецкова наркому обороны от 29 октября 1939 г. к началу боевых действий в составе ЛВО и ВВС КБФ имелся 1581 самолет [17]. С началом войны авиационная группировка все время увеличивалась. Кроме ВВС ЛВО и Балтийского флота, в боевых действиях также принимали участие 1-я авиационная армия особого назначения (АОН), Особая авиагруппа комбрига Г. П. Кравченко и другие формирования. Согласно докладу начальника ВВС Красной армии комкора Я. В. Смушкевича наркому обороны, всего за период боевых действий авиация РККА и ВМФ произвела 84 307 боевых вылетов, 44 041 из них (52 %) – бомбардировочной авиацией [18]. На Северо-Западном фронте (Карельский перешеек), по докладу командующего ВВС фронта комкора Е. С. Птухина, всего было совершено 53 тыс. самолетовылетов, из них 27 тыс. (71 %) были выполнены бомбардировщиками [19]. В Советско-финской войне советские ВВС получили богатейший опыт боевых действий зимой, в сложных метеорологических условиях, днем и ночью.

В достигнутых результатах была большая заслуга инженеров и техников эксплуатационно-технической службы ВВС РККА, которые также приобрели богатый опыт по техническому обеспечению полетов при интенсивных боевых действиях в трудных условиях. Эксплуатация авиационной техники инженерно-техническим составом ВВС РККА во время Советско-финской войны проходила в очень сложных условиях: очень низкая температура воздуха (отмечались случаи падения температуры до –50 °С); влажность воздуха, вызывающая обледенение самолетов; заснеженные и зачастую совершенно неподготовленные для размещения личного состава полевые аэродромы; нехватка средств механизации и подогрева моторов; неподходящее обмундирование и др.

Низкие температуры сказывались на всех технических службах и, в частности, на службе авиавооружения. Возникали трудности со снаряжением бомб взрывателями и подвеской их под самолет, снаряжением пулеметных лент и чисткой стрелкового вооружения самолетов. Так, например, 25 декабря 1939 г., когда эскадрилья бомбардировщиков ДБ-3 21-го дальнебомбардировочного авиаполка (дбап) была атакована финскими истребите-

лями, выяснилось, что на некоторых самолетах пулеметы оказались в густой заводской смазке, которая застыла и не позволяла вести огонь [20].

После нескольких вылетов бомбардировщиков против целей на «линии Маннергейма» выяснилось, что для разрушения мощных укреплений оказались пригодны только крупнокалиберные бомбы ФАБ-250 и ФАБ-500. Но почти все имеющиеся на фронте самолеты СБ-2 были оснащены бомбовыми замками, допускавшими подвеску бомб до 100 кг. Решение проблемы легло на плечи вооружейников строевых авиачастей, которые в полевых условиях стали изготавливать все необходимые приспособления для подвески на СБ-2 крупнокалиберных бомб [21].

В целом эксплуатационно-техническая служба ВВС РККА обеспечила боевое применение авиации в тяжелых условиях с высокой интенсивностью и внесла весомый вклад в одержанную победу. На проходившем 14–17 апреля 1940 г. при ЦК ВКП (б) совещании начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии вопросы организации и боевой работы эксплуатационно-технической службы ВВС РККА специально не рассматривались, но выступавшие на совещании командующий ВВС Северо-Западного фронта комкор Е. В. Птухин и командир Особой авиационной группы комбриг Г. П. Кравченко отмечали, что технический состав показал себя на войне хорошо.

Итоги и уроки Советско-финской войны были безотлагательно рассмотрены в марте 1940 г. на пленуме ЦК ВКП (б), где особенно остро стояли вопросы о выявившихся недостатках в подготовке войск, серьезных просчетах командования Красной армии в войне и неотложных мерах по повышению боеспособности и мобилизационной готовности армии и флота. В своем докладе пленуму нарком обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов предложил:

«... 11. Обязать всех начальников родов войск и штабы армий в течение двух месяцев суммировать итоги опыта во всех областях боевой работы войск с целью внесения соответствующих изменений, исправлений и дополнений в наши уставы и наставления. С этой целью немедля приступить к изучению всех отчетов, донесений, записок и сводок официального характера, а также обязательно использовать весь материал в виде записок, дневников и проч., имеющийся у начсостава на руках.

Для осуществления этой работы начальнику Генерального штаба совместно с начальниками родов войск наметить немедля специальные комиссии, дав им соответствующие инструктивные указания.

Работу закончить не позже двухмесячного срока...» [22].

Как было выявлено во время исследования, инженеры и техники, вынесшие на своих плечах всю тяжесть инженерно-авиационного обеспечения боевых действий авиации в сложных условиях Советско-финской войны, к порученному делу подошли ответственно. Главному инженеру ВВС КА были представлены подробные, многостраничные отчеты инженерно-технического состава авиаполков, помощников командиров авиабригад по технической эксплуатации, главных инженеров ВВС Северо-Западного фронта и армий, принимавших участие в боях, с детальным анализом организации эксплуатационно-технической службы и работы инженерно-технического состава в боевых условиях [23].

Результаты исследования показали, что руководство Военно-воздушных сил Красной армии стремилось использовать накопленный опыт и внедрять его в строевые части и штабы.

18 июня 1940 г. начальник ВВС КА генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич приказом № 117 ввел в действие новое «Наставление по эксплуатационно-технической службе ВВС Красной армии (НЭТС ВВС 40)» или НЭТС-40 [24], в котором систематизировалась вся сумма задач, решаемых инженерно-техническим составом в различных условиях эксплуатации авиационной техники. В этом Наставлении были учтены изменения в организационной структуре эксплуатационно-технической службы и службы тыла, а также использован опыт боевого применения, эксплуатации и технического обслуживания авиационной техники в боях на р. Халхин-Гол и суровых климатических условиях войны с Финляндией в 1939–1940 гг. [25].

Таким образом, как показало исследование, в период 1921–1941 гг. инженерно-техническим составом ВВС РККА был накоплен значительный опыт технической эксплуатации авиационной техники и организации эксплуатационно-технической службы ВВС в боевых условиях. Наиболее полно был изучен и использован опыт обеспечения эксплуатационно-технической службой боевых действий авиации во время гражданской войны в Испании и Советско-финской войны. Этот опыт самым непосредственным образом влиял на развитие эксплуатационно-технической службы ВВС РККА и являлся одним из важнейших факторов, обусловивших его. Накопленный опыт учитывался руководством Военно-воздушных сил РККА при совершенствовании организационной структуры Военно-воздушных сил в целом и эксплуатационно-технической службы ВВС в частности; в разработке мер по повышению качества боевой подготовки строевых частей; в подго-

товке руководящих документов, регламентирующих работу эксплуатационно-технической службы; в подготовке инженерно-технических кадров для ВВС.

Неотделимой и существенной частью повышения боеготовности инженерно-технических кадров ВВС РККА были меры, принятые государственными органами по социальной защищенности военнослужащих. Вопросы об улучшении социальной защищенности личного состава Красной армии (и ВВС в частности) находили свое отражение в решениях партийных съездов и съездов Советов. Уже в правительственном сообщении о сокращении армии, утвержденном Всероссийским съездом Советов, подчеркивалось: «Приступая к сокращению армии, правительство в то же время считает необходимым принять все меры к тому, чтобы Красная армия была вполне обеспечена всем необходимым для ее существования, обучения и воспитания, материальными средствами, и чтобы ее военное обучение и политическое воспитание совершалось с необходимой энергией и без помех. Местные органы Советской власти должны принять меры к тому, чтобы семьи красноармейцев, оставшихся под боевыми знаменами, получили нужную помощь».

Обеспечение материально-бытовых условий военнослужащих ВВС РККА и членов их семей позволяло более эффективно проводить воспитательную работу и плодотворно решать вопросы боевой готовности эскадрилий и частей ВВС, их укрепления, а также положительно влияло на состояние морального духа личного состава, то есть в целом поднимало боеспособность армии, отвечало требованиям времени в этом отношении. Поэтому год спустя IX Всероссийский съезд Советов в постановлении «О строительстве Красной армии» дал указание советскому правительству и всем органам советской власти на местах приложить все усилия к тому, чтобы всемерно укреплять армию, улучшать ее материальное состояние и боевой уровень, тем самым обеспечить за ней, при сокращенной численности, высокую боеспособность.

Деятельность государственных органов в этом направлении инициировалась Коммунистической партией, которая являлась государственной структурой и имела правовую основу.

В своем постановлении по военному вопросу X съезд партии обязал центральные и местные советские и партийные организации «проявлять действительную, планомерную, деловую заботу об армии, поставив ее в отношении снабжения на первое место». Ввиду того, что для командного состава после прекращения войны речь шла уже не о временной службе, а о длительной профессии, съезд предложил «принять меры действительного улучшения материального положения командного состава, прежде всего низшего».

Еще 17 ноября 1921 г. в постановлении Президиума ВЦИК отмечалось, что командный состав Красной армии отдает все годы жизни строительству и руководству армии и, следовательно, в материальном отношении целиком и полностью зависит, вместе с семьями, от занимаемой должности. Командир является квалифицированным рабочим своего дела, а поэтому улучшение быта Красной армии должно начинаться с него.

Установку ВЦИК на заботу о материально-бытовом положении начсостава подтвердил IX Всероссийский съезд Советов, который в своем постановлении по докладу о Красной армии предписывал правительственным органам принять меры к созданию для руководящего состава армии таких условий существования, которые облегчали бы командирам и комиссарам выполнение их в высшей степени ответственной работы по обучению и воспитанию Красной армии.

Улучшению материального положения мешали скудность средств и тяжелое экономическое положение страны после окончания Гражданской войны. Для того чтобы получить необходимые средства на улучшение довольствия войск, в 1924 г. пришлось пойти на максимальное сокращение всех тыловых (обслуживающих) органов в войсках и даже на такие меры, как демобилизация всего младшего командного состава старших возрастов и частично среднего состава. На высвобожденные таким образом средства удалось уже в 1924 г. увеличить денежное содержание красноармейцев более чем в три раза, а командного состава – на 28–30 %, улучшить питание и вещевое снабжение военнослужащих, отремонтировать старые казармы и развернуть строительство новых.

Анализ документов центральных органов власти дает право сделать вывод, что не было ни одного года, когда бы не принимались и не осуществлялись решения по тому или иному вопросу обеспечения социальной защиты военнослужащих, демобилизованных и их семей. Однако следует заметить, что материально-бытовые условия личного состава армии на протяжении ряда лет были неудовлетворительными. В конце 1922 г. М. В. Фрунзе писал: «Для характеристики минувшего периода жизни Красной армии достаточно одной фразы: армия жила голодной, холодной, полураздетой и разутой».

III Всесоюзный Съезд Советов в мае 1925 г., заслушав доклад М. В. Фрунзе о состоянии Красной армии, вновь подчеркнул задачу улучшения материального положения Красной армии. «С целью обеспечить нормальный

ход учебы, – говорилось в резолюции съезда, – и вместе с тем должную боевую подготовку в Рабоче-Крестьянской Красной армии, съезд признает совершенно необходимым дальнейшее улучшение её материальных и бытовых условий. Внимание и заботливость, проявляемые правительством и трудящимися массами к Красной армии, должны обеспечить каждому военнослужащему возможность полной и безраздельной отдачи своих сил служению великим целям освобождения трудящихся».

Съезд наметил ряд практических мероприятий по социальной защищенности: увеличение отпуска средств на материально-бытовые нужды Красной армии; количественное и качественное улучшение всех видов довольствия военнослужащих; улучшение квартирно-казарменных условий; меры по трудовому устройству демобилизованных; усиление заботы об инвалидах войны; издание особого положения о пенсионном обеспечении начальствующего состава Рабоче-крестьянской Красной армии; обеспечение реального осуществления кодекса льгот и преимуществ для военнослужащих и членов их семей.

Социальная защищенность военнослужащих регламентировалась законами, декретами, положениями и другими законодательными актами. Исходя из этого можно выделить ряд основных направлений социальной защищённости военнослужащих, которые обусловливали эффективность воспитательной работы: прохождение службы рядовым, младшим командным и начальствующим составом; льготы в области труда и социального страхования, налоговые, жилищные и т. д.; пенсии и пособия для рядового и начальствующего состава; обеспечение инвалидов войны и военной службы; ликвидация неграмотности среди военнослужащих; совершенствование физического состояния личного состава армии и др.

Благодаря успешному восстановлению народного хозяйства, разрушенного в годы интервенции и Гражданской войны, к началу 1925 г. значительно улучшилось материальное положение страны. Это позволяло из года в год повышать ассигнования по военному бюджету и значительно улучшить материальное и бытовое положение командного и красноармейского состава. Если в 1923/24 гг. военный бюджет составил 377 млн руб., то в 1924/25 гг. – 420 млн руб., а в 1926/27 гг. – 634 млн руб.

Успешное восстановление и начавшийся подъем экономики страны, укрепление курса золотого рубля и незначительное снижение цен на 2–3 % на основные продукты питания и отдельные виды товаров первой необходимости обеспечивали ощутимое улучшение материально-бытового положения командного состава. В отношении рядового состава положение было не столь плохим в сравнении не только с царской армией, но и с большинством буржуазных армий. Уже месячное денежное содержание красноармейца выросло с 1924 г. по 1926 г. в 4 раза: в 1924 г. оно составило 38 коп., в 1925 г. – 1 руб. 30 коп., в 1926 г. – 1 руб. 55 коп. В царской армии жалование солдата равнялось 50 коп. Во Франции солдат получал 50 коп. В Англии солдат оплачивался намного выше.

Восстановление экономики страны, организация шефской помощи частям Красной армии позволяли из года в год улучшать материально-бытовые условия службы и всей жизни военнослужащих. Важными показателями в этом отношении были не только улучшение их денежного довольствия, но и питание, санитарное и квартирно-казарменное обеспечение.

Питание военнослужащих в исследуемый период было не только стабильным, но и несколько улучшалось, несмотря на тяжелое продовольственное положение страны, особенно в 1921–1923 гг. Если в 1924 г. калорийность пайка военнослужащего составляла 3099 калорий, то в 1928 г. – 3329 калорий, а в 1929 г. – более 4000 калорий. Однако следует заметить, что уровень питания военнослужащих Красной армии в межвоенный период был ниже, чем в армиях других стран.

Уже в 1925 г. были достигнуты некоторые улучшения в отношении питания, как в количественном, так и в качественном отношении. Однако нормы питания нельзя было признать полностью удовлетворяющими потребности.

В связи с этим в постановлении к докладу начальника Военно-санитарного управления РККА в 1928 г. «О санитарном состоянии Красной армии» указывалось: «Начальнику снабжения РККА изыскать средства к введению усиленных норм пищевого довольствия войск на период лагерных сборов и маневров... путем установления пайка калорийностью до 4000 калорий, а равно и дальнейшему увеличению основного пайка красноармейца с доведением его энергетической ценности до 3700 калорий, вместо 3329 калорий в существующем пайке за счет усиления норм мяса, жиров и свежих овощей».

Жилищно-бытовые условия в 20-х гг. еще не достигали надлежащего санитарного уровня. В некоторых округах до 30 % казарменного фонда нуждались в капитальном ремонте. Плохое состояние зданий приводило к снижению внутренней температуры зимой до +5 °С.

Вопрос о порядке оказания медицинской помощи лицам кадрового начсостава, пенсионерам и их семьям впервые был определен постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 марта 1926 г. С ростом достижений и развития стра-

ны увеличивались ассигнования на медицинское обслуживание военнослужащих. Постепенно снижалась амбулаторная посещаемость начальствующего состава с 1430 обращений в 1928 г. до 1413 – в 1929 г. на 1000 человек. Постепенно росла санаторно-курортная помощь начальствующему составу и пенсионерам.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что в 1921–1941 гг. в ВВС РККА постоянно осуществлялась техническая подготовка инженерно-технического состава. В рассматриваемый период были четко определены задачи технической подготовки инженерно-технического состава и пути их достижения. Методы освоения новой авиационной техники тоже были отработаны и в мирное время в основном удовлетворяли предъявляемым требованиям. Однако в период перевооружения советских ВВС на новую авиационную технику в 1940–1941 гг. не удалось в необходимом объеме переучить личный состав строевых частей на новую материальную часть, в основном из-за недостатка времени и малого количества новых самолетов, поступивших в части.

В исследуемый период государственные органы и общественные организации достаточно успешно решали такое сложное противоречие: бедственное положение страны как суровое следствие войн и неурожаев и необходимость обеспечения социальной защиты военнослужащих, содержания и укрепленения ВВС. Все внимание сосредоточивалось на финансовом и продовольственном, вещевом и казарменно-квартирном обеспечении личного состава, его социальной защищенности. Не решив эти задачи, невозможно было стабилизировать и укрепить армию как организационно, так и духовно.

1. РГВА. Ф. 29. Оп. 27. Д. 342. Л. 10.
2. Наставление по техническо-эксплуатационной службе ВВС РККА. М. : Воениздат, 1933. С. 11–16.
3. РГВА. Ф. 29. Оп. 56. Д. 27. Л. 24.
4. Материалы ноябрьского сбора инженеров ВВС при НИИ ВВС РККА. М. : НИИ ВВС РККА, 1938. С. 72.
5. РГВА. Ф. 29. Оп. 227. Д. 399. Л. 32.
6. Воздушная мощь Родины / В. Шумихин, В. Пинчук, В. Бруз и др. ; под ред. Л. Батехтна. М. : Воениздат, 1988. С. 177.
7. Россия и СССР в войнах XX : Статистическое исследование. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 177.
8. Воздушная мощь Родины / В. С. Шумихин, В. М. Пинчук, В. С. Бруз и др. М. : Воениздат, 1988. С. 167.
9. РГВА. Ф. 24708. Оп. 9. Д. 222. Л. 1.
10. РГВА. Ф. 24708. Оп. 9. Д. 222. Л. 4–7.
11. РГВА. Ф. 24 708. Оп. 9. Д. 222. Л. 55–62.
12. Военная энциклопедия : в 8 т. / пред. гл. редакционной комис. С. Б. Иванов. М. : Воениздат, 2002. Т. 6. С. 555–557.
13. *Степанов А.* ВВС РККА в польской кампании 1939 г. // История авиации. 2000. № 6. С. 12.
14. РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 365. Л. 240.
15. Наставление по эксплуатационно-технической службе ВВС Красной армии (НТЭС ВВС 40). 2-е изд. М. : Воениздат, 1942. С. 29.
16. *Шишкин В.* Организация технико-эксплуатационной службы и ремонта в ВВС Красной армии перед началом войны (январь – 22 июня 1941 г.) и в первые месяцы войны (июнь – сентябрь 1941 г.) // 1941 год – опыт планирования и применения Военно-воздушных сил, уроки и выводы (по материалам военно-научной конференции руководящего состава центрального аппарата ВВС, посвященной 70-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота). М.,1989. С. 68.
17. Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб. : ООО «Издательство Полигон». 2000. С. 57.
18. РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 551. Л. 157.
19. Зимняя война 1939–1940. Кн. 2 : И. В. Сталин и финская кампания : стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М. : Наука. 1999. С. 134, 135.
20. *Котельников В., Морозов М.* Незаконнорожденный бомбардировщик // История авиации. 2001. № 2. С. 6.
21. *Раткин В.* СБ на финской войне // Мир Авиации. 2002. № 2. С. 4–5.
22. «Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной» : Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова об итогах советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Публикация Л. Г. Ивашова // Военно-исторический журн. 1993. № 4, 5, 7; Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб. : ООО «Издательство Полигон», 2000. С. 447.
23. РГВА. Ф. 29. Оп. 42. Д. 50 «Доклады по финляндским событиям»; Там же. Д. 51 «Доклады по финским событиям»; Там же. Ф. 24 708. Оп. 9. Д. 400 «О некоторых вопросах по вооружению из опыта войны с белофиннами»; Там же. Д. 401 «Краткие замечания и предложения личного состава 85 авиаполка ВВС Северо-Западного фронта по вопросам эксплуатации и спецслужб».
24. Вторично введено в действие приказом начальника ВВС генерал-лейтенанта авиации П. В. Рычагова № 207 от 7 окт. 1940 г.
25. Наставление по эксплуатационно-технической службе ВВС Красной армии (НТЭС ВВС 40). 2-е изд. М. : Воениздат, 1942. С. 240.

Professional Development of Air Force Engineering and Technical Staff in 1921–1941

S. B. Kamenichenko

The article deals with the professional development of the USSR Air Force engineering and technical staff during the inter-war period. The author takes into consideration the participation of the Soviet Air Force in military conflicts during the mentioned period.

Keywords: Air Force, engineering and technical staff, professional development, war in Spain, Soviet-Finnish War, Nomonhan Incident, Western Ukraine, Finland, Baltic States, aviation.

Отстаивание А. Н. Потресовым и его единомышленниками «оборонческих» взглядов в газете «День» в 1917–1918 гг.

Э. В. Костяев

В статье проанализировано отстаивание А. Н. Потресовым и его единомышленниками «оборонческих» взглядов на Первую мировую войну в газете «День» в 1917–1918 гг. В заключении автором сделан вывод о том, что меньшевики-«оборонцы» внесли значительный вклад в ведение патриотической пропаганды, направленной на спасение России от разгрома Германией и ее союзниками.

Ключевые слова: Первая мировая война, Февральская революция, социал-демократия, меньшевизм, «оборончество», патриотическая пропаганда.

Александр Николаевич Потресов (1869–1934) – видный деятель российского социал-демократического движения, один из основателей РСДРП, лидер «оборонческого» течения в меньшевизме. В революционные годы он активно занимался литературной и публицистической деятельностью (редактировал меньшевистские газеты «Начало» и «Невский голос»; был одним из авторов-составителей сборника «Отклики современности»; в разные годы издавал журналы «Наша заря», «Наше дело», «Дело» и др.). Поэтому после победы Февральской революции 1917 г. в России Потресов яснее других понимал, какую огромную роль могла и должна была играть центральная партийная газета в качестве идейного центра, политически сплачивающего и объединяющего партию, разъясняющего массам политическую ситуацию в стране. Отсутствие такого органа в обстановке революционных дней ему казалось величайшим несчастьем, и он считал необходимым приложить все усилия к делу его создания.

Потресов охотно взялся за выдвинутый (по всей видимости, меньшевичкой Верой Засулич) еще в конце марта 1917 г. проект создания такой большой газеты, которая объединила бы все течения социал-демократического лагеря, признававшие необходимость обороны революционной страны и борьбы за демократический мир.

По замыслу инициаторов в редакцию этой газеты должны были войти, кроме самого Потресова, основатель российской социал-демократии Георгий Плеханов и лидер «революционных оборонцев» меньшевик Ираклий Церетели. Вначале участникам переговоров такое соглашение казалось вполне осуществимым. Александр Николаевич, в частности, заявлял о своей готовности официальной программой органа сделать платформу «революционного оборончества». Но в ходе переговоров не замедлили обнаружиться существенные разногласия если не в конкретных выводах практической политики, то, во всяком случае, в принципиальном подходе к ряду основных вопросов.

Так, Потресов и его единомышленники, несмотря на горькие воспоминания о полемике с Плехановым времен «ликвидаторства», соглашение с ним считали обязательным условием общей совместной работы. Когда на состоявшихся в Петрограде 9 и 13 апреля 1917 г. совещаниях меньшевиков-«оборонцев» было избрано их Временное бюро связи и информации (в составе Григория Брейдо, Ивана Дементьева, Владимира Икова, Ивана Ладыженского и Николая Чернова), то в первую очередь ему было поручено обратиться к Плеханову, «не смогшему по болезни присутствовать на собрании, для переговоров о возможности совместной работы и к московским меньшев[истским] литераторам-оборонцам с настоятельной просьбой переехать в Петроград для совместного ведения печатного органа и всей текущей работы» [1]. Другого взгляда придерживались «революционные оборонцы», для которых совместная работа с «плехановцами» представлялась из-за их «военной» позиции совершенно невозможной. В статье «Ответ тов. Вейнеру», увидевшей свет в газете «День» от 12 июля 1917 г., Потресов писал по этому поводу: «Я без всякого недоброжелательства отношусь к «Единству», полагая, что партийная организация совершает ошибку, равноценную преступлению, квалифицируя Плеханова так, как она умела это делать до сих пор» [2].

При такой разности подходов Потресова и «революционных оборонцев» к перспективам сотрудничества с Плехановым шедшие в конце марта и начале апреля 1917 г. переговоры о возможности объединения творческих сил всех «оборонцев» не могли увенчаться успехом. Между тем эти переговоры были наиболее значительной попыткой Александра Николаевича наладить совместную работу с официальным руководством партии: «Войти в работу Советов, вокруг которых тогда груп-

пировались наиболее политически активные элементы партии, он даже не попытался, – писал меньшевистский историк Борис Николаевский. – Он несколько раз показался в кулуарах Смольного, посмотрел людей, подышал атмосферой и ушел, глубоко разочарованный. Е. Н. Потресова вспоминает, что после одного такого визита А[лександр] Н[иколаевич] говорил ей, что Смольный превратился в «интеллигентский штаб, который верховодит…»» [3].

Это привело Потресова к убеждению, что с существовавшим тогда «революционно-оборонческим» партийным руководством он столковаться не сможет, и поэтому перед ним был открыт лишь один путь апелляции к социал-демократическим массам – через собственную газетную трибуну. Занимаясь ее поиском, Александр Николаевич еще в Москве вел переговоры с группой кооператоров, которые организовали тогда издание газеты «Власть народа» под редакцией Е. Кусковой, С. Прокоповича, Е. Смирнова (Гуревича) и других. Однако дело с постоянной работой Потресова в этой газете не устроилось, его сотрудничество в ней ограничилось помещением всего лишь одной статьи. Органом, вполне отвечавшим требованиям, которые он предъявлял, оказалась петроградская газета «День».

Газета была основана в 1912 г. и с самого начала заняла позицию органа, который стоял, выражаясь языком тех лет, «левее кадетов». Руководящую роль в ней играли беспартийные левые радикалы, а в числе видных сотрудников находился целый ряд социал-демократов и близких к ним публицистов, не говоря уже о корреспондентах из-за границы (среди которых числились Лев Троцкий, Анатолий Луначарский и многие другие). Постоянными работниками в редакции газеты состояли социал-демократы Давид Заславский, Семен Португейс, Генрих Эрлих, Павел Юшкевич и др. После Февральской революции роль публицистов, примыкавших к лагерю меньшевиков-«оборонцев», в редакции сильно возросла, и уже в мае 1917 г. издатели согласились формально передать дело политического руководства газетой в руки созданного сотрудниками коллектива. В его состав вошли С. Загорский, Д. Заславский, В. Канторович, С. Кливанский, П. Маслов и С. Португейс. Единственным не социал-демократом в этой коллегии был журналист Иона Рафаилович Кугель, вошедший в нее в качестве представителя издателей.

С 15 мая 1917 г. «День» начал выходить под новой редакцией, объявив себя, как стояло в подзаголовке газеты, «органом социалистической мысли». В конце мая редакционный коллектив решил обратиться к Потресову с предложением стать полноправным членом редколлегии. Переговоры с Александром Николаевичем вели Заславский и Канторович, которые занимали в то время ответственное положение в официальных органах партии, являясь членами ЦК Бунда. Это последнее обстоятельство, по мнению Николаевского, оказало влияние на решение Потресова, поскольку он «всегда был крайне щепетилен в отношении сотрудничества в непартийных органах печати, так как это свидетельствовало о положительном отношении к газете, во всяком случае, известной части ответственных работников партии. Но основным для А[лександра] Н[иколаевича], – считал Николаевский, – был, конечно, факт его полной политической солидарности с линией газеты, как она выявилась уже с первых номеров» [3]. В результате в начале июня 1917 г. Потресов дал свое согласие и вошел в состав редакции «Дня».

Работа в этой газете, продолжавшаяся до ее окончательного закрытия 17 мая 1918 г. (начиная с ноября 1917 г. газета «День» закрывалась большевиками 6 раз и столько же раз возобновляла свою деятельность под названиями «Новый день», «Ночь», «Полночь», «В глухую ночь», «В темную ночь» и «Грядущий день»), составила весьма важную главу его биографии: «Он с увлечением отдался газетной работе, – писал Николаевский, – показав такие стороны своей натуры, каких в нем не подозревал никто из его друзей и о которых, быть может, не догадывался и он сам. Писавший раньше очень медленно, тщательно и подолгу отделывавший каждую фразу, в этот период А[лександр] Н[иколаевич] становится боевым газетным публицистом, который умеет работать быстро и много. Его статьи этого периода написаны совсем иным стилем и в совсем других темпах, чем все то, что им было написано раньше. В редакционную работу он уходит с головой и знакомится даже с газетной техникой, чтобы наравне с остальными членами редакции отбывать свои дежурства в качестве ночного редактора газеты. В то же время А[лександр] Н[иколаевич] начинает и выступать на больших собраниях. Раньше он был известен в партийных кругах в качестве кабинетного человека, старающегося, если только можно, уклоняться от необходимости говорить публично. В месяцы же революции он показал себя блестящим оратором, умеющим заставить себя слушать даже на собраниях с чужой аудиторией. Один из его оппонентов как-то совершенно правильно сравнил его ораторскую манеру с манерой библейских пророков: в своих выступлениях, при обрисовке картин грядущего, А[лександр] Н[иколаевич] временами действительно поднимался почти до библейского пафоса» [3].

Внешне все свидетельствовало о большом успехе, о том, что Потресов нашел «свою»

аудиторию. Редакционный коллектив работал дружно и Александр Николаевич не раз говорил, что он нигде не чувствовал себя так хорошо, как в «Дне». Тираж газеты стремительно рос, и к осени 1917 г. дошел до 200–250 тыс. «Газета «День», – отмечал Николаевский, – была очень крупным явлением, – и как политический фактор развития страны, и как блестящий литературный орган», редакция которого «сплошь состояла из социал-демократов, меньшевиков-«оборонцев», – людей с большими литературными талантами и с большими знаниями: А. Потресов, П. Маслов, С. Загорский, А. Канторович и др.» [4].

Действительно, состав редакции «Дня» был ярким, и вокруг Александра Николаевича там собрались известные и чрезвычайно талантливые люди. Чего стоит только личность меньшевистского теоретика аграрного вопроса Петра Павловича Маслова (1867–1946), автора идеи муниципализации земли, выдвинутой меньшевиками на IV съезде РСДРП в 1906 г. и принятой там в качестве ее аграрной программы, а также идеи издания многотомника «Общественное движение в России в начале XX века». Крайне интересной фигурой из числа тогдашних единомышленников Потресова был также Давид Осипович Заславский (1880–1965), в 30-е и 40-е гг. – звезда сталинской публицистики, автор статей «Сумбур вместо музыки», «Литературная гниль» и тому подобных, а в рассматриваемый период – член ЦК Бунда и непримиримый противник большевиков, обвинявший их в связях с охранкой, с германским правительством, в шпионаже, в разложении армии, в разрушении производительных сил страны, в одурачивании народа и, в конечном счете, в предательстве интересов России. Ленин в долгу не оставался, называя этот поток обвинений в адрес большевиков «грязной кампанией клеветы грязных господ Заславских» [5].

Также в партийной среде тогда был широко известен случай, произошедший 22 августа 1917 г., когда в речи на Объединительном съезде РСДРП меньшевик Юлий Мартов (Цедербаум), не упоминая Заславского, назвал его «журналистом, откормившимся на хлебах у банкиров». Заславский посчитал, что в этих словах содержалась оскорбительная для него «клеветническая брань», и на следующий день вызвал Мартова на суд чести. Когда же Юлий Осипович отказался явиться на третейский суд, выступавший от имени Заславского меньшевик Михаил Либер (Гольдман) назвал Мартова трусом [6]. Другой меньшевик Илья Гольц вспоминал о Заславском: «В прошлом он был одним из лидеров Бунда. Но после большевистского переворота в октябре 1917 г. перебежал к большевикам и вскоре стал одним из ведущих журналистов газеты «Правда». Журналист он был, несомненно, талантливый, как в свое время писавший на языке идиш, так и теперь – на русском языке. Но тот, кто читал его статьи в «Правде», видимо, без омерзения не вспомнит их содержания, насыщенного зоологической враждебностью к своим вчерашним товарищам социал-демократам и, особенно, к Бунду, членом центрального комитета которого он был в течение многих лет. Он обвинял Бунд во всем, чему он когда-то сам «поклонялся» (такова уж, видимо, судьба всех ренегатов)» [7]. Вот что написал о времени, когда Заславский стал уже официальным советским журналистом и главным фельетонистом «Правды», «получив неограниченное право шельмовать честных людей», известный ученый и публицист Аркадий Ваксберг: «Его травле подверглись… сотни политических деятелей, в отличие от Заславского всю жизнь верно служивших большевизму, множество деятелей культуры. Имя этого перевертыша, его ядовитое перо наводили ужас и страх. Я сам видел два приговора: по первому человека осудили на 10 лет за то, что в компании приятелей он назвал Заславского грязной личностью; по второму 8 лет получил тот, кто показывал сослуживцам статьи Ленина о Заславском. Этот второй приговор был Вышинским опротестован «за мягкостью», а судья изгнан с работы: «товарищ Заславский олицетворяет собой партийную печать, его дискредитация – это гнусный вражеский выпад против Советской власти». В журналистике того времени по разнузданности и кровавости другого подобного прохвоста, пожалуй, не было» [8].

Справедивости ради стоит отметить, что «перебежал» Заславский к большевикам далеко не сразу после октябрьского переворота 1917 г. и в «Правде» начал работать совсем не «вскоре» после него. В ночь с 3 на 4 января 1918 г. в числе нескольких сотрудников «Дня» он был арестован большевиками и на полтора месяца посажен в тюрьму. В сентябре 1918 г. он уехал на Украину, а в апреле 1920 г. напечатал в киевской газете «Коммунист» письмо, содержавшее такие слова: «События последних месяцев в России и за границей привели меня к твердому убеждению в том, что я ошибался в своей оценке роли и значения Советской власти. Неправильная оценка приводила к ошибкам, о которых я вспоминаю с глубоким сожалением. Я убежден в том, что всякие выступления против Советской власти ведут в нынешних условиях лишь к затягиванию гражданской войны, увеличивают разруху в стране и мешают переходу к органическому общественному и государственному строительству на новых началах. Признавая допущенные мной ошибки и отказываясь впредь от всякой политической деятельности, я хотел бы все свои силы

приложить в области культурного труда, где, я убежден, есть нужда в добросовестных работниках». Лишь в середине 20-х гг. Заславский начал сотрудничать в советской прессе – сначала в «Ленинградской правде» и «Красной газете», потом в московских «Известиях». И даже когда в 1928 г. сестра Ленина Мария Ульянова пригласила его в газету «Правда», он был еще беспартийным. В ВКП (б) Заславского приняли только в январе 1934 г. специальным решением Политбюро, по личному указанию Сталина [9].

Но все это будет значительно позже, а вот что пишет о Заславском периода работы в «Дне» современный публикатор его дневника 1917–1918 гг. (журнал «Знамя», 2008, № 5) Евгений Ефимов: «Чрезвычайно и сам начитанный, вышколенный самообразованием, знавший несколько иностранных языков, трудолюбивый, остроумный, умевший писать много, понятно, на любую тему и сразу набело, мастер словесных кавалерийских атак и драк до крови, но лишенный при этом художественного таланта, газетчик до мозга костей, Заславский обычно был резок и прямолинеен, его слово буквально жгло, язвило. Это было острое блюдо – горчица – на тесном пиршественном столе российской дооктябрьской журналистики» [9].

Еще одной выдающейся личностью среди единомышленников Потресова был Семен Осипович Португейс (1880–1944), более известный в партийных кругах под псевдонимом «Степан Иванович». Социал-демократом и марксистом он стал в родном Кишиневе в кружке Давида Борисовича Рязанова (Гольдендаха), а свой псевдоним взял в память о Степане Ивановиче Радченко, одном из организаторов и руководителей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895), который на I съезде РСДРП в 1898 г. был избран членом ЦК и возглавлял подготовку и издание «Манифеста РСДРП». Меньшевистский историк Григорий Аронсон считал, что уже в 1906 г., когда Португейс сотрудничал в Петербурге в газете «Современное слово», его можно было назвать «одним из лучших русских политических фельетонистов. Его яркое дарование, заостренный, несколько парадоксальный стиль, полемическая меткость, – и никогда не покидавший его широкий идейный подход, – выгодно выделяли его из среды талантливых собратьев по перу, тогда пользовавшихся успехом у читателей радикальной и либеральной печати» [10]. Меньшевичка Конкордия Захарова-Цедербаум также отмечала, что Португейс еще в 1904 г. отличался «особенной любовью» к полемике: «Этот очень одаренный человек, – читаем в ее воспоминаниях, – самоучка и недоучка, увлекался самим процессом спора; он любил всяческую казуистику, прибегал к талмудическим хитросплетениям и тонкостям. Для него истина... являлась результатом словоговорения. Иной раз уже затихавший спор он возобновлял тем, что перевертывал спорный вопрос и говорил: «Ну, а если вопрос поставить так?» (В совершенно обратном смысле). И снова начинал ораторствовать, выдвигая и защищая противоположные доводы. Его любовь к чисто логическим построениям и склонность к различного рода софизмам увели его далеко от партии и марксизма. Со ступеньки на ступеньку его софистика оправдывала что угодно – интервенцию, деникинщину...» [11].

Борис Николаевский также отмечал, что годы кануна революции 1905–1907 гг. застали Португейса уже активным работником социал-демократического движения, в котором он пробовал свои силы в качестве организатора, агитатора, пропагандиста, но особый успех имел все-таки как литератор: «Семен Осипович, – вспоминал Николаевский, – несомненно, был прирожденным писателем, – принадлежал к числу тех людей, которые, говоря словами Михайловского, лучше всего думают, если в руках имеется перо для занесения этих дум на бумагу». Перебравшись в 1906 г. в Санкт-Петербург, он уже ни на минуту не порывал самых близких связей с руководящим кругом столичных меньшевиков – и «литераторов», и «практиков», – группировавшихся вокруг Потресова. С полной же ясностью близость Португейса к Потресову в самых основных посылках мировоззрения выявилась в годы Первой мировой войны: «Семен Осипович, – писал об этом Николаевский, – одним из первых полностью примкнул к «оборонческой» концепции Потресова и до конца оставался верным сторонником последнего. Особенно сблизились они в 1917 г., – в месяцы совместной работы в редакции газеты «День». …По существу, их орган был единственным большим органом печати, который твердо защищал старый, ортодоксальный взгляд русской социал-демократии на характер и задачи революции, как он был закреплен в официальной программе партии 1903 г., то есть как на революцию, которая по своему социально-экономическому содержанию не выходит за пределы капиталистического строя. Было злой иронией судьбы, что концепцию этой программы, формально остававшейся программой и большевиков, и меньшевиков, – теперь защищал внепартийный «орган социалистической мысли». Но защищал ее он с большой силой и блеском. Безнадежность этой борьбы «против течения» в глазах объективного историка, наверное, только подчеркнет ее красочность…» [4].

В редакции «Дня» Португейс продолжал работать и после захвата власти большевиками, когда на газету обрушился град репрессий. Петроград он покинул только тогда, когда

ее издание стало окончательно невозможным. Сначала Семен Осипович, которого в Петрограде разыскивали чекисты, пробрался в Киев, а затем в Одессу, где и провел годы Гражданской войны, проявляя сравнительно мало политической активности. В 1920 г. после окончательного занятия большевиками Одессы он перебрался нелегально в Бессарабию, а оттуда, уже в 1921 г., – в Париж. Меньшевистский историк Давид Далин (Левин) отмечал, что в этот период «…Ст. Иванович, более молодой, чем Потресов, но тоже ветеран 1905 г., способный меньшевистский писатель и тоже бескомпромиссный антибольшевик, выдвинулся вперед как последователь Потресова; он приобрел большую известность… в эмиграции, начиная с 1921 г.» [12].

Когда в конце лета 1917 г. Российскую армию постиг на фронте ряд неудач, Португейс крайне болезненно отреагировал на содержание принятой 21 августа на Объединительном съезде РСДРП телеграммы в адрес солдат Северного фронта, которая гласила: «Съезд приветствует армию рабочих и крестьян, мужественно сражающихся под стенами Риги, и призывает армию стойко сопротивляться нападению, сохраняя порядок и организованность. Съезд призывает весь российский пролетариат не поддаваться панике, бдительно следить за тем, чтобы новые неудачи на фронте не были использованы контрреволюцией для травли революционной армии и для покушений на ее демократический строй, и приложить все усилия к тому, чтобы армия, неся свои тяжелые жертвы, знала, что в тылу организованный народ со всей своей энергией борется за скорейшее заключение всеобщего мира» [6]. Такое распределение ролей между революционной армией и революционным пролетариатом Португейс не счел справедливым: «Армию призывают к тяжелым жертвам, и это конкретно… Пролетариат призывают к борьбе за мир – и это... словеса. <...>

Как же понять, – задавался вопросом он, – это чудовищное разделение труда: ты сражайся и умирай, а я буду бороться с контрреволюцией и за мир?

Какой это грустный... и жестокий привет потрясенной армии!». Если бы съезд, считал Португейс, «был свободен от циммервальдских предрассудков, он, приветствуя армию, сказал бы ей: ты сражаешься за почетный для родины мир и в этой борьбе мы идем тебе на помощь величайшим напряжением нашей трудовой мощи.

Держи крепко в руках свое ружье, мы крепко держим в руках свой молот. И такой привет, – был убежден он, – радостно восприняли бы вся армия, вся Россия» [14].

Отозвался на произошедшее 21 августа 1917 г. взятие Риги германскими войсками и Потресов. Следует отметить, что все опубликованные в «Дне» статьи Александра Николаевича о войне – это буквально крик души настоящего пламенного патриота революционной России, всем сердцем глубоко переживавшего неудачи ее армии. В одной из таких статей, которая была опубликована на следующий день после падения Риги, мы читаем: «Стране нанесен удар, значение которого невозможно переоценить. Надо иметь мужество его вынести. Надо проявить решимость и, с раною в груди, стиснув губы от боли, спокойно и твердо сказать – себе и противнику: борьба продолжается!

Революционная Россия, как старая легендарная гвардия, умирает, но не сдается! Рига пала, но русский народ, сбросивший с себя ярмо деспотизма, еще на ногах, и пока на ногах, способен совершить тот подвиг освобождения, который от него ждет демократия всего мира.

Смертельная опасность удесятеряет силы. Великий народ России не стекло, которое дробится, а металл, который куется ударами булата. И настоящий удар, – убеждал читателя Потресов, – выкует в революционной России железную решимость победить, чего бы это ни стоило! Отстоять себя всеми мерами, как бы крайни они ни были! Все подчинить единой задаче – национальной защите!». Настал момент признать, – образно выражался он, – что вся Россия «есть осажденная крепость, что вся Россия – есть фронт. <…>

— Долой малодушие! – с пафосом восклицал Потресов. – Гоните трусов и трусость! И да здравствует железная дисциплина демократии!

Пусть Рига будет той Нарвой, которая была первым шведским уроком Петру.

Началось с Нарвы, а кончилось – Полтавским боем. Неудавшаяся дисциплина демократической страны будет тоже иметь свой Полтавский бой с Вильгельмом и Гинденбургом» [15]. Эти предположения Александра Николаевича пророческими, к сожалению, не оказались. Керенскому было слишком далеко до Петра I. Если умевшего извлекать уроки из поражений Петра Нарва привела к выигранному затем бою под Полтавой, то не умевшего это Керенского Рига привела вскоре к проигранному в Петрограде и на подходах к нему бою с большевиками.

Такой же сильной душевной болью и неподдельным беспокойством за судьбу находившейся тогда у опасной черты России были проникнуты посвященные корниловщине статьи Потресова и его единомышленников, опубликованные в «Дне» в конце августа – начале сентября 1917 г. Так, в увидевшей свет 29 августа передовой статье редакции «Да не будет

этого!» мы читаем: «Корнилов идет на Петроград. Иными словами, это – цензовая Россия идет на революционную демократию России.

…Перед нами явление большого социального калибра, перед нами восстание одного класса России против другого. Открытое прямое начало Гражданской войны». В статье выражалась уверенность в «коллективности режиссуры этого выступления со стороны широких и влиятельных кругов той части страны, которая находила свое увенчание в IV Государственной Думе», а июльское выступление большевиков в Петрограде, по сравнению с корниловщиной, называлось «детской и пустой забавой». Движение Корнилова ассоциировалось с началом Гражданской войны, с началом «крушения России»: «Ибо Россия, – поясняется в статье, – три года ведущая войну с внешним врагом, измученная, истощенная, без сил, – не в состоянии вести одновременно войну на двух фронтах – внешнем и внутреннем.

И пусть те, кто посягают сейчас на внутренний мир России, помнят, что они ведут Россию к гибели, что они совершают преступления против России и что на том пути, на который они встали, им самим грозит неотвратимое фиаско даже и в том случае, если бы они одержали мимолетную победу над демократией России». Но даже определение корниловщины, как «восстания одного класса России против другого», не заставило редакцию «Дня» отказаться от убеждения в необходимости объединения усилий буржуазии и представителей революционной демократии ради решения возникших проблем: «Нельзя сейчас вывести государство и народ из тупика, в который его загнала мировая катастрофа, – говорилось в передовице газеты, – если не напрячь всенародных усилий, если не сочетать того, на что способна только демократия, с тем, что может только буржуазия. Всякое спасение в одиночку... есть буйная утопия, есть зловреднейшая из химер, за которую расплачиваться будет все общество...» [16].

«Нужна была «подлинная кооперация» демократии с буржуазией во власти, – писал Потресов на следующий день, – ибо только она одна могла привести в движение необходимый для спасения России максимум энергии, опыта, знания и силы, ослабить и затушить ту интенсивность вражды, которая разделила тогда две половины России и готовила ей гибель. <...> Вот почему, – подчеркивал он, – возможная победа Временного правительства над Корниловым должна иметь своим последствием не столько покорение виновных... сколько заботу о том, чтобы устранить возможность повторения подобных историй, сколько создание атмосферы, в которой бы была немыслимой эта гражданская война.

Под Временное правительство надо подвести, – считал Потресов, – более широкий социальный базис, надо, наконец, подойти к осуществлению деловой программы сегодняшнего дня, приемлемой для настоящей коалиции» [17].

В том же номере газеты меньшевик Семен Аронович Кливанский (1879 – после 1944) резко осудил этот «поступок главнокомандующего», набросивший «огромную черную тень на высший командный состав»: «Этому преступлению нет имени, – отмечал он с возмущением, – это огромное народное бедствие.

Перед лицом врага Российской армии нанесен удар, по сравнению с которым потеря Риги принимает характер незначительного поражения».

Опасаясь негативных последствий произошедшего для армии, Кливанский высказал убеждение, что революционной демократии в сложившихся обстоятельствах было «необходимо немедленно принять меры к тому, чтобы пущенные со страшной силой удушающие газы подозрительности и недоверия не отравили все части, необходимо немедленно начать восстанавливать все разрушенные в организме армии Корниловским взрывом ткани, необходимо продолжать начатую работу по восстановлению боеспособности армии». При этом демократии, считал Кливанский, «придется ограничиться удалением наиболее зараженных частей, перенося центр тяжести в организацию контроля, ставящего высший командный состав на его место, как руководителя боевым организмом армии и лишенного возможности политически властвовать над солдатами» [18].

В следующем номере газеты Заславский остановился на личных качествах Корнилова как военачальника: «Генерал Корнилов не столько авантюрист, сколько плохой верховный главнокомандующий, – подчеркивал он. – Он составил… превосходный план гражданской войны. Но при этом обнаружились политическая ограниченность Корнилова, невежество его и неумение организовать собственные силы. И, если таков бывший вождь армии, таковы его помощники, то что же удивительного в том, что мы терпим поражения… на фронте внешнем? Во всяком случае, свое поражение под Гатчиной наш боевой генерал никак не может свалить на большевиков. Винить надо собственную бездарность» [19].

В первом осеннем номере газеты Потресов одобрил произошедшее на фоне корниловщины «расширение» Временного правительства за счет представителей буржуазии (заместителем министра-председателя и министром торговли и промышленности стал тогда член ЦК партии кадетов и крупный предприниматель Александр Коновалов), расценив это

как «элементарное следствие элементарной необходимости»: «Это не сдвиг. Это не уступка цензовой России, – полагал Потресов. – Это самоограничение демократии, вытекающее из катастрофических обстоятельств момента...

Самоограничение же демократии, таким образом осуществленное, есть в то же время приобретенное право – требовать и у цензовой России самоограничения…». Таким ему виделся смысл произошедшей «правительственной перестройки», которую Александр Николаевич считал «шагом вперед» [20].

И, наконец, настоящим гимном необходимости сохранения коалиционного характера власти в тогдашней России являлось обращение меньшевиков-«оборонцев» во главе с Потресовым «К товарищам и гражданам!» от 5 сентября 1917 г., опубликованное в «Дне» в преддверии начала работы в Петрограде Всероссийского Демократического совещания (14–22 сентября). Подписавшие обращение исходили из убеждения, что твердо усвоенное органами революционной демократии положение, что верховная власть в России должна быть в период революции построена на началах коалиции между демократией и имущими классами, пошатнулось: «Последняя попытка Правительства, создать коалиционную власть, – читаем мы в документе, – встретила сопротивление ответственных органов демократии, и в результате в крайне опасный для страны момент Россия опять находится в состоянии безвластия с «Советом пяти» (Директорией. – Э. К.) вместо правильно организованного Правительства.

Решение вопроса о его организации отложено до созываемого… демократического совещания». В связи с этим 85 подписавших документ партийных работников, среди которых были такие видные «оборонцы», как Александр Потресов, Мечислав Бинасик (Новоседский), Григорий Брейдо, Петр Голиков, Иван Дементьев, Иван Емельянов, Семен Загорский, Давид Заславский, Иван Захватаев, Владимир Иков, Владимир Канторович, Семен Кливанский, Д. Кольцов (Борис Гинзбург), Екатерина Кускова, Владимир Левицкий (Цедербаум), Евгений Маевский (Гутовский), Михаил Неведомский (Миклашевский), Петр Маслов, Семен Португейс, Миней Хейсин, Анатолий Шнеерсон, Филипп Юдин и др., обращались к товарищам по партии и вообще гражданам России с предостережением: «Намерение некоторых кругов демократии, – говорилось в документе, – склонить демократическое совещание на путь отрицания признанного демократией положения о необходимости коалиционной власти грозит стране величайшими потрясениями. Однородно буржуазное, как и однородно социалистическое Правительство, бессильно будет организовать оборону страны и предохранить ее от экономического развала…

Демократическое совещание, если оно решит образовать однородно-социалистическое министерство, послужит сигналом к спешной мобилизации сил контрреволюции, за которой пойдет масса городского и сельского мещанства, тайно и явно выражавшего свои симпатии корниловской авантюре.

Демократия и без того отрывается от широких несоциалистических слоев населения, а попытка монопольно создать власть обратит ярость господствующих и средних классов не только против демократии, но и против самых основ нашей свободы». Поэтому подписавшие обращение взывали «к товарищам и гражданам»: «…объединитесь, явитесь сплоченной массой на демократическое совещание, чтобы здесь отстоять Россию от ужасов гражданской войны, чтобы дать отпор подымающим голову анархическим и бунтарским элементам демократии, с одной стороны, и реакции – с другой.

Вне коалиционной власти, – говорилось в заключении документа, – нет спасения для раздираемой классовой ненавистью и классовым эгоизмом России и пусть демократическое совещание, отбросив всякие попытки одностороннего захвата власти, еще раз утвердит своим авторитетным решением коалиционную власть» [21].

Как видно из содержания обращения, созданный в ночь с 1 на 2 сентября «Совет пяти» правильно организованным правительством они не считали, а Португейс еще 3 сентября назвал Директорию «суррогатом Правительства», который своим появлением на свет возникшего тогда правительственного кризиса отнюдь не разрешал [22]. Надежды на выход из этого кризиса «революционно-оборонческое» руководство Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Советов связывало тогда с созываемым им 14 сентября Демократическим совещанием представителей политических партий и общественных организаций, цель которого некоторые из инициаторов созыва совещания (Федор Дан (Гурвич) и др.) видели в попытке создания однородного демократического правительства взамен правительства коалиционного. Португейс не разделял веру в то, что Демократическое совещание будет способствовать разрешению правительственного кризиса, так как не верил «в однобоко создаваемую власть»: «Демократическое совещание, – писал он, – будет в этом отношении столь же бессильным, как бессильным было бы и однобокое совещание буржуазных элементов. Если последнее подготовит повторение августовских дней, то первое подготовит повторение июльских дней». Демократическое

совещание, считал Португейс, власти не создаст, но поможет ее созданию, «нейтрализовав и обезвредив те большевистские уклоны, которые ныне так процветают в Питере»: «Мы идем на Демократическое совещание, – подчеркивал он, – ...чтобы всенародно еще раз отбросить и заклеймить безумные попытки захвата власти и изоляции пролетариата, мы идем на Демократическое совещание во имя власти коалиционной…» [22].

Потресовская характеристика созданного на Демократическом совещании Предпарламента от 23 сентября была еще достаточно сдержанной: «У нас нет никаких иллюзий относительно новоявленного представительного учреждения, – признавался Александр Николаевич. – Мы не имеем ни малейшей охоты его идеализировать и видим все его отрицательные стороны… И тем не менее мы не можем заранее поставить над ним креста…

...И самое безнадежное учреждение, – полагал он, – при известной комбинации обстоятельств может оказаться спасительным. Было бы преступлением не воспользоваться демократическим советом» [23].

Спустя же 5 дней Потресов уже не стеснялся в выражениях относительно работы и Демократического совещания, и Предпарламента. В опубликованной в «Дне» от 28 сентября статье «Иллюзия единого фронта» он подверг жесткой критике идею «единого демократического фронта», проходившую красной нитью через всю послефевральскую публицистику революционной демократии. Всего же более склонность «прибегать к наркотику злополучного фетиша» проявляли, по мнению Потресова, «как раз те слои демократии, которые представляли до сих пор ее господствующий, руководящий центр, которые чувствовали себя в течение некоторого времени господами положения в среде революционной демократии». У них это «единство демократического фронта» сложилось в идеологию и даже приобрело «прочность предрассудка». Однако и Демократическое совещание, и еще более – «первое всенощное бдение Демократического Совета» нанесли этой идее большой удар: «Бедлам, а не единство представляет собою демократия, – указывал Александр Николаевич, – собранная в четырех стенах, заключенная в рамки единого общественного учреждения. Такой бедлам, что для всех сколько-нибудь отдающих себе отчет в значении происходящего после этого же первого всенощного бдения стало ясно: может быть, «Предпарламент»… и в состоянии еще будет функционировать после того, как он будет разжижен различными элементами буржуазной России, но в своем первичном, стоградусно-демократическом существе он, во всяком случае, жить и работать не будет, ибо он являет собою такое глубокое расхождение в средствах и целях, что в своей совокупности, при отсутствии заметного преобладания какой-либо из этих частей, он может дать не организованное действие, не планомерную работу, а лишь то напряженное бездействие, то деловое безделье, которое равносильно политической смерти такого учреждения…» [13].

Революционно-реалистической части демократии, искавшей спасения России не в квази-революционном авантюризме, а в напряженном усилении действительно творческо-планомерной работы по упорядочению механизма страны, фетиш «демократического единства», считал Потресов, мешал «сказать себе раз и навсегда: с известными передовыми элементами буржуазной России в настоящий исторический момент у меня есть известная точка сопрокосновения, я могу не выдумать, а действительно найти некоторую минимальную ближайшую программу-платформу необходимой практической деятельности. Но с анархо-максималистскими элементами демократии, вся деятельность которых подрывает возможность осуществления такой программы, подобной минимальной общности у меня нет». Потресов отлично понимал, что представителям «реалистической демократии» трудно было себе в этом признаться, ибо это значило бы «сказать, что с классовыми врагами я делаю все же некое общее историческое дело, а с людьми, принадлежащими к тому же классу, что и я, бесповоротно порываю». Однако он был все-таки убежден, что пришла пора покончить с этими «прекраснодушными иллюзиями» и вспомнить, что и в Европе партиям пролетариата приходилось время от времени иметь общее дело со своими классовыми врагами и не иметь никакого с анархистами, принадлежавшими к рабочему классу: «Пора вспомнить, – призывал Потресов, – что, как и у нас в России, в Европе когда-то существовали попытки совместно с анархистами заседать и работать и... окончились полнейшим фиаско. Международные конгрессы пролетариата только с тех пор стали работоспособными, когда постановили более не допускать в свою среду эти элементы, способные делать работу разрушения, но не годные ни для какого положительного творчества…

Я полагаю, – заканчивал он статью «Иллюзия единого фронта», – что и наши демократические учреждения, что и наши демократические партии заработают только тогда, когда политически и организационно эмансипируются, наконец, от своих роковых попутчиков. Когда это будет, я не знаю. Но боюсь, что до тех пор нам обеспечен паралич нашей реалистической демократии» [13].

26 октября произошло первое из многих последующих закрытие большевиками газеты «День», продлившееся до 6 ноября 1917 г. Потресов откликнулся на это статьей «На старых позициях», опубликованной 4 ноября в № 1 газеты «Друг народа». И в первую очередь после недельного вынужденного молчания выразил в ней свое безграничное презрение новому «начальству», заставившему фактом закрытия «Дня» «вспомнить царских держиморд»: «Мы этому начальству, – писал Потресов, – говорим: вы можете заткнуть нам глотку, вы можете нас уничтожить, но пока мы живы и наш голос звучит, он не даст вам ни отдыху, ни сроку. Мы будем вас бить оружием мысли, силою нашей аргументации…

Вы в массы доверившегося вам рабочего класса бросали обещания, не считаясь с возможностью их выполнения. Вы зажигали в народе надежды, которые вы сами признавали блуждающими призраками. И вам было легко и привольно в вашем звании профессиональных демагогов…

И вот судьба вашего головокружительного успеха сыграла с вами предательскую шутку: вы стали начальством! Ну что ж, попляшите теперь в этом новом для вас положении! Теперь уж не вы предъявляете требования, а от вас ждут исполнения тех обещаний, которые вы успели надавать. Платите по векселям. Общественное мнение не отстанет от вас и, как Шейлок [24], не зная пощады, будет спрашивать с вас обещанный вами фунт мяса: мира, хлеба и земли пожалуйте нам, не откладывая. Пошевеливайтесь, господа диктаторы! Иначе вы полетите вверх тормашками! Иначе вам худо будет, и усталый, голодный, жадный до мира народ не потерпит никаких проволочек ни под какими предлогами!..». Отчего же после того, как Троцкий разослал всем державам по телеграфу Декрет о мире, задавался вопросом Потресов, об этом самом мире ничего не было слышно: «Отчего ничто не наладилось, – продолжал он, – а все разладилось еще больше с того самого дня, что господа большевики осуществили идею Поприщина, вообразившего себя испанским королем: в обезумевшей стране пожелавшие стать господами?». И сам отвечал на свои вопросы: «Оттого, что став держимордой, хуже – палачом в Петрограде и в Москве, они не стали в силу этого хозяевами России, т. е. общепризнанной властью, властью волею всего державного российского народа. Они попытались украсть эту власть у Учредительного Собрания ...но оказалось, что эту власть, увы! невозможно похитить, что она неотделима от своего всенародного источника.

И оттого с ними не хочет, говорят, вступать в какие бы то ни было разговоры Вильгельм, а союзные послы снаряжаются в путь и пакуют свои чемоданы». Меньшевики-«оборонцы» же в этих условиях оставались верны себе и держали курс на «национальное единение в общенародной беде»: «Мы остаемся на старых позициях, – говорилось в заключении статьи Потресова. – Наш лозунг по-прежнему: всенародная, всеклассовая, общенациональная власть! Она одна способна стать во главе всеобщего процесса спасения страны и безумный хаос превратить в умный порядок!» [13].

Таким образом, в 1917–1918 гг. в газете «День», следуя своей «оборонческой» идеологии, Потресов и его единомышленники продолжали, по мере существовавших в их распоряжении возможностей, поддерживать идею коалиционного характера организации власти с участием представителей буржуазии и революционной демократии России и внесли значительный вклад в ведение патриотической пропаганды, направленной на спасение страны от разгрома Германией и ее союзниками.

1. Меньшевики в 1917 году: От января до июльских событий // Меньшевики в 1917 г. : в 3 т. / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М., 1994. Т. 1. С. 196–197.
2. *Потресов А. Н.* Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 245.
3. *Николаевский Б. А.* Н. Потресов. Опыт литературно-политической биографии // *Потресов А. Н.* Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 75–76.
4. *Николаевский Б.* Памяти С. О. Португейса (Ст. Ивановича) // Новый журн. 1944. Кн. VIII. С. 394–395, 397.
5. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 381.
6. См.: Меньшевики в 1917 году: От июльских событий до корниловского мятежа // Меньшевики в 1917 году : в 3 т. / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М., 1995. Т. 2. С. 436, 455, 479, 483.
7. *Гольц И.* По дорогам и ухабам жизни: последний меньшевик. Иерусалим, 2003. С. 250.
8. *Ваксберг А. И.* Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М., 1992. С. 38.
9. См.: URL : http://magazines.russ.ru/znamia/2008/5/za10-pr.html.
10. *Аронсон Г.* Степан Иванович (С. О. Португейс). (1880–1944) // Социалистический вестн. 17 марта 1944. № 5/6 (539/540).
11. *Захарова-Цедербаум К. И., Цедербаум С. И.* Из эпохи «Искры». (1900–1905 гг.) / предисл. В. И. Невского. М. – Л., 1926. С. 137.
12. *Далин Д.* Меньшевизм в период советской власти // Меньшевики / сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson, 1988. С. 149.
13. *Потресов А. Н.* Избранное / А. Н. Потресов. М., 2002. С. 222–226.

14. *Иванович Ст.* Привет армии // День. 1917. № 143 (16 104). 23 авг.
15. *Потресов А.* Через дисциплину! // День. 1917. № 142 (16 103). 22 авг.
16. День. 1917. № 149 (16 108). 29 авг.
17. *Потресов А.* Урок событий // День. 1917. № 150 (16 109). 30 авг.
18. *Кливанский С.* Корниловское восстание и армия // День. 1917. № 150 (16 109). 30 авг.
19. *Заславский Д.* Корнилов // День. 1917. № 151 (16 110). 31 авг.
20. *Потресов А.* Перестройка власти // День. 1917. № 152 (16 111). 1 сент.
21. День. 1917. № 157 (16 116). 7 сент.
22. См.: *Иванович Ст.* Демократическое совещание // День. 1917. № 154 (16 113). 3 сент.
23. *Потресов А.* На новой стезе // День. 1917. № 171 (16 130). 23 сент.
24. Персонаж пьесы Шекспира «Венецианский купец» Шейлок – жестокий и жадный ростовщик, требовавший вырезать по условиям векселя фунт мяса у своего неисправного должника.

Protection of A. N. Potresov and his Adherents of their «Defensive» Views in the Newspaper «Den′» in 1917–1918

E. V. Kostyaev

The article analyzes the protection of A. N. Potresov and his adherents of their «defensive» views on the First World War in the newspaper «Den′» in 1917–1918. In summary the author makes a conclusion that Mensheviks with defensive views made a significant contribution into patriotic propaganda with the purpose of rescuing Russia from Germany and its allies.

Keywords: First World War, February revolution, social democracy, Menshevism, defensive views, patriotic propaganda.

«Неизвестная» Поволжская конференция РСДРП: фантазия и реальность в отчете секретного сотрудника Симбирского ГЖУ

В. Н. Кузнецов

Статья раскрывает попытку секретного сотрудника Симбирского ГЖУ обмануть начальника управления и представить ему фальшивый отчет о несуществующей конференции РСДРП. Указывается, что положение симбирских социал-демократов представлено верно, и эти данные можно использовать в научном обороте.

Ключевые слова: жандармы, социал-демократы, секретные сотрудники, Симбирск, Саратов.

В начале мая 1908 г. секретный осведомитель Симбирского губернского жандармского управления Евгений Фёдоров по кличке «Николаев» объявил начальнику управления полковнику С. П. Шабельскому, что партийные рабочие выбрали его, Фёдорова, своим делегатом на Поволжскую конференцию. По словам «Николаева», она должна была состояться в Саратове. Распоряжение ЦК об этом получил член симбирского комитета Ф. Н. Иванов. В прошлом году на подобное мероприятие в Самару от Симбирска выезжал П. Соболев, арестованный в сентябре 1907 г. Деньгами и инструкциями Е. П. Фёдорова должен был снабдить еще один член комитета Н. С. Спирин.

Вскоре «Николаев» выехал из Симбирска, а по возвращении он представил С. П. Шабельскому подробный, едва ли не стенографический отчет о конференции, проходившей, по его словам, 15 мая. Правда, она оказалась не очень представительной, делегаты от Казани, Самары, Сызрани и Царицына, опасаясь арестов, не смогли прибыть. Так что, кроме нескольких саратовцев, из иногородних был один лишь Е. П. Фёдоров.

«Николаев» сообщает о выборе президиума, называет фамилии (М. Самсонов, П. Шувалов, А. Петров, К. Иванов и О. Петрова), подробно пересказывает доклад О. Петровой, полный конкретных географических и внутриорганизационных деталей, приводит свой доклад о положении дел в симбирской организации РСДРП.

Все это сохранилось в одном из дел фонда ГЖУ Государственного архива Ульяновской области. Рассказ «Николаева» о конференции не мог не вызвать у историка целый ряд вопросов. История большевиков в Поволжье, так же, как и по всей стране, была изучена весьма хорошо, но об этой конференции отсутствовали даже упоминания. Почему ни один исследователь не докопался до данного жандармского дела, до подобных дел в архиве Саратова и в ГАРФ? Другое дело – интерпретация, лакировка, партийный подход, но сам факт конференции должен быть зафиксирован, а этого нет. Получается, что можно говорить о маленьком, местного масштаба, но все же историческом открытии. Но здесь опять встают вопросы: в истории саратовской социал-демократии 1908 г. и ближайших лет не зафиксированы имена М. Самсонова, П. Шувалова, А. Петрова, К. Иванова и О. Петровой. Среди лидеров местных членов РСДРП в этот период значатся К. И. Пронин-Плаксин, З. П. Соловьёв, П. Е. Ефимов, К. А. Гвоздев, Г. И. Оппоков, Д. А. Топуридзе, В. П. Поздняков. Даже подробное знакомство со сводками агентурных данных и отчетов Саратовского охранного отделения не выявило таких лиц. Может быть, на конференции они выступали под партийными кличками? В любом случае положение в саратовской организации РСДРП не имело ничего общего с действительностью.

С. П. Шабельский вполне доверился «Николаеву». Е. П. Фёдоров был сотрудником проверенным, добытым еще полицмейстером Пифиевым. Все его сообщения подтверждались, на их основе проводились неоднократные аресты, была раскрыта подпольная типография. С. П. Шабельский ходатайствовал перед Департаментом полиции о поощрении сотрудника премией. Кроме того, доклад О. Петровой был явно индивидуален по стилю и изобиловал, как уже говорилось, всевозможной конкретикой. В итоге полковник составил подробнейший отчет и направил его в Особый отдел Департамента полиции. Возможно, он ожидал какого-либо, по крайней мере словесного, поощрения от начальства. Дело в том, что полковник С. П. Шабельский, по мнению руководства Департамента, не входил в число лучших работников. С 1902 г. он занимал должность помощника начальника Кутаисского ГЖУ в Батумской области, был женат, имел четверых детей [1]. В 1907 его назначили и. д. начальника уфимского ГЖУ, но в июле 1907 г. перевели на эту же должность в Симбирск. Все эти перестановки повышением назвать было трудно. И, кстати, то, что он не имел представления о

реальной картине революционного движения в соседних губерниях, говорит явно не в его пользу.

Оставалось предположить одно: конференция – плод фантазии «Николаева», который почему-то выдумал и конференцию, и поездку, и все остальное. Такое бывало. Секретные сотрудники жандармов порой кормили их откровенными «утками», такой случай произошел и в Симбирске.

Действительно, в другом деле жандармского фонда ГАУО обнаружилась еще одна бумага, касающаяся этой злосчастной конференции. В июле 1908 г. Шабельский получил ответ из Департамента полиции на свое сообщение туда о ней. Ответ не мог не обескуражить полковника. Вот его содержание: «Вследствие письма от 2 текущего июля за № 3427, Департамент Полиции считает нужным разъяснить Вашему Высокоблагородию, что полученные Вами от секретного сотрудника по Российской социал-демократической рабочей партии сведения о предстоявшем выезде его в г. Саратов для участия в собрании делегатов Поволжских социал-демократических организаций, безусловно, вызывали необходимость сопровождения названного лица наблюдением и принятия мер розыска по гор. Саратову, причем высказываемое Вами соображение о том, что в данном случае имело место «не конференция для выбора делегатов», а лишь «одновременный съезд представителей нескольких городов», нисколько не изменяло положение дел. Розыск должен быть направлен к получению возможности арестовать членов революционных партий изобличающими их материалами, всякого же рода съезды, независимо от той или другой преследуемой ими цели, являются наиболее благоприятными моментами для результатных ликвидаций, давая в руки розыскных органов разного рода письменные доказательства принадлежности собравшихся к преступным организациям – в виде протоколов заседаний, отчетов о состоянии местных групп и т.п. Последующее получение Вами от секретного сотрудника отчета о съезде, с обозначением присутствовавших на таковом делегатов и нескольких адресов, хотя и имеет некоторое значение, но польза от сего для розыска отнюдь не может быть признана равноценной с теми результатами, которые могли бы дать указанные выше и своевременно принятые меры.

Независимо от изложенных соображений, в настоящем случае сопровождение и проверка сотрудника путем наружного наблюдения представляли бы особый интерес в виду того, что, по донесению начальника Саратовского охранного отделения, основанному на данных местной внутренней агентуры, весь доклад представителя Симбирской организации о Саратовском съезде является «сплошным вымыслом».

Что касается несвоевременности уведомления Вашим Высокоблагородием Района о предстоявшем съезде, воспрепятствовавшей Району принять со своей стороны какие-либо меры, – то приводимые Вами, в объяснении этого, обстоятельства, по мнению Департамента, едва ли могут оправдывать вызвавшую промедление канцелярскую небрежность» [2].

Ответ был подписан лично заведующим секретным отделом Департамента полиции Климовичем. Полковник Е. К. Климович был опытным работником. До назначения на эту должность он занимал весьма хлопотный и ответственный пост начальника Московского охранного отделения, а в 1916 г. станет директором Департамента полиции. Во всем, что касалось агентурных данных и ликвидаций, он разбирался прекрасно.

Заслуживает внимания и упомянутый здесь начальник Саратовского охранного отделения ротмистр Мартынов – человек невысокого звания, но огромного таланта. В Саратовской губернии существовало одновременно Губернское жандармское управление во главе с полковником В. К. Семигановским и охранное отделение во главе с А. П. Мартыновым. Это было вызвано особой ролью Саратова в регионе. Губерния, куда входили такие крупные центры, как Саратов и Царицын, являлась центром эсеровского, да и социал-демократического движения Среднего и Нижнего Поволжья. Особенно это относилось к самому губернскому городу, которым и занимался А. П. Мартынов.

С работой он справлялся блестяще, стремясь не только разгромить революционное движение, но и, понимая, что полностью и на длительный срок это невозможно, направить его в наименее опасное для властей русло. Он имел хорошо налаженную агентуру и положение дел в Саратовской губернии знал отменно. Кстати, именно А. П. Мартынову и еще одному жандармскому офицеру в 1906 г. П. А. Столыпин поручил провести дознание по только что опубликованным «Протоколам сионских мудрецов», в результате чего те сделали вывод об их подложности. А. П. Мартынов вскоре получил звание подполковника, а в 1912 г. стал начальником Московского охранного отделения и занимал эту должность вплоть до февраля 1917 г. [3]. Поэтому его мнение о «сплошном вымысле» – это обоснованный вывод.

Однако и С. П. Шабельский не был новичком в своем деле. Почему же он поверил в предложенный фальсификат? Ответ мог быть только один: полковник плохо знал положение дел в Саратове, но хорошо представлял, что происходит у социал-демократов Симбирска.

Следовательно, та часть доклада Фёдорова, в которой он повествует о симбирских реалиях, истинна.

Вот она: «Отчет за 1907 г. Симбирской организации РСДРП.

В 1907 г. комитет состоял из 7 лиц: 1) Б. Кабанов (пропагандист), 2) М. Кузьмин, 3) В. Морозов, (распространитель литературы) 4) А.Кирьянов (ответственный техник), 5) Леночка (секретарь партии), 6) Орлов (зав. библиотекой), Соболев (пропагандист).

Деятельность комитета выражалась в следующем: в 1907 г. были организованы ячейки типографов, токарей и маляров, в каждой ячейке было 25 человек, и взносы поступали только однопроцентные. Членов партии насчитывалось до 500 человек, распределение было таково: интеллигентов – 5, рабочих – 315, учеников – 15.

Членские взносы поступали с 1 апреля по 1 сентября 1907 г., т. е. за 5 месяцев: ячейка типографов – 37 руб., токарей – 37 руб., маляров – 37 руб. Интеллигенция внесла 74 руб., ученики 12 руб. 50 коп. Члены неопределенных профессий делали пожертвования – 72 руб. 62 коп.

Итого: 269 руб.62 коп.

Расходы: на покупку пароходных билетов и поездку делегата на конференцию – 101 руб., на покупку бумаги для техники – 10 руб., помощь безработным товарищам – 20 руб., помощь арестованным товарищам – 20 руб., мелкие расходы – 97 руб., непредвиденные расходы – 13 руб. Всего: 261 руб.

Осталось: 8 руб. 62 коп.

Комитет решил обратиться за помощью в ЦК, но не успел он привести в исполнение своего решения, так как 20 сентября 1907 г. жандармерия сделала ликвидацию дел, в которую попал весь комитет, техника с техником, и с тех пор в Симбирске партия стала поголовно разбита, оставшиеся маленькие горсточки, безусловно, ничего сделать не могли, и тогда Симбирская организация прервалась почти на 5 месяцев, и только во второй половине февраля с прибытием новых работников вновь началась постепенно работа, но уже членов партии не только 500, но даже 200 не насчитывала. Членские взносы почти совсем не поступали, а подписные листы возвращались пустые, и только благодаря старанию одного из работников к первому числу в кассе стало денег более 200 руб.

Бездеятельность объясняется отсутствием в зимнее время конспиративной квартиры и холодным отношением членов партии к таковой.

Вместо 100 и более человек ожидаемых на общее собрание приходило 5 или самое многое 9 человек, на собрания ячеек публика также не являлась, и организаторам ничего не оставалось делать, как остановить свою деятельность» [3].

Таким образом, несмотря на лживость сведений о конференции, данные о симбирской организации РСДРП вполне соответствуют истине, и ими можно пользоваться.

1. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 11 676. Д. 107.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 855. Оп. 1. Д. 874. Л. 178–178 об.
3. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 868. Л. 58.

«Unknown» Volga Region Conference of the RSDLP: Fiction and Reality in the Report of Simbirsk Gendarmery Secret Agent

V. N. Kuznetsov

The article reveals the secret agent attempt to deceive the head of Simbirsk gendarmery and present him a false report about a mythical Conference of the RSDLP. It shows that the position of Simbirsk Social Democrats is truly represented and the data can be used in the scientific turnover.

Keywords: gendarmes, Social Democrats, secret agents, Simbirsk, Saratov.

«От Рязани – до Иркутска» (земский статистик Л. С. Личков)

С. В. Лёвин

В статье рассматривается жизненный путь известного земского статистика Л. С. Личкова. Он организовал статистические работы в Саратовской губернии, исследовал крестьянские хозяйства Рязанской и Иркутской губерний. Л. С. Личков являлся убеждённым сторонником крестьянской общины, считая, что она и в условиях капитализма может продуктивно функционировать. Автор статьи приходит к выводу, что Л. С. Личков свои наиболее значительные труды по статистике сделал в Саратовской губернии.

Ключевые слова: губерния, земская статистика, крестьянская община, статистическая перепись, уезд.

Наиболее социально активной группой земских служащих в конце XIX – начале XX вв. являлись земские статистики. Они составляли численно небольшую, но игравшую важную роль в среде земской интеллигенции группу. Одним из ярких ее представителей был Леонид Семёнович Личков.

Л. С. Личков родился в апреле 1855 г. в г. Холмогоры Архангельской губернии. Окончив в 1873 г. гимназию, он поступил в Петровскую земледельческую и лесную академию, но полного курса не окончил, примкнув к народническому движению. В 1876 г. его, по доносу некоего крестьянина Растворова, «привлекли к дознанию» по обвинению в «принадлежности его, Личкова, к тайному сообществу, занимавшемуся распространением в народе социально-революционных идей», но в июле 1877 г. «в виду того, что дознание не добыло достаточных улик в подтверждение заявления Растворова», дело в отношении Л. С. Личкова было прекращено «с отменою мер пресечения способов уклониться от следствия» [3, ч. 2 (3), л. 214]. Вскоре он поступил на службу в канцелярию архангельского губернатора и 18 июня 1881 г. за хорошую работу получил чин коллежского регистратора. Л. С. Личков являлся действительным членом Архангельского губернского статистического комитета и статистического отделения Московского юридического общества, принимая деятельное участие в их работе. Кроме того, с 26 мая 1879 г. по 1 февраля 1881 г. «при безукоризненном поведении, с полным знанием дела, усердием и исправностью» выполнял обязанности секретаря съезда мировых посредников Архангельска. С февраля 1881 г. по август 1882 г. Л. С. Личков проводил статистические переписи крестьянских хозяйств в Рязанской губернии, а с начала сентября 1882 г. возглавил статистический отдел при Саратовской губернской земской управе. По уточненным данным, Л. С. Личков приехал в Саратов 2 сентября, но из-за проверки на «политическую благонадежность» к работе допущен не был [7, с. 79]. 5 сентября канцелярия саратовского губернатора отправила запрос рязанскому губернатору с просьбой «сообщить сведения о нравственных его (Л. С. Личкова – С. Л.) качествах, степени политической благонадежности и безвредности в политическом отношении, а также Ваше заключение по вопросу о допущении Личкова к разъездам по селениям вверенной мне губернии для собирания статистических сведений» [5, л. 23–24 об.]. Только после положительной характеристики, данной рязанским губернатором, Л. С. Личков получил разрешение саратовского губернатора А. А. Зубова на «разъезды по Саратовскому уезду для собирания статистических сведений, касающихся экономического положения населения» [5, л. 29]. Однако в течение месяца он не мог выехать в уезд, так как в своем подчинении имел всего одного сотрудника. «Для собирания статистических сведений на местах, – сообщал саратовский губернатор в Департамент полиции 30 сентября 1882 г., – Управа вместо потребных нескольких человек имеет лишь одного – окончившего курс в Константиновском Межевом институте Сергея Васильева Истомина. Для заведывания статистическим бюро Управа пригласила Леонида Семёновича Личкова; но остальных лиц, которые потребны и предназначаются для собирания на местах статистических сведений, Управа еще не имеет в своем распоряжении» [3, ч. 1 (3), л. 78 об.].

В начале октября, хотя и «при неполном составе статистической партии», началось экономико-статистическое обследование Саратовского уезда. Стоит отметить, что и в дальнейшем статистические работы в уезде проводились «неполным составом статистической партии». «Хотя, затем, к концу октября, она и была в полном своем составе, – вспоминал Л. С. Личков, – но отчасти по болезни двух

(простудившихся во время разъездов) моих товарищей, отчасти потому, что мне лично нужно было руководить и подсчетными работами в Саратове, партия ни разу еще не работала в полном своем составе» [17, с. I]. Частью из-за этого, частью из-за недостаточной подготовленности сотрудников статистического бюро, но работа «на первых порах» шла медленно. «Для моих товарищей по работе, как людей, впервые только занявшихся статистическими местными исследованиями, необходимо было, прежде всего, убить немало времени, чтобы выработать известную сноровку, уменье, так сказать, «держать сход в руках», уменье понимать мужика и ставить ясные и понятные ему вопросы» [17, с. I].

В основу статистических работ Л. С. Личков положил программу московского земства, согласно которой приоритет отдавался изучению социально-экономического положения крестьянских хозяйств. Объектом исследования являлась целая сельская община. Разработанный Л. С. Личковым так называемый пообщинный бланк (анкета) по Саратовскому уезду содержал следующие разделы, на которые необходимо было получить ответы крестьян конкретной исследуемой общины: 1) описание селения; 2) описание крестьянских наделов; 3) форма землевладения; 4) садоводство; 5) огородничество; 6) пчеловодство; 7) значение земледелия для общины; 8) движение земельной собственности; 9) промыслы и заработки крестьян; 10) торговля; 11) кредит; 12) общественные строения; 13) доходные статьи общины; 14) сельские мирские расходы общины; 15) раскладки и взимание податей; 16) пути сообщения; 17) пожары, градобития, вредные звери и другие несчастные случаи; 18) медицина и болезни; 19) грамотность; 20) переселения и вселения; 21) изменения в экономическом положении общины; 22) нищенство; 23) семейные разделы; 24) питейное дело, постройки жилые и холостые; 25) ближайшие частные владельцы.

Статистики под руководством Л. С. Личкова, несмотря на все трудности, работали относительно быстро и к 1884 г. завершили обследование Саратовского, Петровского, Царицынского и частично Аткарского уездов. Собранный и обработанный материал саратовское земство использовало в своей практической деятельности, в частности, при распределении ссуд продовольственного капитала.

Вышедшие из печати сборники статистического материала по этим уездам получили положительные отзывы статистиков, экономистов, публицистов, земских деятелей. Один из корифеев земской статистики В. И. Орлов, выступая с докладом «О ходе земских статистических работ в 1884 году» на заседании Статистического отделения Юридического общества при Московском университете 7 ноября 1884 г., дал следующую оценку трудам саратовских статистиков: «Как 1-й выпуск саратовских трудов, так и 2-й, представляют массу интересного материала по разным сторонам хозяйственной жизни и деятельности населения» [21, с. 649]. Рассматривая написанную Л. С. Личковым главу о формах землевладения в Царицынском уезде, он подчеркнул, что она, «как и все труды саратовского статистического бюро, составляет ценный вклад в нашу статистическую литературу» [21, с. 652]. Однако заведующий рязанским губернским земским статистическим отделением В. Н. Григорьев, напротив, дал критический анализ статистических сборников саратовцев. Рецензируя сборник по Саратовскому уезду, он пришел к выводу, что «этот том не дает полного очерка крестьянского хозяйства в уезде» [6, с. 41]. «Но такая задача, – считает Е. С. Киселёва, – и не ставилась. Л. С. Личков планировал по каждому уезду составлять по три сборника статистических сведений – два (текстовые) с описаниями населенных пунктов уезда, подробнейшей характеристикой крестьянского хозяйства и один с таблицами» [7, с. 136].

Известный идеолог либерального народничества экономист и публицист В. П. Воронцов, анализируя сборник статистических сведений по Саратовскому уезду, выделил в качестве положительной стороны наличие в нем обстоятельного историко-географического и этнографического описания селений уезда, которые дают «нам массу нового и интересного». «Поэтому, – заявлял он, – настаивая на необходимости описаний в сборниках, мы понимаем последние в этом смысле, как к ним относятся, например, саратовские статистики (с г. Личковым во главе). Каждый том их сборника, кроме экономических таблиц по известному уезду, будет содержать обстоятельное и подробное исследование новых вопросов из числа намеченных программою; по вопросам же, уже рассмотренным в предыдущих сборниках, будут указываться лишь те уклонения и особенности, которые замечены при исследовании новых уездов. Сообразно такому плану, I-й том саратовского бюро дает нам описание лишь крестьянского землевладения и его форм и крестьянских аренд пашни, оставляя исследование других сторон быта населения до следующих выпусков сборника. Мы считаем этот план наиболее рациональным…» [2, с. 376].

На основе собранного материала Л. С. Личков, по поручению Саратовской губернской земской управы, «с целью дать не проект устройства обязательных общественных запашек, а материал для выяснения и правильной постановки этого вопроса», составил

обстоятельный доклад об общественных запашках в Саратовском, Петровском и Царицынском уездах [15, с. I]. Им же был подготовлен материал о семейных разделах в данных уездах. Проанализировав собранный материал, Л. С. Личков пришел к выводу, что здесь «семейные разделы усиливаются» [20, с. 27].

В июне 1884 г. по распоряжению исполнявшего обязанности губернатора Е. А. Куровского Л. С. Личков был уволен с должности заведующего статистическим отделением. Е. С. Киселёва предположила, что на него «был написан донос во время производства статистических работ в Петровском уезде зимой-весной 1884 г.» [7, с. 90]. Это увольнение поставило управу в «крайне затруднительное положение». Председатель губернской земской управы М. С. Кропотов, отстаивая кандидатуру Л. С. Личкова, писал Е. А. Куровскому 25 июня 1884 г.: «Согласно Вашему распоряжению заведующий статистическими работами Управы Л. С. Личков уволен от означенной должности. Между тем, распоряжение это ставит Губернскую Управу в крайне затруднительное положение. При ведении местных статистических исследований по различным уездам губернии, а особенно при обработке статистического материала, необходимо, по возможности, полное однообразие в приемах исследования и обработки: необходимо единство мысли, проведенной по всем статистическим сборникам и по всем отделам сборников, – единство точки зрения при окончательной обработке материала по различным вопросам. Между тем трудно надеяться, чтобы с удалением г. Личкова и с приглашением на его место другого заведующего, возможно было осуществление этих, предъявляемых к статистическим трудам требований, о которых я говорил выше. При всех сказанных условиях удаление г. Личкова из статистического отделения может только в высшей степени повредить делу и даже повести к совершенному прекращению статистических работ, так как без заведующего они невозможны» [5, л. 303–303 об.]. Защищая Л. С. Личкова от обвинений в «политической неблагонадежности», М. С. Кропотов приводит доводы, свидетельствовавшие об обратном: «В течение всего времени службы г. Личкова в статистическом отделении он, по мнению Управы, своим поведением не только не мог заслужить никаких нареканий, но, как нам кажется, напротив, мог дать только веские, основательные данные для того, чтобы в случае каких-либо недоразумений аттестовать его с хорошей стороны. Насколько известно, г. Личков почти 5 лет сряду занимается статистическими исследованиями и потому, имея постоянные сношения с народною массою, никогда и нигде, однако, не встречал к этому препятствий со стороны администрации, из чего можно предположить, что он ни разу не подал своим поведением повода заподозрить его в нежелательном отношении к народу» [5, л. 304]. Однако, несмотря на все доводы председателя губернской земской управы, Л. С. Личков был все же уволен.

Проводя статистические исследования в Саратовской губернии, Л. С. Личков много внимания уделял социально-экономическому и культурно-бытовому положению крестьянской общины. Следует заметить, интерес к сельской общине у него проявился еще в бытность его членом Архангельского губернского статистического комитета, по заданию которого он провел обследование общины Семилужской волости. Статистические работы в Саратовской губернии дали богатый материал для изучения крестьянской общины. Анализируя полученные данные, Л. С. Личков пришел к выводу, что крестьянская община «здесь довольно крепка». «Изучение форм крестьянского землевладения в Саратовском уезде, произведенное одновременно с подворною статистическою переписью его населения статистическим бюро Саратовской губернской земской управы выяснило сравнительную крепость общинных начал среди населения уезда», – констатировал он [10, с. 487]. Л. С. Личков утверждал, что «живучесть общины» не только в Саратовском, но и в других уездах губернии была обусловлена «выгодностью общинного землевладения для членов общины, теми преимуществами этой формы владения землей, какие она имеет перед другими формами» [18, с. 55; 11, с. 214]. Вместе с тем он не мог не видеть начавшегося процесса разложения крестьянской общины под воздействием проникавших в нее капиталистических отношений. На этот факт он обратил внимание, проводя исследования социально-экономического положения крестьянских хозяйств Рязанской губернии в 1881 г. «Признавая полезность общины и сочувствуя ее положению, – писал Л. С. Личков, – я тем не менее, не считаю себя в праве идеализировать ее современное положение» [9, с. 111]. Интересно отметить, что Л. С. Личков, сам в прошлом участник народнического движения, призывал к сохранению общины как некой преграды «развитию революционных идей в народе». «Правительство и общество, – писал он, – непременно должны заботиться о поддержании общины, так как община представляет одну из важнейших гарантий против «беспокойных» общественных элементов, препятствующих мирному развитию общества» [10, с. 495].

Такую точку зрения разделяли многие его коллеги – земские статистики. Например, полтавский статистик И. Я. Анисимов категорично заявлял, что с увеличением численности наемных работников, которыми становились про-

давшие свои земельные участки крестьяне-общинники, «растут и те беспокойные элементы, которые обыкновенно являются впоследствии предметом стольких забот и тревог для правительства и общества…» [1, с. 158]. По мнению руководителя самарского земского статистического отдела И. М. Краснопёрова, разложение общины имело не только негативные экономические последствия, но и общественно-политические, так как обеднение крестьянства приводит к появлению сельского пролетариата, «шляющегося на стороне» [8, с. 275].

В 1887 г. Л. С. Личков вместе с Н. М. Астырёвым и Е. А. Смирновым, по поручению Министерства государственных имуществ, отправился в Иркутскую губернию «для исследования условий быта сельского населения в Восточной Сибири в видах правильного разрешения вопросов о размерах земельного надела и оброчной подати» [4, л. 8]. Итогом этих работ стали несколько томов «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта Иркутской и Енисейской губерний». С материалами проведенных исследований Л. С. Личков выступил в начале 1890-х гг. на заседаниях исторического общества Нестора-летописца, созданного при университете Святого Владимира в Киеве. Основное внимание в своих выступлениях он уделил использованию в статистических, историко-этнографических исследованиях такого исторического источника, как устные предания и воспоминания местных старожилов. «К разбору дел и вообще архивных материалов, – говорил Л. С. Личков, – приступать почти не приходилось, потому что ни я и никто из моих товарищей не располагали для этого необходимым временем и могли получать данные по истории заселения только попутно, только применяя тот же способ расспроса, какой был нами принят для собирания статистических материалов, – только по преданиям, сохранившимся у местного населения (выделено в тексте – С. Л.)» [12, с. 78]. При этом Л. С. Личков подчеркивал субъективный характер данного вида источника, указывая на необходимость его проверки. «Прежде чем пользоваться этим материалом для обработки и выводов, зная уже его специфические недостатки и особенности, – отмечал он, – я все-таки решил испытать его сравнением с случайно добытыми мною официальными архивными данными о времени заселения по двум совершенно разнородным районам. Сравнение тех и других данных убедило меня в том, что пользование сведениями вполне допустимо и возможно при необходимой осторожности в обращении с ними...» [12, с. 79]. Нельзя не согласиться с мнением Д. Я. Майдачевского, что содержание этих докладов «интересно не столько конкретными фактами, сколько рассказом о новом для исторической науки методе их получения – методе устной истории, активно использовавшемся статистиками в ходе изучения крестьянской общины в Сибири, но еще не вошедшем в арсенал исторической науки» [14, с. 181].

На устные предания старожилов как информативный источник Л. С. Личков обратил внимание еще во время проведения статистических работ в Саратовской губернии. Обследуя в 1882–1883 гг. Саратовский и Царицынский уезды, он, на основе устных сказаний и преданий, пришел к выводу, что в Саратовском уезде большинство жителей «не помнят происхождения у них общинного землевладения, а если где и существуют эти воспоминания, то они большею частию очень смутны и спутаны» [18, с. IV]. Напротив, многие жители Царицынского уезда хорошо помнили историю своей «малой родины». «Здесь, – резюмировал Л. С. Личков, – во многих селениях воспоминания о происхождении общинной формы владения довольно полны и определенны. Само собою понятно, что мелочи, детали уже исчезли из памяти крестьян, так как со времени образования общинного землевладения в большинстве селений прошло несколько десятков лет. Однако и по собранным нами, со слов крестьян, сведениям, можно все-таки составить более или менее определенное представление о причинах происхождения именно общинной формы владения и о тех условиях, какими сопровождалось образование общин» [19, с. II]. Анализируя собранный материал, Л. С. Личков пришел к выводу, что первоначально в Царицынском уезде господствовало «захватное право владения землей», сменившееся позднее общинным.

Справедливости ради стоит заметить, что устные предания, воспоминания использовали многие земские статистики. Так, С. А. Харизоменов, сменивший Л. С. Личкова в должности руководителя саратовской земской статистики, при обследовании каждого уезда использовал данный вид источника для составления историко-географического описания селений. Он также считал, что к данной категории источников нужно относиться с «большой осторожностью, особенно там, где дело идет о событиях прошлых лет» [22, с. 264].

Летом 1890 г. Л. С. Личков получил приглашение от генерал-губернатора Юго-Западного края А. П. Игнатьева исследовать крестьянское землевладение на Украине и в 1892 г. возглавил отдел по крестьянским делам при канцелярии киевского, волынского и подольского генерал-губернатора. За проведенные исследования крестьянской общины Л. С. Личков в 1893 г. был награжден большой золотой медалью Русского географического общества по отделению этнографии и статистики.

Большое внимание Л. С. Личков уделял вопросам развития земской статистики. Принимая участие в работе подсекции статистики на X съезде русских естествоиспытателей и врачей, состоявшемся в августе 1898 г. в Киеве, он выступил с докладом, в котором обосновывал необходимость создания статистического общества. Были составлены два его проекта; один написал А. В. Пешехонов, другой – Л. С. Личков и П. И. Неволин. Специально созданная по этому поводу комиссия пришла к следующему выводу: «Признать настоятельно необходимым и неотложным учреждение Русского Статистического Общества, которое имело бы целью, с одной стороны, развитие статистических знаний и исследований в России, а с другой, – нравственную и материальную помощь лицам, занимающимся статистическими трудами» [16, с. 286]. Кроме того, предполагалось, что намеченное объединение статистиков будет содействовать успешному завершению оценочных работ, которые проводились почти во всех земских губерниях. Проект устава общества русских статистиков был разослан для обсуждения во все губернские земские статистические бюро. К сожалению, образовать общество так и не удалось. К этому вопросу Л. С. Личков вернулся в 1902 г., выступив с рядом статей на страницах журнала «Киевская старина», в которых указал на «необходимость неотлагательно заняться выяснением печального положения нашей официальной статистики, ее нужд и потребностей, и ближайших способов ее улучшения» [13, с. 1–2].

В 1898 г. Л. С. Личков временно оставил занятия статистикой, перейдя на службу в киевский Крестьянский банк. В 1916 г. он возглавил публичную библиотеку Киева, а с 1920 г. по 1930 г. руководил городским статистическим отделом. Скончался в 1943 г. в Киеве.

Леонид Семёнович Личков не стал известным ученым или деятелем культуры, но он много сделал для изучения социально-экономического и культурно-бытового положения крестьянства пореформенного периода. Его труды по земской статистике и крестьянской общине остаются ценным источником по социально-экономической истории России конца XIX – начала XX вв.

1. *Анисимов И. Я.* Разложение нашей земельной общины // Вестн. Европы. 1885. Кн. 1. С. 111–161.
2. *В. В. [Воронцов В. П.]* Внутреннее обозрение // Вестн. Европы. 1885. Кн. 7. С. 353–389.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 78. 1882 г. Д. 625.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 27. Д. 621. Т. 1.
5. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3644.
6. *Григорьев В. Н.* Земско-статистические исследования по Саратовской губернии // Русская мысль. 1886. Кн. 4. С. 40–56.
7. *Киселёва Е. С.* Становление и развитие земской статистики в Саратовской губернии (1882–1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012.
8. *Краснопёров И. М.* Крестьянские платежи и недоимки в Бузулукском уезде // Юридический вестн. 1886. Т. XXIII. Кн. 2. № 10. С. 213–240.
9. *Личков Л. С.* Выкупная операция как разрушитель общины // Дело. 1881. № 11. С. 107–118.
10. *Личков Л. С.* К вопросу о разложении поземельной общины // Юридический вестн. 1886. Т. XXI. Кн. 3. С. 487–499.
11. *Личков Л. С.* Еще к вопросу об общине // Юридический вестн. 1887. Т. XXVI. Кн. 2. № 10. С. 214–227.
12. *Личков Л. С.* Новые данные по истории заселения Сибири // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. 1895. Кн. IX. С. 76–125.
13. *Личков Л. С.* К вопросу о реформе официальной статистики // Киевская старина. 1902. Т. LXXVI. № 1. С. 1–34.
14. *Майдачевский Д. Я.* «Живая история» сибирской общины: Л. С. Личков // ЭКО. 2006. № 3. С. 170–184.
15. Общественные запашки в Царицынском, Саратовском и Петровском уездах Саратовской губернии. (Составлено вследствие предложений г. министра внутренних дел от 31 августа 1884 г. за № 6847). Саратов : Тип. губернской земской управы, 1884. 156 с.
16. Протокол комиссии по вопросу об учреждении Общества русских статистиков // Тр. подсекции статистики X съезда русских естествоиспытателей и врачей в Киеве 21–30 авг. 1898 г. Чернигов : Тип. губернского земства, 1900. С. 285–287.
17. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Саратовский уезд. Ч. 1. Вып. 1. Саратов : Изд. Саратовского губернского земства; тип. Саратовской губернской земской управы, 1882.
18. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. I. Саратовский уезд / под общ. ред. Л. С. Личкова. Саратов : Изд. Саратовского губернского земства; тип. Саратовской губернской земской управы, 1883.
19. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. II. Царицынский уезд / под общ. ред. Л. С. Личкова. Саратов : Изд. Саратовского губернского земства; тип. Саратовской губернской земской управы, 1885.
20. Семейные разделы в Саратовском, Петровском и Царицынском уездах Саратовской губернии / сост. Л. С. Личков. Саратов : Тип. Саратовской губернской земской управы, 1885.

21. Статистическое отделение в 1884–1885 гг. Протоколы заседаний. Заседание 7 ноября 1884 г. // Юридический вестн. 1886. Т. XXII. Кн. 4. № 8. С. 622–683.

22. *Харизоменов С. А.* Материалы по истории заселения Саратовской губернии // Тр. Саратовской ученой архивной комис. 1888. Т. 1. Вып. 1–5 (2). С. 264–277.

«From Ryazan – to Irkutsk» (Zemstvo Statistician L. S. Lichkov)

S. V. Lyovin

The paper considers the life journey of a famous zemstvo statistician L. S. Lichkov. He organized statistical work in Saratov province, investigated peasant households in Ryazan and Irkutsk provinces. L. S. Lichkov was a strong supporter of a peasant community and believed it could productively function under capitalism. The author of the paper comes to the conclusion that L. S. Lichkov did his most significant works on statistics in Saratov province.

Keywords: province, zemstvo statistics, peasant community, statistic census, county.

Волостной суд в системе правового регулирования деятельности крестьянской общины во второй половине XIX – начале XX вв.

Д. С. Максимов

В статье раскрыта роль волостного суда в системе правового регулирования деятельности крестьянской общины во второй половине XIX – начале XX вв., определены его функции и компетентность в рассмотрении уголовных и гражданских дел.

Ключевые слова: волостной суд, староста, земский начальник, жалоба, наказание, крестьянин.

Важную роль в правовом регулировании деятельности крестьянских обществ играл волостной суд. Его создание трактовалось как «одна из сословных льгот крестьянства», так как он создавался для крестьян, которым предоставлено было право судиться через своих выборных людей. В «Общественном Положении», утвержденном в 1902 г., было отмечено: «Один раз в три года каждое сельское общество выбирало по одному человеку из лучших и преимущественно грамотных односельчан, не моложе 35 лет, в кандидаты на Волостной Суд. Из этих кандидатов, *число которых было равно числу обществ волости*, один из делегатов утверждался в звании Председателя Волостного Суда Уездным Съездом. Трое из делегатов утверждались в должности Судей Земским Начальником, остальные же числились кандидатами и по очереди, установленной Земским Начальником, замещают постоянных судей в случаях болезни, отлучек и т. п.» [1, ст. 111, 114, 115, с. 65]. То есть происходила постоянная ротация судей.

Земский начальник, которому общества представляли приговоры о выбранных кандидатах, выбирал из них лучших, по его мнению, людей для постоянного присутствия в волостном суде. За свою работу члены волостного суда имели жалованье за счет мирских сборов. Председателю полагалось жалованье от волости в сумме не более 100 руб. в год, каждому же из судей – не более 60 руб. в год. «Председатель и трое судей, приняв присягу, образовывали собою присутствие Волостного Суда, в которых также участвовали и другие выборные из обществ кандидаты, в первую очередь, в должности делопроизводителя-протоколиста, записывающего то, что делается во время судебного заседания и что решал суд» [1, с. 65].

Иногда должность делопроизводителя-протоколиста возлагалась на волостного писаря. Это зависело от решения участкового земского начальника. Как трактовалось в «Общественном положении», «должность делопроизводителя могла быть возложена на одного из судей. Волостной писарь, даже если он и был допущен в делопроизводители, он не должен был принимать участие ни в обсуждении вопросов, выносимых на заседание Суда, ни в принятии решения» [1, с. 65]. Судебная практика показывала, что если он это попытался бы сделать, то его должен был остановить председатель, отвечающий за порядок в суде.

Собирался волостной суд преимущественно в праздники, не менее 2 раз в месяц, а если требовала необходимость, то «можно было собирать заседания Волостного Суда, по мере необходимости, и чаще» [1, с. 65].

Волостной суд разбирал как гражданские дела, так и уголовные, т. е. дела «о проступках, за которые и накладывал наказание» [1, с. 65]. При этом волостной суд руководствовался «Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», но накладывал наказания гораздо ниже, чем по Уставу полагалось. Так, «...если кража по Уставу наказывалась 1 ½ месяцами тюрьмы, то Волостной же Суд за этот проступок имел право только арестовать виновного, чье преступление было доказанным, на 30 дней или наказывал розгами» [2]. Это право было дано волостному суду, так как ему были подведомственны все крестьяне волости, часто не понимающие всей тяжести своего проступка перед законом. Волостному суду «...были подведомственны все крестьяне, мещане, ремесленники, цеховые, временные купцы (т. е. крестьяне, взявшие торговые свидетельства), вообще все подобные лица, живущие в сельской местности, совершившие незначительные проступки» [3].

В гражданских делах, т. е. делах по спору об имуществе, особенно по наследственным делам, «…Волостной Суд имел право руководствоваться местными обычаями, т. е. теми взглядами, которые укоренились в этой местности и вошли в повседневную жизнь»... [1, ст. 135, с. 72]. В подтверждение существования местного обычая «…Волостные Суды имели право принимать и соглашаться с приговорами об этом, принимаемыми на сельских сходах...» [4]. Право руководствоваться не общим для всей России гражданским законом,

изложенным в томе X Свода Законов, а местным обычаем давало возможность волостному суду защищать сельских жителей, от происков разных нечистоплотных дельцов и прочих «темных личностей», которые хотели поживиться за счет крестьян. Члены волостного суда решали рассматриваемые дела на основании имеющихся в деле доказательств, зачастую «по совести».

Все четверо судей с делопроизводителем помещались за отдельным столом, обычно в Волостном правлении и «...имели специальные нагрудные знаки» [1, ст. 198, с. 89]. Начинать заседание они «...должны были именно в тот час, на который посланы повестки лицам, имеющем дело к Суду. Если кому-нибудь из судящихся (истцу, ответчику, обвиняемому, обвинителю) повестки не вручены, то Суд должен дело отложить до будущего раза, иначе он лишал их права защиты. Если повестки были вручены, а по гражданскому делу не явился истец (жалобщик) или по уголовному, но кончающемуся примирением – обвинитель, и не представил причин своей неявки – Волостной Суд должен был дело прекратить и считать его оконченным, а ответчика и свидетелей отпустить домой. Если же не являлся ответчик и не представил о причине неявки уведомление, то Суд, по просьбе истца, рассматривал дело заочно, не дожидаясь ответчика, и разрешал его на основании слов истца, а если были свидетели, то и свидетелей. Копию решения Суд посылал ответчику после суда» [5].

Все поступающие в суд дела рассматривались по очереди, и порядок их слушания зависел от председателя суда и стоящего над ним участкового земского начальника. Председатель вызывал из публики участвующих в рассматриваемом деле лиц и удалял свидетелей в другую комнату, чтобы они не могли слышать объяснения сторон [6]. «Показания каждого из судящихся снимали публично, причем, кроме Председателя, вопросы имели право задавать и судьи. Показания эти записывались делопроизводителем в книгу решений и подписывались так же, как и показания свидетелей, которые вызывались в Суд и давали показания и объяснения по очереди, один за другим, непременно в присутствии сторон» [7]. Если суд находил нужным решить дело на месте, то имел право и даже должен был «...выехать в полном составе на место и решить дело там, что нередко имело место в судебной практике Волостных Судов» [1, ст. 120, с. 66].

Было установлено, что «…подлежали рассмотрению в Волостном Суде по подсудности дела уголовные, указанные в ст. 127–129 Общего Положения, изданного в 1902 г., совершенные в пределах волости лицами, подведомственными Волостному Суду и против таких же лиц...» [1, с. 70]. Не были подсудны волостному суду дела, связанные с:

а) конокрадством и кражей крупного домашнего скота;
б) утайкой найденного, сумма которого составляла свыше 100 руб., если хозяин находки был известен;
в) необъявление о находке, превышающей в сумме 300 рублей;
г) нарушение условий найма по договорному листу [1, ст. 129, с. 69];
д) оскорбление волостного старшины [8] и волостного суда во всем его составе. Подобные дела уже рассматривались уездным съездом мировых судей [9].

Что же касалось дел гражданских, имущественных, то такие дела подлежали волостному суду в тех случаях, когда спор шел вокруг разрешения следующих проблем:

1) между крестьянами об имуществе, входящем в состав крестьянского надела, и о наследстве по этому имуществу – на всякую сумму;
2) между крестьянами так же, как и между всеми остальными лицами, подведомственными волостному суду, о деньгах или вещах не выше суммы 300 руб.;
3) в случаях, если рассматривались вышеупомянутые дела, когда истец, не подведомственный волостному суду, пожелал, чтобы дело рассматривалось именно в волостном суде;
4) в случаях, когда осуществлялся дележ наследства и вообще дела по наследству, по решению земельных дел, связанных с участками, не входящими в состав крестьянского надела, ценой до 500 рублей [1, ст. 126, с. 65].

Не были подсудны волостному суду «...иски об убытках, причиненных деятельностью должностных лиц крестьянского самоуправления, возникшие благодаря их нерадению, халатному исполнению служебных обязанностей, медлительности или неосмотрительности по службе...» [10].

Желающий начать дело в волостном суде «...должен был обратится с жалобой, письменной или устной к Земскому Начальнику, Председателю Суда, Старшине или же послать жалобу по почте на имя Волостного Суда» [1, ст. 132, с. 70]. Если кто-либо желал отыскать недвижимое имущество (скажем, землю), то должен был «...обращаться к суду той волости, где это имущество находилось; если же он искал имущество движимое (деньги, скот, платье) то также... должен был обращаться в суд той волости, где лицо, с которого он желал взыскать имущество, – ответчик – жил или временно пребывал…» [1, ст. 126, с. 68]. Если кто-либо «...по одному и тому же договору искал имуще-

ство, которое он хотел отсудить с нескольких ответчиков, которые жили в разных волостях, то имел право обратиться к суду одной из волости по своему выбору...» [11].

Получив повестку в суд, каждый крестьянин был обязан на него явиться лично и именно в тот час, на который вызывался; но если он жил вне пределов волости и дальше 15 верст от суда, который его дело разбирал, то вместо себя он имел право послать кого-либо из родных, домашних или односельчан, но только в том случае, если они не занимались хождением по делам вообще, т. е. не принадлежали к числу так называемых деревенских «аблакатов» (адвокатов). Однако «Волостной Суд может их и допустить, и не допустить, что зависело от уважительности причины, почему вызываемый сам не являлся» [1, ст. 133, с. 70]. «Если вызываемый в суд не явился по вызову и не кем себя не заменял, то Суд мог дело прекратить. Любое решение волостного суда вступало в законную силу и подлежало исполнению через 30 дней со дня объявления сторонам. Те, кто был недоволен решением Волостного Суда, имели право через 3 дня после Суда получить копию и могли обжаловать его в течение 30 дней. Для этого было нужно подать в установленный срок письменное прошение в двух экземплярах на имя Земского Начальника и подать его в Волостной Суд или сдать на почту, а Волостной Суд после получения этого прошения представлял жалобу и все рассмотренное дело Земскому Начальнику. По делам уголовным, где Волостным Судом было наложено взыскание: штраф не выше 5 рублей или арест не дольше 3 дней, а также по делам гражданским, где разыскивалось имущество на сумму не выше 30 рублей, Земский Начальник рассматривал дело самолично, и если признавал его правильно решенным, то оставлял жалобу без последствий, после чего решение приводилось Волостным Старшиной без промедления в исполнение. Тот, кто решением Земского Начальника не был доволен, имел право жаловаться в Губернское по крестьянским делам Присутствие, но решение Волостного Суда все равно приводилось в исполнение»[1] [1, с. 74]. Все остальные дела, «решенные Волосным Судом, Земский Начальник, получив от Волостного Суда вместе с жалобами недовольных, представлял в Уездный Съезд мировых судей, который и рассматривал представленное дело вновь»; туда же «…представлял он мелкие дела, если находил, что Волостной Суд решил их неправильно» [1, ст. 141. с. 74]. Когда решение волостного суда вступало в законную силу, оно немедленно должно было быть приведено в исполнение волостным старшиной. Если же «...Волостной Старшина долго не приводил его в исполнение, то любой имел право жаловаться Земскому Начальнику...» [1, ст. 28, с. 34], который и приказывал Волостному Старшине привести его в исполнение без промедления и может с него «...взыскать за медлительность» [12]. Если же присужденному к аресту по какой-либо уважительной причине (рабочее время, болезнь и т. п.) было очень неудобно немедленно отбывать арест, то он имел право просить волостной суд об отсрочке, и суд мог ее дать ему до 6 месяцев, с разрешения земского начальника. Если крестьянин был решением волостного суда приговорен к наказанию розгами, то подвергнуть его телесному наказанию без разрешения земского начальника никто не имел права, а земский начальник «...имел право заменить осужденному наказание розгами арестом» [1, ст. 139, с. 68].

«Волостной Суд находился под постоянным надзором Земского Начальника, который его и ревизовал не менее 2 раз в год. Председатель и Судьи находились в его полном подчинении, как и все лица крестьянского самоуправления, и подлежали ответственности наравне с ними» [1, ст. 20, с. 96]. Волостные суды неправильно принимали некоторые решения, которые затем отменялись по решению суда. Например, в 1902 г. прокурор Симбирского окружного суда, расследовав факт незаконного сноса по требованию станового пристава Тронова надворных строений крестьянки Лазаревой П. Г., проживающей в с. Порецком Алатырского уезда, отменил его. Решение о сносе было принято на основании незаконного решения волостного суда. В результате вмешательства прокурора справедливость была восстановлена [13].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. были четко отрегулированы функции волостных судов. Это давало возможность волостному суду защищать сельских жителей более эффективно.

1. Общественное положение. СПб., 1902.
2. Сравнительный анализ проведен на основании Устава о Наказаниях... (ст. 169) и Общественного положения (СПб., 1902 г., ст. 148.).
3. Высочайше Утвержденное Мнение Государственного Совета. 1889. 12 июля. Отд. VIII; Циркуляр МВД. СПб., 1892. № 2. С. 31.
4. Решение Правительствующего Сената. 1876. № 295; Решение Правительствующего Сената. 1885. № 8 (См.: Решения Правительствующего Сената: сб. док. СПб., 1890. Т. 1. С. 113).
5. Циркуляр МВД. 1890. № 44. (См.: Циркуляры МВД (1870–1895 гг.) : сб. док. СПб., 1896. С. 45).

[1] Практика осуществлялась на основании Общественного положения (СПб., 1902 г. Ст. 141. С. 74).

6. Подобная практика осуществлялась на основе Устава гражданского судопроизводства (См.: Полное собрание существующих узаконений с изменениями и дополнениями и с изложением в извлечении основных законов. Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. М., 1867. Т. 2. Ст. 645. С. 124).
7. Подобная практика осуществлялась на основании Разрешения МВД от 12 июня 1901 г. № 344. (См.: Циркуляры МВД : сб. док. СПб., 1904. С. 23).
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1888. Ст. 288. С. 300.
9. Подобная практика осуществлялась на основе Решения Правительствующего Сената. 1896. № 24 (См.: Решения Правительствующего Сената: Сб. док. СПб., 1890. Т. 1. С. 121), а также на основе Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (СПб., 1888. Ст. 282).
10. Циркуляр МВД. 1892. № 15; Циркуляр МВД. 1892 г. № 45 (См.: Циркуляры МВД (1870–1895 гг.) : сб. док. СПб., 1896. С. 55).
11. Эта практика изложена в требованиях Устава гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (Ст. 33).
12. Положение о Земских начальниках. СПб., 1902. Ст. 23, 58. С. 22, 44.
13. ГАУО. Ф. 108. Оп. 50. Д. 83. Л. 73.

Volost Court in the System of Legal Regulation of Peasant Community (late XIX – early XX Century)

D. S. Maksimov

The article reveals the role of volost court in the system of legal regulation of a peasant community in the second half of the 19th and beginning of the 20th century. The author describes its functions and competence in hearing criminal and civil cases.

Keywords: volost court, headman, land captain, complaint, penalty, peasant.

Дисциплинарные отношения в Российской армии во второй половине XIX – начале XX вв.

В. Ф. Мартынов

В статье, подготовленной на основе анализа отечественной литературы, исследуется исторический опыт Российского государства в укреплении дисциплины в русской армии во второй половине XIX – начале XX вв. Особое внимание уделено исследованию теоретических и организационно-правовых основ формирования у военнослужащих высокой дисциплинированности, раскрытию дисциплинарно-карательного направления в деятельности государственных и военных органов Российского государства в процессе утверждения законности и правопорядка в войсках, выявлению роли и места военного уголовного законодательства в интересах укрепления воинской дисциплины.

Ключевые слова: русская армия, воинская дисциплина, порядок и организованность, офицеры, нижние чины, государственные и военные органы, правоохранительная деятельность, моральный фактор.

Во второй половине XIX в. в практике укрепления воинской дисциплины возникла необходимость в переходе от мер устрашения, характерных для армии прошлого, к воспитательной и дисциплинарно-карательной системе. Этот процесс тормозился наличием несовершенной законодательной базы; законы устарели и не отвечали требованиям воинской дисциплины в новых исторических условиях. На тот момент основными правовыми документами, определявшими работу по поддержанию дисциплины в войсках, были Полевое уголовное уложение (1812 г.) и Военно-уголовный устав (1839 г.), содержание которых дублировало положения воинских уставов петровской эпохи. Поэтому интересы наведения в войсках порядка потребовали создания специальной законодательной базы, четко регламентирующей дисциплинарные отношения в военной среде.

В 1861 г. по представлению военного министра Н. О. Сухозанета (1856–1861 гг.) на Высочайшее имя был представлен проект положения о взысканиях по правилам воинской дисциплины [1] (составитель – сенатор И. Х. Капгер). Документ был одобрен Александром II в целом и затем направлен для замечаний и уточнений в комитет, состоящий из высших военных чинов по сухопутным и морским ведомствам. Итоги работы комитета были представлены на высочайшее утверждение, и в 1863 г. «Положение об охранении воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных» [2] было введено в действие.

В этом документе уже не были предусмотрены телесные наказания шпицрутенами, плетьми, клеймения и другие виды наказаний, позорящих человеческое достоинство. Однако розги как мера наказания нижних чинов, находящихся в разряде штрафованных, еще была оставлена. «Положение» отменяло существующий закон об увольнении офицеров со службы за дурное поведение по распоряжению начальников и учреждало суды общества офицеров, которым предоставлялось право удалять из своей среды тех офицеров, которые по образу жизни окажутся недостойными носить воинский мундир.

В «Положении», которое, по существу, и являлось первым дисциплинарным уставом, впервые в русское военное законодательство было введено определение воинской дисциплины. Параграф первый «Положения» гласил: «Воинская дисциплина состоит в строгом соблюдении предписанных законами правил, в сохранении во вверенной команде совершенного порядка и добросовестном исполнении приказаний без всякого произвольного их изменения и в неоставлении, по слабости надзора или пристрастию, поступков и упущений без взысканий». В статье 4 указывалось, что начальнику необходимо «...справедливым, соблюдать должное приличие».

В 1867 г. «Положение» было пересмотрено, и в 1869 г. на его основе впервые появляется Дисциплинарный устав [3]. В нем регламентировались дисциплинарные отношения военнослужащих между собой во время и вне службы. Воинская дисциплина в соответствии с Уставом заключалась «в точном и беспрекословном исполнении приказаний начальства, строгом соблюдении чинопочитания, сохранении во вверенной команде порядка, добросовестном исполнении обязанностей службы и неоставлении проступков и упущений подчиненных без взыскания».

Изменение духа новой воинской дисциплины сквозит в каждой статье этого документа. Статья 4 гласила, что начальник должен

«избегать всякой неуместной строгости, неоправдываемой требованиями службы, развивать и поддерживать в каждом офицере и солдате сознание о высоком значении воина, призванного к защите Престола и Отечества от врагов внешних и внутренних».

Кроме того, в Дисциплинарном уставе 1869 г. были перечислены все виды взысканий, налагаемые на нижних чинов и офицеров, а также чиновников военного ведомства. Устав определял права начальников и порядок наложения взысканий. В него были включены статьи о правилах подачи жалоб и претензий.

Основные положения Дисциплинарного устава 1869 г. оставались неизменными до февраля 1917 г. Тем не менее отдельные его пункты постоянно детализировались. Не последнее место при составлении Дисциплинарного устава играл опыт западноевропейских государств. Например, при разработке Нового дисциплинарного устава» 1879 г. использовались положения нового прусского Дисциплинарного устава относительно порядка дисциплинарной практики начальствующего состава [4].

После 1869 г. Дисциплинарный устав уточнялся неоднократно. Главные изменения произошли в 1879, 1888, 1912 гг. Хронологический анализ изменений в Дисциплинарном уставе свидетельствует о постепенной гуманизации дисциплинарной практики. Так, при пересмотре в 1879 г. Устава ввиду введения всеобщей воинской повинности в ст. 2, где речь велась о случаях, когда подчиненный не должен выполнять приказ начальника, предлагалось исключить слова «или совершит деяния явно преступные». Против такого исключения возразил главный военный прокурор: «Основы дисциплины покоятся на правилах религии, нравственности, долга, чести, т. е. на таких присущих человеку принципах, с которыми он живет и умирает. Затем, если присяга на верность службы должна составлять святыню для начальника, она не менее свята и для подчиненного. Вот почему закон и предписывает подчиненному повиноваться беспрекословно начальнику до тех лишь пор, пока начальник ведет подчиненного к соблюдению святости принятой последним присяги в обширном смысле этого слова, т. е. к добру, а не к преступлению; к охранению закона государя, а не к нарушению постановлений монарха» [5].

Покушение на Александра II стало причиной перехода правительства Александра III к открытой реакции. Вместе с тем на содержании Дисциплинарного устава это никак не отразилось. И после 1881 г. составители устава руководствовались принципами гуманности и справедливости. В новых условиях применение Дисциплинарного устава на практике обнаружило недостаточную точность и полноту некоторых его статей, а иногда и несоответствие его требованиям дисциплины. Поэтому с 1882 г. начался новый его пересмотр, и 28 мая 1888 г. проект Дисциплинарного устава был утвержден императором. Этот документ содержал 14 глав и 166 статей [6].

К наиболее спорным вопросам при отработке проекта Дисциплинарного устава 1888 г. относились следующие [7]:

- целесообразно ли включать в число дисциплинарных взысканий, налагаемых на офицеров и гражданских чиновников военного ведомства, назначение их не в очередь в наряды по службе;
- необходимо ли при увольнении в дисциплинарном порядке от службы предлагать офицеру подать просьбу об отставке;
- о предании виновного суду общества офицеров;
- какому суду общества офицеров подлежат офицеры, прикомандированные к части, при которой такого суда не учреждается, и т. д.

Как показывает исследование, работа над проектом Устава 1888 г. проводилась скрупулезно. Члены комиссии придирались даже к отдельным словам Устава, стараясь довести состояние документа до идеального. Просматривалась, с одной стороны, тенденция обеспечить командирам нормальные условия для руководства подчиненными (упоминается об основном правиле – не допускать, без крайней в том необходимости, уменьшения той власти начальников, которая им ныне предоставлена в отношении подчиненных), а с другой стороны – забота о нижних чинах, о справедливости по отношению к ним, об их здоровье, о создании условий, исключающих любой произвол (и это в период «реакции»).

В 1901 г. в Дисциплинарный устав было внесено единственное дополнение – Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде [8]. В Дисциплинарном уставе, изданном в 1904 г., совсем исключены телесные наказания.

В 1912 г. был принят новый Дисциплинарный устав, с которым Российская армия вступила в Первую мировую войну [9]. Он был подготовлен с учетом накопленного в Российской армии опыта, в том числе опыта Русско-японской войны, и являлся значительным шагом вперед по сравнению с ранее действовавшими уставами и другими руководящими документами по вопросам воинской дисциплины. Устав отвечал требованиям эпохи, уровню развития теории и практики военного дела и имел четкую и ясную внутреннюю структуру. Его основные, принципиальные положения о сущности воинской дисциплины, путях и методах ее укрепления, дисциплинарной практике выдер-

жали проверку временем, и в последующем многие из них были использованы в советский период отечественной истории при разработке уставных документов для Красной армии, а также в современных условиях.

Во вводной части Дисциплинарного устава говорилось, что его положения применяются в повседневной жизни войск как «главный регулятор домашнего обихода войсковых частей», подчеркивалось «чрезвычайно важное значение» устава для приведения «в наибольшую ясность взаимных отношений всех составных частей единой, великой Русской армии».

В первой главе Устава давалось определение воинской дисциплины. Воинская дисциплина, говорилось в Уставе, состоит в строгом и точном соблюдении правил, предписанных военными законами. Она обязывает точно и беспрекословно исполнять приказания начальства, строго соблюдать чинопочитание, сохранять во вверенной команде порядок, добросовестно исполнять обязанности службы и не оставлять проступков и упущений подчиненных без взыскания. Чинопочитание, отмечалось в Уставе, обязывает младшего оказывать уважение не только своему начальнику, но и старшему в чине, как на службе, так и вне службы.

Устав обязывал начальников поддерживать в подчиненных командах воинскую дисциплину и порядок. Вместе с тем он требовал от начальников в отношениях с подчиненными быть справедливыми, отечески заботиться о благосостоянии, удовлетворении их нужд, в необходимых случаях быть советником и руководителем подчиненных, избегать неуместной, не оправданной требованиями службы строгости, развивать и поддерживать в каждом офицере и нижнем чине сознание о высоком значении воина, призванного к защите Престола и Отечества от врагов внешних и внутренних.

В Уставе подчеркивалось, что в случае нарушения общественного спокойствия или открытого неповиновения начальник обязан принудить нарушителя к повиновению силой или оружием и принять меры к прекращению беспорядков. За последствия применения силы или оружия к неподчинившемуся начальник ответственности не несет.

В Уставе 1912 г. отсутствовал перечень грубых дисциплинарных проступков, но вместе с тем указывалось, что дисциплинарным взысканиям «подлежат все вообще маловажные проступки, как по службе, так и по нарушению общественного порядка и благочиния, не влекущие за собой предание суду».

В последующих главах Устава перечислялись дисциплинарные взыскания, налагаемые на различные категории военнослужащих и гражданских чинов, а также права начальников (степень власти) налагать дисциплинарные взыскания на подчиненных. Так, например, на нижних чинов налагались следующие дисциплинарные взыскания: 1) воспрещение отлучаться из казармы (не более одного месяца); 2) наряд вне очереди (не более 8 нарядов); 3) простой арест (не более одного месяца); 4) строгий арест (до 20 суток); 5) усиленный арест (до 8 суток); 6) лишение ефрейторского звания и смещение на низшие должности и меньшие оклады.

Устав определял порядок приведения в исполнение дисциплинарных взысканий. Взыскания должны были приводиться в исполнение немедленно. При простом аресте нижних чинов виновные содержались каждый отдельно, в светлом карцере, спали на голых нарах, пищу получали из рот; при строгом аресте виновным ежедневно отпускались хлеб, соль, вода и чай, а горячая пища – через два дня на третий. При усиленном аресте нижние чины содержались в темном карцере. При строгом и усиленном аресте запрещались курение табака, употребление водки, игры, песни и сообщение с посторонними.

Домашний арест офицеров и гражданских чинов состоял в содержании их на квартирах с исполнением или без исполнения служебных обязанностей. Арест офицеров и гражданских чинов с содержанием на гауптвахте производился без выполнения ими служебных обязанностей.

Устав предусматривал порядок подачи жалоб, определял права, обязанности и порядок работы судов чести обер-офицеров и штаб-офицеров, которые создавались для охранения достоинства военной службы и поддержания доблести офицерского звания. На них возлагалось рассмотрение поступков, несовместимых с понятиями о воинской чести, служебном достоинстве, нравственности и благородстве, а также разбор ссор в офицерской среде.

Как и во всех предыдущих уставах, в Уставе 1912 г. отсутствовала глава о поощрениях, хотя поощрения как одна из форм поддержания в войсках организованности и порядка в армии и на флоте широко применялись. Виды поощрения, порядок их применения в каждом конкретном случае определялись соответствующими командирами и начальниками. Применялись объявление благодарности лично, перед строем и в приказе, денежное вознаграждение, награждение холодным и огнестрельным оружием и др.

Большая роль в укреплении законности и правопорядка в войсках принадлежала военному уголовному законодательству. В 1839 г. был принят Военно-уголовный устав, в котором первая часть – о законах, действующих в мирное время, – была основана на Своде законов, а во вторую включено Полевое уложе-

ние 1812 г. С изданием Уложения о наказаниях 1845 г. пересмотр военно-уголовных законов представился, безусловно, необходимым. В 1846 г. последовало повеление приступить к составлению нового Военно-уголовного устава.

Уже к 1857 г. комиссия, возглавляемая сенатором И. Х. Капгером, закончила работу над редакцией проекта. Этот проект представлял полный уголовный кодекс, касаясь не только воинских преступных деяний, но и общих. Объяснительные записки к проекту 1857 г. содержат в себе критику системы устрашения, последовательно проводившейся в военно-уголовном уставе 1839 г., и, в частности, критику системы телесных наказаний.

В апреле 1861 г. в Комитет по рассмотрению нового Воинского устава о наказаниях была передана записка князя Николая Алексеевича Орлова об отмене телесных наказаний. При рассмотрении этой записки в комитете, а затем предположений комитета отдельными министрами и главноуправляющими значительное большинство высказалось если не за полную отмену телесного наказания, то за возможное ограничение его применения. Последствием работ этого комитета стал Указ 17 апреля 1863 г. и приказы от того же числа по военному и морскому ведомствам, в которых указывалось и на мотив нового закона: «Возвысить дух нижних чинов» [10].

Ввиду отмены в 1863 г. шпицрутенов и ограничения наказания розгами комиссии Капгера пришлось проект переработать. В 1864 г. переработанный проект был внесен на рассмотрение военно-кодификационной комиссии. Здесь по основному вопросу Капгер остался в меньшинстве; большинство признало, что Воинский устав о наказаниях должен заключать в себе лишь изъятия, с соблюдением которых военнослужащие подлежат действию общих законов. Дальнейшее движение проекта прошло уже без непосредственного участия Капгера. Несмотря на это, труд Капгера представляется фундаментом, на котором был построен весь действующий Воинский устав о наказаниях исследуемого периода.

В 1867 г. в Особом совещании под председательством великого князя Константина Николаевича была выработана Общая часть военно-уголовных законов, которая в том же году вступила в действие; на следующий год вступила в действие Особенная часть. В 1869 г. новые военно-уголовные законы были включены в свод военных постановлений в виде Воинского устава о наказаниях. В объяснительных записках к проекту Воинского устава о наказаниях было сформулировано само понятие «воинское преступление»: под именем воинских преступлений разумеются те противозаконные деяния, которые могут быть совершены только в военном быту или нераздельно связаны с обязанностями военной службы и с воинской дисциплиной. Воинский устав о наказаниях 1869 г. с последующими внесенными в него изменениями являлся базовым для дореволюционного военно-уголовного законодательства.

В связи с принятием в 1874 г. нового законодательства о воинской повинности возникла необходимость согласования с ним военно-уголовных законов, которое и было осуществлено в 1875 г. Изменения коснулись в первую очередь нижних чинов, в отношении которых слово «рекрут» перестало употребляться.

24 марта 1975 г. императором был утвержден новый Воинский устав [11] о наказаниях, который определил систему уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с преступностью среди военнослужащих до 1917 г. Он состоял из пяти разделов: 1. О преступлениях, проступках и наказаниях вообще. 2. О воинских и других преступлениях и проступках по службе военной. 3. О нарушениях обязанностей службы во время военных действий и о преступлениях и проступках, совершаемых в местностях, объявленных на военном положении. 4. О преступлениях и проступках общих военнослужащих с лицами гражданского звания, независимо от службы. 5. О наказаниях содержащихся в военно-исправительных ротах.

В соответствии с «Воинским уставом о наказаниях» предусматривалось два вида наказаний: уголовные и исправительные. К уголовным относились: смертная казнь, ссылки на каторжные работы, поселение с лишением всех прав и заключение в крепости. Исправительные наказания определялись в зависимости от сословной принадлежности: для офицеров (ссылка в Сибирь с увольнением и лишением прав, временное заключение в крепости с увольнением, временное заключение в тюрьме с увольнением, содержание на гауптвахте, денежные взыскания), для нижних чинов (временное направление в военно-исправительные роты, заключение в военной тюрьме, денежные взыскания, лишение нашивок за беспорочную службу с переводом в разряд штрафованных).

Особое внимание в Уставе было уделено нарушению воинского чинопочитания и подчиненности (в мирное время оно каралось заключением на срок от 4 до 12 лет, в военное – расстрелом). К числу наиболее тяжко караемых проступков относились нарушения в карауле (офицерам грозило разжалование с заключением в крепости, рядовым – военная тюрьма, а в военное время – расстрел), должностные преступления грозили ссылкой, и особенно нарушения обязанностей службы во время военных действий.

К важнейшим законодательным актам исследуемого периода, определявшим дисци-

плину в войсках, следует отнести и Устав внутренней службы, который появился в 1856 г. и был переработан в 1877, 1902 и 1910 гг.

Устав внутренней службы (1910 г.) [12] состоял из 15 глав и 37 приложений, содержание которых регламентировало все стороны армейской службы. В главе 1 «Обязанности воинских чинов» были подробно отражены общие обязанности воинских чинов, основы отношений между ними, правила отдания воинской чести. Там же отмечалось, что «…каждый воинский чин есть слуга Государя и Отечества и защитник их от врагов внешних и внутренних».

В соответствии с Уставом всем военнослужащим и военному духовенству запрещалось участвовать в политической жизни страны: входить в состав партий и других организаций, присутствовать на собраниях и митингах, принимать какое-либо участие в обсуждении политических вопросов.

В главах 3, 4, 10 были определены обязанности нижних чинов, начальников, суть которых сводилась к поддержанию крепкой воинской дисциплины; религиозные обязанности чинов, определяющие начальникам и нижним чинам порядок отправления «религиозных исповеданий» с учетом разных религий. Глава 14 отражала направления нравственного, умственного и физического развития нижних чинов. В приложении 34 были изложены обязанности военно-полицейской службы по поддержанию правопорядка в местах расположения воинских частей.

Таким образом, к началу Первой мировой войны военно-правовые документы строго очертили правовое поле, в пределах которого проводилась работа по укреплению воинской дисциплины. Дисциплинарный устав [13] и Воинский устав о наказаниях [14] четко разделили границу, где поведение военнослужащего считалось дисциплинированным, а где недисциплинированным. В случаях различного рода нарушений, проступков и преступлений поведение считалось недисциплинированным, и воин подвергался различного рода санкциям – от дисциплинарного взыскания до смертной казни.

1. См.: *Навроцкий А. А.* О воинской дисциплине и средствах к ее охранению и подлежащему развитию. 1874. С. 17–20.
2. См.: Положение об охранении воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных. СПб., 1864. С. 5.
3. Дисциплинарный устав. Изд. 2-е. СПб., 1879.
4. *Анисимов А.* Новый дисциплинарный устав. Варшава, 1879. С. 10.
5. Цит. по: *Таганцев Н. С.* Уголовное право (общая часть). Ч. 1. СПб., 1902. П. 122.
6. См.: *Анисимов А.* Дисциплинарный устав. 3-е изд. СПб., 1888; Мартынов Н. Устав дисциплинарный. СПб., 1894.
7. РГВИА. Ф. 801. Оп. 61/2. Д. 311. Л. 82–123.
8. См.: Приказ № 118 от 20 мая 1894 г. // Приказы по Военному ведомству: в 52 т. СПб., 1917.
9. См.: Устав Дисциплинарный. СПб., 1917.
10. См.: *Исаев И. А.* История государства и права России. М. : Юристъ, 1996.

С. 189.

11. Высочайше утвержденный Воинский Устав о наказаниях 1875 г. // РГВИА. Ф. 801. Оп. 61/2. Д. 305. Л. 362–504.
12. Высочайше утвержденный Устав внутренней службы. СПб. : Товарищество «В. А. Березовский», 1916.
13. См.: Устав дисциплинарный 1912 г. // Свод военных постановлений 1869 г. СПб., 1917. Кн. 23. С. 7–39.
14. См.: Высочайше утвержденный Воинский Устав о наказаниях 1875 г. // РГВИА. Ф. 801. Оп. 61/2. Д. 305. Л. 362–504.

Disciplinary Relations in the Russian Army (late XIX – early XX Centuries)

V. F. Martynov

Analyzing Russian literature the article examines the historical experience of the Russian state devoted to the strengthening of the discipline in the Russian army (late XIX – early XX centuries). The particular attention is given to the study of theoretical and legal grounds of discipline strengthening among the military personnel. The author reveals the discipline and penal direction in the activity of the state and military organizations in the Russian state during law and order enforcement in the military forces. He also shows the role and place of military criminal legislation in behalf of the military discipline strengthening.

Keywords: Russian army, military discipline, law and order, officers, lower ranks, state and military organizations, law enforcement activity, morale factor.

Деятельность подсобных и прикухонных хозяйств подразделений и воинских частей внутренних войск МВД СССР в период с 1968 по 1991 гг.

Я. В. Сосновский

В статье сделана попытка оценки эффективности производства продукции на подсобных хозяйствах воинских частей внутренних войск. Рассмотрена законодательная база деятельности подсобных хозяйств. Проанализирована управленческая деятельность органов государственной власти по руководству подсобными хозяйствами. Отслеживаются тенденции деятельности подсобных хозяйств в зависимости от складывающейся в стране общественно-политической обстановки.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, внутренние войска, продовольственное обеспечение, Продовольственная программа.

Здоровое, полноценное, высококалорийное и разнообразное питание личного состава – забота любого командира и его заместителя по тылу. На протяжении всей истории российских Вооруженных сил состав солдатского продовольственного пайка, его разнообразие постоянно совершенствовались и улучшались. Командование всех степеней изыскивало возможности для выдачи подчиненным дополнительного питания.

Одним из путей увеличения ассортимента продуктов, попадающих на солдатский стол, было развитие подсобных (прикухонных) хозяйств. Продукты животноводства и сельскохозяйственного производства, полученные в ходе деятельности хозяйств, направлялись на плановое снабжение личного состава, реализовывались по фиксированным ценам военнослужащим, служащим и членам их семей через систему войсковой торговли. Деятельность подсобных хозяйств во внутренних войсках МВД СССР в период с 1968 по 1991 гг. регламентировалась приказами министра обороны, министра внутренних дел, командующего (начальника) внутренних войск.

В статье, опираясь на изучение материалов несекретных фондов Центрального архива внутренних войск МВД России, автор осветил следующие вопросы:

- как в зависимости от общественно-политической обстановки в стране совершенствовалась нормативно-правовая база по руководству подсобными (прикухонными) хозяйствами;
- какие перед ними ставились задачи;
- как улучшалась деятельность подсобных хозяйств в зависимости от характера выполняемых внутренними войсками задач.

В ходе изучения архивных материалов четко прослеживаются следующие тенденции:

- подсобное (прикухонное) хозяйство создается за счет внутренних резервов воинской части (подразделения), содержится на принципах самоокупаемости, без выделения бюджетных средств;
- откорм животных производится за счет пищевых отходов столовых;
- продукция, произведенная на подсобных (прикухонных) хозяйствах, учитывается на балансе воинской части (подразделения) и направляется на плановое обеспечение личного состава;
- для работ на подсобных (прикухонных) хозяйствах привлекается личный состав срочной службы, в свободное от боевой и политической подготовки время, не задействованный в войсковых и суточных нарядах. Для особо квалифицированных работ разрешается привлекать гражданских специалистов;
- регламентируются и поощряются (исходя из местных условий) заготовки диких зверей и птицы, рыбы, съедобных плодов, ягод, грибов, пчеловодство, заготовки сена и кормовых культур для содержащихся животных (переход на подножный корм);
- к концу рассматриваемого периода содержание руководящих документов расширяется, а интенсивность их издания увеличивается. Подводятся итоги деятельности хозяйств, ставятся конкретные задачи по планированию и увеличению производства продукции. Командующий (начальник) внутренними войсками лично поощряет отличившихся должностных лиц и объявляет дисциплинарные взыскания.

В марте 1970 г. министр внутренних дел СССР ставит задачи командирам соединений и воинских частей, начальникам учебных заведений внутренних войск по принятию мер к дальнейшему развитию прикухонных хозяйств

[1]. Необходимо за счет полного использования пищевых отходов столовых добиваться увеличения производства мяса свинины, значительно увеличить сдачу мяса на плановое снабжение. Для повышения эффективности работ прикухонных хозяйств министр разрешает командирам на местах поощрять своими правами особо отличившийся в работе личный состав.

Приказ, в котором отсутствовали конкретные, выраженные в цифрах, задачи, не мог соответствовать реалиям современной жизни. Необходим был более четкий документ.

С 1 января 1977 г. вводилось в действие Положение о прикухонном хозяйстве воинских частей и подразделений внутренних войск [2].

В Положении предписывалось командирам соединений и войсковых частей внутренних войск принять меры к дальнейшему развитию прикухонных хозяйств путем максимального использования внутренних резервов и внедрения передового опыта животноводства и овощеводства.

Прикухонное хозяйство создавалось в войсковых частях (подразделениях) для получения дополнительных продуктов в целях улучшения питания военнослужащих, состоящих на бесплатном котловом довольствии. Руководство прикухонным хозяйством осуществлялось командиром воинской части.

В прикухонном хозяйстве производился откорм свиней, других животных и птицы, содержание дойных коров, а также выращивание картофеля, овощей, лука и другой зелени.

Кроме того, исходя из местных условий и возможностей могли организовываться: рыбная ловля (в разрешенных местах лова), разведение рыбы в собственных прудах; охота на диких зверей и птицу (в разрешенных местах и в отведенное время, без использования штатного оружия); разведение фруктовых садов, ягодников и пасек; сбор и переработка (в том числе консервирование) съедобных плодов, ягод, грибов, зелени и т. д.

Откорм свиней и других животных должен производиться за счет пищевых отходов столовых. Для обеспечения кормами животных прикухонных хозяйств помимо пищевых отходов разрешается на землях, закрепленных за воинскими частями, а с разрешения районных Советов депутатов трудящихся – также на временно не используемых землях государственного фонда производить сенокошение, выращивать кормовые культуры. Кроме того, организовывался сбор желудей, пищевых отходов в военных городках, откорм животных на подножном корму.

Для посадки картофеля, лука и посева кормовых культур разрешалось отпускать прикухонным хозяйствам взаимообразно семена из централизованных фондов с обязательным возвратом их из урожая того же года. Разрешался отпуск прикухонным хозяйствам на корм животным за плату по заготовительным ценам картофель из планового снабжения, выбракованный при периодических переборках.

В прикухонном хозяйстве воинской части должны содержаться свиньи, другие животные и птица в зависимости от количества пищевых отходов столовых и возможности получения других кормов, но не менее одной свиньи на 8–10 человек довольствующихся с котла, одной дойной коровы на 50 человек довольствующихся (где имеется возможность). В воинской части должны быть обрабатываемые земельные площади и теплицы. Размеры определялись дифференцированно в зависимости от места дислокации воинской части, из расчета получения в год на каждого довольствующегося 50–80 кг картофеля и овощей, 3–4 кг зеленого лука.

При невозможности или нецелесообразности строительства теплиц или парников необходимо было организовать выращивание зеленого лука простейшими способами (на стеллажах, в ящиках, барабанах, бочках и т. д.).

Работы в прикухонном хозяйстве определялись годовым планом, в котором предусматривались задания по откорму животных в количественных показателях поголовья; получению мяса от убоя животных, молока, яиц; воспроизводству молодняка; выращиванию картофеля, овощей, зелени и кормов на земельных участках, в парниках, теплицах и заготовке из местных ресурсов; финансовому и материальному обеспечению прикухонного хозяйства и реализации его продукции.

Прикухонное хозяйство велось, как правило, силами и средствами воинской части. Для работ по уходу за животными и птицей, обработке земельного участка, выращиванию овощей в парниках и теплицах, которые не могут быть выполнены военнослужащими, а также при рентабельности прикухонного хозяйства разрешалось содержать необходимое количество специалистов и рабочих с выплатой им заработной платы, установленной для этой категории за счет средств денежного фонда воинской части. По согласованию с местным комитетом профсоюза в прикухонном хозяйстве, где это возможно по условиям работы, разрешалось применять сдельную оплату труда рабочих в установленном порядке.

Численность специалистов и рабочих, фонд заработной платы на их содержание за счет средств прикухонного хозяйства утверждался в порядке, установленном Положением о финансовом хозяйстве воинской части для рабочих и служащих, содержащихся за счет специальных (внебюджетных) средств.

В 1977 г. в прикухонных хозяйствах воинских частей было произведено продукции на сумму 6,3 млн руб., в том числе 1476 т мяса, из которых 750 т сдано на плановое снабжение войск. Сэкономлено 6705 т хлеба.

В 1982 г. в войсках продолжилась работа по реализации Продовольственной программы. В 1038 прикухонных хозяйствах войсковых частей и подразделений насчитывалось 37,8 тыс. голов свиней, 2755 голов крупного рогатого скота, имелось 853 теплицы. Было произведено 2160 т мяса и 1114 т молока, изыскивались дополнительные возможности увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Экономия хлеба по сравнению с прошлым годом составила 10,4 тыс. т.

Следующие изменения в деятельности прикухонных хозяйств произошли 10 января 1985 г., с момента распространения во внутренних войсках требований постановления Совета Министров СССР от 3 декабря 1984 г. № 1195 «О подсобных хозяйствах войсковых частей, учреждений и военных учебных заведений Советской Армии и Военно-Морского Флота» на войсковые части внутренних войск МВД СССР [3].

Проблема изыскания дополнительных резервов в обеспечении питания личного состава Вооруженных сил СССР на тот момент времени рассматривалась на уровне правительства государства. В постановлении предписывается обеспечить дальнейшее развитие подсобных хозяйств, добиться улучшения их деятельности, значительного увеличения производства сельскохозяйственной продукции.

Налицо вносимые постановлением изменения. Во-первых, хозяйства переименовывались из прикухонных в подсобные. Логика переименования ясна. Название «прикухонное хозяйство» не в полном объеме отвечало повседневным реалиям, ведь сельскохозяйственная продукция производилась не только за счет отходов столовых, но и за счет изыскания дополнительных резервов. Более того, в производстве сельскохозяйственной продукции, осуществляемой силами воинских частей, намечалась тенденция уменьшения роли отходов столовых и соответствующее возрастание иных источников.

Во-вторых, уточнялось предназначение продукции, произведенной подсобными хозяйствами. Она направлялась для планового обеспечения личного состава продовольствием, а также для обеспечения дополнительного питания лицам, входящим в состав суточных и войсковых нарядов.

В-третьих, в постановлении уточнялся порядок обслуживания подсобного хозяйства. Отныне оно содержалось за счет труда военнослужащих срочной службы в свободное от боевой и политической подготовки время.

С 1985 г. становится нормой подводить итоги по реализации во внутренних войсках Продовольственной программы и деятельности подсобных хозяйств воинских частей и подразделений по обеспечению личного состава продовольствием [4].

Внутренние войска в 1984 г. добились увеличения продуктивности подсобных хозяйств. По сравнению с 1983 г. возросло производство сельскохозяйственной продукции: по мясу – на 31,8 %, по молоку – на 32,9 %, по яйцам – на 63 %, по картофелю – на 18,4 %; по овощам – на 25,4 %. План прошлого года по производству мяса и молока перевыполнен. Из числа полученной продукции сдано на плановое обеспечение мяса – 1,8 тыс. т, молока – 0,3 тыс. т, яиц – 429 тыс. шт., картофеля и овощей – 3,2 тыс. т.

Укрепилась материально-техническая база подсобных хозяйств. Построено и реконструировано 60 коровников, 50 свинарников, 40 теплиц. Увеличилось поголовье животных, заготовлено достаточное количество кормов.

Лучших результатов добились войсковые части Управления внутренних войск по Украинской ССР и Молдавской ССР, Волго-Вятской зоне, Харьковское военное училище тыла, Пермское военное училище, войсковые части 3111, 7427, 3403, 3278.

Требования постановления Совета Министров СССР от 3 декабря 1984 г. № 1195 (см. выше) не в полном объеме отвечали реалиям повседневной служебно-боевой деятельности внутренних войск. Войскам нужно было новое, свое положение о подсобном хозяйстве.

Оно появилось 12 июля 1985 г. [5]. Содержание данного Положения во многом было схожим с постановлением Совмина о подсобном хозяйстве Советской армии и Военно-морского флота, но имело более совершенную структуру и было более приспособлено под реалии повседневной служебно-боевой деятельности внутренних войск.

Его краткое содержание:

1. Общие положения: подсобное хозяйство создается для увеличения производства сельскохозяйственной продукции для планового обеспечения продовольствием личного состава и организации дополнительного питания, а также для продажи продукции военнослужащим, рабочим (служащим) и членам их семей. Каждая войсковая часть и отдельно дислоцированное подразделение должно иметь подсобное хозяйство. На подсобном хозяйстве разрешается содержать свиней, все виды мясного и молочного скота, лошадей, кроликов, птиц, теплицы, парники, фруктовые сады и водоемы

для разведения рыбы. Деятельность подсобного хозяйства должна обеспечивать не менее трех килограммов зеленого лука на каждого довольствующегося в год. Исходя из местных условий разрешаются охота (в разрешенных местах и в отведенное время, без использования штатного оружия), разведение ягодников, сбор и переработка (сушка, консервирование) диких плодов, грибов, зелени. Подсобное хозяйство содержится на условиях самоокупаемости. На содержание подсобного хозяйства не должны расходоваться средства, выделяемые из госбюджета. Подсобное хозяйство содержится за счет труда военнослужащих срочной службы в свободное от боевой и политической подготовки время, не задействованных в составе войсковых и суточных нарядов.

2. Руководство хозяйственной деятельностью подсобного хозяйства осуществляют командир воинской части, заместитель командира воинской части по тылу и начальник продовольственной службы воинской части.
3. Планирование производственно-финансовой деятельности.
4. Образование и порядок использования денежных средств.
5. Порядок использования продукции.
6. Учет, отчетность и контроль.
7. Обеспечение подсобного хозяйства.
8. Передача и ликвидация подсобного хозяйства.

В 1986 г. в войсках продолжалась работа по дальнейшему развитию подсобных хозяйств. Улучшались качественные показатели, совершенствовалась материальная база. Удои молока выросли на 4,2 %, на 10 % – урожаи картофеля. Было построено и реконструировано 60 коровников, 44 свинарника, 42 теплицы. Увеличились поголовье животных и площадь сельскохозяйственных угодий. Плановые задания в целом по войскам были выполнены: по мясу – на 101,5 %, по молоку – на 105,8 %, по яйцам – на 114 %, по картофелю и овощам – на 98 %. Лучших результатов добились Управления внутренних войск по Украинской ССР и Молдавской ССР, Орджоникидзевское высшее военное командное краснознаменное училище, войсковые части 3111, 3405, 3469.

Вместе с тем план производства по некоторым видам сельскохозяйственной продукции не полностью был выполнен в частях управлений внутренних войск по Уралу, Северному Кавказу и Закавказью, Центральной зоне, в Новосибирском военном училище, Пермском военном училище, Ленинградском высшем политическом училище, войсковых частях 3404, 7476, 3470, 3506. Снизились удои молока в войсковой части 3404, урожайность картофеля и овощей – в управлении внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью, войсковой части 3403.

Планировалось закрепить полученные результаты, добиться в 1990 г. производства мяса не менее 20 кг на одного довольствующегося, продолжать создание, оснащение, оборудование и совершенствование подсобных хозяйств и их материальной базы, организованно и в срок провести весенние полевые работы, своевременно собрать урожай, в 1987 г. добиться производства продукции теплиц не менее 15 кг с одного м^2 защищенного грунта.

За достигнутые успехи начальник внутренних войск своими правами наградил ценным подарком шестнадцать офицеров, за упущения объявил дисциплинарное взыскание одному офицеру, строго предупредил и строго указал восьмерым офицерам [6].

Напрашивается вывод, что планирование деятельности подсобных хозяйств не на один год вперед, а на несколько, постановка исполнителям задач по производству конкретных видов продукции в конкретных цифрах, поощрение отличившихся должностных лиц и жесткие меры дисциплинарного характера к отстающим были связаны с тем, что ситуация с продовольственным обеспечением в стране приближалась к кризису и в ближайшее время внутренние войска в данном вопросе могли надеяться только на свои силы.

Реализация Продовольственной программы в стране к осени 1987 г. достигла очередного этапа. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов в рамках межведомственного руководства социалистическим соревнованием учредил диплом за лучшее подсобное хозяйство предприятия, учреждения, организации. В борьбе за обладание дипломом приняли участие и внутренние войска [7]. Объявляя Положение о дипломе, министр внутренних дел приказывал довести требования Положения до всех заинтересованных лиц, принять меры к дальнейшему развитию подсобных хозяйств в целях наиболее полного обеспечения личного состава продуктами питания и сокращения потребления сельскохозяйственной продукции из государственного фонда.

Данные о лучшем подсобном хозяйстве надо было подать в МВД СССР до 15 февраля 1988 г. Лучшему подсобному хозяйству независимо от ведомственной принадлежности планировалась выдача диплома и денежной премии за счет средств профсоюзов. При этом размер денежной премии и порядок ее выдачи в Положении определены не были. По состоянию на 2013 г. в Центральном архиве внутренних войск МВД РФ отсутствуют какие-либо данные о вручении диплома. Скорее всего, ни

одно из более чем тысячи подсобных хозяйств воинских частей и подразделений внутренних войск успехами в данном межведомственном соревновании не блеснуло.

В 1988 г. была сделана попытка запланировать производство сельскохозяйственной продукции в подсобных хозяйствах воинских частей и подразделений внутренних войск на несколько лет вперед [8]. Для внутренних войск устанавливались нормированные задания по производству сельскохозяйственной продукции и их последовательное увеличение по сравнению с периодом 1981–1985 гг. на период 1986–1990 гг. и дальнейшее увеличение производства вплоть до 1995 г. (табл. 1). Очевидно, что до 1995 г. МВД СССР не видело других проблем разрешения продовольственного дефицита.

Производство сельскохозяйственной продукции до 1995 г. было запланировано только для мяса и молока. Видимо, с обеспечением именно этими видами продукции возникали наибольшие трудности.

Не было данных по количеству теплиц по состоянию за 1981–1985 г. Очевидно, что эти данные за указанный период мало интересовали руководство МВД и поэтому на момент подготовки приказа могли не сохраниться. Строительство дополнительных площадей теплиц не было предусмотрено, судя по всему, их количество на тот момент соответствовало потребностям войск.

С 1988 г. итоги деятельности подсобных хозяйств во внутренних войсках стали подводиться два раза в год [9]. Начальник внутренних войск детально анализировал деятельность по производству сельскохозяйственной продукции. Отмечается, что подсобные хозяйства в основном справились с плановыми заданиями. По сравнению с аналогичным периодом 1987 г. увеличилось производство мяса и мясопродуктов на 16,8 %, яиц – на 46 %. Наиболее стабильные темпы и высокие показатели продемонстрировали управление внутренних войск по Украинской ССР и Молдавской ССР, Орджоникидзевское высшее военное командное краснознаменное училище, войсковая часть 3111. Неудовлетворительно развивались подсобные хозяйства в управлении внутренних войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири. Снизились темпы по производству мяса, молока получено на 30 т меньше, поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 8 %, птицы – на 27 %. В управлении внутренних войск по Средней Азии и Казахстану снизилось производство молока на 13 %, яиц – на 23 %.

По результатам деятельности подсобных хозяйств начальник внутренних войск своими правами поощрил восемь офицеров, наложил дисциплинарное взыскание одному офицеру.

В 1990 г. в войсках продолжалась работа по дальнейшему развитию подсобных хозяйств и совершенствованию их материальной базы. Начальник внутренних войск в очередной раз подводил итоги деятельности командиров и тыловых служб по изысканию дополнительных возможностей повышения качества и количества солдатского пайка [10].

Отмечается, что улучшили показатели управления внутренних войск по Северо-Западной зоне и Прибалтике, Украинской ССР и Молдавской ССР, Западной Сибири, Сыктывкарское и Куйбышевское соединения, Орджоникидзевское высшее военное командное краснознаменное училище, Ленинградское высшее политическое училище, войсковая часть 3425. В управлениях внутренних войск по Восточной Сибири и Дальнему Востоку, Северному Кав-

Таблица 1

Данные по производству сельскохозяйственной продукции в подсобных хозяйствах за 1981–1988 гг. и план по дальнейшему производству в период до 1995 г.

	Ед. изм.	Ср. за 1981–1985 гг.	1988 год	1989 год	1990 год	Ср. за 1988–1990 гг.	Ср. за 1988–1989 гг. / ср. за 1981–1985 гг., %	1995 год	1995 г. к 1990 г., в %
Мясо, живой вес	Тонн	3735	6100	6400	6700	6400	171	7500	112
Молоко	Тонн	1550	2750	2900	3030	2893	187	3400	111
Яйца	Тыс. штук	611	1160	1215	1280	1218	199		
Зерно	Тонн	108	230	240	260	243	225		
Картофель	Тонн	9300	15 280	16 040	16 850	16 057	173		
Овощи и бахчевые	Тонн	5328	7520	7900	8295	7905	148		
Теплицы	Кв. м	-	92 170	92 179	92 170				

казу и Закавказью, Уралу, Центральной зоне, в Саратовском высшем военном командном краснознаменном училище крайне неритмично ведется производство мяса.

По результатам управления деятельностью подсобных хозяйств начальник внутренних войск своими правами поощрил 55 офицеров и прапорщиков, за ослабление работы строго предупредил трех офицеров.

По состоянию на конец 1990 г. командованием внутренних войск отмечалось, что еще до перехода к рынку войска испытывают трудности в обеспечении личного состава продовольствием. В этих непростых условиях необходимо полнее использовать возможности подсобных хозяйств, наращивать объем производства собственных сельхозпродуктов.

Выполняя решение коллегии МВД СССР от 18 июля 1989 г. № 8 КМ/I, в 1990 г. большинство управлений, соединений, воинских частей и военно-учебных заведений внутренних войск добились положительных результатов в выполнении установленных планов производства продукции подсобных хозяйств. В войсках произведено 4,5 тыс. т мясопродуктов, 3 тыс. т молока, более 1650 тыс. шт. яиц и около 19 тыс. т картофеля и овощей. Лучше эта работа проводилась в управлениях внутренних войск: Приволжском, по Украинской и Молдавской ССР, по Северо-Западной зоне и Прибалтике, по Западной Сибири, в Куйбышевском, Минском и Архангельском соединениях, Харьковском военном училище тыла, Ленинградском высшем военном политическом училище.

Снизились темпы прироста сельскохозяйственной продукции в управлениях внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью, по Средней Азии и Казахстану, в Центральном, Саратовском высшем военном краснознаменном училище. Невыполнение ими плановых заданий по производству сельскохозяйственной продукции свидетельствует о недооценке возможностей подсобного хозяйства в улучшении организации питания личного состава, достижения за счет этого более полного удовлетворения потребностей семей военнослужащих в продовольствии.

За активную работу в развитии подсобных хозяйств командующий внутренними войсками наградил деньгами в сумме:

- 300 руб. – 6 генералов, 4 старших офицеров;
- 250 руб. – 2 генералов, 9 старших офицеров;
- 200 руб. – 11 младших офицеров;
- 150 руб. – 2 младших офицеров, 12 прапорщиков;
- 30 руб. – 1 сержанта, 8 солдат [11].

За первое полугодие 1991 г. в подсобных хозяйствах внутренних войск было получено более 1 тыс. т мяса, 0,7 тыс. т молока, 507 тыс. шт. яиц, что несколько больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Увеличилось поголовье животных. Наиболее высоких показателей в производстве сельскохозяйственной продукции достигли управления внутренних войск по Украине и Молдове, Северо-Западной зоне и Прибалтике, Средней Азии и Казахстану, Северному Кавказу и Закавказью, Харьковское военное училище тыла.

За достигнутые высокие показатели в работе КВВ награждает:

- ценным подарком – 1 генерала;

деньгами в сумме:

- 300 руб. – 6 генералов, 1 старшего офицера;
- 250 руб. – 11 старших офицеров;
- 200 руб. – 4 старших офицеров, 3 младших офицеров, 9 прапорщиков;
- снятием ранее наложенного взыскания поощряет 1 старшего офицера [12].

В связи с распадом СССР и образованием на базе его бывших республик независимых государств завершилась деятельность внутренних войск МВД СССР как государственного института. Свое дальнейшее развитие получили внутренние войска МВД РСФСР (Российской Федерации, России) и аналогичные им воинские формирования остальных бывших союзных республик.

Но тема исследования будет неполной, если не привести данные о деятельности в 1991 г. подсобных хозяйств управлений, соединений, воинских частей и подразделений внутренних войск МВД СССР, постоянно дислоцировавшихся в течение года на территории РСФСР (и попадавших после распада СССР под юрисдикцию России).

В 1991 г. подсобные хозяйства, несмотря на тяготы переходного периода, в своей деятельности добились определенных успехов. Было произведено более 2,5 тыс. т мясопродуктов, 2,1 тыс. т молока, 878 тыс. шт. яиц, 15,7 т картофеля и овощей. По сравнению с 1990 г. увеличилось стадо крупного рогатого скота и свиней соответственно на 500 и 1300 голов. Выполнили плановые задания войсковые части 3660, 7452, 6676, 3111. Наиболее активно велась работа по расширению материально-технической базы подсобных хозяйств в войсковой части 3660, где введено в эксплуатацию 2 свинарника на 400 голов и птичник на 4000 голов. Там же собрано с полей 1066 т зерна и 65 т бахчевых культур. Предоставленная войсковым частям самостоятельность по убою животных вызвала на местах ослабление уровня руководства деятельностью подсобных хозяйств, снижение объемов производства сельскохозяйственной продукции. Наряду с невыполнением плановых заданий допущено резкое снижение поголовья животных во всех военно-учебных заведениях. Наиболее низкие

показатели в производстве сельскохозяйственной продукции имели управления внутренних войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири, Уралу. Менее 50 % от запланированного получили подсобные хозяйства в Хабаровском, Тындинском и Пермском соединениях, а в Пермском военном тыловом училище задание выполнено на 8 %. Неудовлетворительно организована работа по развитию подсобных хозяйств в Новосибирском военном училище и Саратовском высшем военном командном краснознаменном училище.

За активную работу по развитию подсобных хозяйств в 1991 г. КВВ поощрил деньгами на сумму:

- 1500 руб. – 1 генерала, 1 старшего офицера;
- 1000 руб. – 2 генералов, 4 старших офицеров;
- 700 руб. – 10 старших офицеров, 6 младших офицеров, 7 прапорщиков, 1 служащего.

За слабую работу по развитию подсобных хозяйств в 1991 г. КВВ указал 4 генералам [13].

В качестве вывода предполагается, что за активной деятельностью по руководству деятельностью подсобных хозяйств воинских частей и отдельно дислоцированных подразделений стояла не только забота об организации разнообразия и дополнительного питания («приварка») к солдатскому пайку и утилизация отходов столовых. Подведение итогов деятельности подсобных хозяйств напоминает сводки с полей времен «борьбы за урожай» и мало увязывается с повседневной жизнедеятельностью войск. Прослеживается система, когда за счет отходов, полученных от плановых поставок продовольствия, содержатся животные, мясо от которых направляется опять же на плановое обеспечение потребностей воинской части. Переход на самоокупаемость – жест бессилия, вынужденная мера, на которую идут командиры и начальники всех степеней. Главная задача состояла не в обеспечении разнообразия пайка в условиях ухудшающейся продовольственной обстановки в стране, а в сохранении норм довольствия и выхода готовых блюд в солдатский котелок.

1. Центральный архив внутренних войск МВД РФ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 9. Т. 1. Ед. хр. 30. Л. 116–118.
2. Там же. Д. 18. Т. 2. Ед. хр. 54. Л. 154.
3. Там же. Т. 1. Ед. хр. 99. Л. 27–29.
4. Там же. Д. 19. Т. 1. Ед. хр. 101. Л. 149–153.
5. Там же. Д. 18. Т. 2. Ед. хр. 100. Л. 250–264.
6. Там же. Д. 10. Т. 1. Ед. хр. 112. Л. 108–111.
7. Там же. Д. 18. Т. 3. Ед. хр. 111. Л. 158–159.
8. Там же. Т. 1. Ед. хр. 115. Л. 160–164.
9. Там же. Д. 19. Т. 2. Ед. хр. 119. Л. 113–116.
10. Там же. Оп. 1с. Д. 19. Т. 2. Ед. хр. 1908. Л. 318–323.
11. Там же. Оп. 1. Д. 19. Т. 1. Ед. хр. 1988. Л. 48–52.
12. Там же. Т. 2. Ед. хр. 1989. Л. 33–35.
13. Там же. Т. 1. Ед. хр. 2063. Л. 68–71.

Activity of Kitchen and Auxiliary Branches and Military Units of Internal Troops of the USSR Ministry of the Interior (1968–1991)

Ya. V. Sosnovskiy

The author of the article tries to estimate the productive efficiency on auxiliary branches of internal troops' military units. He considers the legislation concerning the activity of such branches. The author analyses the managing activity of governmental bodies controlling such branches. He traces the trends in the activity of these branches depending on the current socio-political situation in the country.

Keywords: Ministry of the Interior, internal troops, subsistence support, food programme.

Содержание образования в женских производственных училищах начала XX в. (на материалах Симбирской губернии)

В. Г. Шубович

В статье рассмотрены особенности организации обучения в женских производственных училищах Симбирской губернии начала XX в.

Ключевые слова: женское образование, воспитанницы, ручной труд, домашнее хозяйство, замужество.

В дореформенный период Департамент уделов России открыл первые женские хозяйственные училища, которые, к слову сказать, функционировали исключительно в Симбирской губернии. Так, в 1845 г. Департамент уделов утвердил правила женского воспитательного заведения в г. Алатыре Симбирской губернии, которое называлось «Хозяйственное училище для дочерей крестьян».

Вместе с «Положением» управляющий Алатырской удельной конторы А. П. Бороздин получил и рекомендации, где излагались вопросы организации строительства, открытия и содержания учебного заведения. В них, в частности, говорилось: «...Департамент поручает вам: постройку по планам, для Училища и его принадлежностей деревянных зданий, произвести посредством хозяйственного распоряжения с тем, чтобы материалы употреблять хорошего качества и работы производились прочно и правильно. Открыть ныне училище в наемной квартире, избрав для сего из крестьянских семейств первоначально 10-ть девочек, по окончания же ими курса учения, стараться выдавать их в замужество преимущественно за хозяев образцовых усадеб» [13, 14].

Позже А. П. Бороздин сообщает Департаменту, что для помещения хозяйственного училища в г. Алатыре нанята квартира в доме Татьяны Поповой за 150 руб. серебром в год и отобрано 10 крестьянских девочек. Были приглашены и приняты на работу смотрительница – титулярная советница Анна Васильевна Кочетова, ее помощница – Вера Петровна Щепотьева и законоучитель – священник Алатырского женского монастыря Феофан Яблонский.

Для училища было выстроено несколько зданий, из которых в главном помещались церковь, рабочая и классная комнаты, в других находились спальни воспитанниц, столовая и квартиры служащих. Имелись многочисленные подсобные помещения: большой коровник, свиной хлев, овчарня, птичник, погреб и др.; при училище имелись два больших огорода и сад.

Воспитанницы училища содержались хорошо: их снабжали постельными принадлежностями, бельем, посудой, рабочим инструментом. Дисциплина в училище была достаточно жесткая, т. к. это было закрытое заведение.

В конце 1845 г. в Симбирской губернии было открыто еще одно хозяйственное удельное женское училище в с. Солдатская Ташла. Его разместили на первое время в доме казенного заседателя Л. Владимирова. Он же решил на свои средства приобрести лес для постройки нового здания для школы, « ...удельная крестьянка села Солдатская Ташлы, девица Евгения Кузьмина изъявила желание обучать крестьянских девочек чтению и письму» [2].

В процессе обучения в Солдатско-Ташлинском женском училище обращали внимание на хозяйственные успехи и особенно на рукоделие. Но и там отмечали, что «вышивка... дело интересное, но требует много времени; надо вместо этого учить девочек крестьянскому рукоделию: тканью, вязанью, шитью белья, одежды и обуви» [3].

Успех открытия женских училищ превзошел все ожидания, в конце 1846 г. Департамент уделов предписывает управляющему конторой учредить в Симбирском имении еще одно женское училище, используя опыт и «Положение» Алатырского хозяйственного училища для дочерей крестьян.

Основать новое женское училище было решено в Конной Подгородной Слободе вблизи г. Симбирска. В соответствии с циркуляром Департамента уделов от 23 ноября 1847 г. за № 21 511 «для хозяйственного женского училища на 20 девочек необходимо было построить деревянный на каменном фундаменте главный корпус с церковью, другой такой же корпус для столовой, кухни и сыроварни, а также скитский дом, хозяйственные строения для скота, птиц, ледник, баню, амбар и конюшни с навесом, колодцы, все это огородить забором, развести сад и огород. Все здания строить на каменном фундаменте и крыть черепицей». Смо-

трительницей женского училища назначается Ольга Леонова [4].

Вся необходимая мебель и некоторый инвентарь для женского училища были изготовлены в Ключищенском удельном ремесленном училище в июне-июле 1848 г. Жизнь учебного заведения регламентировалась «Положением», написанным по примеру Алатырского женского училища, девочек также готовили в жены, и акцент делался на обучение их хозяйственной деятельности.

В годовом отчете «Об улучшении Симбирского удельного имения в 1849 году» С. П. Глинка сообщал: «Хозяйственное женское училище... в деревне Конной Подгородной Слободы в прошедшем году переведено в устроенные здания. Эти здания, начавшиеся постройкою в январе месяце, совершенно окончены и освящены в октябре месяце. С переходом учениц в новое помещение комплект их удвоен и в настоящее время их 20-ть. Эти девочки... в летнее время возделывали огород, принадлежащий училищу... При училище разведен сад, где посажено, кроме ягодных кустов, 730 плодовых деревьев» [5].

Воспитанницы показывали достаточно значимые успехи. В отчете за 1850 г. отмечалось: «Девочки оказывают... значительные успехи, они в течение 2-х с небольшим лет приобрели чрез рукоделие 150 руб. серебром... а сверх того к 1851 г. осталось собственного их рукоделия: вытканного холста 167 аршин, полотенцев 38, платков 21, полусукна 24 аршин, ботинок вязаных 12 пар, башмаков 2 пары, носок 4 пары, возжи парные, ниток 22 мб/а, пряжи 97 талек» [6].

В 1851 г. в училище было принято еще 10 девочек, и всего стало 30 учениц. В этом же году состоялся первый выпуск: одна из воспитанниц Александра Симонова, «...достигнувшая совершенных лет и достаточно приспособившись к домоводству, согласно разрешения Департамента уделов выдана в замужество за усадебника Кайсаровского Приказа А. В. Воскресенского с приличным вознаграждением приданого, заготовленного на счет суммы, вырученной чрез продажу рукоделий, произведенных Симоновою во время нахождения ея в училище» [7].

Достаточно много внимания уделялось приобщению молодых девушек к сельскохозяйственному труду. Училищу дополнительно выделено было еще шесть десятин земли под запашку, и всего стало более 16 десятин, в том числе пашни 12 десятин 600 саженей [8].

Выпускницы училища показывали себя отличными домохозяйками будущих семейств. Например, в 1855 г. в учебном заведении «...30 воспитанниц со времени открытия выпущено достаточно обучившихся хозяйству и рукоделию, необходимому в быту, 25 – с выдачей в замужество: 4 – за усадебников, 1 – за ветеринарного фельдшера, 8 – за писарей, 1 – за крестьянина-пчеловода, 1 – за ремесленника, 1 – по желанию помещена к повивальной бабке для обучения повивальному искусству и 9 – в дома родителей. Поступившие в замужество награждены приданым из заработанных ими во время учения чрез рукоделия». Всего за первые десять лет существования Симбирского хозяйственного удельного для крестьянских дочерей училища (1848–1858 гг.) было выпущено 46 воспитанниц [9].

Поволжский регион изначально считался многонациональным, и, следовательно, в Симбирской губернии достаточно много внимания уделялось и подготовке девочек – представительниц чувашей, мордвы и др. народностей. В начале 1859 г. управляющим Симбирской удельной конторой назначается коллежский асессор Арсений Фёдорович Белокрысенко. По его предложению Департамент уделов увеличил контингент Симбирского женского училища на 20 человек, с тем расчетом, чтобы в нем воспитывалось до 20 молодых чувашек, которые в дальнейшем займутся обучением девочек в своих чувашских селениях. В 1860 г. в училище обучалось более 50 воспитанниц.

В 1860 г. были составлены новое «Положение» и новые штаты для училища, которые Департамент уделов утвердил 16 января 1861 г. Новое «Положение» отличалось от старого тем, что «кроме общего религиозно-нравственного воспитания крестьянских дочерей как будущих матерей, имеется еще целью, что оне, по выходе из училища, могут быть наставницами в сельских школах, а также обучать молитвам, грамоте и рукоделиям детей в своих деревнях». А. Ф. Белокрысенко отмечает, что выполнение целей, указанных в новом «Положении» (готовить учительниц), началось еще раньше, «при моем предшественнике», и дает положительную характеристику двенадцати выпускницам, работающим в 1859 г. в школах. Девочки, «у которых наставницы из воспитанниц хозяйственного женского училища, учатся, кроме чтения и Закона Божия, также рукоделиям. Эти школы во всех отношениях лучше» [10].

С конца 50-х гг. XIX в. Симбирское училище фактически превратилось в школу по подготовке учителей для удельных школ. Так, в 1859 г. 12 выпускниц разных лет Симбирского хозяйственного училища работали учительницами. К концу 1862 г. в сельских удельных школах работало более 20 выпускниц данного женского училища. Многие из них работали безвозмездно, поэтому в 1860 г. управляющий конторой обратился в удельное ведомство с просьбой поощрить выпускниц Симбирского хозяйственного женского училища, которые

трудились в сельских школах. Шесть человек были поощрены золотыми серьгами с альмандинами и 25 руб. серебром, еще три учительницы получили такие же денежные награды. А в 1861 г. удельной конторой было принято распоряжение «с сего 1861 г. бывшим воспитанницам хозяйственного женского училища... во внимание к усердному обучению крестьянских девочек за месяцы действительных занятий по мере успехов учащихся выдавать в каждое полугодие по одной четверти ржи из общих магазинов и за год по две четверти наградой» [11].

22 сентября 1854 г. управляющий Симбирской удельной конторы, в то время уже статский советник, С. П. Глинка направляет в Департамент уделов аргументированное письмо с предложением открыть в Симбирском имении еще одно женское удельное училище в Буинском уезде для чувашских дочерей. Ссылаясь на положительный опыт работы хозяйственного для крестьянских дочерей училища, открытого в Конной Слободе, прилегающей к г. Симбирску, в котором обучались дочери русских крестьян, он писал: «...Ныне я нахожу не только полезным, но даже необходимым распространить круг благодетельного влияния подобного заведения и на чуваш Буинского уезда, тем более, что это вполне согласно с видами Департамента уделов в изложенном... предписании от 3 декабря 1846 г. за № 19463. Принимая в соображение, что девочка, будущая мать семейства, едва ли не одна может оказать в последствии существенное влияние на образ мыслей, привычек и верований молодого поколения, считаю нужным, прежде всего, самой дать правильное развитие. На этом основании смею заключить, что если ознакомление русских девочек с основными понятиями о вере, обязанностях и хозяйстве приносит очевидную пользу, то еще большей пользы нужно ожидать от учреждения хозяйственного училища для дочерей чувашских» [12].

Внимательно читая данный документ, проникаешься чувством уважения к руководителю Симбирской удельной конторы, который, понимая значимость и необходимость просвещения, стремился приобщить к образованности женщин, дать им профессиональное образование, невзирая на сословную и национальную принадлежность, и на протяжении многих лет боролся за открытие данного училища в Симбирской губернии.

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 320. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1, 7–8.
2. ГАУО. Ф. 318. Оп. 4. Ед. хр. 115. Л. 1.
3. Там же. Л. 10, 22, 24–25, 52, 45.
4. ГАУО. Ф. 318. Оп. 1. Ед. хр. 1066. Л. 1–2.
5. ГАУО. Ф. 318. Оп. 1. Ед. хр. 793. Л. 14–15.
6. Там же. Ед. хр. 847. Л. 17.
7. Там же. Ед. хр. 848. Л. 62–64.
8. Там же. Ед. хр. 852. Л. 1–2, 9.
9. Там же. Ед. хр.983. Л. 13.
10. Там же. Ед. хр. 1187. Л. 73-75.
11. ГАУО. Ф. 318. Оп. 4. Ед. хр. 325. Л. 156–157.
12. ГАУО. Ф. 318. Оп. 1. Ед. хр. 956. Л. 1–3.
13. *Шубович В. Г.* Положение о промышленных училищах 1898 г. как фактор формирования системы специального образования в России в XIX – нач. XX вв. // Симбирский науч. вестн. № 4 (10), 2012. С. 96–99.
14. *Шубович В. Г.* Историографические аспекты становления и развития системы профессионального образования в России на рубеже XIX–XX вв. // Поволжский пед. поиск. № 2 (2), 2012. С. 114–118.

Educational Process in Female Technical Schools in Simbirsk Province (early XX Century)

V. G. Shubovich

The article considers the peculiarities of educational process in female technical schools of Simbirsk province in the beginning of the 20th century.

Keywords: female education, students, hand labor, household, marriage.

Соотношение понятий «культура» и «образование» в контексте формирования профессиональной компетентности учителя начальных классов

И. В. Арябкина

В статье раскрываются основополагающие аспекты интеграции культуры и образования: рассматриваются актуальные для современной личности профессиональные компетенции, проанализированы роль и проблематика гуманитарного образования учителя начальных классов, в сложной структуре которого особое место занимает формирование культурно-эстетической компетентности личности.

Ключевые слова: культура, образование, профессиональная компетентность, учитель начальных классов.

В настоящее время – время образовательных реформ, внедрения в практику новых образовательных стандартов – становится все более очевидной актуальность процессов интеграции отраслей внутри гуманитарной научной сферы, которые не могут не затрагивать отношений культуры и образования. Столь востребованная современным обществом интеграция культуры и образования выводит на проблематику образования культурологического типа, в котором приоритет отдается «интеграционному механизму» знаний, понятий и субъектов образования и педагогической науки, а именно: «Культурологическое образование интегрирует культуру, личность и гуманитарные науки в особых дидактических формах – образовательных пространствах» [2, с. 387]. Вместе с тем «образовательная идеология эпохи Просвещения продолжает гипнотизировать современное общество, и человечество верит, что знания и умения представляют собой основу для создания лучшего общества и лучшего образа жизни. Но образование всегда связано с определенной социально-культурной средой, его проблемы вступают в сложнейшее взаимодействие с иными, далеко не менее важными проблемами, которые приходится решать обществу» [4, с. 94]. Реалии сегодняшнего дня актуализируют подход к образованию через формирование компетенций. Необходимость формирования образовательным учреждением ключевых компетенций отмечена еще в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. При этом компетенции понимаются прежде всего как заказ общества на определенную подготовку его граждан, т. е. компетенции во многом определяются согласованной позицией социума в определенной стране или регионе.

Ориентированное на компетенции образование (competence-based education – CBE) сформировалось в 70-х гг. в Америке. Его возникновение принято соотносить с исследованиями известного американского лингвиста Н. Хомского (1965 г., Массачусетский университет), который сформулировал понятие компетенции применительно к теории языка, трансформационной грамматике. Определяя компетенцию как знание языка говорящим, ученый указывал на необходимость проводить отличие между компетенцией и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). «Употребление», по мнению Н. Хомского, есть актуальное проявление компетенции как «скрытого», «потенциального».

Изучением проблемы реализации компетентностного подхода к образованию занимались многие отечественные и зарубежные ученые, однако анализ литературы по данной проблеме, особенно в историческом контексте, показывает сложность, многомерность и неоднозначность трактовки как самих понятий «компетенция», «компетентность», так и основанного на них подхода к процессу и результату образования.

На симпозиуме Совета Европы по теме «Ключевые компетенции для Европы» (1996 г.) был определен примерный перечень ключевых компетенций, весьма важный и для российского образования, ориентированного на международные стандарты качества:

- изучать, т. е. уметь извлекать пользу из опыта, осуществлять взаимосвязь своих знаний и упорядочивать их, находить собственные

приемы своего обучения, решать проблемы, заниматься самообучением;
- искать, т. е. запрашивать различные базы данных, опрашивать окружение, консультироваться с экспертами, уметь работать с документами и классифицировать их;
- думать, т. е. сопоставлять прошлые и настоящие события, критически относиться к тому или иному знанию, занимать собственную позицию в дискуссиях и отстаивать свое мнение, уметь оценивать произведения искусства;
- сотрудничать, т. е. уметь работать в группе, принимать решения – улаживать разногласия и конфликты, договариваться, разрабатывать и выполнять контракты;
- приниматься за дело, т. е. включаться в проект, нести ответственность, входить в группу или в коллектив и вносить свой вклад, доказывать солидарность, уметь организовать свою работу, пользоваться вычислительными и моделирующими приборами;
- адаптироваться, т. е. уметь использовать современные информационные и коммуникационные технологии, доказывать гибкость перед лицом быстрых изменений, показывать стойкость перед трудностями, уметь находить новые решения.

Этот «набор» компетенций ориентирован на профессиональное образование, т. е. включает те знания и умения, которые необходимы человеку XXI в. в его трудовой деятельности.

В контексте проводимых нами исследований важным представляется тот факт, что отечественная трактовка компетентностного подхода к образованию выдвигает задачи, связанные с формированием общей культуры личности, саморазвитием, самообразованием и самоопределением молодого поколения. Так, среди приоритетных отечественные ученые выделяют:
- ценностно-смысловые компетенции, связанные с формированием способности видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, осознавать свою роль и предназначение, уметь выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решения;
- общекультурные компетенции, т. е. познание и практическая деятельность в области общечеловеческой и национальной культуры в соответствии с духовно-нравственными основами жизни человека и человечества, отдельных народов; изучение и реализация культурологических основ семейных, социальных явлений и традиций; умения в бытовой и культурно-досуговой сферах (например, владение эффективными способами организации свободного времени);
- учебно-познавательные компетенции как совокупность умений обучающегося в сфере самостоятельной познавательной деятельности, включающей элементы логической, методологической, общеучебной деятельности (способы организации целеполагания, планирования, анализа, рефлексии, самооценки; креативность);
- информационные компетенции, т. е. навыки деятельности по отношению к информации в учебных предметах и образовательных областях, а также в окружающем мире; владение современными средствами информации и информационными технологиями;
- коммуникативные компетенции, т. е. знание языков, способов взаимодействия с окружающими и удаленными событиями и людьми; навыки работы в группе, коллективе, владение различными социальными ролями;
- социально-трудовые компетенции, способствующие исполнению роли гражданина, наблюдателя, избирателя, представителя, потребителя, покупателя, клиента, производителя, члена семьи;
- компетенции личностного самосовершенствования, направленные на освоение способов физического, духовного и интеллектуального саморазвития, эмоциональной саморегуляции и самоподдержки.

Совершенно очевидно, что «приоритет духовно-нравственных компонентов над узкопрофессиональными позволяет говорить о целостном подходе к формированию культурной личности, а в общем – культурного капитала страны» [4, с. 95].

Проблема интеграции культуры и образования (общего и профессионального) реализуется, прежде всего, посредством культурологического подхода к построению учебно-воспитательного процесса и связана с развитием творческих возможностей каждого человека, созданием реальных условий для обогащения интеллектуального, волевого и нравственного потенциала личности, стимулированием у нее стремления реализовать себя, расширять границы саморазвития и самоосуществления.

Нельзя не согласиться с Е. П. Олесиной, которая считает, что «культурологический подход – это проявление некоторого нового пространства, в котором предметом рассмотрения становится культура как таковая, а ее изучение предполагает анализ всех, а не только некоторых частных форм и аспектов культурных явлений. Такой подход актуален и для предметов художественно-эстетической направленности» [4, с. 96]. «Наиболее продуктивным и перспективным педагогическим фактором развития духовной, высококультурной личности остается на все времена искусство, в какие бы узкие рамки его ни вмещали в процессе образова-

ния. Только оно всей совокупностью человеческих акцентов, смыслов способно сформировать у личности культуру чувств, чувственного и рационального познания мира, позволяя проникнуть в сущность явлений и объектов, постичь характер и стремления человека в труде, познании, общении, творчестве» [6, с. 92]. Именно образность искусства, раскрывающая образность человеческого мышления и близкая образным смыслам в сфере культуры, позволяет формирующейся личности впитывать культурные традиции своего народа и человечества всех эпох.

Однако чтобы образование имело поистине культурный смысл, необходимо помнить, что культура строится, развивается и осваивается по особым законам. Культура, по В. С. Библеру, есть общение индивидов как личностей. Следовательно, гуманитарные аспекты образования должны быть ориентированы на взращивание личностно-смыслового уровня общения как единственно адекватного логике культуры, способу развития личности и становлению ее системы ценностей. О. П. Хабибулина считает, что «открыть для себя мир с позиций Красоты и Гармонии, установить с ним отношения, не поступившись принципами Добра и Блага, реализовать себя в этом мире человеком Творящим и Созидающим можно только на основе усвоения выработанных человечеством ценностей» [7, с. 117]. Сформировать ценностный мир современного молодого человека как человека культуры вкупе с необходимыми для его жизни, профессионально-творческой и просто творческой деятельности компетенциями – основная цель образования на сегодняшнем этапе его развития. В основе выстраивания образовательной стратегии и тактики – осознание того факта, на который обращали внимание еще в прошлом веке В. С. Библер и М. М. Бахтин: ядром культуры является искусство.

Именно поэтому в настоящее время очень важен процесс формирования культурно-эстетической компетентности учителя, который призван изучать и реализовывать уже имеющиеся, а также создавать новые педагогические технологии, ориентированные не на механическое накопление знаний, а на развитие рефлексивности, эмоциональное вживание, осмысление личностно-значимого, мотивационно-ценностного отношения к культуре, окружающему миру, другим людям, самому себе.

Личностное развитие и профессиональный рост педагога как органичное единство – идеальная цель профессионального педагогического образования. Такое единство возможно лишь тогда, когда в процессе «врастания» в профессию (профессиональное обучение, включение в педагогическую деятельность) разрешается ряд противоречий. Прежде всего, это противоречие, возникающее в индивидуальном сознании между эталоном личности педагога-профессионала и образом своего внутреннего, уже существующего «Я». Именно в процессе разрешения этого противоречия формируется его профессиональная и культурно-эстетическая компетентность, в основании которой, как показывают исследования, лежит компетентность гуманитарно-художественная.

Ее формирование начинается еще в раннем возрасте и продолжается всю жизнь. Именно гуманитарно-художественная составляющая определяет уровень и успешность формирования культурно-эстетической компетентности в целом – квинтэссенции личности учителя как человека и как профессионала. На основании существующих в современной науке подходов к определению компетентности учителя можно сделать вывод о том, что гуманитарно-художественная компетентность – это система эстетических знаний, умений, отношений личности к различным сторонам действительности и ее ценностных установок. В опирающихся на ценностные установки отношениях личности к предметному миру, искусству, людям, природе, самому себе мы выделяем гносеологический, ценностный, поведенческий, праксиологический компоненты, каждый из которых проистекает из другого и находится со всеми остальными в диалектической взаимосвязи и взаимозависимости.

В ходе педагогического эксперимента, длившегося на базе педагогического факультета Ульяновского государственного педагогического университета на протяжении 16 лет, нами было установлено, что педагогический вуз имеет большие потенциальные возможности для обеспечения формирования гуманитарно-художественной составляющей культурно-эстетической компетентности будущих учителей начальных классов. Эти возможности заложены и в содержании изучаемых в вузе дисциплин, и, прежде всего, в самом гуманистическом предназначении профессии «учитель» в современном мире: «С одной стороны, педагог подготавливает своих воспитанников к определенной социальной ситуации, к конкретным запросам общества. Но, с другой стороны, он, объективно оставаясь хранителем и проводником культуры, несет в себе вневременной фактор. Развивая личность ребенка на основе богатства человеческой культуры, учитель работает на будущее» [5, с. 78].

Очевидно, что столь сложная и сверхответственная миссия предполагает «включенность» будущего учителя начальной школы в мир художественной культуры как важнейшей составляющей человеческой культуры вообще. Открывая младшему школьнику мир культуры, учитель формирует его личность, способствует

становлению его личностной позиции. Выбирая профессию учителя, каждый человек берет на себя нравственную ответственность – перед собой, перед другими, и, прежде всего, перед своими будущими учениками.

Об этом предупреждал отечественный мыслитель М. М. Бахтин: «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному-единственному единству. Этим единственным единством и может быть только единственное событие свершаемого бытия, все теоретическое и эстетическое должно быть определено как момент его, конечно, уже не в теоретических и эстетических терминах. Акт должен обрести единый план, чтобы рефлектировать себя в обе стороны: в своем смысле и в своем бытии, обрести единство двусторонней ответственности и за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная), причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности. Только таким путем могла бы быть преодолена дурная неслиянность и невзаимопроникновенность культуры и жизни» [1, с. 1]. Именно в ориентации на эту ответственность и должна строиться стратегия формирования культурно-эстетической компетентности учителя начальных классов, важнейшей составляющей которой является профессионально-педагогическая компетентность.

Профессионально-педагогическая составляющая культурно-эстетической компетентности учителя начальной школы представляет собой, согласно нашим выводам, единство мировоззренческой, поведенческой, рефлексивной и когнитивной сторон. Мировоззренческую сторону профессиональной составляющей культурно-эстетической компетентности учителя начальных классов составляют ценностное отношение к профессии, любовь к детям, уважение к личности каждого ребенка, признание ее уникальности; поведенческую – ориентированность на эстетико-педагогическое взаимодействие с младшими школьниками, активность в приобщении младших школьников к классическому искусству, творчеству, создание и поддержка благоприятных условий для эстетического развития каждого ребенка. Рефлексивная сторона представляет собой способность к рефлексии, самоанализу в единстве с мотивированностью на эстетико-педагогическое саморазвитие, самосовершенствование. Когнитивная сторона профессиональной составляющей культурно-эстетической компетентности учителя начальных классов включает: компетенции в области педагогики искусства; компетенции в области художественно-эстетической деятельности.

Единство гуманитарно-художественного и профессионально-педагогического аспектов в структуре культурно-эстетической компетентности учителя определяется единством личностного развития и профессионального роста личности в процессе образования. Последнее же возможно лишь в том случае, если избранная профессия не противоречит личностным особенностям человека, а профессиональное становление личности соответствует ее основным ценностным представлениям. Очень важно создать в педагогическом учебном заведении такую эстетико-образовательную среду, которая бы способствовала гармоничному развитию учителя как личности и как профессионала. С другой стороны, изучение психолого-педагогической, философской литературы и накопленный практический опыт дают основание утверждать, что ориентирование педагогического образования на формирование культурно-эстетической компетентности учителей начальной школы позволяет добиться их большей «углубленности» в профессию, мотивированности на творческую в ней реализацию. А ведь бесспорным является тот факт, что «гуманизация образования в значительной степени зависит от ориентации учителя на творчество в его деятельности. Уровень творчества показывает меру реализации учителем своих возможностей и является важнейшей характеристикой его личности, обуславливающей авторский педагогический стиль» [5, с. 89].

Формирование культурно-эстетической компетентности учителя начальных классов – процесс длительный, сложный и многоаспектный. Мы подразумеваем под ним целенаправленное прогрессивное изменение личности под влиянием образовательной среды педагогического вуза и собственной активности, направленной на самосовершенствование и самореализацию. Согласно психологическим исследованиям, центральной проблемой становления личности является раскрытие закономерностей перехода от низшего уровня развития к высшему. Так, Э. Ф. Зеер считает, что «переход от одного уровня к другому осуществляется на основе диалектического принципа развития: в процессе эволюционного развития возникают и накапливаются противоречия, которые приводят к скачку, к переходу на новый, более высокий уровень. Качественное отличие уровней развития обусловливается особым сочетанием внутренних процессов развития и внешних условий, которые являются типичными для данного периода. Становление предполагает направленность, которая может меняться, и не-

прерывность, которая может прерываться, останавливаться в развитии, а в отдельных случаях и разрушаться» [3, с. 78].

При этом важно учесть, что личность по своей природе социальна, следовательно, источники развития ее психических свойств и, в частности, формирования культурно-эстетической компетентности, творческой активности, находятся в окружающей среде, в обществе.

Социальная среда – это окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования. Важнейшей частью окружающей среды является образовательная среда – «система влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [8, с. 14]. Образовательная среда формирует психические особенности человека, а не является лишь условием для проявления чего-то изначально данного, генетически предопределенного. Важно подчеркнуть при этом решающую роль, которую играют обучение и воспитание как сознательный, целенаправленный процесс взаимодействия старшего поколения с младшим в целях формирования качеств личности, отвечающих запросам общества. Вместе с тем личность активна, деятельна и не является лишь пассивным объектом влияния среды. Поэтому «условия жизни, внешние воздействия определяют становление личности не прямо, а через процесс взаимодействия человека со средой, через его деятельность в этой среде. И правильнее говорить не о воздействии среды, а о процессе активного взаимодействия человека с окружающей средой» [3, с. 82].

«Процесс приобщения человека к культуре идет по двум направлениям: от общества к личности (социализация) и от личности к обществу (творческая активность субъекта, интериоризация). Таким образом, находясь в единстве, человек и культура взаимоопределяемы» [4, с. 63]. Об этом необходимо помнить при выстраивании современных образовательных траекторий в школе и вузе.

1. *Бахтин М. М.* К философии поступка. URL : http://xray.sai.msu.su/~lipunov/text/misl.
2. *Данилюк А. Я.* Теория интеграции. Ростов н/Д : Феникс, 2010.
3. *Зеер Э. Ф.* Психология профессионального развития : учеб. пособие. М. : Академия, 2006.
4. *Олесина Е. П.* Применение интеграционных технологий в преподавании предметов культурологического цикла в высшей школе // Многоуровневая интеграция предметов гуманитарно-художественного цикла в образовании детей и юношества : сб. науч. ст. М. : ИХО РАО; Арзамас : АГПИ им. А. П. Гайдара, 2009. С. 92–98.
5. Педагогика: теории, системы, технологии / под ред. С. А. Смирнова. М. : Академия, 2008.
6. *Печко Л. П.* Искусство в развитии художественно-эстетического опыта формирующейся личности // Эстетический опыт как источник активности творческого воображения в художественном образовании : сб. науч. тр. М. : ИД «Секрет фирмы», 2004. С. 12–17.
7. *Хабибулина О. П.* Педагогика искусства как искусство педагогики // Педагогика искусства как новое направление гуманитарного знания : Материалы I международной науч. сессии (29–31 мая 2007 г.). Ч. I. М. : ИХО РАО, 2007. С. 117–125.
8. *Ясвин В. А.* Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М. : Смысл, 2001.

Correlation of Concepts “Culture” and “Education” in the Context of Professional Competence Formation among Primary School Teachers

I. V. Aryabkina

The article deals with the basic aspects of cultural and educational integration. The author describes important for a modern personality professional competences, analyses the role and problems of humanitarian education of a primary school teacher. She underlines that formation of cultural and esthetic competence is very important for every person.

Keywords: culture, education, professional competence, primary school teachers.

К вопросу о развитии целостного мышления студентов

С. Г. Башаева, Л. Е. Смирнова

В статье в рамках нелинейной синергетической парадигмы определены сущностная и структурно-содержательные характеристики целостного мышления, представлены примеры заданий по немецкому языку, астрономии для студентов первого и четвертого курсов, направленных на развитие целостного мышления.

Ключевые слова: задание, мышление, обучение, развитие, эмоции.

Новые общественные и производственные реалии, характеризующиеся развитием рыночных отношений и частной собственности, накладывают свой отпечаток на поведение и мышление человека. Востребованными и успешными в современном обществе, на первый взгляд, становятся люди с высоким уровнем развития логического, рационального мышления. Политика государства, коммерциализация повседневной жизни, к сожалению, ориентируют систему образования уделять большее внимание развитию логического мышления, и в меньшей степени развитию образного, творческого мышления, обогащающих личностную сферу человека. Между тем односторонность развития человека сегодня очевидна многим. Учеными отмечается, что излишняя рационализация мышления создает кризис эмоционально-нравственного аспекта, дисгармонию между развитием социальных и природных качеств личности. Кризис свидетельствует о том, что господствующая в мире форма рациональности не универсальна, она не отвечает всем культурным и ценностным ориентациям, необходимым для жизни, а тем более не способствует развитию целостной личности, важнейшей характеристикой которой является целостное мышление. В связи с этим многие исследователи подчеркивают, что процесс обучения должен быть направлен на развитие не отдельных видов мышления, а его целостности.

Для того чтобы раскрыть сущностную и структурно-содержательные характеристики целостного мышления, мы обратились к результатам исследований в области педагогической психологии, психологии мышления и пришли к выводу, что единой концепции мышления в психолого-педагогическом знании не существует. Процесс мышления исследователи рассматривают с различных сторон и точек зрения, каждая из которых дополняет представления о мыслительном процессе. Но все авторы сходятся во мнении, что мышление – особая форма человеческой деятельности (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, Ю. Б. Гиппенрейтер, А. Н. Леонтьев, А. К. Маркова, О. К. Тихомиров и др.). Таким образом, сущностной характеристикой мышления человека является познавательная деятельность.

Рассмотрев сущностную характеристику мышления, мы перешли к анализу его компонентов. Целостное мышление ряд исследователей (Р. А. Влодарчик, П. Г. Лубочков, В. С. Нургалеев) рассматривают как единство логического и образного мышления. Целостное мышление у Н. В. Масловой – единство логического и образно-интуитивного мышления. В. Вульф под целостным мышлением понимает мышление, которое сочетает рациональные и интуитивные процессы.

Исследователи обращают внимание на то, что целостное мышление представляет собой единство, интеграцию различных видов мышления. Но множественное представление о мышлении не позволяет перейти к пониманию его целостности.

Современное стремление к целостности связано с идеей тринитарности. В конце XX в. тринитарную идею развивают А. Н. Алексеев, Р. Г. Баранцев, М. А. Басин, О. М. Железнякова, В. В. Иванов, В. В. Налимов, Г. С. Померанц, В. Ю. Татур, А. С. Харитонов, П. Я. Харченко и др. Как отмечают данные исследователи, поиск стабилизирующих путей развития и совершенствования систем проводится не в направлении бесконечности расширения их составляющих, а в состоянии их максимального сокращения с помощью отбора системообразующих компонентов, и результат этого максимального сокращения сводится к трем [1, 2].

Обобщая виды мышления с учетом существующих связей между ними, на основе тринитарного подхода можно выделить три ведущих компонента мышления: логический, эмоционально-образный, творческий – единство которых, с нашей точки зрения, является целостным.

Термин «целостность» семантически соотносится с понятием «гармония». Категории «гармония» дано большое количество определений, самое общее из которых состоит в том, что она является оптимальным способом взаимосвязи сторон целого. Гармония, по мнению ряда исследователей, – это не четко очерченное бытие предмета, а процесс, становящееся отношение (А. С. Иванов, В. П. Кузьмин и др.). В качестве интегративной характеристики целостного мышления мы рассматриваем гармонию компонентов целостного мышления, выраженную в их равноправии.

Таким образом, целостное мышление мы определяем как процесс интегративного, гармоничного единства логического, эмоционально-образного и творческого постижения сущности предметов, явлений, характеризующийся осознанным применением логических операций, способностью создавать и преобразовывать эмоциональные образы, привносить новое в опыт, порождать оригинальные идеи. Развитие целостного мышления мы рассматриваем как процесс гармоничного развития составляющих его компонентов.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что одним из главных дидактических условий развития мышления ученые считают решение учащимися различных по содержанию заданий (Т. В. Кудрявцев, В. В. Левитес, И. Я. Лернер, О. В. Попова, Л. В. Резниченко и др.).

В настоящее время в педагогике проводятся исследования, направленные на доказательство возможности развития в процессе обучения в единстве, интеграции нескольких видов мышления. Так, Н. П. Алешина теоретически обосновывает и экспериментально подтверждает возможность и эффективность развития логического и эвристического мышления учащихся в их единстве посредством решения математических заданий.

В последние годы проблема развития целостного мышления наиболее глубоко исследовалась в работах Н. В. Масловой. В основе формирования целостного мышления у Н. В. Масловой заложены биоадекватные методики преподавания. По данной методике в течение 20 лет успешно работают Боровская ноосферная школа Калужской области, школа-лицей № 6 г. Иванова, Санкт-Петербургский Смольный университет и другие школы, вузы Российской Федерации [4].

Однако вопросы организации развития целостного мышления в педагогической и психологической теории до сих пор не нашли своего однозначного и общепринятого решения. К сожалению, в настоящее время не разработана система дидактических условий для развития целостного мышления студентов. Наше исследование и представляет попытку внести вклад в решение данной проблемы.

В ходе проведения эксперимента были выделены следующие дидактические условия, способствующие эффективному развитию целостного мышления студентов:

- использование вариативно-интегративной (трехуровневой) системы заданий, содержание которой способствует постепенному переходу от развития отдельных видов мышления к их гармонизации и развитию целостности мышления с учетом индивидуальных особенностей мыслительной деятельности студентов (степени развития его компонентов);
- отбор соответствующих данной системе заданий методов и форм обучения, способствующих развитию и гармонизации логического, творческого и эмоционально-образного освоения мира;
- применение комплексно-вариативного диагностического аппарата, позволяющего определить уровень развития целостного мышления (элементарный, нормативный, продвинутый) и обеспечивающего вариативность использования трехуровневой системы заданий в зависимости от индивидуальных особенностей развития целостного мышления студентов.

Согласно теоретическим представлениям, использование системы заданий является ведущим дидактическим условием развития целостного мышления студентов.

Для студентов 1 курса по учебной дисциплине «Иностранный язык» и для студентов 4 курса по учебной дисциплине «Астрономия» была разработана трехуровневая вариативная система заданий.

В эксперименте приняли участие 650 студентов 1-го и 4-го курсов физико-математического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова. В экспериментальных группах изучение немецкого языка и астрономии проводилось с использованием разработанной системы дидактических условий, в контрольных группах – по традиционной методике. В ходе констатирующего эксперимента были определены показатели развития целостного мышления студентов, которые позволили установить уровень развития целостного мышления студентов контрольных и экспериментальных групп: элементарный, нормативный и продвинутый. Результаты констатирующего эксперимента позволили сделать вывод о том, что традиционная система организации процесса обучения в вузе не способствует эффективному развитию целостного мышления студентов (целостное мышление у большей части студентов находится на элементарном и норматив-

ном уровне, у студентов экспериментальной и контрольной групп доминирует развитие логического компонента над эмоционально-образным и творческим).

В работе по созданию условий для развития целостного мышления студентов на занятиях по иностранному языку и астрономии можно выделить следующие этапы:

1. Развитие наиболее отстающего компонента целостного мышления (логического, эмоционально-образного, творческого) студентов с целью их гармонизации. На основе данных констатирующего эксперимента студенты в каждой из экспериментальных групп были разделены на подгруппы. В первую подгруппу вошли студенты с низкими и средними показателями развития логического мышления, во вторую подгруппу – эмоционально-образного, в третью – творческого мышления. На данном этапе мы давали студентам монозадания вариативного типа: логические (задания на составление логической характеристики понятий, формулировку понятия, подведение под понятие, установление причинно-следственной связи, выделение основополагающего признака, открытие законов, составление разных видов формул, вычисления по ним, составление формул по названиям, решение расчетных задач, составление задач по краткому условию, решение логических цепочек, задания на формулирование и аргументацию личных оценочных суждений); эмоционально-образные (задания на усвоение и воспроизведение в образной форме внешних признаков событий, явлений, на представление состояния предметов и явлений, на трансформацию образов, формирование умений пережить ситуацию текста, концентрироваться на возникших представлениях, определять и выражать свое отношение к представляемой картине); творческие (задания на самостоятельное составление задач, примеров оригинального содержания, на фантастическое преобразование объектов, ситуаций, явлений). Студенты каждой подгруппы выполняли все виды заданий первого уровня, но количество заданий на развитие отстающего компонента целостного мышления преобладало.

2. Второй этап формирующего эксперимента был направлен на развитие в сочетании двух компонентов целостного мышления. Мы предлагали студентам диадные задания вариативного типа:

- эмоционально-логические – задания на логико-смысловое, эмоционально-ценностное и чувственно-образное отражение содержания учебного материала. Это задания на выполнение логических операций с образами, возникающими при наблюдении объектов, явлений; словесно-образный перевод информации (построение образа по описанию, словесное описание увиденного); установление ассоциативных связей между логическими понятиями;
- креативно-логические – задания на развитие приемов мыслительной деятельности (синтез, анализ, обобщение, абстрагирование, систематизация, сравнение), креативности, мобильности мышления. Это задания на изменение внешних и внутренних свойств объектов, явлений, на творческое познание признаков объекта, на нахождение оригинальных способов решения, опираясь на имеющиеся знания и интуицию;
- эмоционально-творческие – задания на развитие способностей, умений выделять в содержании объектов, явлений яркие, образные моменты, обобщая их в субъективном эмоционально-образном, творческом отражении действительности. Задания на моделирование сюжета произведения, придумывание ассоциограммы к новым понятиям, образное описание ошибок в написании слов, употреблении правил и т. д.

Если студент испытывал трудности при выполнении заданий второго уровня, он возвращался к заданиям первого уровня.

3. На основе первых двух этапов становился возможным переход на третий этап, обеспечивающий развитие целостного мышления студентов. Он характеризуется использованием на занятиях триадных заданий, направленных на развитие всех трех компонентов целостного мышления. При выполнении таких заданий студентам необходимо обобщить имеющиеся знания о предмете, актуализировав соответствующие теоретические знания, представления, образы, применить знания в новой ситуации. Это задания на моделирование конкретных практических ситуаций на основе личностно значимого контекста, сопровождающиеся вхождением в ситуацию эмоциональных переживаний, в которых студенты, оперируя понятиями и образами, должны применять знания, способы деятельности в новой ситуации; составление синквейнов и т. д.

Если студент не справлялся с данным типом заданий, он выполнял задания первого и второго уровней.

Приведем примеры заданий:

Пример 1. Эмоционально-образное задание. Подобрать ассоциации к основным понятиям темы.

Пример 2. Эмоционально-логическое задание. Составить правильную логическую последовательность из картинок, изображающих эволюцию звезд.

Пример 3. Эмоционально-логическое задание. Дать образное описание соседа по парте (задание выполняется на немецком языке).

Пример 4. Эмоционально-логическое задание. Студенты садятся в полукруг. Ведущий предлагает мысленно совершить прогулку по небесной сфере и вспомнить расположение и внешний вид основных созвездий: «Мы начинаем наш путь от Полярной звезды и… Миша, опишите свое путешествие. Остальные – поправляйте товарища, дополняйте его описание подробностями, которые он пропустил».

Пример 5. Эмоционально-логическое задание. Составить задачу к тексту и решить ее.

Когда от станции конечной
Мы направлялись к чебуречной,
Мерцал на небе Водолей,
И голубой, хоть был он млечный,
Летел со стороны заречной
К нам пух июньских тополей.

Пример 6. Триадное задание. Вы относите себя к определенной молодежной субкультуре. Вашим родителям не нравится, как Вы одеваетесь, какую Вы слушаете музыку, с кем Вы общаетесь. Разыграйте с Вашим соседом диалог, в котором он является одним из родителей (задание выполняется на немецком языке).

Пример 7. Триадное задание. Задание-ситуация – урок астрономии в начальной школе по теме «Зодиакальные созвездия». Действующие лица: учитель, ученики младших классов. Сценарий студенты разрабатывают самостоятельно.

Выбор метода и форм организации учебной деятельности во многом зависел от характера и содержания учебных заданий. Для развития целостного мышления студентов целесообразно выбрать такие методы, как объяснительно-иллюстративное изложение, образно-ассоциативное изложение, чтение информационных текстов, метод контрольного изложения, проблемное изложение, диалоговое изложение, персонифицированное изложение, метод эвристического диалога, методы развития творческих способностей: метод «вживания», метод образного видения, метод «Если бы…», метод упражнений, ситуативный метод, лабораторно-практический метод.

На заключительном этапе эксперимента проводился сопоставительный анализ уровней развития целостного мышления студентов. Результаты диагностических процедур показали, что повышение уровня развития целостного мышления студентов в экспериментальных и контрольных группах имеет существенное различие. На заключительном этапе эксперимента большинство студентов экспериментальных групп достигло продвинутого и нормативного уровней развития целостного мышления при изначально низких результатах.

Для доказательства достоверности результатов исследовательской деятельности был использован метод анкетирования. После изучения иностранного языка и астрономии студентам экспериментальных и контрольных групп была предложена следующая анкета:

1. Что я думаю о развитии моего эмоционально-образного мышления в процессе изучения иностранного языка и астрономии?
2. Что я думаю о развитии моего творческого мышления в процессе изучения иностранного языка и астрономии?
3. Что я думаю о развитии моего логического мышления в процессе изучения иностранного языка и астрономии?

Всего было получено 589 ответов. Для нас представляли интерес ответы в той группе студентов, где обучение велось по экспериментальной программе. Более 80 % студентов экспериментальных групп убеждены в положительном влиянии на развитие их логического, творческого и эмоционально-образного мышления занятий по иностранному языку и астрономии. Студенты считают, что они стали более восприимчивы к явлениям окружающего мира, отмечают развитие эмоциональности и образности восприятия, способности мыслить ассоциативно, развитие умений «чувствовать» окружающее. Им стало легче отражать свои мысли и чувства, переживания, общаться с другими людьми, искать выход из проблемных ситуаций. 75 % респондентов отмечают развитие умений анализировать, сравнивать, осознанно использовать логические операции в процессе решения задач. Студенты экспериментальных групп писали и об облегчении понимания, усвоения учебного материала, повышении интереса к астрономии и иностранному языку.

Студенты контрольных групп отметили незначительные изменения в уровне развития своего образного и творческого мышления и значительный рост уровня развития логического мышления и памяти в процессе обучения в вузе.

1. *Баранцев Р. Г.* Становление тринитарного мышления. М. ; Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005.
2. *Железнякова О. М.* Феномен дополнительности в научно-педагогическом знании : дис. … д-ра пед. наук. Ульяновск, 2008.
3. *Зинченко В. П.* Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Самара, 1998.
4. *Маслова Н. В.* Ноосферное образование. Научные основы. Концепция. Методология, технология. М. : Ин-т холодинамики РАЕН, 2002.

Some Words about Development of the Students' Integral Thinking

S. G. Bashaeva, L. E. Smirnova

This article deals with essential and structural substantial features of integral thinking within the framework of nonlinear, synergic paradigm. Some examples of tests in German and in Astronomy for the students of the first and the forth year of learning are submitted.

Keywords: task, thinking, training, development, emotions.

Арт-терапия как инновационная технология социальной работы

Н. В. Бибикова

В статье раскрывается понятие арт-терапии, как инновационной технологии. Дается комплексное представление об арт-терапии, рассматриваются особенности её применения в социальной работе с разными группами населения.

Ключевые слова: инновационная технология, арт-терапия, социальная работа, творчество, психотерапия.

Идея о необходимости взаимодействия педагогики и психотерапии была обоснована еще в 1927 г. немецким психиатром А. Кронфельдом в статье «Психагогика, или Психотерапевтическое учение о воспитании». Автор призывал к разработке такого метода, который нацеливал бы человека на духовное оздоровление и личностный рост. В качестве наиболее приемлемого и эффективного направления в социальной работе можно использовать арт-терапию. Использование искусства как терапевтического фактора вполне доступно для социального педагога и социального работника. Арт-терапевтические занятия можно рассматривать как одну из инновационных технологий социальной работы.

Анализ современного состояния арт-терапии – нового направления в отечественной науке и практике – позволяет отнести названную категорию к разряду инноваций. Арт-терапия, как и другие новшества, обладает следующими признаками:

- совокупностью теоретических и практических идей, новых технологий, составляющих ее сущность;
- многообразием связей с социальными, психологическими и педагогическими явлениями;
- относительной самостоятельностью (обособленностью);
- собственной историей возникновения и развития;
- способностью к интеграции и трансформации [2].

Арт-терапия, принадлежащая к творческим методам и подходам, в социальной работе представляет собой одну из технологий, входящих в социальную терапию, и сравнивается с трудовой терапией, ритмотерапией, социотерапией. Можно также, считая арт-терапию одним из методов решения проблем клиента, характеризовать ее с позиции различных теорий и моделей социальной работы.

Термин «арт-терапия» ввел в употребление Адриан Хилл при описании своей работы с туберкулезными больными в санаториях. Первоначально арт-терапия возникла в контексте теоретических идей З. Фрейда и К. Г. Юнга, а в дальнейшем приобретала более широкую концептуальную базу, включая гуманистические модели развития личности К. Роджерса (1951) и А. Маслоу (1956).

Эволюция понятия «арт-терапия» отражает процессы обособления трех самостоятельных направлений: медицинского, социального, педагогического. Объединяет названные направления применение художественной творческой деятельности в качестве лечебного, отвлекающего или гармонизирующего фактора [1].

Арт-терапия – это специализированная форма психотерапии, основанная на искусстве, в первую очередь изобразительном, и творческой деятельности. В основе современного определения арт-терапии лежат понятия экспрессии, коммуникации, символизации, с действием которых и связано художественное творчество.

Технология рассматриваемого понятия базируется на убеждении, что внутреннее «Я» человека отражается в зрительных образах всякий раз, когда он спонтанно, не особенно задумываясь о своих произведениях, рисует, пишет картину, лепит. Принято считать, что образы художественного творчества отражают все виды подсознательных процессов, включая страхи, внутренние конфликты, воспоминания детства, сновидения. При их словесном описании у человека могут возникнуть затруднения. Поэтому именно невербальные средства часто являются единственно возможными для выражения и прояснения сильных переживаний. Здесь можно говорить о некотором преимуществе арт-терапии перед другими формами психотерапевтической работы:

- практически каждый человек (независимо от своего возраста) может участвовать в арт-терапевтической работе, которая не требует от него каких-либо способностей к изобразительной деятельности или художественных навыков;

- арт-терапия является средством преимущественно невербального общения. Это делает ее особенно ценной для тех, кто недостаточно хорошо владеет речью, затрудняется в словесном описании своих переживаний; изобразительная деятельность является мощным средством сближения людей. Это особенно ценно в ситуациях взаимного отчуждения, при затруднении в налаживании контактов;
- продукты изобразительного творчества являются объективным свидетельством настроений и мыслей человека, что позволяет использовать их для оценки состояния, проведения соответствующих исследований;
- арт-терапия является средством свободного самовыражения, предполагает атмосферу доверия, терпимости и внимания к внутреннему миру человека;
- арт-терапевтическая работа в большинстве случаев вызывает у людей положительные эмоции, помогает преодолеть апатию и безынициативность, сформировать более активную жизненную позицию;
- арт-терапия основана на мобилизации творческого потенциала человека, внутренних механизмов саморегуляции и исцеления. Она отвечает фундаментальной потребности в самоактуализации – раскрытии широкого спектра возможностей человека и утверждения им своего индивидуально неповторимого способа бытия в мире [4].

Следует еще раз подчеркнуть спонтанный характер творческой деятельности на арт-терапевтических занятиях в отличие от процесса обучения изобразительному искусству. Творчество, как известно, само по себе обладает целительной силой.

В арт-терапии, являющейся таким же практическим методом работы с клиентами, как и социальная работа, уделяется внимание отношениям, складывающимся между клиентом и специалистом.

Применяя любую модель, социальный работник обязан первоначально создать атмосферу безопасности, терпимости для свободного выражения клиентом своих проблем. В ходе последующей работы во многом целенаправленно формируется определенная система правил поведения, структурируется совместная деятельность [3].

Взаимодействие как в арт-терапии, так и в деятельности социального работника включает вербальное и невербальное поведение. Играть роль активного наблюдателя, обладать навыками в получении информации разного уровня, уметь пользоваться механизмами обратной связи – главные задачи специалиста по социальной работе.

Одна из главных целей социальной работы – это изменение ситуации, психологического состояния клиента. В данном случае могут быть эффективны как социальные перемены, помогающие разрешать проблемы в отношениях между людьми, так и личностные, направленные на раскрытие способностей или принятие самостоятельных решений. Изменения происходят на различных этапах арт-терапевтической деятельности на трех уровнях: внутриличностном, межличностном и социальном. Социальные изменения предполагают изменения в отношениях клиента с окружением (семья, профессиональное окружение) [3].

Использование арт-терапии связано с решением проблемы психологического здоровья определенных социальных групп населения: пожилых людей; людей, подвергшихся насилию; бездомных и безработных людей; правонарушителей; иммигрантов и людей, временно утративших жилье; людей, прошедших лечение от алкогольной или наркотической зависимости; инвалидов и детей-сирот, а также с работой с семьями групп риска, с детьми с дезадаптивными и девиантными формами поведения. Взаимодействие с такими клиентами требует учета целого ряда психологических, социальных и физиологических факторов.

Специфическими задачами арт-терапевтической работы в этом случае являются:
- преодоление социальной изоляции;
- формирование позитивной «Я-концепции»;
- создание условий для актуализации жизненного опыта клиента;
- признание его ценностей, реализация им своего творческого потенциала.

Большую значимость имеет социальный контекст, в котором реализуется такого рода работа: нередкое одиночество и изолированность таких людей; беспомощное существование; относительная ограниченность материальных ресурсов общества для помощи им.

Арт-терапия особенно важна для людей-инвалидов, которые в силу физических или психических особенностей своего состояния зачастую социально дезадаптированы, ограничены в социальных контактах. Творческий опыт, осознание себя, развитие новых навыков и умений позволяют этим людям более активно и самостоятельно участвовать в жизни общества, расширяют диапазон их социального и профессионального выбора. Развитие творческого потенциала человека способствует обучению принятию решений, более успешному построению своей жизни.

Взаимодействие с пожилыми людьми требует учета целого ряда психологических, социальных и физиологических факторов. Люди этой возрастной группы особенно нуждаются в обращении к прошлому, для того чтобы увидеть

смысл в событиях собственной жизни. Многие престарелые клиенты находят изобразительную работу очень важной для себя, поскольку она предоставляет им возможность реализовать то, что они долго в себе «заглушали», всю жизнь занимаясь «практически значимыми делами», не давая выхода своим чувствам и не придавая значения такому понятию, как «личностный рост» [3].

Арт-терапия как инновационная технология позволяет глубже понять внутренний мир человека, его проблемы, переживания. Основная цель состоит в гармонизации развития личности через развитие способности самовыражения и самопознания.

Таким образом, арт-терапия имеет широкие возможности в социальной работе с разными категориями населения, у которых присутствуют различные эмоциональные проблемы, трудности в общении, негативные поведенческие реакции.

1. *Лебедева Л. Д.* Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. СПб. : Речь, 2003.
2. *Лебедева Л. Д.* Арт-терапия в педагогике // Педагогика. 2000. № 9.
3. *Киселева М. В.* Арт-терапия в практической психологии и социальной работе. СПб. : Речь, 2007.
4. *Копытин А. И.* Теория и практика арт-терапии. СПб. : Питер, 2002.

Art-therapy as an Innovative Technology of Social Work

N. V. Bibikova

The article reveals the term “art-therapy” as an innovative technology. It gives the complex representation of art-therapy and considers the peculiarities of its use in social work with different groups of population.

Keywords: innovative technology, art-therapy, social work, psychotherapy.

Индивидуальные мотиваторы заместителей директоров школ по воспитательной работе

М. В. Ерхова

Статья посвящена изучению мотиваторов (факторов мотивации) заместителей директоров школ по воспитательной работе, сравнивается выраженность и распространенность мотиваторов заместителей директоров школ по воспитательной работе (ЗДВР) и руководителей профессиональных училищ.

Ключевые слова: руководители образовательных учреждений, мотивы, мотиваторы.

Проблема индивидуального подхода к стимулированию сотрудников в последнее время становится все более актуальной. Действительно, очень важно выбрать те способы стимулирования, которые были бы значимы и ощутимы для сотрудника. В связи с этим уже на этапе кадрового собеседования интервьюером с помощью вопросов выявляются индивидуальные мотиваторы сотрудника и рассматриваются возможности их удовлетворения.

К сожалению, в практике образовательного учреждения изучению индивидуальных мотиваторов педагогов практически не уделяется внимания, хотя обобщение опыта подобных исследований позволило бы разработать приемлемую для образовательного учреждения систему средств стимулирования, обеспечивающую более высокую заинтересованность учителей в своей деятельности.

Под мотиваторами (или мотивационными факторами) будем понимать потребности сотрудника, побуждающие его к более эффективной работе.

В данной статье сравниваются выраженность и распространенность мотиваторов ЗДВР и руководителей профессиональных училищ.

В исследовании принимали участие 28 заместителей директоров по воспитательной работе общеобразовательных средних школ и 6 директоров профессиональных училищ. Исследование проводилось в период их обучения на курсах повышения квалификации. Диагностика индивидуальных мотиваторов слушателей проводилась с помощью мотивационного теста Ш. Ричи.

Данный тест разработан и апробирован для того, чтобы выявить факторы мотивации, которые высоко оцениваются работником, а также факторы, которым работник придает мало значения. Его авторы Ш. Ричи и П. Мартин в течение нескольких лет исследовали индивидуальные мотиваторы менеджеров, и на основе анализа 1355 анкет респондентов ими были выделены 12 мотивационных факторов, побуждающих людей к работе.

Приведем полный упорядоченный список мотивационных факторов, измеряемых Мотивационным тестом, который, по мнению Ш. Ричи и П. Мартина, является оптимальным в количественном и содержательном отношении для практического использования руководителями:

1. Потребность в высоком заработке, материальном вознаграждении.
2. Потребность в комфортных физических условиях работы.
3. Потребность в структурировании работы, обратной связи и информации о собственной работе, снижение степени неопределенности, связанной с работой.
4. Потребность в социальных контактах: расширение круга личного и профессионального общения.
5. Потребность в устойчивых длительных взаимоотношениях, в тесных взаимосвязях с небольшой группой людей.
6. Потребность в признании заслуг со стороны других людей, потребность во внимании, желание чувствовать собственную значимость.
7. Потребность в достижении: потребность ставить перед собой сложные и дерзновенные цели и следовать им, быть самомотивированным.
8. Потребность во влиятельности, власти, стремление руководить и контролировать других.
9. Потребность в разнообразии и переменах, т. е. желание постоянно испытывать стимулирующий интерес.
10. Потребность в пытливости, креативности, открытости новым идеям.
11. Потребность в самосовершенствовании, росте своей личности, независимости и самостоятельности.
12. Потребность в изначально интересной и полезной для общества благодарной работе.

Мотивационный тест позволяет измерить выраженность каждого мотиватора у со-

трудника и построить его мотивационный профиль. При описании профиля используется показатель «мода распределения». Это наиболее часто встречающееся значение фактора, выявленное в период апробации мотивационного теста. Значение каждого мотивационного фактора сравнивают с модой и делают заключение о степени его выраженности.

Анализ мотивационных профилей сотрудников позволяет принимать решения о формировании проектных групп, об отборе сотрудников, об их обучении, включении их в инновационные процессы и т. д.

В ходе проведенного исследования руководителями образовательных учреждений был заполнен Мотивационный тест. Тестируемые должны были распределить 11 баллов между 4 вариантами ответов на каждый из 33 вопросов теста.

В качестве примера приведем третий вопрос данного теста:

3. Для меня важно, чтобы моя работа:

(a) была связана со значительным разнообразием и переменами;

(b) давала мне возможность работать с широким кругом людей;

(c) обеспечивала мне четкие указания, чтобы я знал, что от меня требуется;

(d) позволяла мне хорошо узнать тех людей, с кем я работаю.

В результате каждому из 12 мотиваторов, измеряемых данным тестом, было приписано численное значение, показывающее выраженность данного мотиватора в мотивационной сфере респондента. Анализ выраженности каждого мотиватора проводится через его сравнение с модой (наиболее часто встречающимся значением). Средние численные значения мотиваторов директоров ПУ и ЗДВР представлены в табл. 1.

Проведем анализ индивидуальных мотиваторов директоров ПУ. Для этого будем сравнивать среднее значение по каждому из 12 мотиваторов со значением моды. Представим эту зависимость в виде гистограммы (рис. 1).

Анализ показывает, что наиболее выраженными мотиваторами директоров ПУ являются: материальное вознаграждение – зарплата (среднее значение 36,5 при значении моды 27); условия труда (среднее значение 28 при значении моды 17); интересная и общественно значимая работа (среднее значение 49 при значении моды 41). Сочетание данных мотивационных факторов свидетельствует о понимании руководителями ПУ важности и значимости своей работы (что, возможно, заставляет их продолжать работать именно в этой сфере) и необходимости получать достойное вознаграждение за нее. Однако противоречие между двумя стремлениями (к деньгам и интересной работе) может снизить качество работы и способствовать появлению желания сменить ее.

Наименее выраженными мотиваторами директоров ПУ являются: стремление к достижениям (среднее значение 27,3 при значении моды 36) и креативность (среднее значение 23,6 при значении моды 32).

Сочетание данных мотиваторов можно считать достаточно предсказуемым. Частые проверки, незапланированные внутренние и внешние инциденты, высокая степень неуправляемости обучаемых, их родителей, а порой, и педагогов, вызывает у руководителей страх перед изменениями, а скорее – перед их количеством. Руководитель не имеет времени сосредоточиться на действительно развивающих образовательный процесс инновациях, решая сиюминутные вопросы, «разруливая» возникающие проблемы, причем зачастую инициируемые извне. Этот стиль управления – реагирование и устранение возникающих негативных ситуаций – порождает у руководителя нежелание ставить перед собой высокие цели и достигать их. Во-первых, руководитель не уверен в возможности их достиже-

Таблица 1

Средние численные значения мотиваторов директоров ПУ и ЗДВР

Мотиваторы	Зарплата	Условия труда	Структурирование	Социальные контакты	Взаимоотношения	Признание	Достижение	Власть	Перемены	Креативность	Самосовершенствование	Интересная работа
Мода	27	17	26	27	18	35	36	31	34	32	35	41
Директора ПУ	36,5	28	23,8	25	22	32,8	27,3	29,6	31	23,6	33,5	49
ЗДВР	28,4	25	28,4	28,8	26,8	31	30,9	24,2	32,1	33	35,3	42
Средние значения в обеих группах	32,45	26,5	26,1	26,9	24,45	31,9	29,1	26,9	31,55	28,3	34,4	45,5

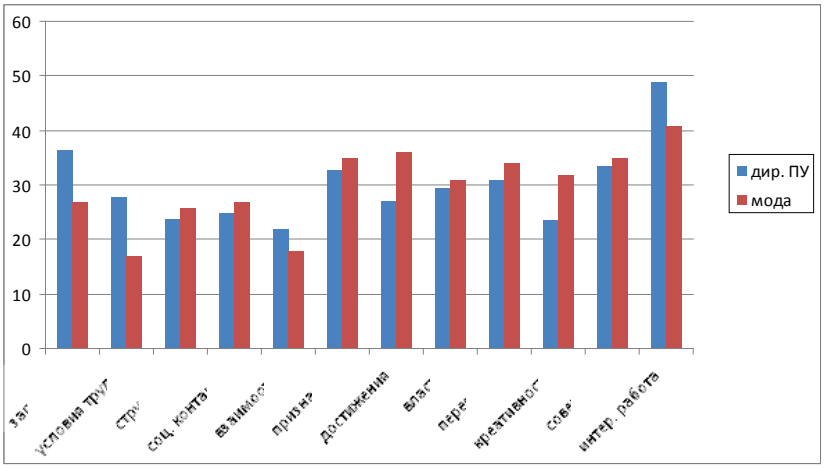

Рис. 1.
Соотношение среднего значения мотиваторов директоров ПУ и моды

ния из-за нехватки ресурсов (времени, людей, материальных средств и др.), а порой не уверен в их целесообразности и развивающем потенциале. Во-вторых, возможно, руководитель считает, что при имеющемся уровне заработной платы (мотиватор «зарплата» ярко выражен, но не удовлетворен) есть смысл решать только текущие проблемы. В целом создается впечатление, что руководители ставят перед собой цели, связанные с адаптацией образовательного учреждения к внешним условиям и требованиям вышестоящих инстанций, а не цели его развития.

Таким образом, повысить эффективность работы директоров ПУ можно через обеспечение стабильных, с высокой долей самостоятельности условий работы, позволяющих директорам осуществлять долгосрочное планирование, самостоятельное принятие решений, исходя из интересов образовательного учреждения, право выбора и распределения ресурсов и др.

Исследование индивидуальных мотиваторов заместителей директоров школ по воспитательной работе дает несколько иную картину. Наглядно сравнение выраженности среднего значения каждого из 12 мотиваторов и значения моды представлено на рис. 2.

Наиболее выраженными мотиваторами у этой категории респондентов являются условия работы (среднее значение 25 при значении моды 17) и взаимоотношения (среднее значение 26,8 при значении моды 18). Безусловно, востребованность именно этих составляющих работы ЗДВР связана с самим характером их работы: необходимостью общаться и влиять на разных людей (учеников, родителей, классных руководителей), интересоваться внутренним миром, психологией людей, придумывать и организовывать воспитательные дела, затрагивающие ценностно-смысловую сферу личности учеников. Это требует как особых условий работы, так и таланта в установлении глубоких, доверительных отношений с окружающими.

Наименее выраженными мотиваторами данной категории педагогов являются власть (среднее значение 24,2 при значении моды 31) и достижения (среднее значение 30,9 при значении моды 36). Низкий показатель ориентации на власть и руководство во многом говорит о том, что ЗДВР зачастую выступают не как управленцы, а как организаторы и непосредственные участники воспитательных мероприятий. Им проще самим что-то сделать, нежели организовать работу своих подчиненных – классных руководителей. Достаточно

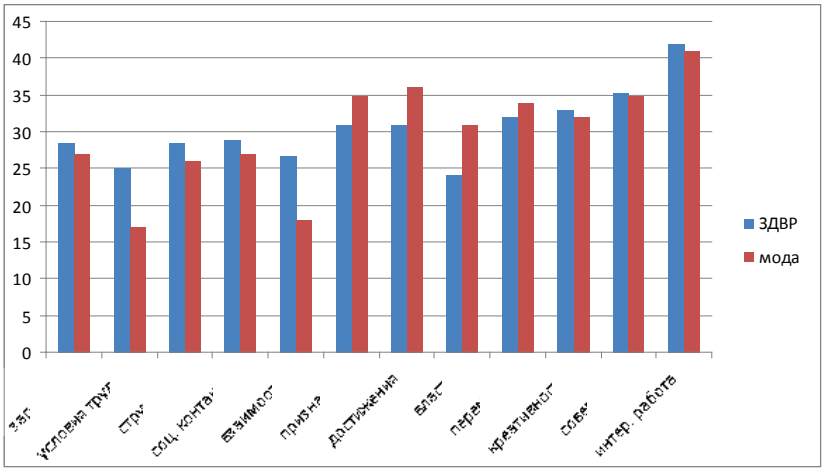

Рис. 2.
Соотношение среднего значения мотиваторов ЗДВР и моды

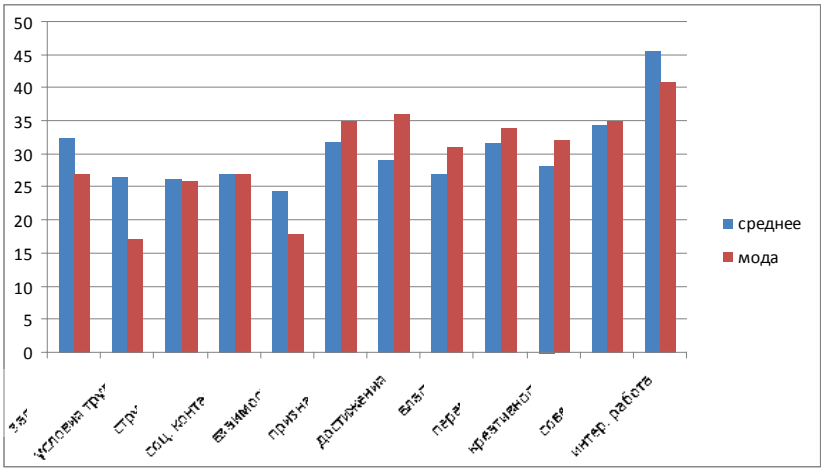

Рис. 3.
Соотношение среднего значения мотиваторов всех респондентов и моды

низкое значение мотиватора «достижение» может иметь те же причины, что описанные выше (касательно директоров ПУ).

Таким образом, для того чтобы ЗДВР были более удовлетворены своей работой, им нужны особые условия для творчества, которые должны создаваться как ими самими (через умелую реализацию управленческих функций), так и через грамотно выстроенную областную, региональную политику в сфере воспитания.

При сравнении ведущих мотиваторов директоров ПУ и ЗДВР можно сказать о высокой значимости для обеих категорий условий труда, обеспечивающих эффективность учебно-воспитательного процесса. К сожалению, следует отметить низкую выраженность для обеих категорий респондентов мотиватора «достижение». Образовательное учреждение в лице педагогов и особенно руководителей должно развивать стремление учащихся к достижениям, умение ставить перед собой сложные цели и прилагать усилия к их реализации, проявлять ассертивное поведение. Примером такого стиля жизни должны быть сами педагоги. Однако ситуация вечного балансирования между требованиями окружения не позволяет педагогу сосредоточиться на возможностях личностного развития и активизации механизмов самомотивации.

Наиболее существенные различия в мотивации данных категорий респондентов замечены в отношении мотиватора «креативность», который выражен гораздо ярче у ЗДВР, что еще раз подтверждает творческий характер их работы.

При рассмотрении средних показателей заявленных мотиваторов по обеим категориям получается, что наиболее выраженными мотиваторами руководителей образовательных учреждений являются: заработная плата (среднее значение 32,45 при значении моды 27), условия труда (среднее значение 26,5 при значении моды 17), взаимоотношения (среднее значение 24,45 при значении моды 18) и интересная работа (среднее значение 45,5 при значении моды 41). Наглядно это отражено на рис. 3.

Таким образом, мы пришли к выводу, что усилить удовлетворенность данной категории педагогов можно через обеспечение большей самостоятельности в разработке стратегии развития ОУ и меньшей подотчетности вышестоящим структурам. Именно организация интересной и творческой работы коллектива повлечет за собой удовлетворение мотиваторов «взаимоотношения», «условия работы», «интересная работа».

Исследование показало, что увеличение и навязывание школе новых идей, направлений работы, различного рода инноваций, а также усиление властных полномочий руководителей (мотиваторы «власть», «перемены» и «креативность») не побуждают руководителей к более эффективной работе.

Итак, исследование индивидуальных мотиваторов руководителей образовательных учреждений еще раз показало актуальность проблемы построения конструктивных и диалоговых отношений образовательного учреждения и вышестоящих инстанций. Эта проблема влечет за собой проблему кадрового подбора на государственную службу высококвалифицированных специалистов, имеющих опыт работы в образовательных учреждениях и являющихся экспертами и консультантами в доверенных им областях курирования образования.

1. *Ричи Ш., Мартин П.* Управление мотивацией : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Special Motivators for Vice-Principles for Education

M. V. Erkhova

The article analyses special motivators (motivation factors) for vice-principles for education. The author compares evidence and abundance of motivators for vice-principles for education and heads of vocational schools.

Keywords: heads of educational establishments, motives, motivators.

Роль спецкурса в формировании готовности будущих учителей начальных классов к преподаванию иностранного языка на основе интегративного подхода

Л. М. Ильина

В статье рассматривается влияние спецкурса на подготовку будущих учителей начальных классов к преподаванию иностранного языка на интегративной основе. Цель спецкурса – формирование теоретического и мотивационного компонентов готовности будущих учителей к преподаванию иностранного языка на основе интегративного подхода. В рамках изучения спецкурса студенты овладели необходимыми для работы профессионально-педагогическими умениями.

Ключевые слова: интеграция, интегративный подход, иностранный язык, спецкурс, теоретический компонент, мотивационный компонент.

Быстрые темпы развития нашего общества поставили перед педагогическим образованием новые требования, связанные с подготовкой профессионалов своего дела. Вопросы формирования готовности будущих учителей начальных классов к преподаванию иностранного языка на основе интегративного подхода в процессе их обучения в вузе остаются недостаточно разработанными. Существует также проблема недостаточной теоретической и практической готовности будущих учителей начальных классов к преподаванию иностранного языка на интегративной основе. В связи с этим возникает задача соответствующей подготовки студентов к преподаванию иностранного языка.

Для решения задачи усовершенствования профессиональной подготовки будущих учителей начальных классов к преподаванию иностранного языка нами был разработан спецкурс «Обучение иностранному языку в начальной школе на основе интегративного подхода». Спецкурс рассчитан на 32 часа (22 ч. – лекционных, 6 ч. – семинарских занятий и 4 ч. – на самостоятельную работу). Его введение было возможно на любом этапе обучения, начиная со второго курса. Нами он был включен в программу 4 курса во втором семестре. В исследовании приняли участие 14 студентов.

В ходе нашего исследования в учебно-воспитательном процессе студентов на основе указанного спецкурса была реализована система формирования готовности будущих учителей начальных классов к преподаванию иностранного языка на интегративной основе. Содержание спецкурса разработано с учетом требований современной школы к личности специалиста и отражает специфику деятельности учителя начальных классов, имеющего право преподавать иностранный язык.

Целью спецкурса явилось формирование теоретического и мотивационного компонентов готовности будущих учителей начальных классов к преподаванию иностранного языка на основе интегративного подхода.

До начала изучения спецкурса студентам был задан вопрос: «Что побудило Вас посещать данный спецкурс?». Распределение ответов на данный вопрос показано в табл. 1.

Анализ данных табл. 1 показывает, что студенты сознательно считают необходимым посещать спецкурс, так как понимают, что знания по вопросам интеграции будут востребованы ими в будущей профессии. Более того, большинство студентов считает, что эти знания помогут им стать более квалифицированными учителями. При опросе абсолютное большинство студентов полагает, что данный курс должен стать обязательным в учебном плане.

При изучении темы «Интеграция знаний как явление в современной педагогике» рассматривались следующие вопросы: научно-технический прогресс и синтез наук; отечественные и зарубежные педагоги о процессе интеграции. На данном занятии студенты получили обобщенные знания о значимости процесса интеграции в современной педагогической науке и о взглядах отечественных и зарубежных педагогов на данную проблему.

В процессе изучения темы «Сущность и содержание педагогической интеграции» были рассмотрены функции и принципы интегрированного обучения, дифференцированный и интегрированный подход в обучении младших школьников иностранному языку. Эти знания помогли будущим учителям начальных классов сформировать представление об основных понятиях интеграции, о разнице между процессами интеграции и дифференциации.

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Что побудило Вас посещать данный спецкурс?»

№	Варианты ответов	Количество студентов	(%)
1	Тема интеграции сейчас пронизывает практически все сферы жизни	2	14,3
2	Как примерный студент считаю своим долгом посещать все занятия	–	–
3	Появился интерес к спецкурсу	2	14,3
4	В начальной школе требуют, чтобы уроки иностранного языка были интегрированными	3	21,4
5	Это что-то новое в процессе обучения в вузе	1	7,1
6	Необходимо быть в курсе всех новых тенденций в образовании	2	14,3
7	Знания по вопросам интеграции необходимы для моей профессии	4	28,6

В рамках темы «Интегративные связи в обучении иностранному языку в начальной школе» преподаватель раскрыл студентам возможности интеграции учебного предмета «Иностранный язык» с основными предметами начальной школы. Были изучены формы и приемы реализации интегративного подхода в обучении иностранному языку. Таким образом, изучение данной темы позволило будущим учителям получить представление об умениях, формируемых у младших школьников в результате осуществления интегрированного обучения иностранному языку в начальных классах.

Внутрипредметная и межпредметная интеграции в обучении иностранному языку рассматривались на занятии по теме «Виды интеграции в начальной школе». Студенты узнали о принципе «вертикального тематизма», являющемся принципом межпредметной интеграции, и о его значении в обучении иностранному языку.

Целью проведения занятия по теме «Роль интегрированных курсов в обучении иностранному языку в начальной школе» было познакомить студентов с понятием «интегрированный курс», предоставить информацию о разработанных интегрированных курсах в отечественной и зарубежной практике обучения. Кроме того, на занятии обсуждались интегрированные курсы, предложенные самими студентами, возможность их реализации в начальной школе.

Основная цель занятия спецкурса по теме «Интегрированный урок иностранного языка в начальной школе» заключалась в том, чтобы сформировать у студентов представления об интегрированном уроке и об одном из подходов к его анализу; выработать умение пользоваться схемой анализа, а также умение разработать интегрированный урок.

На семинарских занятиях знания теории интегрированного обучения реализовывались практически. Студенты учились делать анализ интегрированного урока, выявляли интегративные связи в учебном материале различных учебных предметов. Использовались такие методы обучения, как объяснительно-иллюстративный, проблемного изложения, а также частично-поисковый. Поисковый метод применялся для формирования у студентов умений и навыков действовать в нестандартных ситуациях.

В условиях мультимедийных образовательных технологий возникают огромные возможности для стимулирования и поддержания высокого уровня познавательного интереса и развития творчества студентов на основе постоянно обновляющихся форм и методов обучения. В связи с этим в рамках изучения разработанного нами спецкурса «Обучение иностранному языку в начальной школе на основе интегративного подхода» мы применяли компьютерные технологии. Используя Интернет при подготовке к семинарским занятиям, студенты самостоятельно получали дополнительную информацию в области интеграции в обучении. У них также была возможность просмотра на компьютере интегрированных видеоуроков иностранного языка, что способствовало формированию знаний теории интегрированного обучения и умений по практическому применению этих знаний.

Таким образом, внедрение компьютерных технологий в систему формирования готовности будущих учителей начальных классов к преподаванию иностранного языка на интегративной основе позволило значительно повысить результаты учебно-воспитательного процесса. Невозможно представить учителя начальных классов не владеющим компью-

терными технологиями, а процесс его подготовки к профессиональной деятельности – без их использования.

К заключительному занятию спецкурса все студенты экспериментальной группы представили планы-конспекты интегрированных уроков по иностранному языку. Они были самые разнообразные.

Перед разработчиками было поставлено условие обязательного использования всевозможных способов и приемов интеграции содержания знаний различных учебных дисциплин. По итогам заключительного занятия были выбраны лучшие работы. Так, Зайцева Ольга подготовила план-конспект интегрированного урока по иностранному языку для учащихся 2 класса. На этом уроке она интегрировала иностранный язык с такими учебными предметами, как трудовая культура и физкультура. При изучении темы «Моя квартира» студентка применила следующие формы и приемы реализации интеграции на уроке по иностранному языку: использование задания по составлению изображений предметов из частей, представленных в различной конфигурации в соответствующей ситуации общения; включение в занятия физкультпаузы в целях релаксации и поддержания физической формы детей; сопровождение двигательных упражнений проговариванием стихотворения; организация речевого общения: составление небольших высказываний по теме. Таким образом, у учащихся формируются аккуратность, навыки работы с бумагой, клеем, ножницами, интерес и уважение к разного рода занятиям и видам труда, чувство ритма, а также интерес к культуре страны изучаемого языка. Приведем план-конспект урока.

План-конспект интегрированного урока по английскому языку
Тема: My Flat (Моя квартира)

Цели урока:

1) развивать навыки восприятия иностранной речи учителя, поддерживать и развивать интерес к изучению английского языка, описывать картинки, задавать по ним вопросы;
2) развивать навыки работы с бумагой, картоном и клеем, умение восстанавливать целое по частям;
3) систематизировать знания по теме «Моя квартира».

Оборудование: доска, клей, бумага, картинки, разрезанные на части.

Ход урока:

I. Организационный момент.

T.: Good morning, children!
Ch.: Good morning, our teacher!
T.: Please, sit down. Who is on duty today?
P1: I'm on duty today.
T.: Who is absent today?
P2: All are present (Ivanov Pasha is absent today).
T.: What is the weather today?
P3: The weather is fine today (The sun is shining brightly).

II. Фонетическая зарядка.

T.: Now let's remember new words. Repeat after me, please (учитель показывает на слова, написанные на доске, ученики повторяют слова за ней):

there is	chair	shower
there are	bathroom	chair
in the	hall	lamp
on the	near	living-room

III. «Строим дом».

А сейчас, ребята, попробуем построить дом из разрезанных картинок и приклеим их на бумагу.

1 этаж:
a hall, a sitting-room, a living-room
2 этаж:
a bedroom, a kitchen, a bathroom, a toilet

T.: Where is your bathroom?
P1: My bathroom is upstairs.
P2: Where is your kitchen?
P3: My kitchen is upstairs.
P4: Where is your sitting-room?
P5: My sitting-room is downstairs (и т.д. по цепочке).

IV. Физкультминутка.

Ребята выходят на улицу (в сад и т.д.), вспоминают стихотворение и выполняют все перечисленные в нем действия. Они плывут, бегут, прыгают и т.д.

Let's go to the gym.
Let's play volleyball
And let's swim.
Let's play tennis.
Let's have a fun.
Let's play basketball
And let's run.
Let's jump.
Let's skate.
Let's play football.
Let's do sports.
Let's do them all.

V. Вопросно-ответная работа по теме «Моя квартира».

T.: А теперь, ребята, зайдем в дом/ Let's enter the house.
Where do we cook?
P1: We cook in the kitchen.
T.: Where do we sleep?
P2: We sleep in the bedroom.
T.: Where do we wash our faces and take a shower?
P3: We wash our faces and take a shower in the bathroom.
T.: Where do we watch TV?
P4: We watch TV in the living-room.
T.: Where do we eat?
P5: We eat in the dining-room.

Таблица 2

Уровни сформированности мотивационного, теоретического и практического компонентов готовности студентов к преподаванию иностранного языка на интегративной основе до и после изучения спецкурса

Уровень	Количество студентов ЭГ (%)				
	До изучения спецкурса		После изучения спецкурса		
	Мотивационный компонент	Теоретический компонент	Мотивационный компонент	Теоретический компонент	Практический компонент
Высокий	–	–	–	14,4	–
Средний	42,8	35,7	50	42,8	42,8
Низкий	57,2	64,3	50	42,8	57,2

VI. Итоги урока и оценка учащихся.
T.: Our time is up! We have had a good time. We worked very well. We have learned a lot of things. I'll give all of you excellent marks. Thank you. The lesson is over. Goodbye.
Ch.: Goodbye, our teacher [1].

Путем анкетирования и тестирования нами был выявлен уровень готовности студентов экспериментальной группы к преподаванию иностранного языка на основе интегративного подхода в начале и в конце изучения спецкурса. Анкетирование позволило определить уровень готовности по мотивационному компоненту. Для выяснения уровня знаний, умений и навыков проводилось контрольное тестирование. Задания содержали конкретные вопросы для определения уровней сформированности мотивационного, теоретического и практического компонентов готовности студентов к преподаванию иностранного языка на интегративной основе и конкретные практические задания, требующие применения имеющихся знаний. Результаты ответов отражены в табл. 2.

Изучив спецкурс «Обучение иностранному языку в начальной школе на основе интегративного подхода», студенты получили знания:

- о сущности и содержании интеграции знаний;
- о формах и способах интегрированного обучения иностранному языку в начальной школе.

У студентов сформировались следующие составляющие мотивационного компонента:

- интерес к проблеме интеграции в школьном образовании;
- личная профессиональная позиция с учетом интеграционных тенденций в образовании;
- осознание понимания актуальности интеграции в образовании.

Таким образом, в рамках изучения спецкурса «Обучение иностранному языку в начальной школе на основе интегративного подхода» студенты овладели профессионально-педагогическими умениями:

- постановки цели интегрированного урока иностранного языка;
- определения содержания учебного материала с учетом интеграции;
- выявления интегративных связей в учебном материале различных дисциплин, включая иностранный язык;
- выбора и применения методов и форм интегрированного обучения на уроке иностранного языка.

1. *Морозова Л. М.* Формирование готовности будущих учителей начальных классов к преподаванию иностранного языка на основе интегративного подхода : дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2006.

Role of a Special Course in Formation of Future Primary School Teachers' Readiness to Teaching Foreign Languages on the Base of Integrative Approach

L. M. Ilyina

The article examines the influence of a special course on the readiness of future primary school teachers to teach foreign languages on an integrative basis. The aim of a special course is formation of theoretical and motivational components of future teachers' readiness to teach foreign languages on the basis of integrative approach. During the special course the students have obtained professional and pedagogical skills which are necessary for their work.

Keywords: integration, integrative approach, foreign language, theoretical component, motivational component.

Актуализация подготовки «лыжников-универсалов» высокой квалификации

А. Н. Илькин

В статье описана история зарождения Кубка мира по лыжным гонкам, а также выявлены лыжники-гонщики высокой квалификации, универсально выступающие как на спринтерских, так и на стайерских дистанциях.

Ключевые слова: лыжники-универсалы, Олимпийские игры, чемпионат мира, Кубок мира по лыжным гонкам.

Последние 30 лет Международная федерация лыжного спорта (ФИС) с целью популяризации лыжных гонок, а также для привлечения зрителей к экранам телевизора и на лыжные стадионы находится в постоянном поиске новых форматов соревнований. В связи с этим в начале 80-х гг. XX в. представителями ФИС был организован многоэтапный Кубок мира по лыжным гонкам, который в дальнейшем стал экспериментальной площадкой для апробации современных программ и правил соревнований [4].

Первый официальный Кубок мира был проведен в 1982 г. Календарный план соревнований состоял из 7 этапов, проводимых на территории Европы и Северной Америки, а протяженность дистанций варьировалась в пределах от 5 до 20 км (женщины) и от 15 до 50 км (мужчины). В период до 1985 г. лыжниками-гонщиками использовался только классический стиль передвижения, а в последующие годы активно стали применяться и коньковые ходы. В 1989 г. в программу Кубка мира включена гонка преследования – персьют, в 1996 г. были апробированы индивидуальный и командный спринт (800–1800 м), а в 2002 г. появился новый формат соревнований – дуатлон (гонка со сменой лыж и стилей передвижения), который в последующем был переименован в скиатлон. В дальнейшем в программу Кубка мира были введены многодневные лыжные туры, такие как: «Тур де ски» – 2007 г., «Финал» – 2008 г. и «Нордик оупен» – 2010 г. Все эти новшества с каждым разом создавали трудности в подготовке спортсменов и требовали от специалистов в области лыжных гонок разработки новых подходов и методик тренировочного процесса, повышающие результативность соревновательной деятельности [1].

В настоящее время Кубок мира по лыжным гонкам насчитывает 29 этапов (10 спринтерских и 19 стайерских дисциплин), протяженность которых составляет от 800 м до 30 км (женщины) и от 1000 м до 50 км (мужчины). По завершении последнего этапа Кубка мира подводятся итоги и выявляются победители и призеры (по наибольшей сумме заработанных очков) отдельно в спринтерском, дистанционном и общем зачетах.

В начале зарождения спринтерских дисциплин их осваивали лыжники-гонщики, которые не обладали специфическими качествами, каких требовал новый формат соревнований. Но с постепенной популяризацией коротких дистанций специалисты в области лыжных гонок начали выдвигать новые варианты построения тренировочного процесса, а также искать инновационные подходы в системе подготовки спортсменов. В связи с этим в национальных сборных командах различных стран стали происходить разделения в методике тренировочных занятий, так появились «лыжники-спринтеры» и «лыжники-стайеры». Однако в современных лыжных гонках для того, чтобы одержать победу в общем зачете Кубка мира, нужно быть «лыжником-универсалом» и уметь эффективно выступать как на спринтерских, так и на стайерских дистанциях, при этом универсально владеть коньковыми и классическими лыжными ходами.

С целью выявления универсальных лыжников-гонщиков высокой квалификации нами были проанализированы документальные материалы Олимпийских игр, чемпионатов и Кубков мира в период с 1996 по 2013 г. и разработана система начисления очков, которая представлена в табл. 1.

В данный рейтинг вошли лыжники-гонщики, которые в своей спортивной карьере в индивидуальных гонках заработали 100 и более очков или являлись победителями и призерами Олимпийских игр и чемпионатов мира как на спринтерских, так и на стайерских дистанциях (табл. 2).

Среди представительниц женского пола самой универсальной лыжницей является норвежка Марит Бьерген, которая за спортивную карьеру (1999–2013 гг.) более 80 раз становилась победительницей самых крупных соревнований по лыжным гонкам и заработала

Таблица 1

Система начисления очков для ранжирования «лыжников-универсалов»

Медаль	Олимпийские игры	Чемпионат мира	Кубок мира
Золото	100 очков	50 очков	25 очков
Серебро	50 очков	25 очков	12,5 очков
Бронза	25 очков	12,5 очков	6,25 очков

3075 очков. Она олимпийская чемпионка в индивидуальном спринте – 1,5 км и скиатлоне – 15 км, восьмикратная победительница чемпионатов мира причем, трижды в спринте (1,5 км), дважды в скиатлоне (15 км) и марафоне (30 км), а также в индивидуальной гонке на 10 км. Второе место в данном рейтинге с 1900 очками занимает польская лыжница Юстина Ковальчик, которая в течение своей спортивной карьеры (2001–2013 гг.) также универсально выступала как на спринтерских, так и на стайерских дистанциях. Она является победительницей Олимпийских игр в марафоне (30 км), серебряным призером в спринте (1,5 км) и бронзовым призером в скиатлоне (15 км). Ей дважды покорялась первая ступенька пьедестала чемпионата мира и более 40 раз – других международных соревнований. Третью позицию среди женщин с 1618 очками занимает выдающаяся лыжница из Норвегии Бенте Скари, которая за свою карьеру (1992–2003 гг.) также являлась многократным победителем и призером Олимпийских игр, чемпионатов и Кубков мира. Лыжница из сборной команды России Юлия Чепалова с 1006 очками занимает четвертое место. В период с 1995 по 2009 г. она становилась победительницей Олимпийских игр как на самой короткой дистанции – спринт (1,5 км), так и на самой длинной – марафон (30 км). Она также является чемпионкой мира в скиатлоне на 15 км и многократным призером самых крупных международных соревнований [4].

Среди представителей мужского пола первую строчку в данном рейтинге так же, как и у женщин, занимает лыжник-универсал из сборной команды Норвегии Петтер Нортуг, который заработал 1450 очков. В период с 2005 по 2013 г. он одержал победу на Олимпийских играх в гонке на 50 км и завоевал бронзовую медаль в индивидуальном спринте на 1,5 км. На чемпионатах мира он завоевывал золотые медали в индивидуальной гонке на 15 км, дважды в скиатлоне на 30 км и дважды в марафонской дистанции на 50 км, а также в его активе две серебряные медали в спринте на 1,5 км. Второе место среди мужчин занимает швейцарский лыжник-универсал Дарио Колонья, который набрал 831 очко. За свою спортивную карьеру (2008–2013 гг.) он является олимпийским чемпионом в гонке на 15 км, чемпионом мира в скиатлоне на 30 км и серебряным призером в марафоне на 50 км. В спринтерских дисциплинах имеет неоднократные победы и призовые места на этапах Кубка мира. Третья позиция принадлежит норвежцу Йенсу Свартедалю, который заработал 487 очков и является чемпионом мира в индивидуальном спринте на 1,5 км и многократным победителем и призером в дистанционных Кубках мира. В российской сборной команде на сегодняшний день «лыжники-универсалы» мирового уровня практически отсутствуют, и в ближайшее время подготовка таких спортсменов вызывает много вопросов [4].

В заключение хотелось бы отметить, что в данный рейтинг вошли 18 «лыжников-универсалов» (12 женщин и 6 мужчин), из которых 50 % спортсменов из сборной команды Норвегии, в то время как российская сборная представлена лишь единственной лыжницей, к настоящему времени уже завершившей спортивную карьеру, Юлией Чепаловой. Все это свидетельствует о том, что на сегодняшний день российским тренерам необходимо менять устаревшие методики тренировочных занятий и готовить не только лыжников, специализирующихся в какой-то отдельной дисциплине, а «лыжников-универсалов», так как именно им предстоит на домашней Олимпиаде 2014 г. в г. Сочи завоевывать медали и отстаивать честь Российской Федерации.

1. Лыжный спорт. Официальный сайт журнала [Электронный ресурс]. 2013. URL : http://www.skisport.ru/magazine/about.php (дата обращения: 07.06.2013).
2. Правила соревнований по лыжным гонкам. Федерация лыжных гонок России [Электронный ресурс]. 2011. URL : http://www.flgr.ru/rules/rules1/87.html (дата обращения: 01.06.2013).
3. Правила соревнований по лыжным гонкам 2001–2005 гг. М. : СпортАкадемПресс, 2001.
4. Результаты соревнований. FIS – Международная федерация лыжного спорта. [Электронный ресурс]. 2013. URL : http://www.fis-ski.com/uk/disciplines/cross-country/results.html (дата обращения: 07.06.2013).

Таблица 2

Рейтинг лыжников-универсалов в период 1996–2013 гг.

Данные спортсменов			Спринтерский зачет										Дистанционный зачет										Всего медалей			Всего очков
			ОИ			ЧМ			КМ			Очки	ОИ			ЧМ			КМ			Очки				
№	ФИО	Страна	З	С	Б	З	С	Б	З	С	Б		З	С	Б	З	С	Б	З	С	Б		З	С	Б	
ЖЕНЩИНЫ																										
1	Бьёрген М.	Норвегия	1	0	0	3	0	0	31	12	5	1206,25	1	2	1	5	3	1	41	16	13	1868,75	82	33	20	3075,00
2	Ковальчик Ю.	Польша	0	1	0	0	0	0	8	6	9	381,25	1	0	2	2	3	2	32	23	13	1518,75	43	32	27	1900,00
3	Скари Б.	Норвегия	0	0	0	0	0	0	16	3	2	450,00	1	0	2	5	0	0	25	10	3	1168,75	47	13	7	1618,75
4	Чепалова Ю.	Россия	1	0	0	0	0	1	1	1	0	150,00	1	2	1	1	1	0	17	7	7	856,25	21	11	9	1006,25
5	Куйтунен В.	Финляндия	0	0	0	0	0	1	8	6	6	325,00	0	0	0	2	1	0	17	8	4	675,00	27	15	11	1000,00
6	Сааринен А.	Финляндия	0	0	0	0	0	0	0	6	5	106,25	0	0	1	1	0	2	4	9	10	375,00	5	15	18	481,25
7	Фоллис А.	Италия	0	0	0	1	1	0	6	5	1	293,75	0	0	0	0	0	1	2	3	4	125,00	9	9	6	418,75
8	Кюнцель К.	Германия	0	1	0	0	1	0	0	4	4	150,00	0	0	0	0	0	0	4	2	12	200,00	4	8	16	350,00
9	Якобсен А.	Норвегия	0	0	0	1	0	0	0	7	4	162,50	0	0	0	0	0	0	3	3	3	131,25	4	10	7	293,75
10	Моэн А.	Норвегия	0	0	1	0	0	0	2	4	5	156,25	0	0	1	0	0	0	1	3	5	118,75	3	7	12	275,00
11	Захенбахер Э.	Германия	0	1	0	0	0	0	1	2	1	106,25	0	0	0	0	1	0	2	2	4	125,00	3	6	5	231,25
12	Педерсен Х.	Норвегия	0	0	0	0	0	1	0	2	3	56,25	0	0	1	0	0	1	1	5	2	137,50	1	7	8	193,75
МУЖЧИНЫ																										
1	Нортуг П.	Норвегия	0	0	1	0	2	0	8	8	3	393,75	1	0	0	5	0	0	22	9	7	1056.25	36	19	11	1450,00
2	Колонья Д.	Швейцария	0	0	0	0	0	0	2	3	4	112,50	1	0	0	1	1	0	12	16	7	718,75	16	20	11	831,25
3	Свартедал Й.	Норвегия	0	0	0	1	0	0	11	4	2	387,50	0	0	0	0	0	0	1	6	0	100,00	13	10	2	487,50
4	Хьелмсет О.	Норвегия	0	0	0	0	0	0	4	2	2	137,50	0	0	1	1	0	3	5	3	5	306,25	10	5	11	443,75
5	Рённинг Э.	Норвегия	0	0	0	0	0	1	4	1	5	156,25	0	0	0	0	1	0	7	5	0	262,50	11	7	6	418,75
6	Хельнер М.	Швеция	0	0	0	1	0	0	0	1	1	68,75	1	0	0	0	0	0	3	6	4	275,00	5	7	5	343,75

Примечание. ОИ – Олимпийские игры; ЧМ – чемпионат мира; КМ – Кубок мира; З – золотые медали; С – серебряные медали; Б – бронзовые медали.

New Trends of Professional Skiers Training

A. N. Ilkin

The article describes the emergency of the World Cup ski races, and it also reveals the professional skiers who succeed both in short- and long-distance running.

Keywords: professional skiers, Olympic Games, World Championship, World cup for cross country skiing.

Обоснование теоретико-методических подходов к процессу формирования специализированных восприятий у юных боксеров 10–12 лет

А. В. Истомин, Л. И. Костюнина

В статье рассмотрены психологические особенности спортивной деятельности в боксе, дана содержательная характеристика роли и значимости восприятия в процессе тренировочно-соревновательной деятельности боксеров, представлено теоретико-методическое обоснование необходимости развития восприятия у юных боксеров с учетом естественного развития двигательного и интеллектуального потенциала в соответствии с логикой целостной системы совершенствования человека; взаимосвязи и взаимообусловленности интеллектуального, физического и духовно-нравственного развития спортсмена на основе обеспечения согласованности двигательной и интеллектуальной деятельности в процессе спортивной подготовки; реализации тренировочного процесса на основе принципа единства сознания и деятельности.

Ключевые слова: психические процессы, восприятие, юные боксеры, специализированные восприятия, чувство ринга, чувство ритма, чувство удара, мышечно-двигательное восприятие, специфика тренировочно-соревновательной деятельности в боксе.

Соревновательная деятельность в боксе характеризуется необходимостью выбора альтернативных движений, их корректировки по ходу выполнения, прогнозирования двигательных действий соперника в целях создания наиболее оптимальных условий для решения различных технико-тактических задач, что обусловлено возможностями спортсмена точно воспринимать и оценивать поступающую информацию и на их основе формировать представление, образ технического приема, модели взаимодействия с противником. При этом ведущая роль отводится восприятию как одному из ведущих интеллектуальных качеств [1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9].

Уровень развития восприятия определяет возможность технико-тактического совершенствования как юных, так и квалифицированных спортсменов, имеющих достаточный опыт соревновательной деятельности. Специалисты отмечают, что специализированные восприятия необходимо целенаправленно формировать и развивать на основе понимания психических закономерностей процесса восприятия и выявления их состава в конкретном виде спортивной деятельности [8, 9]. В боксе наиболее важными видами восприятия, которые обеспечивают создание четкого образа двигательного действия в процессе усвоения и совершенствования техники соревновательного упражнения и позволяют проектировать опережающие модели технико-тактических действий боксера на основе прогнозирования действия соперников, являются:

- восприятие пространственно-временных характеристик двигательных действий (собственных, противника);
- специализированные восприятия (чувство ритма, чувство ринга, чувство дистанции, чувство удара);
- мышечно-двигательные восприятия.

Необходимость формирования способности к точному восприятию пространственно-временных характеристик двигательных действий обусловлена динамичным характером боксерского поединка (быстрое переключение от атакующих действий к защитным, искусное маневрирование, проведение ложных движений, финтов, выполнение разнонаправленных действий с различной амплитудой и др.). Умение тонко воспринимать положения своего тела, действия соперника, направление и амплитуду сложных движений, их сопоставление с ранее спрограммированной моделью – образом технико-тактического действия – обеспечивает точность атакующего или защитного действия.

Формирование специализированных восприятий боксера (чувство ритма, чувство ринга, чувство дистанции, чувство удара) – одно из условий дальнейшего повышения уровня спортивного мастерства [3, 8, 9].

В основе чувства удара – восприятие тонких мышечных ощущений, что позволяет боксеру, исходя из необходимости решения конкретной технико-тактической задачи в соревновательных условиях, точно дифференцировать прикладываемые мышечные усилия, силу, быстроту и скорость ударов.

Чувство ринга связано со способностью спортсмена ориентироваться на ринге, четко определять в любой момент поединка свое положение на ринге относительно соперника, рефери, канатов, умением маневрировать по рингу на основе объективной оценки расположения соперника, быстроты и направленности его действий, что позволяет боксеру мгновенно оценивать ситуацию и принимать правильные решения. Эффективность управления своим положением на ринге определяется осознанностью мышечно-двигательных ощущений, что позволяет получить своевременную информацию от различных проприорецепторов.

Чувство дистанции представляет собой способность боксера достоверно воспринимать постоянно изменяющееся расстояние до противника для реализации атакующих, защитных, контратакующих действий. Ю. Никифоров (1967) дифференцирует рассматриваемое специализированное восприятие на чувство дистанции при ударах и при защитах. В первом случае это восприятие спортсменом правильного расстояния, с которого наносится удар (чувство дальней, средней, ближней дистанции). Во втором случае это правильное восприятие спортсменом того расстояния до соперника, которое предоставляет ему возможность своевременно защищаться от ударов, четко осознавать границы «положения боя» и «вне боя». Чувство дистанции формируется на основе умения правильно воспринимать и оценивать микроинтервалы во время боя, временные характеристики движения соперника.

Чувство ритма характеризуется способностью спортсмена к восприятию двигательного ритма реализуемых целостных действий, которые состоят из отдельных операций (ударов, защит, передвижений), выполняемых с различной скоростью, амплитудой, в различной последовательности и имеющих различное соотношение в структуре целостного действия. Чувство ритма обусловливает возможность согласования двигательного ритма выполняемых ударов и шагов, формирования оптимальной темпо-ритмовой структуры атакующих действий.

Мышечно-двигательные восприятия связаны с получением информации о положении своего туловища, головы, рук, ног, характера распределения общего центра тяжести, о степени мышечного напряжения, темпо-ритмовых и динамических характеристиках наносимых ударов, амплитуды, направления, силы ударных движений соперника и др.). Мышечно-двигательные восприятия связаны со степенью развития ощущений мышечного тонуса, способностью к расслаблению и своевременному чередованию расслабления и мышечного напряжения в процессе выполнения боксером специфических двигательных действий.

Точность восприятия боксером ситуации боя обусловлена сложным взаимодействием сенсорных систем (зрительных, слуховых, мышечно-двигательных), проявлением различных свойств внимания (избирательность, концентрация, объем, распределение), психоэмоциональным состоянием спортсмена, степенью сформированности установки на достижение конкретизированных целей. В боксе создание образа воспринимаемого движения обеспечивается в основном функцией зрительного анализатора, а также оптимальным соотношением процесса возбуждения и торможения в коре головного мозга. Качество восприятия движений зависит от опыта двигательной деятельности спортсмена, уровня его технико-тактического мастерства, способности к концентрации и распределению внимания в ходе боксерского поединка, степени сформированности установки на решение конкретной двигательной задачи и осознанности мотивов к тренировочно-соревновательной деятельности [3, 4, 9].

Квалифицированный спортсмен способен к целостному восприятию боксерского поединка: от восприятия всех мельчайших деталей поведения соперника на ринге (положение корпуса, головы, рук, перчаток, постановки стоп, характера перемещений, направления взгляда, силы и точности удара и др.), оценок рефери, реакции зала и др. до адекватной оценки своего внутреннего состояния, собственных ощущений. При этом отдельные элементы восприятия боксера приобретают доминирующую роль при подготовке и реализации наиболее эффективных тактических действий. Модель характера взаимодействия боксера с противником определяется используемыми соперником техническими приемами, способами их реализации, особенностями поведения спортсмена на ринге. В этой ситуации роль восприятия значительно возрастает, так как по первым признакам движений соперника опытный боксер способен спрогнозировать последующий моторный акт и своевременно реализовать собственные эффективные защитные действия. Четкость и скорость восприятия двигательного действия обеспечиваются быстротой сенсорного реагирования спортсмена, способностью к импровизации, что создает условия для более эффективного управления ходом боя [3, 7, 8].

Психический процесс восприятия юных боксеров имеет свои особенности, что обусловливает необходимость теоретико-методического обоснования принципиально новых подходов к формированию и развитию специализированных восприятий, обеспечивающих повышение качества освоения базовых техни-

ко-тактических действий и способствующих их эффективной реализации в соревновательной деятельности.

Организация процесса восприятия, полнота и четкость формируемого образа движения, восприятие ситуации боя, объем одновременно воспринимаемой информации о ходе поединка, способность к детализации обусловлены индивидуальностью юных боксеров, особенностью их эмоциональной сферы, характером протекания мыслительных процессов, степенью сформированности отдельных свойств внимания, механизмами запоминания простых и сложных двигательных действий.

Уровень сформированности когнитивных способностей, преобладание наглядно-образного мышления, обусловливающего формирование двигательных навыков на основе создания яркого образа, представления, предполагает выстраивание системы педагогических воздействий со стороны тренера, педагога на основе личностно-ориентированного, деятельностного подходов в целях формирования специфического восприятия юными боксерами многообразия экзо- и эндофакторов тренировочно-соревновательной деятельности и их дальнейшего совершенствования на последующих этапах спортивной подготовки.

Изучение и содержательная интерпретация специальной научно-методической литературы по изучаемой проблеме, обобщение собственного опыта педагогической деятельности, опрос ведущих тренеров-специалистов позволяют сформулировать два аспекта процесса развития и совершенствования восприятия юных боксеров:

- развитие восприятия в ходе тренировочной деятельности (на основе формирования всех выявленных ранее форм восприятия, осознанного восприятия целей и задач каждого тренировочного задания, понимания структуры и содержания специальных подготовительных упражнений, формирования устойчивой мотивации и стремления юных боксеров к качественному и осознанному усвоению техники, результативности);
- сохранение точности восприятия в условиях соревновательной деятельности (на основе формирования способности к своевременному восприятию и оценке собственных действий и действий соперника, что обеспечивает точность и надежность реализации технико-тактических действий).

Систему педагогических воздействий в процессе тренировочной деятельности, обеспечивающих целенаправленное развитие восприятия, необходимо реализовывать с учетом следующих методологических положений и закономерностей личностного развития юных боксеров:

- взаимосвязи и взаимообусловленности естественного развития двигательного и интеллектуального потенциала в соответствии с логикой целостной системы совершенствования человека;
- принципа единства взаимосвязи и взаимообусловленности интеллектуального, физического и духовно-нравственного развития спортсмена на основе обеспечения согласованности двигательной и интеллектуальной деятельности в процессе спортивной подготовки;
- реализации тренировочного процесса на основе принципа единства сознания и деятельности (А. Н. Леонтьев, 1983), обусловливающего взаимосвязь сознания, деятельности, поведения, являющегося стержнеобразующим фактором становления личности юного спортсмена;
- деятельностного подхода, направленного на активное вовлечение юных боксеров в тренировочный процесс, формирование системных теоретических знаний и практических умений и навыков, необходимых для организации эффективной соревновательной деятельности, накопления эмоционально-чувственного опыта освоения базовых элементов технико-тактической подготовки, обеспечения устойчивой мотивации к самореализации в спортивной деятельности.

Данные методологические положения определяют специфику использования общедидактических принципов спортивной подготовки юных боксеров и стратегию их дальнейшего спортивного совершенствования.

1. *Бернштейн Н. А.* Биомеханика и физиология движений : избранные психологические труды. 3-е изд. М. : МПСИ, 2008.
2. Восприятие и действие / А. В. Запорожец и др. М. : Просвещение, 1967.
3. *Колесник И. С.* Основное направление повышения эффективности системы спортивной подготовки квалифицированных боксеров. М. : Флинта-Наука, 2010.
4. *Лушников А. Ю.* Формирование специализированных восприятий у юных дзюдоистов : автореф. дис. … канд. пед. наук, М., 2010.
5. *Назаренко Л. Д., Костюнина Л. И.* Концепция решения проблемы повышения спортивного мастерства // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2010. № 1(14). С. 84–87.
6. *Озеров В. П., Ребус Б. М.* Восприятие спортсменами временных интервалов в процессе активной мышечной деятельности // Психологические проблемы трудовой деятельности и трудового обучения. Ставрополь, 1971. С. 80–96.

7. *Прохоров Р. А.* Средства и методы развития психофизической подготовленности юных боксеров в процессе учебно-тренировочных занятий // Материалы II Международной науч.-практической конф. Орел : Изд-во ОрелГТУ, 2007. С. 264–270.
8. *Родионов А. В.* Практика психологии спорта. Ташкент : Lider Press, 2008.
9. *Худадов Н. А.* Психологическая подготовка боксера. М. : ФиС, 1968.

Theoretical and Methodological Approaches to the Process of Problem-Oriented Perception among Young Boxers (aged 10–12)

A. V. Istomin, L. I. Kostyunina

The article considers psychological peculiarities of sports activity in boxing. The author reveals the importance of perception in the course of training and competitive activity of boxers. He also shows theoretical and methodical necessity of development of perception among young boxers taking into account natural development of motive and intellectual potential according to entire human developmental system. The also takes into consideration mutual relationship and interdependence of intellectual, physical and cultural and moral development of a sportsman on the basis of both motive and intellectual activity in the course of sports training. The author examines the training process based on the principle of mental and physical unity.

Keywords: mental processes, perception, young boxers, problem-oriented perceptions, sense of ring, sense of rhythm, sense of blow, muscle and motive perception, peculiarities of training and competitive activity in boxing.

Особенности и принципы психолого-педагогической поддержки родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями в условиях реализации инклюзивного образования

Н. В. Калинина, Р. И. Хайрудинова

Данная статья посвящена проблеме внедрения и реализации инклюзивного образования. В работе представлены психологические аспекты и условия формирования личностной позиции и установок родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, по отношению к инклюзивному образованию, определены основные принципы и подходы их психологической поддержки с целью обеспечения успешной интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивную образовательную среду.

Ключевые слова: инклюзивное образование, дети с ограниченными возможностями здоровья, система психолого-педагогической поддержки родителей.

RETRACTED 17.08.2019

На современном этапе развития нашего общества одной из целей государственной политики является формирование толерантного и гуманистического отношения к лицам, имеющим ограниченные возможности здоровья. Вследствие этого особенно актуальным становится вопрос об организации интегрированного образования, позволяющего каждому ребенку, несмотря на нарушения в развитии, быть включенным в образовательный процесс совместно со здоровыми сверстниками.

Как отмечают исследователи [2], в истории развития человеческого общества пройден путь от диктата социума, предписывающего избавляться от неполноценных младенцев, до понимания необходимости оказания помощи и поддержки таким лицам. В настоящее время в российской системе образования вопрос о реализации интегрированного образования является наиболее дискутируемым.

В международной практике (ЮНЕСКО) термин «интегрированное образование» заменен на «инклюзивное образование». В своей работе Т. В. Волосовец определил инклюзивное образование как совместное обучение и воспитание в специально созданных условиях, включая организацию совместных учебных занятий, ресурсы различных видов дополнительного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья и лиц, не имеющих таких ограничений [1]. Н. Н. Молотарёв определяет инклюзивное образование как процесс совместного воспитания и обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья с нормально развивающимися сверстниками. Результатом данного процесса является прогресс в социальном развитии лиц с нарушениями в развитии.

На наш взгляд, наиболее универсальное определение понятию «инклюзивное образование» дала ЮНЕСКО. Оно заключается в толковании образования как целостного феномена, который предполагает равный доступ к нему всех детей без исключения [2]. В основе данного понятия, по нашему мнению, лежат гуманизм и защита прав лиц, имеющих ограниченные возможности.

В нашей стране внедрение инклюзивного образования является инновационным процессом, вследствие чего возникает ряд вопросов и проблем. Одной из острых проблем является принятие группой здоровых сверстников детей с нарушениями в развитии, а также наличие негативных установок и социальных предрассудков по отношению к таким детям со стороны участников образовательного и воспитательного процессов. Подтверждением этому служат результаты многих исследований. Так, например, Е. Р. Ярская-Смирнова и И. И. Лошакова отмечают, что мнения учителей и родителей в отношении организации интегративной образовательной среды зависят от характера нарушений в развитии детей. К примеру, данное исследование свидетельствует, что около 70 % родителей считают возможным обучение здоровых детей и детей с поражением опорно-двигательного аппарата, в то время как среди учителей такого же мнения придерживаются лишь 40 %. В отношении детей, имеющих другие нарушения в развитии, мнения разделились следующим образом: лишь 36 % родителей здоровых детей относятся положительно к совместному обучению детей с нарушениями речи, слуха и зрения, а среди учителей таковых оказалось 20 % [5].

Таким образом, несложно проследить тенденцию: среди учителей преимущественно преобладает негативная настроенность на процесс интеграции по сравнению с родителями здоровых детей, хотя процент последних также

велик. Причиной этого может быть неподготовленность педагогов к данной ситуации, неполные знания в области специальной педагогики и отсутствие навыков работы с такими детьми. Низкая осведомленность людей по проблеме инвалидности также может явиться причиной формирования «неправильного» отношения к таким людям.

На наш взгляд, одним из условий успешной интеграции детей с ограниченными возможностями в образовательную среду являются адекватное восприятие и оценка этими детьми своих возможностей, формирование которых зависит от жизненной позиции и установок их родителей. В связи с этим становится необходимой психологическая поддержка семей, имеющих ребенка с нарушениями в развитии, обучающегося в интегрированной образовательной среде, так как семья является ближайшим социальным окружением для ребенка. Принятие ребенка-инвалида семьей является ключевым фактором принятия его обществом.

Процесс формирования личностной позиции и установки родителей по отношению к инклюзивному образованию, по нашему мнению, зависит от личностных особенностей данной категории лиц. В связи с этим нам хотелось бы привести некоторые данные нашего исследования, касающиеся изучения личностных особенностей этих людей. Так, матерям детей с нарушениями в развитии свойственен пессимизм, у них преобладает пассивная жизненная позиция, существует деформация жизненных ценностей, низкий уровень самооценки. Согласно нашим представлениям данные личностные особенности влияют на формирование установки и направленности личности.

В ходе нашего исследования с помощью теста-опросника «Индекс жизненного стиля» (LifeStyleIndex (LSI) Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Р. Конте в адаптации Е. С. Романовой, Л. Р. Гребенникова) мы изучали также особенности механизмов психологической защиты лиц данной категории. Результаты приводят к некоторым спорным размышлениям. Преобладающим типом психологической защиты в группе родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями, является отрицание. Отрицание у родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями, проявляется, вероятнее всего, именно в отрицании тех чувств, эмоций, которые вызывает дефект ребенка. Осознание того, что их ребенок имеет ограниченные возможности здоровья, дефекты развития, является травмирующим фактом для их психики, что приводит к активизации ее защитных механизмов.

Особый интерес вызывают результаты корреляционного анализа типов психологических защит и особенностей самооценки. Так, нами было выявлено, что существует положительная корреляционная связь между активизацией механизма психологической защиты по типу отрицания и повышенной самооценки по шкалам: уверенность в себе, стрессоустойчивость, оптимизм. Вследствие этого мы можем заключить, что путем активизации механизма психологической защиты по типу отрицания происходит оптимизация эмоционального состояния и нейтрализация фрустрирующего фактора у данной категории людей.

Длительное действие примитивных психологических защит охватывает поведенческую, аффективную и когнитивную сферы и приводит к некритичности, искаженному восприятию действительности. Внутреннее эмоциональное напряжение, переживание и непроработанный внутриличностный конфликт, вызванный несоответствием общественным ожиданиям и постоянным чувством вины, повышают вероятность развития у данной категории родителей неврозов и психических расстройств разного характера. Искаженное восприятие родителей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии, действительности и ситуации в целом приводит к «неправильному» восприятию этих детей, что может отразиться и на стиле воспитания, и на внутрисемейных взаимоотношениях, и на дальнейшей жизни ребенка в социуме.

Для успешной интеграции детей-инвалидов в общество необходимо, чтобы их адекватно воспринимали и принимали прежде всего родители. В условиях реализации инклюзивного образования помимо психологического сопровождения участников образовательного процесса необходимо оказывать комплексную и системную психолого-педагогическую поддержку семьям, воспитывающим детей с нарушениями в развитии.

В современной педагогической психологии прослеживается тенденция разработки вопросов, касающихся психологической помощи педагогам и учащимся в условиях инклюзивного образования, особенностей интеграции и успешности их адаптации. Вопросы психолого-педагогической поддержки в данной ситуации родителей, имеющих детей с ограниченными возможностями, повышение их социальной компетенции разработаны недостаточно. С введением инклюзивного образования остро встает вопрос о создании благоприятных условий пребывания детей-инвалидов в обществе здоровых детей.

В силу этого возникает необходимость в создании модели психолого-педагогической поддержки семьи в условиях реализации инклюзивного образования. На наш взгляд, она должна строиться в соответствии со следую-

RETRACTED 17.08.2019

щими принципами: гуманистической направленности психологической помощи, гармонизации внутрисемейной атмосферы, формирования положительного отношения к ребенку с отклонениями в развитии, оптимизации воспитательных приемов и комплексного использования психолого-педагогических, психотерапевтических методов, сотрудничества и взаимодействия всех участников образовательного и воспитательного процесса. Психолого-педагогическая поддержка на этапе вхождения ребенка в инклюзивную образовательную среду должна быть направлена на поиск внутренних ресурсов личности родителей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии, на гармонизацию и оптимизацию их психического состояния, повышение уровня их жизнестойкости, способности преодоления трудностей путем наращивания личностных ресурсов.

Своевременная психологическая поддержка родителей в условиях инклюзивного образования позволит нейтрализовать и снизить степень выраженности воздействия эмоционального стресса, что впоследствии приведет к принятию дефекта ребенка и, следовательно, обеспечит успешную дальнейшую интеграцию его в социум. Формирование и повышение социальной компетентности в ходе взаимодействия родителей со своими и другими детьми способствуют принятию устойчивых толерантных установок и развитию готовности сотрудничать с участниками образовательного процесса, что является фактором успешного построения инклюзивной образовательной среды.

1. *Волосовец Т. В.* Инклюзивное образование: модная тема или долгосрочная стратегия // Инклюзивное образование: методология, практика и технология : доклад на международной науч.-практической конф. М. : МГППУ, 2011.
2. *Малофеев Н. Н.* Специальное образование в России и за рубежом : в 2 ч. Ч. 1. Западная Европа: эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии. М. : Печатный двор, 1996.
3. *Добряков И. В., Защиринская О. В.* Психология семьи и больной ребенок : учеб. пособие. СПб. : Речь, 2007.
4. *Шипицына Л. М.* Необучаемый ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Речь, 2005.
5. *Ярская-Смирнова Е. Р., Лящако И. И.* Инклюзивное образование детей-инвалидов // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 100–106.

Peculiarities and Principles of Psychological and Educational Support for Parents Bringing up Children with Disabilities in Terms of Implementation of Inclusive Education

N. V. Kalinina, P. I. Khairudinova

This article is devoted to the problem of introduction and implementation of inclusive education. In the present work, the psychological aspects and conditions of development of personal positions and attitudes of parents bringing up children with disabilities towards inclusive education, identifies the main principles and approaches of their psychological support to ensure successful integration of children with disabilities in inclusive educational environment.

Keywords: inclusive education, children with disabilities, system of psychological and pedagogical support of parents.

RETRACTED 17.08.2019

Диагностика отношения к физической культуре у студентов педагогического университета

В. В. Кондратьев, А. И. Ушников, А. В. Мещеряков

Применен метод педагогической диагностики, который выявил особенности отношения студентов педагогического вуза неспортивных факультетов к физической культуре. Фактические данные позволят разработать модель формирования положительного отношения студентов к физической культуре.

Ключевые слова: студент, физическая культура, отношение, диагностика.

Многие исследователи [1, 3, 4] отмечают, что у большинства студентов нет навыков ведения здорового образа жизни, они не способны в полной мере оценить влияние средовых факторов на свое здоровье, т. к. у них не сформировано положительное отношение к физической культуре. Проблема воспитания у студентов положительного отношения к физической культуре как фактору здоровья и обеспечения продуктивности труда педагога является насущной. Вместе с тем практическая подготовка студента – будущего учителя в аспекте приобщения к ценностям физической культуры признается специалистами одним из слабых звеньев в системе высшего педагогического образования.

Цель исследования – изучение отношения студентов педагогического вуза (неспортивных факультетов) к физической культуре. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1) провести диагностику отношения студентов к физической культуре;
2) разработать критерии оценки отношения студентов к физической культуре.

Для разработки критериев диагностики исходного уровня отношения к физической культуре у студентов необходимо учитывать, что на их отношение в вузе значительное влияние оказывает прошлый опыт. К нему в первую очередь относятся: уроки физической культуры в школе, собственный уровень знаний в сфере физической культуры, мотивы занятий физическими упражнениями, семейные и национальные традиции, результаты физкультурной деятельности. Следовательно, преподавателю, осуществляющему процесс физического воспитания, необходимо обладать достоверностью информацией о потребностях студентов в сфере физической культуры и спорта.

К диагностическим методам нами были отнесены методы, позволяющие давать количественную характеристику изучаемой проблемы и выявлять различные уровни отношения студентов к занятиям физическими упражнениями. Нами были обнаружены следующие составляющие:

а) опыт практической деятельности в сфере физической культуры;
б) ценностные ориентации;
в) источники активности и мотивации.

Уровень отношения к физической культуре определялся с помощью методов анкетирования и тестирования, позволивших выявить личностные качества, предпочтения и знания с помощью стандартных заданий и вопросов. Оценка исходного уровня положительного отношения студентов к физической культуре предполагает измерение тех компонентов, из которых оно состоит. Такими компонентами являются мотивационный, когнитивный и деятельностный. Каждый из этих компонентов измеряется с помощью определенных методик (табл. 1).

Таблица 1

Методики оценки компонентов положительного отношения к физической культуре

	Компоненты	Диагностические методики
1	Мотивационный – сформированность мотивов положительного отношения к физической культуре	Анкетирование (методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича) Беседа Опрос
2	Когнитивный – понимание значимости и влияния физической культуры на формирование личности	Анкетирование по авторской методике Беседа Опрос
3	Деятельностный – выражение в регулярных занятиях физической культурой	Итоги практических заданий, анализ журналов посещаемости, количественные и качественные результаты учебной деятельности Педагогическое наблюдение

Проведенное анкетирование позволило получить довольно широкий спектр информации о мотивах, интересах, увлечениях, предпочтениях и отношении студентов к физической культуре. Дифференцированный анализ ответов, в частности, показал, что на вопрос: «Остались ли вы довольны тем, как была поставлена работа по физическому воспитанию в вашей школе?» – положительно ответили около 60 % респондентов. Это коррелирует с ответами на следующий вопрос анкеты, из которого стало ясным, что 68,3 % опрашиваемых регулярно посещали уроки физической культуры в школе. На следующий вопрос анкеты: «Нравится ли вам постановка физического воспитания в вузе?» – 72 % студентов ответили положительно, в то время как 15 % опрошенных оценивают постановку физического воспитания «неудовлетворительно».

Нам важно было узнать процентный состав студентов с преобладанием деятельностного (поведенческого) компонента. Так, студентов, занимающихся спортом самостоятельно, а не «на словах», оказалось, по результатам анкетирования, лишь 6 %. Из их числа на вопрос анкеты: «Сколько времени в неделю вы отводите занятиям физической культурой и спортом?» – 36 % ответили, что занимаются 3 часа в неделю; 46 % занимаются 4 часа; 13 % занимаются 5 часов; 5 % занимаются 6 и более часов в неделю (в спортивных секциях). Следует отметить снижение временных затрат на самостоятельные и секционные занятия с возрастом (курсом обучения). Это видно при сравнении ответов среди студентов первых, вторых и третьих курсов: студенты 1 курса (17 лет) занимаются физическими упражнениями в среднем 5 часов; студенты 2 курса (18 лет) занимаются 3,8 часа; студенты 3 курса (19 лет) занимаются 2,3 часа в неделю.

Учитывая это, мы задались целью определения информации о запросах и потребностях в сфере физической культуры и спорта студентами педагогического вуза. Полученные данные согласуются с данными, полученными другими учеными [2, 5], и позволяют считать, что распределение приоритетов отражает реальную картину отношения к физической культуре студентов вуза. Можно утверждать, что возможности физической культуры как средства достижения высокой работоспособности не получили оценки у студентов, обучающихся на неспортивных факультетах.

Было выявлено, что многие из студентов недостаточно осознают цель физического воспитания, поэтому их физическая активность сравнительно низка. Следовательно, необходима конкретизация перспективной цели в аспекте повышения двигательной активности, развития и поддержания здоровья студентов.

На вопрос анкеты: «Какой направленности учебную программу вы предпочитаете?» – были получены следующие ответы:
78 % студентов – оздоровительной;
19,5 % – спортивной;
2,5 % – профессионально-прикладной.

Ориентировка программы на оздоровительный эффект объективно может быть решена со студентами специального медицинского отделения, численный состав которых в нашем исследовании был 32 % от общего количества студентов. Возможно, желание видеть свою подготовку в вузе более спортивной объясняется наблюдаемой в последнее время тенденцией к возрастанию потребности студентов в получении результатов двигательной деятельности.

Можно констатировать, что указание на профессионально-прикладную направленность физической подготовки для студентов педагогического вуза в ответах не отражает свою значимость в связи с тем, что физические качества, которые входят в зону профессионально значимых, имеют отдаленный эффект получения результата и, по мнению респондентов, сдерживают всестороннее, гармоничное развитие личности. Изучая потребности студентов в видах двигательной активности, мы отмечали низкую потребность в занятиях определенным видом двигательной активности. Результаты исследования практической деятельности студентов позволили разделить их на три группы:

- 1 группа – 27 % студентов, у которых теоретические знания проявляются на уровне знакомства с учебным материалом, при этом потребность в познавательной активности в основном отсутствует. В их деятельности преобладает негативная установка по отношению к спорту (физической культуре);
- 2 группа – 53 % студентов, которые характеризуются индифферентной установкой по отношению к физической культуре;
- 3 группа – 20 % студентов, которые имеют положительно осознанное отношение к физической культуре в целях поддержания здоровья, самосовершенствования и подготовки к профессиональной деятельности.

Можно сделать вывод, что выявленные мнения респондентов по их отношению к физической культуре целесообразно учитывать при разработке дифференцированных рабочих программ по предмету «Физическая культура». Высокая оценка фактора здоровья у студентов позволяет предположить первостепенность данного показателя, что вполне позволит изменить, т. е. улучшить отношение к занятиям физическими упражнениями. Фактические данные позволили выявить особенности обучения студентов педагогического вуза неспортивных

факультетов, что открывает возможность разработки модели формирования положительного отношения к физической культуре.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

- во-первых, забота о своем физическом состоянии, к сожалению, не стала постоянной потребностью для большинства студентов;
- во-вторых, выявлено различное отношение студентов к физической культуре и взаимосвязь факторов, влияющих на данные отношения;
- в-третьих, необходимы системная диагностика и создание должных организационно-педагогических условий.

В совокупности это говорит о необходимости серьезной коррекции учебной программы по предмету «Физическая культура» для студентов как основного отделения, так и специального медицинского отделения в соответствии с запросами студентов, их возрастом и полом.

Студентам должен быть предоставлен более широкий выбор различных форм физкультурно-спортивной деятельности с учетом их отношения, личных интересов, наклонностей и способностей. Наряду с этим подобная система и организация учебных занятий будет повышать творческий потенциал преподавателей, побуждая их к постоянному совершенствованию, поиску новых методических приемов и технологий физкультурно-спортивной деятельности в рамках вузовского обучения.

1. *Бальсевич В. К.* Онтокинезиология человека. М. : Теория и практика физ. культуры, 2000.
2. *Бондарь С. Б.* Оздоровительная физическая культура в специальных медицинских группах. Организация и программа занятий : учеб.-методическое пособ. Ульяновск : УлГУ, 2007.
3. *Визитей Н. Н.* Курс лекций по социологии спорта. М. : Физкультура и спорт, 2006.
4. *Голиков Л. В.* Физическое совершенствование – важнейший процесс в системе физического воспитания студентов // Адаптация учащихся всех ступеней образования в условиях современного образовательного процесса : материалы Всероссийской науч.-практической конф. Арзамас : АГПИ, 2006. С. 50–52.
5. *Мещеряков А. В., Кондратьев В. В.* Формирование положительного отношения студентов к физической культуре как педагогическая проблема // Вестн. УлГПУ : сб. науч. ст. – Ульяновск : УлГПУ, 2011. Вып. 7. Т. 2. С. 170–173.

Diagnostics of Pedagogical University Students' Attitude to Physical Education

V. V. Kondrat'ev, A. I. Ushnikov, A. V. Mesheryakov

The method of pedagogical diagnostics revealed specific attitude of students from non-sporting departments of pedagogical university to physical education. Factual data will help to develop a model to from positive attitude to physical education among students.

Keywords: student, physical education, attitude, diagnostics.

Дистанционное образование как процесс интеграции в общество граждан с ограниченными возможностями

И. А. Плохова

В статье рассматривается вопрос возможного внедрения дистанционной формы обучения для людей с ограниченными возможностями на базе Ульяновского государственного педагогического университета с точки зрения предоставления такой характеристики обучения, как доступность образования вне зависимости от места проживания и физических возможностей гражданина.

Ключевые слова: дистанционное образование, граждане с ограниченными возможностями, интеграция в общество.

Право на образование является одним из важнейших субъективных прав личности. Оно создает потенциальную возможность доступа к результатам развития цивилизации, приобщает человека к достигнутому обществом уровню культуры, воспитывает уважение к общечеловеческим ценностям, формирует национальную культуру, содействует социальному прогрессу.

Права граждан на образование и профессиональную подготовку признаны рядом международных стандартов прав человека (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт по экономическим, культурным и социальным правам, Европейская социальная хартия, Конвенция о правах инвалидов и пр.), а также федеральными законодательными актами (Конституция РФ, Федеральные законы РФ «Об образовании», «Об инвалидах» и др.).

Сегодняшний процесс интеграции (инклюзии) граждан с ограниченными возможностями в образовательные учреждения является современным отражением времени в рамках реализации прав на получение образования. Интеграционное (инклюзивное) обучение реализует обеспечение равного доступа к получению того или иного вида образования и предполагает создание необходимых условий для достижения успеха в образовании всеми без исключения гражданами независимо от их индивидуальных особенностей, учебных достижений [1].

В г. Ульяновске и Ульяновской области широко развита сеть начальных, средних и средне-профессиональных специальных учебных заведений для детей с ограниченными возможностями, в стенах которых они в силу своих психических и физических возможностей реализуют право на получение образования. Получив аттестат о среднем образовании, многие 17–18-летние девушки и юноши не только хотят, но и по медицинским показаниям имеют право продолжать обучение в высшем учебном заведении. Для многих желание остаться в родном городе сопровождается фактором невозможности выезда куда-либо из-за органических физических возможностей.

Выход из сложившейся ситуации показывает само время – внедрение альтернативной формы образования. Такой формой является дистанционное образование, характеризующеесявсеобщей доступностью образования вне зависимости от места проживания и физических возможностей гражданина.

Понятие «дистанционное образование» в решении коллегии Госкомвуза России от 9 июня 1993 года № 9/1 «О создании системы дистанционного образования в РФ» определено следующим образом: «Дистанционное образование – это форма образования, обеспечивающая использование новейших технических средств и информационных технологий для доставки учебных материалов и информации непосредственно потребителю независимо от его местоположения».

Под дистанционным образованием понимают также комплекс образовательных услуг, предоставляемых широким слоям населения в стране и за рубежом с помощью специализированной информационно-образовательной среды на любом расстоянии от образовательных учреждений [2].

Внедрение дистанционного образования на территории Ульяновской области возможно на базе Ульяновского педагогического университета с помощью написания и дальнейшей реализации Программы «Обучение граждан с ограниченными возможностями» (далее – Программа). В итоге студенты должны получить диплом о высшем образовании государственного образца педагогических специальностей. Необходимость написания Программы обусловлена ростом численности граждан с различными отклонениями, имеющих право и желающих получить высшее образование и проживающих на территории г. Ульяновска и Ульяновской области.

Целью Программы является создание условий, обеспечивающих гражданам с различными отклонениями здоровья интеграцию в образовательное пространство на территории Ульяновского педагогического университета (как объекта, предоставляющего образовательные услуги), а также на территории места проживания студента-гражданина с ограниченными возможностями.

В связи с этим возникает ряд задач, которые необходимо сформулировать для реализации вышеуказанной цели:

- совместно с органами социальной защиты провести мониторинг и сформировать кадровый ресурс интеграции граждан с различными проблемами здоровья, имеющими право и желающими обучаться в высшем учебном заведении педагогической направленности;
- обеспечить современное программное и учебно-методическое оснащение интегрированных и дистанционных форм образования граждан с различными проблемами здоровья;
- обеспечить материально-техническое оснащение интегрированных и дистанционных форм высшего профессионального образования граждан с различными отклонениями здоровья.

Критериями для реализации Программы будут являться:

- список граждан с различными проблемами здоровья, имеющих право и желающих обучаться в высшем учебном заведении, их зачисление по требованиям российского законодательства;
- наличие учебных программ, учебников, методических рекомендаций, пособий, в том числе электронных;
- наличие компьютерной техники в комплекте с сетью Интернет и вебкамерами как со стороны, предоставляющей образовательные услуги, так и со стороны, ее получающей.

Показателями эффективности данной Программы должны стать:

- повышение доли граждан с различными проблемами здоровья, имеющих право и желающих обучаться в высшем учебном заведении и проживающих на территории г. Ульяновска и Ульяновской области;
- повышение доли пропорционального представительства в сфере высшего образования людей с ограниченными возможностями.

Расширение возможностей для всех слоев общества получать высшее образование способствует развитию демократии, созданию гражданского общества. Доступ людей с ограниченными возможностями к высшему образованию посредством дистанционного обучения будет положительно влиять как на личное и общественное восприятие людей с ограниченными возможностями, так и на получение равных возможностей в области образования и дальнейшего трудоустройства, прописанных в различных международных и федеральных законодательных актах.

1. *Семаго М. М., Семаго Н. Я.* Междисциплинарное взаимодействие специалистов инклюзивного образования. URL : http: // www. f-nashideti. ru/inklusiya/182-mezhdisciplin.html.
2. *Курин А. Ю.* Роль и место дистанционного обучения в подготовке будущего специалиста социальной работы // Ун-т им. В. И. Вернадского. 2010. № 10–12 (31). С. 133.

Distance Learning as the Process of Integrating Disabled People into Society

I. A. Plokhova

The article deals with the problem of possible introduction of distant learning for disabled people in the course of academic study of Ulyanovsk State University. This way of learning gives all the students equal rights in access to education regardless of place of living and physical abilities.

Keywords: distance learning, disabled people, integration into society.

Антикризисное управление персоналом в сфере образования

Л. М. Тулякова

В статье рассмотрены подходы к антикризисному управлению персоналом в сфере образования в современных условиях, особенностью которого является оперативная реакция на изменения как вне предприятия, так и внутри него, и поддержка антикризисных мер путем эффективной организации взаимодействия руководителей и подчиненных предприятия образования.

Ключевые слова: антикризисные меры, управление, сфера образования, антикризисное управление.

Как известно, кризисные периоды проходят все предприятия и организации. Кризис коснулся как материальной, так и нематериальной сферы, к которой относится и сфера образования. Но если у западного бизнеса накоплен богатый опыт преодоления проблем, связанных с кризисом, то у нас такого опыта практически нет [3]. На российских предприятиях, в том числе и сферы образования, организуются меры по антикризисному управлению, но исключительно по линии финансового менеджмента.

Больная экономика опустошает доходы предприятий, школ, вузов и средне-специальных учебных заведений, и их финансовая система кажется самой проблемной зоной во время кризиса. Однако, по мнению экспертов из сферы управления человеческими ресурсами, руководителям организаций, школ, вузов и иных образовательных учреждений следует сконцентрировать свое внимание на другом факторе успешности их дела – на вопросе управления персоналом. Особенностью антикризисного управления является более оперативная реакция на изменения как вне предприятия, так и внутри него [1].

А. Бельмас утверждает, что антикризисное управление предъявляет определенные, отличные от регулярного управления требования к системе управления персоналом. Главная задача в этих условиях – это поддержка антикризисных мер путем эффективной организации взаимодействия руководителей и подчиненных предприятия [3].

Наиболее часто встречающиеся проблемы управления персоналом любой сферы, в том числе сферы образования, в кризисный период – это неудовлетворенность оплатой труда, отток квалифицированного персонала, социально-психологическая напряженность. В период кризиса служба персонала существенно ограничена временными рамками – антикризисные меры должны осуществиться в сжатые сроки. Первоочередные и необходимые меры:

1. Пересмотреть систему оплаты труда персонала в зависимости от участия в общем деле с учетом достижения поставленных целей.
2. Экспертно оценить кадровый состав предприятия на предмет возможности использования сотрудников для решения возникших задач в условиях кризиса.
3. Обеспечить сокращение избыточных работников предприятия.
4. Экспертным путем совместно с руководителями определить оптимальное количество специалистов в штатном расписании предприятия и сформировать механизмы их удержания, мотивации и стимулирования.
5. Сформировать резерв кадров и целенаправленно готовить перспективных сотрудников для занятия должностей специалистов пенсионного и предпенсионного возраста.
6. Сформировать механизм оценки результатов деятельности сотрудников для более объективного распределения премиальной части.
7. Обеспечить информационную поддержку изменений [2].

Мировой экономический кризис, начавшийся в США, не обошел своим вниманием и Россию. Время показало неготовность и неумение действовать в данных условиях. Ситуация на российском рынке труда, особенно обострившаяся осенью 2008 г., а в дальнейшем – в марте-апреле 2010 г., остается и сегодня довольно сложной. Оптимизация службы управления персоналом заняла в это время одну из лидирующих позиций в списке антикризисных мер по управлению предприятиями в условиях рынка.

Первое, с чего начали руководители компаний, – это снижение затрат на содержание персонала. Практически все организации стремились радикально оптимизировать штат, увольняя, как им тогда казалось, «лишних» работников. Сокращению подлежали и те, кто работал в организации на постоянной основе, и временные сотрудники. Сокращались работни-

ки, без которых можно обойтись, а в некоторых случаях – и ключевые сотрудники [2].

Взглянув на различные способы управления персоналом в жестких условиях кризиса более пристально, можно увидеть множество решений, которые предпринимались для стабилизации ситуации, а также ошибки, которых можно было бы избежать. Руководство было абсолютно уверено, что обязанности уволенных людей можно переложить на других сотрудников и все будет функционировать с такой же эффективностью. Однако резко ухудшилась производительность труда [1].

Долгожданного экономического эффекта от сокращения значительного числа сотрудников пришлось ждать не один месяц, поскольку необходимо было произвести выплаты сокращенным работникам. К тому же в связи с сокращением выполнение плана часто значительно снижалось, что было вполне закономерным.

Другое направление, которым воспользовались руководители в ситуации кризиса, – снижение затрат посредством уменьшения заработной платы. «В России более 20 % компаний воспользовались именно этой тактикой». Причем одни работодатели напрямую снижали оклады, другие отменяли ежемесячную премию [3].

Более логичная мера – снижение расходов не путем увольнений, а путем выявления резервов повышения эффективности. Найти таковые можно в любой организации: они скрываются в заниженных нормах и нормативах труда, нерациональном планировании и прогнозировании, неправильной оплате сверхурочных работ и работ в выходные дни, потерях рабочего времени, недостаточной дисциплине, неправильной организации труда, завышенных финансовых затратах на командировки и т. д. Следовательно, нужно учиться правильно и эффективно управлять расходами, в том числе на уровне управления персоналом [3].

В рамках борьбы с издержками и за эффективность руководство многих предприятий инициировало пересмотр способов организации труда и его оплаты. В некоторых компаниях применили схему с дополнительными коэффициентами к неизменной части заработной платы. На предприятиях сферы образования вводится оплата труда с «коэффициентом участия», с учетом педагогического стажа и др.

Применялось два дополнительных коэффициента к должностному окладу: «КВП» – коэффициент выполнения плана и «КТУ» – коэффициент трудового участия. Что характерно, «КВП» применялся для всех без исключения работников предприятия, в том числе и для тех, чья работа заключалась в выполнении нормы по нормо-часу.

Необходимо было искать эффективный и рациональный подход, а также выстраивать современную систему оценки деятельности персонала, при которой работники будут мотивированы к росту производительности труда.

На фоне высокой значимости материальной мотивации, которая достаточно легко рассчитывается и планируется, нематериальная мотивация с ее сложно рассчитываемой отдачей присутствует практически на любом предприятии сферы образования и преследует те же принципы. Стратегию нематериального стимулирования необходимо выстраивать таким образом, чтобы люди чувствовали себя не отдельными ненужными элементами системы, а ценной частью слаженного механизма без страха неопределенности и неуверенности в завтрашнем дне. Все это очень важно, тем более в условиях кризиса [1].

Очень важны коммуникации с персоналом в кризисный период. Жизнь показала, что кризисные коммуникации серьезно отличаются от коммуникаций с персоналом в «мирное» время. В периоды нестабильности, как уже говорилось ранее, у сотрудников возникают беспокойство, тревога, связанные с непредсказуемым будущим. Внутренняя обстановка в компаниях становится напряженной, что следует учитывать при работе с персоналом.

В условиях кризиса руководителю часто приходится сообщать персоналу негативную информацию, принимать и внедрять непопулярные решения, которые влияют на профессиональную жизнь и благосостояние многих людей. Делать это требуется в состоянии высокой неопределенности, когда руководство компании еще не владеет полной информацией и зачастую не знает последствий даже своих решений. Однако сотрудники должны узнавать о кризисной ситуации от руководства, а не из внешних источников или слухов, порой, очень сильно преувеличенных. К тому же не стоит забывать, что в большинстве случаев выход из кризисной ситуации зависит не только от усилий управляющего персонала, но и от каждого работника в частности. Четкое и последовательное информирование сотрудников, сбор и учет их вопросов, мнений и предложений позволяет разработать четкие цели деятельности, распределить роли и ответственность за выполнение целей организации, обозначить приемлемые пути достижения поставленных целей, поддержать и еще более укрепить лояльность сотрудников даже в нелегкий для компании кризисный период.

Кризис должен научить руководителей управлять изменениями в стремительно меняющихся условиях, искать пути решения даже в самых сложных ситуациях. Управление изменениями означает понимание составных

элементов данного процесса, определение истинных причин сопротивления и их устранение, выявление ключевых сотрудников, действия которых очень значимы для проведения изменений. Уверенность персонала в необходимости организационных преобразований определяет готовность к ним людей и подразделений, а формирование команды способствует появлению эффективных каналов управления персоналом [3].

Каким же должен быть антикризисный управляющий? Его деятельность многофункциональна. Ему приходится решать целый спектр разнообразных задач: от комплексной диагностики проблем предприятия на разных стадиях до нахождения наиболее приемлемых и максимально эффективных путей. При этом сама антикризисная деятельность проходит в ситуациях высокого напряжения, когда сталкиваются часто взаимоисключающие интересы различных сторон.

Эффективность антикризисного управляющего зависит не только от специальных юридических, экономических и прочих профессиональных знаний. Не менее важную роль играют личностные качества. Это прежде всего яркие личности и блестящие профессионалы, способные решать самые сложные задачи. Они умеют продуктивно работать в ситуации неопределенности, проводить эффективный анализ в условиях цейтнота, грамотно ставить цели и определять различные пути их достижения (образом, наиболее близким по сложности к этой деятельности, пожалуй, может служить шахматный гроссмейстер, удерживающий в голове множество партий, ходов, комбинаций и вариантов развития событий). Поэтому даже резкое изменение ситуации не вызывает у них панического состояния и, по большому счету, в той или иной степени предвидится ими заранее.

Еще одна важная характеристика наиболее успешных антикризисных управляющих – умение продуктивно разрешать конфликты. Обладая очень высокой стрессоустойчивостью, даже в эмоционально насыщенных ситуациях они способны рационально принимать решения.

Безусловно, все эти качества приобретаются вместе с опытом. Однако существуют различные тренинговые компании, российские и зарубежные, которые предлагают программы, способные удовлетворить потребности антикризисных управляющих в развитии профессионально важных качеств. Прежде всего это тренинги эффективной коммуникации. Они направлены на развитие общих коммуникативных качеств личности, на основе которых вырабатывается умение убеждать, направлять процесс взаимодействия в нужную сторону и выбирать соответствующую цели стратегию поведения.

Конечно, даже профессионал не может добиться результата, работая в одиночку. Как правило, успешный антикризисный управляющий уже имеет свою команду либо может легко ее сформировать. В связи с этим пользуются спросом тренинги «на командообразование». В результате их проведения группа специалистов из разных областей становится единым целым, каждый участник разделяет ценности, цели и задачи, стоящие перед группой, каждый готов сделать все от него зависящее для достижения этих целей.

Итак, антикризисное управление – сравнительно новый вид деятельности, востребованный в условиях современной России. В нашей стране класс профессиональных управленцев только формируется, и антикризисное управление, которое, по утверждению экспертов, является «чистым видом управления», находится на переднем плане.

Знать законодательство, ориентироваться в политической и экономической ситуации, эффективно организовывать совместную работу, вести успешные переговоры, проводить содержательные совещания, владеть навыками убеждения, уметь разрешать конфликты и при этом обладать высокой стрессоустойчивостью – это самые необходимые качества профессионала в антикризисном управлении, которые и позволяют ему приобретать успешную репутацию. Все эти качества достигаются только в повседневном опыте, а современные обучающие технологии – тренинги, стратегические игры, специальные упражнения – помогают достичь желаемого. Экономия времени и предупреждение будущих ошибок – это лишь некоторые выгоды от обучения.

Немаловажное место в антикризисном управлении занимает антикризисный управляющий, который должен четко представлять собственные возможности, иметь картину собственных знаний, развивать и дополнять их. Эти умения очень актуальны и в сфере современного образования: знания, применяемые в условиях кризиса, помогают достижению новых профессиональных вершин.

1. *Бельмас А.* Влияние корпоративной культуры на сотрудников с различными типами мотивации // Корпоративная культура. 2012. № 6; *Гусев Ю. В.* Стратегия развития предприятий в условиях кризиса. СПб. : СПбУЭФ, 2012.
2. *Коноваленко М. Ю.* Теория коммуникации : учеб. для бакалавров. М. : Юрайт, 2012.
3. *Магура М. И.* Секреты мотивации. М. : ООО «Журн. ‘‘Упр. персоналом’’», 2012.

Crisis Personnel Management in the Sphere of Education

L. M. Tulyakova

The article considers approaches to crisis personnel management in the sphere of education in the modern conditions. Its peculiarities are the quick reaction, both on internal and external changes in the enterprise and support of anti-recessionary measures due to effective interaction of its management and personnel of educational establishments.

Ключевые слова: anti-recessionary measures, management, educational sphere, crisis management.

Развитие физической культуры и спорта в современном российском обществе

А. А. Юдина

В статье проанализированы проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта в современном российском обществе. Рассмотрены вопросы укрепления физического и духовного здоровья человека, формирования здорового образа жизни, а также вопросы развития физической культуры и спорта как приоритетного направления социальной политики государства.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, массовый спорт, спорт высших достижений, здоровый образ жизни, ценность, система.

При оценке социальной роли физической культуры и спорта в развитии общества и социализации личности в условиях социально-экономических и политических преобразований современной России особое значение приобретают вопросы укрепления физического и духовного здоровья человека, формирования здорового образа жизни, поэтому развитие физической культуры и спорта – одно из основных направлений социальной политики государства. Кроме того, в настоящее время в нашей стране продолжают оставаться очень сложными социально-демографическая ситуация и положение с состоянием здоровья населения.

Физическая культура и спорт являются одним из наиболее важных факторов укрепления и сохранения здоровья. Это особенно важно сегодня, в условиях резкого снижения двигательной активности (гиподинамии). Поэтому распространение и эффективность физической культуры и спорта следует рассматривать во взаимосвязи с внешней средой, бытом, питанием, возрастом и полом. Физкультура и спорт выступают составной частью культуры общества и каждого человека в целом. Именно поэтому в нашей стране придавалось и придается большое значение формированию здорового образа жизни.

Спорт как важный социальный феномен пронизывает все уровни современного социума, оказывая широкое воздействие на основные сферы жизнедеятельности общества. Он влияет на национальные отношения, деловую жизнь, общественное положение, формирует моду, этические ценности, образ жизни людей [1, с. 12–13].

Забота о развитии физической культуры и спорта является важнейшей составляющей социальной политики государства, обеспечивающей воплощение в жизнь норм и ценностей, дающих широкий простор для выявления способностей людей, удовлетворения их интересов и потребностей, активизации человеческого фактора.

Физическая культура, являясь одной из составляющих общей культуры, во многом определяет поведение человека в учебе, на производстве, в быту, в общении, способствует решению социально-экономических, воспитательных и оздоровительных задач. Придя в спортивную секцию или школу, юный спортсмен попадает в новую социальную сферу: тренеры, судьи, спортивный коллектив – это новые агенты социализации, конкретные люди, ответственные за воспитание и образование, обучение культурным нормам и образцам поведения, обеспечивающие эффективное освоение новой социальной роли, в которой оказывается юный спортсмен. Для каждого человека особенно важна первичная социализация, когда закладываются основные психофизические и нравственные качества личности. В первичной социализации спортсмена наряду с семьей и школой задействован социальный институт физической культуры и спорта. Среди агентов первичной социализации далеко не все играют одинаковую роль и обладают равным статусом. По отношению к ребенку, проходящему социализацию, родители занимают превосходящую позицию. Для юного спортсмена тренер также играет одну из ведущих ролей. Ровесники, напротив, равны ему. Они прощают ему многое из того, что не прощают родители и тренер. В каком-то смысле с одной стороны ровесники, а с другой – родители и тренер воздействуют на юного спортсмена в противоположных направлениях. Тренер в данном случае усиливает позиции родителей в формировании базисных ценностей, а также регулирует сиюминутное поведение, ориентируя юного спортсмена на спортивный стиль жизни, достижение высоких результатов [2, с. 14].

Огромный социальный потенциал физической культуры и спорта необходимо в полной мере использовать на благо процветания России, поскольку это наименее затратный и наиболее результативный рычаг морально-

го и физического оздоровления нации. Однако в настоящее время физической культурой и спортом в стране занимаются всего 8–10 % населения, тогда как в экономически развитых странах мира этот показатель достигает 40–60 %. Самая острая и требующая срочного решения проблема – низкая физическая подготовленность учащихся. К примеру, в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) охвачено спортом 11 % населения, хотя по минимальным нормативам должно быть не менее 30 %, а 60 % считается хорошим показателем. Председатель Межрегионального совета физкультурно-спортивных организаций «Северо-Запад» Владимир Тимофеев заявил, что, по его данным, в СЗФО последнее место по массовости занятий спортом и физкультурой занимают г. Санкт-Петербург и Архангельская область. Причем г. Санкт-Петербург занимает последнее место в СЗФО и 82-е – среди всех субъектов РФ и по обеспеченности спортивными сооружениями. «В Северной столице спортом охвачено всего 7,1 % детей и подростков, и за последние три года вообще не наблюдается положительной динамики», – отметил участник «круглого стола». Среди лидеров по спортивной массовости на Северо-Западе РФ Тимофеев назвал Коми и Карелию, где «за последние три года наблюдается хороший прирост числа детей и подростков, вовлеченных в спорт» [3, с. 17].

В настоящее время правовая и нормативная базы в области физической культуры и спорта не позволяют реализовать права каждого гражданина России на занятия физической культурой и спортом. Бюджетное финансирование не обеспечивает в полной мере потребности развития как спорта высших достижений, так и спорта для всех, а для инвесторов, готовых вкладывать средства в физическую культуру и спорт, не созданы соответствующие условия.

Недостаточное количество регулярно занимающихся физической культурой и спортом в значительной степени обусловлено практически полным отсутствием пропаганды здорового образа жизни и ценностей физической культуры и спорта в средствах массовой информации, особенно на телевидении.

К наиболее серьезным проблемам для сферы физической культуры и спорта относятся отток за рубеж квалифицированных специалистов, тренеров и спортсменов и низкий престиж этой профессии. Это обусловлено, с одной стороны, высоким уровнем подготовленности наших специалистов, тренеров и спортсменов, востребованностью их на мировом уровне, а с другой – отсутствием условий для полноценной работы в нашей стране. Поэтому в условиях перехода России к рыночной экономике, демократическому обществу и принятия общечеловеческих ценностей и идеалов к системе физической культуры и спорта предъявляются новые требования [4, с. 15–17].

Катастрофическое ухудшение качественных характеристик народонаселения Российской Федерации (низкая рождаемость, высокая смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, наркомании и алкоголизма, снижение общего уровня духовности и нравственности, устойчивая динамика ухудшения показателей физического развития, подготовленности, физической и интеллектуальной работоспособности) становится все более значимым признаком развития кризиса качества жизнедеятельности значительных масс населения. В свою очередь, это является одним из важных факторов риска для национальной безопасности и надежности условий интеллектуального, нравственного, духовного развития населения, а также экономического прогресса, политической стабильности и роста международного авторитета Российской Федерации. В связи с этим популяризация здорового образа жизни как одно из направлений государственной политики в информационной сфере должна превратиться в приоритетную задачу, от решения которой во многом зависит достижение поставленных стратегических целей. Популяризация физической культуры, спорта и здорового образа жизни нуждается в четко специфицированном разделении в соответствии с теми основными формами спорта, которые установились в обществе на современном этапе [5, с. 12].

Можно сказать, что существуют две основные взаимосвязанные организационные формы спорта: массовый спорт и спорт высших достижений (или так называемый большой спорт). Первая является органической частью системы физического воспитания, физической культуры общества: массовый спорт лишь относительно лимитируется возрастом, состоянием здоровья, уровнем физического развития людей. Массовым спортом каждый человек занимался хотя бы раз в жизни: спорт как учебный предмет входит в программы всех типов учебных заведений и военно-физической подготовки в армии. В этой форме реализуются прежде всего общие образовательно-воспитательные, подготовительно-прикладные, оздоровительные и рекреационные задачи спорта. Массовый спорт – основа спорта высших достижений, условие физического совершенствования подрастающих поколений. Спорт высших достижений позволяет на основе выявления индивидуальных возможностей и способностей человека в определенной сфере спортивной деятельности (посредством углубленной специализации и индивидуализации учебно-тре-

нировочного процесса, связанного с использованием возрастающих до предельных функциональных нагрузок) добиваться максимальных, рекордных спортивных результатов, моделировать для них эталонные ориентиры, вооружать массовую практику наиболее эффективными средствами и методами спортивного совершенствования. Рекорды в спорте высших достижений, победы в официальных международных, национальных и других спортивных соревнованиях создают моральный стимул развития массового спорта [6, с. 19–20].

Переходя к той роли, которая принадлежит массовому спорту в современном обществе, можно утверждать, что массовый спорт – это непрерывный социальный эксперимент, в ходе которого человечество познает свои возможности, накапливает и совершенствует человеческий капитал, расширяет свой потенциал. Массовый спорт, выполняя развивающие, воспитательные, патриотические, коммуникативные функции, объединяет социальные группы, развивает нацию. В современных условиях возрастает значение решения комплексной задачи подготовки профессиональных, востребованных и высокооплачиваемых кадров массового спорта – преподавателей физического воспитания и физкультуры, инструкторов, тренеров, организаторов спортивных мероприятий и т. д. В то же время развитие массового спорта в современном российском обществе чрезвычайно затруднено. Занятия физической культурой и спортом требуют соответствующего снаряжения, экипировки, а также материально-технической базы. Слабая программно-методическая база, уверенно снижающийся профессионализм и низкая зарплата учителей физкультуры привели российскую систему физического воспитания к серьезному отставанию от необходимого на сегодняшний день уровня. Решение этих проблем требует постановки масштабных задач по преобразованию содержания и инфраструктуры физического воспитания.

Система массового спорта обладает определенной самостоятельностью в целостной социальной системе общества, выступая в этом случае как социальная подсистема. Сфера массового оздоровления граждан, социальная система спорта в силу своей специфичности имеет относительную автономию в отношении других социальных подсистем. Достижение социально значимых целей в спорте невозможно без научного знания, взаимодействия науки с другими дисциплинами. Вместе с тем социальная подсистема спорта самым активным образом взаимодействует с непосредственно связанными с ним подсистемами здравоохранения, науки, культуры, воспитания и образования. Спорт оказывает значительное воздействие на социально-экономические и политические процессы любого современного общества. В связи с этим государственной пропаганде здорового образа жизни и развития человеческого потенциала принадлежит особое место в процессе становления спорта как специфической инфраструктуры современного массового движения.

Специфическая регулирующая роль государства в сфере развития физической культуры и спорта, укрепления общественного здоровья и развития человеческого потенциала заключается в коррекции социальной стратификации, в утверждении и гарантировании равных прав граждан России на всестороннее развитие личности и общества. Целями государственной политики в этой сфере являются: формирование гражданского самосознания; повышение уровня социальной защищенности и самореализации граждан; формирование здорового образа жизни населения; профилактика наркомании, алкоголизма, табакокурения и правонарушений в молодежной среде; создание условий для массовых занятий физической культурой и спортом детей и подростков [7, с. 17].

Физическая культура и спорт играют также образовательную роль в обществе. Россия уделяет большое внимание распространению олимпийских ценностей через систему образования, т. к. оно является одной из важнейших составляющих олимпийского движения. Олимпийское и параолимпийское образование меняет отношение молодежи к себе, к миру, к природе, прививает культуру здорового образа жизни, способствует систематическим занятиям спортом, развивает стремление к самосовершенствованию, учит взаимопониманию, нравственности, толерантности. Система олимпийского и параолимпийского образования в корне меняет отношение к людям с инвалидностью, ломает стереотипы, учит находить сходства, а не различия. Занятия, интерактивные игры, тренинги помогают развивать в себе смелость, решительность, уважение к другим людям.

Впервые за более чем 100 лет существования Олимпийских игр современности разработан системный подход к задачам олимпийского образования. «Система олимпийского образования “Сочи 2014”» утверждена Международным Олимпийским комитетом (МОК). Данная программа формирует устойчивое гуманитарное наследие, поскольку закладывает долгосрочную основу для утверждения в обществе, особенно в молодежной среде, гуманистических идеалов олимпизма и спорта. Олимпийское движение является основой современного спорта, его стержнем. Идеи олимпизма объединили на негосударственном уров-

не практически все страны мира. К сожалению, развитие олимпийского движения в России явно замедлилось и не соответствует полностью требованиям времени и интересам государства.

В России сегодня миллионы людей разного возраста занимаются спортом, считают его неотъемлемой частью своей жизни. Неотложные задачи выравнивания демографической ситуации в России требуют вовлечения в спорт еще большего числа наших соотечественников. Не менее актуальна эта задача в отношении подрастающего поколения. Именно спорт и спортивная мораль могут стать не только основой его здорового образа жизни, но и нравственным выбором молодежи. Эти и многие другие задачи, отвечающие интересам людей и государства, способно и призвано решить именно олимпийское движение – мощное, поддержанное государством и обществом.

Однако специалисты пришли к выводу, что в олимпийском движении в России появились признаки кризиса. Главная причина падения спортивного рейтинга олимпийских команд и уменьшения количества медалей состоит в отсутствии системного подхода к решению задач, стоящих перед олимпийским движением в России на современном этапе, отсутствии стратегического планирования деятельности Олимпийского комитета России (ОКР) и, как следствие, – в ослаблении его позиций как в нашей стране, так и на международной арене.

На всех уровнях и направлениях необходима системная, точная и эффективная работа, согласованные действия управленческого звена нового качества, лидеров профессионального и массового спорта, законодателей и администраторов, институтов гражданского общества, экспертного, научного и бизнес сообществ. Необходима тщательная и серьезная аналитическая и прогностическая работа, результатом которой должно быть четкое и сформулированное на перспективу представление о задачах и содержании олимпизма в России. И главным адресатом этого «спортивного послания» должны быть не чиновники ОКР, а граждане страны – те, кому сегодня близки идеалы спорта, и те, кто готов взять их на вооружение завтра [8, с. 24–25].

В настоящее время в нашей стране формируется активный интерес к здоровому образу жизни. По сути дела, можно говорить о том, что в России возникает новый социальный феномен, выражающийся в острой экономической заинтересованности граждан в сохранении здоровья как основы материального благополучия.

Необходимо сохранить и восстановить лучшие традиции отечественного физкультурно-спортивного движения и продолжить поиск новых высокоэффективных физкультурно-оздоровительных и спортивных технологий, направленных на максимальное вовлечение всех слоев населения в активные занятия физической культурой и спортом [9, с. 17].

Общенациональное патриотическое движение за оздоровление российских граждан средствами физической культуры и спорта должно быть подкреплено на уровне региональной политики, инициативами предпринимательских кругов, трудовых коллективов, общественных организаций и партий, учебных заведений.

Важнейшая задача совершенствования системы управления физической культурой и спортом – формирование оптимальной отраслевой модели управления, в которой будут четко распределены и согласованы компетенция и полномочия, функции и ответственность всех субъектов физкультурно-спортивной деятельности как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации и местных органов власти.

1. *Лубышева Л. И.* Социальная роль спорта в развитии общества и социализации личности // Физкультура и спорт. 2007. № 3.
2. См.: там же.
3. *Жолдак В. И., Зуев В. Н.* Управление в сфере физической культуры и спорта. М., 2000.
4. *Лубышева Л. И.* Социальная роль спорта в развитии общества и социализации личности // Физкультура и спорт. 2007. № 3.
5. *Бауэр В. Г.* Социальная значимость физической культуры и спорта в современных условиях развития России // Теория и практика физ. культуры. 2001. № 1.
6. *Зотова Ф. Р.* К вопросу о современных тенденциях развития спорта // Теория и практика физ. культуры. 2001. № 2.
7. *Ларшина Н. В.* Особенности спорта как социального института // Олимпийское движение и социальные процессы : материалы X Всероссийской науч.-практической конф. М. : Советский спорт, 2001.
8. *Виноградов П. А., Душанин А. П., Жолдак В. И.* Основы физической культуры и здорового образа жизни. М. : Советский спорт, 1996.
9. Физическая культура : учеб. для студентов вузов. М. : СпортАкадемПресс, 2003.

Development of Physical Education and Sports in Modern Russian Society

A. A. Yudina

The article analyzes the problems and prospects of development of physical education and sports in the modern Russian society. It examines issues of the physical and mental human health strengthening, formation of healthy lifestyle. The author considers the problems of physical education and sports development to be priority directions of state social policy.

Keywords: physical education, sports, mass sports, sports of higher achievements, healthy lifestyle, value, system.

Профессия «спортсмен»: сравнительно-правовой аспект

А. В. Иглин

Различные страны в зависимости от специфики социально-экономического и политического устройства формируют условия для развития массового и профессионального спорта. Трудовой кодекс РФ в ст. 351 признал спортсмена особым субъектом трудовых правоотношений. Необходимо точно охарактеризовать его статус с учетом международного опыта.

Ключевые слова: профессиональный спорт, спортивное право, управление спортом, спортсмен, спортивные организации, регулирование спорта.

Спорт в настоящее время – не просто род занятий людей, ведущих здоровый образ жизни. Общеизвестно, что спорт делится на два вида – любительский и профессиональный. Именно последний предполагает участие спортсменов, которые считают своей профессией (т. е. основным родом занятий, источником дохода и т. п.) спорт. Трудовой кодекс РФ в ст. 351 признал спортсмена особым субъектом трудовых правоотношений. ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ» дает следующие определения: «спортсмен – это физическое лицо, занимающееся выбранным видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях; <...> спортсмен высокого класса – спортсмен, имеющий спортивное звание и выступающий на спортивных соревнованиях в целях достижения высоких спортивных результатов»*. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов предусмотрел должность спортсмена-инструктора как своего рода профессии [1].

Следовательно, спортсмен – субъект профессиональной спортивной деятельности, участник правоотношений, регулируемых законодательством и (на основе законодательства) контрактами. При этом необходимо опираться на зарубежный опыт регулирования профессионального спорта, ведь в некоторых странах этот вопрос изучается уже очень давно. Так, у профессионального спорта в США отмечаются следующие особенности, присущие этому явлению:

- ориентация на развитие тех видов спорта, которые приносят или могут принести коммерческий успех;
- создание и поддержание на соревнованиях атмосферы высокой конкуренции;
- формирование спортивной элиты в каждом виде спорта;
- наличие эффективной и постоянно совершенствующейся системы социальной защиты спортсменов;
- экспансия американского профессионального спорта в другие страны мира [2].

В мире сложились две модели управления профессиональным спортом – американская и европейская. В США профессиональный спорт развивается по юридическим нормам, присущим прецедентному праву. Субъектами права в профессиональном спорте США являются лиги, ассоциации, союзы в лице их руководителей – президентов, председателей советов, управляющих и др.; команды по игровым видам спорта (американский футбол, бейсбол, баскетбол, хоккей, соккер) в лице их хозяев и руководителей – президентов, главных менеджеров и тренеров; по индивидуальным видам спорта (автогонки, бокс, борьба, боулинг, гольф, теннис и др.) – в лице менеджеров, импресарио; сами спортсмены и агенты, помогающие им вести их финансовые и юридические дела; ассоциации спортсменов профессиональных лиг; владельцы стадионов, дворцов спорта и других спортивных сооружений, где тренируются и соревнуются профессиональные спортсмены [3].

Основной структурной единицей в профессиональном спорте в американской модели является лига или ассоциация, низовым звеном – команда (клуб). Контракты со спортсме-

* ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ» от 04.12.2007 г. №329-ФЗ.

нами заключаются на основе системы резервирования, которая включает:

1) отбор игроков в команды (драфт);
2) удержание их в команде;
3) контроль над игроками;
4) решение спорных вопросов между владельцами команд и спортсменами;
5) купля-продажа игроков [4].

Как видим, правило равенства сторон контракта в данной модели не практикуется, спортсмен подчиняется нормативам не только законодательства и подписанного им контракта, но и политике клуба, в котором он выступает на соревнованиях.

Для американской системы также характерны получение прибыли за счет непосредственно соревновательной деятельности (а не за счет, скажем, бюджетных ассигнований), дифференциация уровня заработной платы спортсменов, вплоть до установления лимита фонда зарплаты на команду, отсутствие, как правило, спонсоров, высокая стоимость продажи телеправ, высокий вступительный взнос для новичков, система распределения доходов от продажи билетов, низкая арендная плата за пользование муниципальными (городскими) спортивными сооружениями, налоговые льготы. Отмеченные особенности касаются в первую очередь менеджмента наиболее популярных (а значит, и более прибыльных) в США видов спорта (баскетбол, американский футбол, хоккей, бейсбол). Менеджеры американского профессионального спорта сформировали систему правовых отношений между его субъектами. Система драфта, введенная с целью устранения борьбы между клубами за перспективных новичков и уравновешивания сил команд в конечном итоге, была придумана для повышения зрелищности соревнований, а значит, и доходов от них. Чтобы не допустить финансового краха отдельных клубов, американская система менеджмента установила правила распределения доходов от продажи билетов и телеконтрактов, подписанных лигой. Эти правила являются факторами экономического развития и финансового благополучия профессионального спорта.

Отметим и еще один ключевой момент спортивного менеджмента в США: введение ограничений на зарплату спортсменам, что также уравновешивает финансовые возможности команд. Ведь даже самый богатый клуб не может пригласить игрока, соблазнив его более высокой зарплатой, если он получает максимум, установленный лигой. Справедливости ради отметим, что даже в США в разных видах спорта имеют место различные системы организации соревнований, что оказывает решающее влияние на спортивный менеджмент в лигах, культивирующих тот или иной вид спорта.

В целом основу характерного для США профессионального спорта, составляет стремление к максимальным доходам, при этом профессиональный спорт рассматривается как специфическая сфера бизнеса. Спортивная деятельность и ее результаты – это средство достижения прибыли. Особенностью национальных чемпионатов является то, что состав команд, разыгрывающих первенство, стабилен из года в год. Команда (или команды), занявшая последнее место, не выбывает в низшую лигу. Изменение состава лиги происходит или за счет продажи-покупки клуба, или за счет нового клуба, который должен внести большой вступительный взнос в лигу, распределяемый между всеми командами.

В европейских странах спортивное соперничество является приоритетным фактором и обязательным условием ведения спортивного бизнеса. Команда, занявшая последнее место по итогам чемпионата, выбывает из высшего дивизиона, уступая место другой, отобранной по спортивным результатам. Однако есть примеры, когда коммерческий принцип проведения соревнований одерживал верх и в Европе. Сложившиеся подходы порождают не только различные системы спортивного менеджмента, но и стратегии для регулирования спортивной конкуренции. Американская стратегия в отличие от европейской предполагает перераспределение финансовых и людских ресурсов от сильных команд к слабым на том основании, что это создает более благоприятную для бизнеса конкуренцию и, следовательно, способствует усилению зрелищности соревнований. Система менеджмента соревнований содействует также и большей финансовой стабильности клубов – участников чемпионатов [5].

Европейская модель построена на конкуренции между спортивными командами, стремящимися создать преимущество, во многом основанное на финансовых возможностях приобретать сильнейших спортсменов. Такое положение дел рано или поздно, как правило, приводит к появлению нескольких (двух-трех) суперклубов, которые из года в год разыгрывают между собой призовые места в чемпионате.

Анализ европейской системы спортивных отношений показывает, что стремление руководителей и менеджеров команд преодолеть сложившуюся ситуацию, заложенную в самой системе организации соревнований, и достичь лучших экономических результатов соблазняет многие клубы вести менеджмент не по средствам, что часто приводит к плачевным последствиям.

Как отмечалось выше, по сравнению с американской системой менеджмента в Европе реализуется другой принцип комплектования профессиональных лиг. Эта особенность

менеджмента приводит к другим принципам формирования команд, участию спонсоров (европейские клубы до 50 % доходов, как правило, имеют за счет спонсорской поддержки) и местных структур власти в их финансировании. В Европе клубы получают меньше доходов от продажи телеправ, зарплата спортсменов ниже, и они хуже защищены социально. Отметим, что ни в США, ни в Европе в профессиональном спорте не ставится задача подготовки спортсменов в сборные команды страны для участия в международных соревнованиях.

В европейской модели профессионального спорта правовую основу составляет статутное законодательство, причем сначала принимаются региональные акты (например, в Совете Европы, Евросоюзе), а затем внутригосударственное законодательство. Как раз внутреннее законодательство и раскрывает основные вопросы европейской политики в спорте, предусматривает конкретные меры, которые государства обязуются выполнять посредством специальных спортивных федераций и программ.

На основе указанных положений о профессиональном спорте можно определить, что статус спортсмена – совокупность элементов, раскрывающих его как участника профессиональной спортивной деятельности. Эти элементы следует разделить на общие и специальные. К общим традиционно относятся права, обязанности, законные интересы, ответственность. К специальным, на наш взгляд, нужно отнести спортивное звание, спортивные функции, участие в официальных спортивных соревнованиях, способность заключать контракты в сфере спорта (трудовые, спонсорские и т. д.).

Следовательно, статус спортсмена-профессионала отличается от статуса работника. Так, к работникам относят лиц, достигших определенного возраста (16 лет по ТК РФ), в то время как спортсмен может участвовать в официальных соревнованиях и до этого возраста (например, в гимнастике нередки случаи 14-летних рекордсменов, членов сборных команд). Особые группы (число которых растет) составляют спортсмены, заключающие контракты с зарубежными клубами, в то время как большая часть граждан работает в своем государстве.

Существуют и специфичные признаки спортсмена-профессионала, например конкурентность, популярность, приобретение специальных навыков и т. п.

Одним из актуальных вопросов профессионализации спорта является его коммерческий, предпринимательский аспект, поэтому профессиональный спортсмен – субъект спортивных предпринимательских отношений [6]. Такой характер спортивных отношений обусловлен следующими обстоятельствами:

1) вознаграждение спортсмена, участвующего в соревновании (в том числе за установление рекордов);
2) социальная поддержка (льготы олимпийцам, спортсменам-инвалидам и т. д.);
3) доплата за звания, достижения.

На международном уровне вопрос о контрактах спортсменов рассматривается в организациях самого высокого ранга. Например, УЕФА, Международный профсоюз профессиональных футболистов, Ассоциация европейских клубов и Ассоциация профессиональных лиг при участии представителей Европейского союза подписали соглашение о минимальном наборе условий, которые должны быть прописаны в контрактах, например, футболистов. По этому договору контракт должен заключаться в письменной форме, он должен определять права и обязанности клуба и игрока, в нем должны присутствовать пункты о заработной плате, медицинском страховании, социальном обеспечении и оплачиваемом отпуске. Также в контракте должно говориться об обязанности футболистов участвовать в тренировках, поддерживать здоровый образ жизни и соблюдать дисциплинарные правила команды. ФИФПро подчеркивает, что подавляющее большинство профессиональных футболистов – обычные наемные работники, которые сталкиваются с большими трудностями, когда начинают новую жизнь после окончания карьеры. Профсоюз также особенно обеспокоен ситуацией в Восточной Европе, где недобросовестные клубы нередко не платят футболистам «белую» зарплату, а иногда даже угрожают им насильственными мерами [7].

В целом международные спортивные правоотношения и их профессиональный субъектный состав являются предметом изучения формирующейся отрасли – спортивного права и обособляющегося международного спортивного права. С развитием спорта внимание к этим правоотношениям, их нормативному регулированию, субъектам и развитию будет возрастать.

1. См.: *Иглин А. В.* Спорт и право (международный аспект). М., 2012.
2. См.: Там же.
3. *Sobell L.* Professional Sport and the Law. N.Y. : Law arts Publ, 1987. Цит. по кн.: *Алексеев С. В.* Международное спортивное право. М., 2008. С. 406–407.
4. *Алексеев С. В.* Международное спортивное право. М., 2008. С. 407, 408, 410.
5. См.: *Иглин А. В.* Указ. соч.
6. См.: *Гуськов С. И.* Профессиональный спорт : учеб. / под ред. С. И. Гуськова, В. И. Платонова. М., 1999. С. 56.
7. URL : http://news.sport-express.ru/2012-04-19/506410.

Profession of a Sportsman: Comparative and Legal Aspect

A. V. Iglin

Various countries depending on specifics of a social and economic and political system form conditions for development of mass and professional sports. The Labor Code of the Russian Federation in Art. 351 recognized a sportsman as a special subject of labor legal relationship. It is necessary to precisely characterize its status taking into account the international experience.

Keywords: professional sports, sports law, management of sports, sportsman, sports organizations, sports regulation.

Содержание наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

А. И. Максимов

В статье приведен анализ современного и ранее действовавшего уголовного, уголовно-исполнительного и трудового законодательств, регламентирующих содержание и применение наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, а также иных наказаний, ограничивающих трудовую и профессиональную деятельность.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-исполнительное право, лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, наказание, ограничение трудовых прав осужденного, лишение права, преступления в сфере экономической деятельности и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, государственная служба.

Особенностью предусмотренного в п. «б» ст. 44 и ст. 47 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) наказания является его двойственная правовая природа. По своей сути лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – это синтезированные в один вид, но при этом самостоятельные виды уголовных наказаний, которые применяются к лицу (специальному субъекту), признанному виновным в совершении преступления в связи с занимаемой им должностью на государственной службе, в органах местного самоуправления либо в связи с занятием определенной профессиональной или иной деятельностью, а также вопреки интересам такой службы либо деятельности и заключаются в лишении этого лица конкретных субъективных прав и в ограничении его правоспособности на указанный в приговоре суда срок [1].

Исследуемый вид наказания имеет своей задачей прежде всего предупреждение совершения новых преступлений лицами, чьи деяния были связаны со злоупотреблением должностным положением или с осуществлением определённого вида деятельности. При этом следует учитывать, что запрет может касаться любой деятельности, регламентированной законодательством. В литературе отмечено, что наиболее часто он касается таких видов профессиональной деятельности, как педагогическая или врачебная, и таких видов иной деятельности, как охотничий промысел или управление транспортным средством [2].

Лишение права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе или в органах местного самоуправления. Конкретный вид таких должностей должен быть указан в приговоре. При назначении наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в приговоре также должен быть указан конкретный вид такой деятельности.

В юридической литературе высказывается точка зрения о том, что закону противоречит запрещение работать в торговле или заниматься предпринимательством, так как эти сферы включают неопределенно широкий круг профессий или видов деятельности (грузчика, кассира, бухгалтера, продавца, снабженца, директора и т. д.) [3].

Однако при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности суды исходят из того, что данное наказание не предполагает запрета занимать какую-либо конкретную должность (например, командира воинской части, главы органа местного самоуправления). Поэтому в приговоре подлежит указанию не перечень, а определенная конкретными признаками категория должностей, на которую распространяется запрет, – например, лишить лицо права занимать в указанных органах должности, связанные с распоряжением финансами или с распределением материальных ресурсов, и тому подобное. При этом группа должностей должна быть четко обозначена, так как нельзя указать в приговоре о лишении права занимать должности, например, в какой-то сфере управления. То же самое относится и к запрету заниматься какой-то деятельностью: род этой деятельности должен быть четко и ясно обозначен в приговоре. Эти требования вытекают из самого наименования вида наказания – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Точное их соблюдение, как верно отмечено, позволит эффективно использовать предупредительные возможности данного наказания [4].

В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» судам разъяснено, что лишение права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе или в органах местного самоуправления. Конкретный вид таких должностей должен быть указан в приговоре. При назначении наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в приговоре следует конкретизировать вид такой деятельности (под конкретизацией понимается указание профессионального или иного направления деятельности) [5].

Для уяснения содержания исследуемого наказания уместно привести некоторые законодательные определения отдельных направлений человеческой деятельности.

Под государственной службой РФ в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» понимается профессиональная служебная деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий: Российской Федерации; федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; субъектов РФ; органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов субъектов РФ; лиц, замещающих должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов; лиц, замещающих должности, устанавливаемые конституциями, уставами, законами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов РФ. Система государственной службы согласно ст. 2 названного закона включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу, правоохранительную службу [6].

Под государственной гражданской службой РФ в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» понимается вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан РФ на должностях государственной гражданской службы РФ по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов РФ, лиц, замещающих государственные должности РФ, и лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ. Государственная гражданская служба РФ подразделяется на федеральную государственную гражданскую службу и государственную гражданскую службу субъектов РФ.

Перечень государственных должностей определен в Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы, утвержденном Указом Президента РФ от 31.12.2005 № 1574 (в действующей редакции) [7].

Профессиональная деятельность граждан на постоянной основе в органах местного самоуправления, не входящих в систему государственной власти, называется муниципальной службой и регулируется Федеральным законом от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [8].

Данный запрет не может быть наложен на занятие должностей, не относящихся к государственной или муниципальной службе. Из смысла ст. 47 УК РФ понятно, что применение ее норм в отношении лиц, работающих на управленческих или руководящих должностях в негосударственных, а равно коммерческих предприятиях или организациях, невозможно. В связи с этим на практике возникают некоторые проблемы [9].

Санкцией частей 1, 3, 4 ст. 204 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за коммерческий подкуп, предусмотрено в качестве основного (ч. 1) и дополнительного (чч. 3, 4) наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Как отмечено, запрет, закрепленный в ст. 47 УК РФ, не распространяется на занятие должностей в общественных, коммерческих и иных негосударственных организациях и учреждениях, хотя при их осуществлении могут выполняться управленческие функции, к которым в соответствии с примечанием 1 к ст. 201 УК отнесены функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также постоянно, временно либо по специальному полномочию выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций в этих организациях [10].

Таким образом, все лица, выполняющие в соответствии с примечанием 1 к ст. 201 УК управленческие функции в коммерческой или иной организации и обладающие организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями в этих организациях (то есть обладающие теми же полномочиями, что и должностное лицо, в соответствии с примечанием 1 к ст. 285 УК), не могут быть лишены судом права занимать должности с указанными функциями в коммерческих и иных организациях за совершение преступлений коррупционной направленности [11].

В то же время согласно правовой позиции Конституционного суда РФ, изложенной в

Определении от 16 февраля 2006 г. № 64-О, наложение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений коррупционного характера, должно согласовываться с положениями Конвенции ООН против коррупции (ратифицирована Российской Федерацией 8 марта 2006 г.) и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (подписана Российской Федерацией 27 января 1999 г.), которые, в свою очередь, в целях обеспечения выполнения договаривающимися сторонами обязательств по защите демократических институтов и ценностей, предупреждению, искоренению коррупции и формированию антикоррупционной политики предусматривают установление временного запрета на занятие определенных должностей в публичном и частном секторах лицами, осужденными за преступления коррупционного характера [12].

Таким образом, полагаем, что с учетом вышеназванных требований и с целью эффективности борьбы с коррупцией (в том числе и в коммерческих организациях) необходимо положения ч. 1 ст. 47 УК РФ распространить и на лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации [13]. В противном случае такие лица, будучи осужденными без изоляции от общества за преступления по ст. 204 УК, могут продолжать свою деятельность в той же должности, с использованием которой было совершено преступление.

Что касается наказания в виде лишения права заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью, то законодатель не устанавливает никаких ограничений по кругу лиц, к которым оно может быть применено. В данном праве субъект может быть ограничен в тех случаях, когда суд с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью независимо от места работы (службы) и занимаемой должности [14].

Запрещение заниматься определенной деятельностью охватывает не только служебную, профессиональную, но и любую иную деятельность, которая регламентируется специальными правилами, требует специальных знаний или подготовки, а равно представляет собой относительно постоянное занятие.

Родовым термином для определения профессиональной деятельности является понятие «профессия», под которой понимается «основной род занятий, трудовой деятельности» [15].

Как профессиональная деятельность того или иного лица в литературе трактуется трудовая деятельность в соответствии с полученным лицом профессиональным образованием. То есть это такой вид деятельности, для осуществления которого необходима профессиональная подготовка либо которая включает в себя виды работ, требующие специальной подготовки или позволяющие совершать определенные действия (принимать решения), характер которых устанавливается нормативными правовыми актами. К профессиональной относятся педагогическая и врачебная деятельность и т. д. [16].

Следовательно, если запрет касается права заниматься профессиональной деятельностью, то он ограничивает осужденного, работающего в любой организации независимо от ее организационно-правовой формы и формы собственности, в осуществлении всех видов профессиональной, но не иной деятельности. Например, это может быть запрет на занятие такой профессиональной деятельностью, как фармацевтическая, педагогическая, медицинская или любая иная, что обязывает осужденного прекратить ею заниматься или не пытаться ею заняться с момента вступления приговора суда в законную силу [17, с. 38].

В свою очередь, запрет заниматься, например, педагогической деятельностью, связан с ограничением, установленным для определенных лиц, работать в указанных сферах общественных отношений независимо от того, какую именно педагогическую должность они будут занимать. Причем не имеет значения, занимает гражданин (или хочет занять) эти должности за плату, без оплаты, по назначению, в результате избрания на должность, постоянно или временно и т. д. [17, с. 38–39].

Итак, следует учесть: если суд выносит приговор о лишении права заниматься определенной деятельностью, то этот запрет распространяется на занятие любых должностей, связанных с этим видом профессиональной деятельности. Поэтому суд, назначая наказание в виде лишения права заниматься определенной профессиональной деятельностью, должен в резолютивной части приговора конкретизировать определенную деятельность, исходя прежде всего из того рода работ, которые исполнял осужденный на момент совершения преступления.

В литературе верно отмечено, что, исходя из норм ч. 1 ст. 47 УК РФ, лишение врача права заниматься профессиональной (врачебной) деятельностью не препятствует ему заниматься в той же больнице иной деятельностью.

Поэтому разумным было бы предусмотреть возможность распространения такого вида наказания, как лишение права зани-

мать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, на отдельно взятые, требующие особой охраны со стороны государства сферы социально-культурной жизни общества, как то, например, здравоохранение, образование, сфера социально-культурного обслуживания несовершеннолетних и инвалидов и т. д.

Так, если с пониманием профессиональной деятельности спорных вопросов на практике особо не возникает, то термин «иная деятельность» создает проблемы правоприменителю, на что указывается также в специальных исследованиях [17, с. 39].

Лишение права заниматься определенной деятельностью заключается в том, что лицу запрещается выполнять деятельность, которой оно занималось на основании полученного права (например, имело лицензию) в виде значимой работы как на постоянной, так и на временной основе. В связи с этим лицо, совершившее преступление, нельзя лишить, например, права на хранение или ношение огнестрельного (газового) оружия, хотя на это требуется наличие специального разрешения, так как это нельзя рассматривать как деятельность. В литературе отмечено, что на практике лицо, которое небрежно хранило оружие, вследствие чего погиб человек, нельзя по уголовному законодательству лишить права в дальнейшем хранить оружие, так как такие действия будут незаконны [17, с. 39].

Также возникают проблемы по неиспользованию рассматриваемого вида наказания при применении ст. 264 УК РФ, где в качестве дополнительного вида предусмотрено лишение права управлять транспортным средством. В ст. 44 УК РФ, где закреплены все виды наказаний, нет такого наказания, как лишение права управления транспортным средством. Большинство ученых его относят к лишению права заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью [18]. В то же время, как верно отмечено в специальной литературе, по своему содержанию и толкованию «лишение права управлять транспортным средством» и «лишение права заниматься деятельностью» имеют некоторые различия и нестыковки. Как отмечено, нельзя рассматривать как деятельность совершение действий, на которые требуется специальное разрешение [19].

Представляется, что указанные выше пробелы в УК РФ можно устранить, если дополнить (расширить) название данной статьи указанием на лишение специального права, и данная статья будет именоваться «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а равно лишение специального права». В таком случае оно будет более полно отвечать своей сущности. Вариантом может быть также редактирование названия статьи в целом как «Лишение определенного права» с отдельным раскрытием в содержании нормы уже конкретных прав, на которые может распространяться запрет в связи с обвинительным приговором суда.

Уголовное наказание – это всегда лишение либо ограничение какого-либо права. Лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью – это один из видов уголовных наказаний, законно ограничивающих право осужденного на труд. В силу ч. 1 ст. 37 Конституции РФ труд свободен, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Осужденный к исследуемому виду наказания временно ограничивается в праве на труд в целях общей и частной превенции и достижения справедливости.

Полагаем, что, в свою очередь, законодатель поступил достаточно нелогично, искусственно сузив сферу применения уголовно-правовых мер такого наказания, как лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, поэтому разумным было бы предусмотреть возможность распространения такого вида наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на отдельно взятые, требующие особой охраны со стороны государства, сферы социально-культурной жизни общества, дав суду право при постановлении приговора достаточно ясно определить и эффективно применить возможность «поразить» в правах осужденного с целью защиты общества и государства от возможных дальнейших посягательств со стороны такового.

1. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного суда РФ, № 4, апрель 2007; *Крылова Е. С.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид уголовного наказания по законодательству России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 178.
2. *Курганов С. И.* Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М. : Проспект. 2008. С. 38.
3. Уголовное право России. Общая часть : учеб. / под ред. В. П. Ревина. М. : Юстицинформ, 2010. С. 321.
4. Уголовное право России. Часть общая : учеб. для вузов / под ред. Л. Л. Кругликова. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 378.

5. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного суда РФ, № 4, апрель 2007.
6. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Парламентская газ. 2003. № 98. 31 мая.
7. Указ Президента РФ от 31.12.2005 № 1574 «О Реестре должностей Федеральной государственной гражданской службы» // Российская газ. 2006. № 2. 12 января (ред. от 01.06.2013).
8. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 05.03.2007. № 10. Ст. 1152.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2012. С. 179.
10. *Литвина Е. С.* Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью : дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 54.
11. Там же. С. 54–55.
12. Определение Конституционного суда РФ от 16 февраля 2006 г. № 64-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скворцова Н. Б. на нарушение его конституционных прав положениями ст. 47 Уголовного кодекса РФ, п. 2 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ», п. 3 ст. 20 и абз. 6 п. 1 ст. 20.1 Федерального закона ‘‘Об основах муниципальной службы в РФ’’» // Вестн. Конституционного суда РФ. 2006. № 3.
13. *Малков В. П.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как средство противодействия коррупционным преступлениям // Вестн. Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. Юриспруденция. Тольятти, 2006. Вып. 56. С. 336–343.
14. *Агильдин В. В.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид наказания по УК РФ // Юридический мир. 2011. № 2. С. 37.
15. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М. : Русский яз., 1978. С. 576.
16. *Лядов Э. В.* Назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Современное право. 2007. № 2. С. 40.
17. *Агильдин В. В.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид наказания по УК РФ // Юридический мир. 2011. № 2.
18. *Бохан А. П., Райгородский В. Л.* Лишение права управлять транспортным средством в санкции статьи 264 УК РФ – самостоятельный вид наказания или разновидность лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Юристъ-Правоведъ. Ростов н/Д, 2012. № 1. С. 45–48.
19. *Лукашов А. И.* Лишение специального права как вид наказания // Уголовное право. 2009. № 3. С. 32.

Disqualification to Hold Certain Positions or be Engaged in Certain Activities as Means of Penalty

A. I. Maksimov

The article analyses the current and pre-existing criminal, penal and labor law governing the content and application of the penalty of disqualification to hold certain positions or be engaged in certain activities, as well as other penalties that restrict labor and professional activities.

Keywords: criminal law, correctional law, disqualification to hold certain positions or be engaged in certain activities, punishment, restriction of convict's labor rights, deprivation of rights, violations in the sphere of economic activity in commercial and other organizations, public service.

Приказное производство в российском гражданском процессе

О. А. Сычёва, А. В. Спиридонова

В статье рассмотрена сущность приказного производства, его стадии, виды судебных приказов.

Ключевые слова: Судебный приказ, гражданский процесс.

Судебный приказ существовал еще в нормах римского права, судопроизводстве Австрии, Германии, Российской империи. Исторически сложилось применение двух видов судебного приказа: безусловный (неоспоримый) и условный (оспоримый). При безусловном судебном приказе должник был лишен права на обжалование судебного вердикта, и на него возлагалась только обязанность исполнить его. Второй вариант был более демократичным и позволял должнику оспаривать судебный приказ и тем самым приостанавливать его действие [1].

Созданию приказного производства в отечественном законодательстве предшествовала достаточно длительная история. Официально этот вид упрощенного судопроизводства был учрежден Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ [2]. Его введение было определено потребностями судебной практики в быстром неисковом порядке разрешения ряда бесспорных требований на фоне процессуальной и финансовой экономии затрат государства. Цель данной формы судебной защиты, осуществляемой судом, – уменьшение времени рассмотрения дела в суде (быстрота), уменьшение нагрузки на суд (без судебного заседания и ведения протокола, без вызовов сторон) [3]. В гражданский процессуальный закон в 1995 г. была включена новая глава 11 «Судебный приказ», состоявшая из десяти статей. Измененные в 2000 г. ст. 113 и ст. 114 Гражданского процессуального кодекса РСФСР отнесли производство по выдаче судебных приказов к компетенции мировых судей. Ранее в тех субъектах РФ, где имелись вакансии должностей мировых судей, указанные дела рассматривали судьи районных судов единолично. В настоящее время это не практикуется, а судебные приказы в любом случае и при любом размере заявленных требований выносятся только мировыми судьями; при отсутствии мирового судьи на конкретном участке они выдаются судьей другого участка по приказу (постановлению) председателя соответствующего суда.

Ст. 122 ГПК РФ содержит точно обозначенные требования, по которым возможно получение судебных приказов. Данный перечень является исчерпывающим и может быть расширен или сокращен только новым федеральным законом.

Судебный приказ – это один из самостоятельных видов гражданского судопроизводства, существующий наряду с исковым, особым и другими производствами. По своему значению, последствиям, юридической силе приказ тождественен обычному решению суда. Это правоприменительный акт органа государственной власти, предписывающий заинтересованным лицам совершить определенные действия, а всем другим субъектам – считаться с таким предписанием [4].

Судебный приказ в гражданском процессе представляет собой упрощенное производство, поскольку в нем нет ряда процессуальных средств, типичных для иных видов судопроизводства: отсутствуют элементы судебного доказывания, не проводится слушание дела, стороны и иные лица не вызываются в суд, отсутствует протокол судебного заседания и др.

При этом заявление о выдаче судебного приказа подается по общим правилам подсудности (ст. 123 ГПК), за его рассмотрение взыскателем также уплачивается государственная пошлина (в размере половины от ставки для исковых заявлений с соответствующим требованием). Закон установил форму и содержание заявления о выдаче судебного приказа (ст. 124 ГПК) и самого судебного приказа (ст. 127 ГПК).

Судебный приказ может быть выдан, если требование основано на нотариально удостоверенной сделке (абз. 2 ст. 122 ГПК РФ). К такому заявлению, в числе иных материалов, должен быть приложен подлинный экземпляр этой сделки. Судебный приказ может быть выдан по требованию, основанному на сделке, совершенной в простой письменной форме, например, задолженность по договору займа, кредитному договору, договору об оказании услуг связи и др.

Ст. 122 ГПК РФ предусматривает выдачу судебного приказа по требованию, осно-

ванному на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте или недатировании акцепта. К заявлению о выдаче судебного приказа прилагается опротестованный вексель, составленный нотариусом документ. Также судебный приказ может быть выдан по требованию о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, не связанному с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц. Это достаточно распространенная категория гражданских дел, дающая возможность взыскателю в максимально короткий срок начать получать алименты от должника. Вынесение судебного приказа возможно лишь по требованиям о взыскании алиментов на детей (но не на иных членов семьи) и лишь в размере определенной доли от заработка должника (но не в твердой денежной сумме). К заявлению о выдаче такого судебного приказа прилагаются копии документов: свидетельства о рождении ребенка (детей), документа о нахождении ребенка (детей) на иждивении, справки о заработной плате должника (при наличии возможности ее получения) и др. В числе прочих данных в заявлении обязательно указывается место работы должника или указывается о неизвестности такового для взыскателя. При наличии спора взыскание алиментов будет производиться исключительно в исковом производстве.

Также судебный приказ выдается по требованию о взыскании с граждан недоимки по налогам, сборам и другим обязательным платежам. По таким делам к заявлению налогового органа должны быть приложены документы, из которых бы усматривались основания для начисления конкретной суммы платежа и сроки уплаты налога, по которому образовалась недоимка, а также копия налогового требования с доказательствами его отправки должнику.

Судебный приказ выдается по требованию о взыскании начисленной, но не выплаченной работнику заработной платы. К заявлению о выдаче приказа по рассматриваемому основанию должен быть приложен документ, подтверждающий начисление заработной платы и ее невыплату. По данному требованию судебный приказ может быть выдан только в том случае, если заработная плата работнику была начислена, но не выплачена работодателем.

Основанием для выдачи судебного приказа является также требование органов внутренних дел, подразделения судебных приставов о взыскании расходов, произведенных в связи с розыском ответчика, или должника и его имущества, или ребенка, отобранного у должника по решению суда, а также расходов, связанных с хранением арестованного имущества, изъятого у должника, и хранением имущества должника, выселенного из занимаемого им жилого помещения. Указанные должностные лица освобождаются от уплаты государственной пошлины, к заявлению прикладывают заверенные печатями своего органа копии документов, подтверждающих обоснованность обращения в суд.

Приказное производство состоит из этапов возбуждения производства (подачи заявления), выдачи приказа или отказа в выдаче, отмены приказа.

Судья рассматривает поступившее заявление единолично. Если заявление соответствует предъявляемым к нему требованиям, то судья его принимает. Согласно ст. 126 ГПК судебный приказ по существу заявленного требования выносится в течение пяти дней со дня поступления заявления о вынесении судебного приказа в суд. Для решения вопроса о выдаче судебного приказа взыскатель и должник не вызываются. В принятии заявления о вынесении судебного приказа может быть отказано (ст. 125 ГПК РФ) в следующих случаях:

- заявленное требование не предусмотрено ст. 122 ГПК (устанавливается исчерпывающий перечень оснований для выдачи судебного приказа);
- место жительства или место нахождения должника находится вне пределов РФ (судебные приказы не могут быть приняты на исполнение компетентными органами других государств по нормам международного права и международных договоров ввиду нарушения требования к обязательному заблаговременному извещению сторон о дате судебного разбирательства, что не предусмотрено приказным производством);
- не предъявлены документы, подтверждающие заявленное требование;
- из заявления и представленных документов усматривается наличие спора о праве (в этом случае подается иск);
- заявленное требование не оплачено государственной пошлиной.

Действующим законом не предусмотрено оставление заявления о выдаче судебного приказа без движения. Это процессуально оправданно, принимая во внимание сокращенные сроки рассмотрения подобных дел судом. Об отказе в принятии заявления судья в течение трех дней со дня поступления заявления выносит определение, которое может быть обжаловано в течение 15 дней путем принесения частной жалобы в районный суд. Отказ в принятии заявления не препятствует обращению взыскателя в суд в исковом порядке.

Если судья принимает заявление о выдаче судебного приказа, то полагаем необходимым рекомендовать вынесение определения о

принятии заявления о выдаче судебного приказа мировым судьей к своему производству. Хотя в Гражданском процессуальном кодексе ничего об этом не сказано, но так как любое гражданское дело возбуждается исключительно судом, то дела о выдаче судебного приказа можно считать возбужденными с момента вынесения вышеуказанного определения, а оконченными – с момента издания судебного приказа. Практикующие судьи также высказываются о том, что вынесение такого определения в виде самостоятельного судебного акта не является нарушением закона [5].

Судебный приказ в отличие от обычного решения состоит из вводной и постановочной частей, то есть в нем полностью отсутствует описательно-мотивировочная часть. Во вводной части судебного приказа указываются: сведения о номере дела, дате вынесения приказа; наименование суда, фамилия и инициалы судьи, вынесшего приказ; наименование, место жительства или место нахождения взыскателя; наименование, место жительства или место нахождения должника; закон, на основании которого удовлетворено требование. В постановочной части приводятся: размер денежных сумм, подлежащих взысканию, или обозначение движимого имущества, подлежащего истребованию, с указанием его стоимости; размер неустойки, если ее взыскание предусмотрено федеральным законом или договором, а также размер пеней, если таковые причитаются; сумма государственной пошлины, подлежащая взысканию с должника в пользу взыскателя или в доход соответствующего бюджета; сведения о разъяснении порядка отмены данного документа.

Вынесенный судебный приказ должен стать известным всем сторонам по делу, поэтому его копия высылается (или вручается) должнику, который в течение десяти дней со дня его получения имеет право представить возражения относительно исполнения судебного приказа. Данные возражения могут быть немотивированными, содержать исключительно указание на несогласие лица с конкретным судебным приказом и просьбу к суду о его отмене. Закон не содержит указания о возможности подать такие возражения представителем стороны должника. Полагаем, что это возможно, но такое полномочие, исходя из смысла положений ст. 54 ГПК РФ, должно быть специально оговорено в доверенности. Поступившие возражения рассматриваются мировым судьей единолично, без вызова сторон. Судья в любом случае отменяет судебный приказ, если от должника в установленный срок поступят возражения относительно его исполнения. Изложенное способствует сохранению качества судебных актов.

Если же от должника не поступят возражения в предусмотренный срок, судья выдает взыскателю второй подлинный экземпляр судебного приказа, заверенный гербовой печатью мирового судьи, для предъявления к исполнению либо направляет его судебному приставу-исполнителю по просьбе взыскателя (ст. 130 ГПК РФ).

Следует отметить, что судебный приказ – единственный вид судебных постановлений, который выносится в двух подлинных экземплярах, один из которых остается в деле, а другой направляется взыскателю либо в службу судебных приставов. Законодатель предусмотрел подобное для экономии процессуального времени и бюджетных средств на изготовление по подобным очень многочисленным делам отдельных исполнительных листов (последние выдаются на особых бланках по всем остальным «неприказным» делам). Судебный приказ уже представляет собой исполнительный документ в силу прямого указания об этом в ст. 12 Федерального закона от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [6].

Судебный приказ, прочно войдя в российский гражданский процесс, имеет безусловные тенденции к своему развитию. Так в настоящее время все большую актуальность приобретают судебные приказы о взыскании задолженностей по коммунальным платежам. С учетом современных реалий не исключено законодательное введение новых видов требований, по которым будет возможно получение судебных приказов.

1. См. об этом: Гражданский процесс РФ : учеб. / под ред. А. А. Власова. М. : Юрайт-Издат, 2003. С. 213.
2. См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 4696.
3. См.: *Диордиева О. Н.* Судебный приказ как форма защиты в гражданском процессе [Электронный ресурс] // URL : http : //www.lawmix.ru/comm/3978.
4. См.: Гражданский процесс : учеб. / под ред. М. К. Треушникова. М. : Издательский Дом «Городец», 2007 // URL : http://uristinfo.net/grazhdanskij-protsess/88-mk-treushnikov-grazhdanskij-protsess/1949-glava-23-prikaznoe-proizvodstvo.html.,
5. См. об этом: *Диордиева О. Н.* Указ. соч.
6. См.: Парламентская газ. 2007. 10 окт. № 131.

Writ Proceedings in Russian Civil Practice

O. A. Sycheva, A. V. Spiridonova

The article describes the essence of writ proceedings, its stages and types of writs.

Keywords: writ, civil proceeding.

Проблемы правового статуса Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в гражданском, уголовном и административном процессе

Д. М. Шердяев

В статье проведен анализ действующего в Российской Федерации законодательства, регламентирующего деятельность Уполномоченного по правам человека. Выявлены основные пробелы, ограничивающие реализацию полномочий омбудсмена[1], устранение которых могло бы существенно повысить эффективность его деятельности по защите прав граждан в гражданском, уголовном и административном процессах.

Ключевые слова: омбудсмен, права человека, деятельность, пробелы законодательства.

Права и свободы отдельных людей являются одновременно и разумным оправданием государственной власти, и пределом для ее осуществления. И в этом случае действует незыблемый принцип баланса прав: права государства заканчиваются там, где начинаются права гражданина. Соблюсти его позволяют предоставленные человеку возможности прибегать к судебной и иной защите в случае неправомерных действий органов государства.

Государственная власть, если она действует беспредельно и бесконтрольно, может ущемить свободу, защищать которую она призвана. Действия государственных органов в отношении граждан должны соответствовать закону, так как ограничение свобод возможно только в предусмотренных законом случаях. Гарантию этого может дать лишь право каждого проверить правомерность действий государственных органов посредством надлежащего разбирательства беспристрастной инстанцией.

Одной из таких независимых инстанций, показавших свою высокую эффективность во многих странах мира, является институт омбудсмена. Его создание и деятельность открыли новую главу в отношениях между государством и человеком. Институт омбудсмена справедливо считается важным фактором укрепления законности в деятельности исполнительной власти, формой внесудебного контроля.

Предпосылкой создания института омбудсмена в России было принятие 22 ноября 1991 г. Верховным Советом РСФСР Декларации прав человека и гражданских свобод, предусматривавшей учреждение поста Парламентского уполномоченного по правам человека.

В 1993 г. должность Уполномоченного по правам человека закрепляется Конституцией Российской Федерации. Внесение соответствующей статьи в Основной закон РФ означало признание на высшем государственном уровне приоритета прав человека и гражданина в стране [1, ст. 103].

В соответствии с Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» [2] эта должность учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Обязанности по этой должности – защищать гражданина от произвола государства, быть арбитром между властью и обществом, собственными средствами способствовать восстановлению нарушенных прав граждан. Уполномоченный по правам человека в РФ выступает в роли непосредственного представителя государства для общения с населением, способствуя, таким образом, повышению авторитета государственной власти.

Целью рассмотрения жалоб Уполномоченным по правам человека в РФ является не проверка процессуальной деятельности правоохранительных органов, а выявление нарушений прав заявителя и ответственных за них органов и должностных лиц. Поэтому при озна-

[1] Данный термин происходит от слова umbud (в средневековом шведском языке оно означало «сила» или «авторитет») и имеет, очевидно, исландские корни, а теперь шведское слово umbud понимается как «переводчик» или «представитель других лиц». В теоретическом плане понятие «омбудсмен» является собирательным, представляет собой родовое понятие, образ специальной службы, не похожей на другие государственные и общественные структуры, независимо от официально принятого его наименования.

комлении с указанными категориями дел и материалов Уполномоченный по правам человека в РФ имеет право проверить соблюдение таких конституционных прав граждан, как, например, право на равенство всех перед судом, на гарантию судебной защиты прав и свобод человека, на получение квалифицированной юридической помощи, на обеспечение потерпевшим доступа к правосудию, на компенсацию причиненного ущерба, не допуская при этом вмешательства в сферу деятельности органов дознания, следствия и правосудия.

Следует обратить внимание на то, что компетенция Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации значительно ограничивается: ни Гражданский процессуальный, ни Уголовно-процессуальный кодексы РФ, ни Кодекс РФ об административных правонарушениях не содержат вышеуказанных положений, соответствующих Федеральному конституционному закону «Об Уполномоченном по правам человека в РФ». Отметим, что данные нормы содержались в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР [3, ст. 3751] и в Проекте Гражданского процессуального кодекса РФ [5, ст. 383, чч. 2, 3].

Уполномоченный по правам человека в РФ неоднократно обращался в Федеральное Собрание РФ с предложениями о приведении положений федеральных законов, к которым относятся и вышеуказанные кодексы, в соответствие с нормами Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» [6, ст. 345]. В октябре 2007 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, предусматривающий соответствующие изменения. Однако до настоящего времени он находится на стадии предварительного рассмотрения.

В связи с этим Уполномоченный по правам человека в подобных случаях руководствуется правовой позицией, сформулированной Конституционным судом РФ в Постановлении № 13-П от 29 июня 2004 г., согласно которой при возникновении коллизий между Уголовно-процессуальным кодексом РФ и каким бы то ни было федеральным конституционным законом, применению согласно ч. 3 ст. 76 Конституции РФ подлежит именно федеральный конституционный закон как обладающий большей юридической силой [3, ст. 2804].

Однако полномочия, предоставленные государственному защитнику прав человека на ознакомление с делами и материалами, не могут использоваться им в полном объеме при проведении проверок по жалобам граждан, поскольку законодательно не закреплена возможность истребования их из органов дознания, предварительного следствия и суда, то есть необходим выезд Уполномоченного по правам человека в РФ в любые, в том числе территориально отдаленные, субъекты Российской Федерации.

Таким образом, на практике отсутствует механизм реализации вышеуказанных полномочий обмудсмена. Он не закреплен ни в Федеральном конституционном законе, регламентирующем его деятельность, ни в вышеприведенных кодексах.

На основании изложенного следует признать необходимость приведения Гражданского процессуального и Уголовно-процессуального кодексов РФ, а также Кодекса РФ об административных правонарушениях в соответствие с ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ». Важно разработать и закрепить законодательно процедуру осуществления данных прав (порядок, сроки ознакомления с делами Уполномоченным по правам человека в РФ, порядок истребования и передачи ему дел и др.). Все эти меры позволят существенно повысить эффективность деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ по защите прав граждан в гражданском, уголовном и административном процессах.

По результатам рассмотрения жалобы Уполномоченный по правам человека в РФ может обратиться в компетентные государственные органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного, административного, уголовного производства в отношении тех должностных лиц, в чьих действиях (бездействии), решениях усматриваются нарушения прав и свобод человека и гражданина.

После проведения проверки по жалобе Уполномоченный по правам человека в РФ имеет право изложить свои доводы должностному лицу, которое вправе вносить протесты, присутствовать при судебном рассмотрении дела в порядке надзора. При этом Уполномоченный по правам человека не имеет права поддерживать доводы протеста. Законодательное закрепление такого права позволило бы Уполномоченному по правам человека в РФ более полно осуществлять защиту прав граждан в уголовном процессе с учетом сведений, полученных им в ходе проведения проверки по жалобе. Им неоднократно направлялись обращения в Федеральное Собрание РФ о необходимости внесения изменений в ст. 402 Уголовно-процессуального кодекса РФ и включения в перечень лиц, имеющих право ходатайствовать о пересмотре вступивших в законную силу приговора, определения, постановления суда, Уполномоченного по правам человека в РФ [6, ст. 303]. Однако до настоящего времени это предложение не было учтено парламентом России.

Деятельность Уполномоченного по правам человека в РФ по восстановлению нару-

шенных прав человека в уголовном и административном процессах, безусловно, необходима. Ограничиваются (в некоторых случаях и нарушаются) наиболее значимые права: на личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, свободу передвижения, что предполагает их защиту со стороны всех органов государственной власти всеми возможными способами и средствами. Омбудсмен наделен определенными полномочиями в этой области, хотя проведенный нами анализ показал, что они нуждаются в расширении.

В настоящее время только авторитет и объективность омбудсмена позволяют во многих случаях добиться реализации его полномочий с целью привлечения внимания к конкретной проблеме, восстановления прав участников гражданского и уголовного судопроизводства или производства по делам об административных правонарушениях и привлечения виновных лиц к ответственности.

1. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. ФКЗ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // СЗ РФ. 2009. № 4.
2. Об Уполномоченном по правам человека в РФ: Федеральный конституционный закон от 27 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (от 10 июня 2008 г. № 3-ФКЗ) // СЗ РФ. 2008. № 24.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: ФЗ РФ от 17 марта 1997 г. // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1374.
4. Постановление Конституционного суда РФ №13-П от 29 июня 2004 г. // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.
5. Проект Гражданского процессуального кодекса РФ.
6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 г. Заключение на проект федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» и проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002.
7. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ в 2004, 2007, 2008 гг. // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ // URL : http://www.ombudsman.gov.ru/doc/ezdoc.

Legal Status of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in the Civil, Criminal and Administrative Proceedings

D. M. Sherdyaev

This article analyzes the current Russian legislation regulating the activity of the Ombudsman. The major problems that limit the Ombudsman's powers are revealed. The removal of these problems can significantly raise the effectiveness of his/her activity for the defence of citizens' rights in the civil, criminal and administrative proceedings are determined.

Keywords: ombudsman, human rights, activity, legislation problems.

Преступления против военной службы в зарубежных странах

В. И. Хохлов

В статье приведен анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства развитых зарубежных стран, раскрыты особенности уголовной ответственности военнослужащих за преступления против военной службы и порядок привлечения их к ответственности; приведена практика конструирования обособленного законодательства, регулирующего уголовно-правовую защиту военнослужащих.

Ключевые слова: военнослужащие, уголовная ответственность, зарубежные страны.

В практике конструирования правовых систем развитых зарубежных стран прослеживается тенденция обособленного законодательного регулирования уголовной ответственности военнослужащих и лиц, приравненных к ним, в целях обеспечения надежной уголовно-правовой охраны воинского правопорядка от преступных посягательств.

Самостоятельные военно-уголовные законы являются источниками не только хорошо известных континентальной и англосаксонской систем права [9], но и мусульманской правовой семьи, где юридические признаки воинских преступлений также определяются специально обособленным, а не общим законодательством [2].

В зависимости от юридических технологий, принятых в том или ином государстве, принадлежности национальной системы права к той или иной правовой семье, а также положения вооруженных сил в политической системе общества обособление источников военно-уголовного права осуществляется в виде: самостоятельного военно-уголовного закона (кодекса); отдельного раздела в кодексе военной юстиции или законе о дисциплине в армии; специальных норм в уголовном праве.

В США и Франции действуют кодексы военной юстиции – законодательные акты, которые содержат как уголовно-правовые нормы, так и нормы, регулирующие создание и компетенцию военных судов, процедуру рассмотрения уголовных дел и т. д. [12].

В Великобритании нормы об уголовной ответственности субъектов военного права сформулированы в нормативных актах, предназначенных для решения вопросов воинской дисциплины в сухопутных войсках, военно-воздушных и военно-морских силах [15].

В Германии уголовная ответственность военнослужащих регулируется нормами Военно-уголовного закона [14].

Военно-уголовное право находится на стыке двух отраслей права – уголовного и военного, что предопределяет его наименование. Оно обнаруживает непосредственную генетическую связь с уголовным правом, его институтами и нормами. Именно уголовное право конкретного государства детерминирует сущность, социальную природу и направленность военно-уголовного права, придает ему неповторимое своеобразие. Им присущ один и тот же метод правового регулирования. Они базируются на одних и тех же принципах, так как характеризуют в правовом плане единую социально-политическую организацию общества. Они единообразно разрешают проблемы оснований уголовной ответственности, стадий совершения преступления, соучастия, множественности преступлений и др. О единстве или взаимосвязи уголовного и военно-уголовного права говорится во всех правовых источниках, регулирующих уголовную ответственность военнослужащих. Однако степень этой взаимосвязи различна.

Англосаксонское военно-уголовное право существенно обособлено от общей правовой системы и связано с ней незначительно. Руководство по военному праву Великобритании хотя и содержит разъяснение, что Закон об армии формулирует «многие положения» таким же образом, «что и обычное уголовное право Англии» [14], но это не является обязательным требованием к их содержанию. Уголовному праву в данной стране соответствуют «многие положения» военно-уголовного права, но далеко не все.

Статья 36 Единого кодекса военной юстиции США (далее – ЕКВЮ) устанавливает, что президент страны должен определять для военных судов правила, соответствующие общим принципам права, которыми руководствуются общие суды по уголовным делам, но этот вопрос президент решает, «насколько он считает это реальным» и если это «не противоречит положениям ЕКВЮ».

В Великобритании и США взаимодействие уголовного и военно-уголовного права

проявляется еще и в том, что военно-судебная практика использует прецеденты, созданные как военными судами, так и судами общей юрисдикции, и наоборот. Обе отрасли в случае необходимости взаимно реципируют друг у друга решение того или иного вопроса. Однако в силу большого удельного веса статутов практическая значимость прецедентов существенно уменьшается.

В романо-германской правовой семье связь между военно-уголовным и уголовным правом более устойчива. Кодекс военной юстиции Франции (далее – КВЮ) определяет, что военные суды «назначают наказания, предусмотренные в уголовном законе. Эти наказания применяются в соответствии с общими принципами и правилами уголовного права» (ст. 384). В тех случаях, когда применение к военнослужащим той или иной нормы УК исключается либо когда устанавливаются особенности ее реализации в условиях вооруженных сил, непосредственно в статье УК делается отсылка к соответствующей статье Кодекса военной юстиции (таких отсылок в новом УК более 130).

В комментарии к параграфу 3 Военно-уголовного закона ФРГ (далее – ВУЗ) отмечается, что этот закон не является закрытым и независимым. Он представляет собой своего рода дополнение к УК ФРГ, которое предназначено для применения в условиях вооруженных сил. Общее уголовное право применяется к военнослужащим всюду там, где ВУЗ не определяет ничего иного [13].

Существенной чертой военно-уголовного права является его прямая связь не только с уголовным, но и с военным правом, что также отражено в его названии. Военное право и военно-уголовное право внутренне непротиворечивы, имеют единую социальную направленность, регулируют в значительной степени совпадающие (пересекающиеся) воинские правоотношения.

Ввиду существенного обособления норм военно-уголовного законодательства от уголовного и военного права оно рассматривается во многих странах как особая (специальная) отрасль права.

В США и Великобритании понятия «военно-уголовное законодательство» и «военно-уголовное право», по существу, имеют равное значение. Независимо от того, идет ли речь о законодательстве или о праве, используется одно и то же английское понятие law (его обычный перевод – «право»). Слово legislate, переводимое обычно как «законодательство», вообще не встречается. Англо-американскому правосознанию не свойственно обращать сколько-нибудь серьезное внимание на разграничение понятий «военно-уголовное право» и «военно-уголовное законодательство». Показательным проявлением специфичности, автономности военно-уголовного права является то, что оно имеет полностью обособленные от уголовного права источники. Кроме Великобритании, США, Франции и Германии военно-уголовные законы действуют, например, в Австрии [10], Нидерландах [7], Швейцарии [6], Японии [1] и многих других странах. Это свидетельствует о том, что зарубежное военно-уголовное право не находится с уголовным правом в отношениях части и целого; его содержание богаче и многообразнее такого понимания.

Военно-уголовное право зарубежных стран включает нормы, определяющие полномочия военного командования в решении вопросов уголовной ответственности военнослужащих. Эти полномочия характеризуют процессуальный аспект и по большей части выходят за рамки непосредственного предмета военно-уголовного права. Тем не менее они оказывают влияние как на законотворческий, так и на правоприменительный процессы. Наиболее широкие полномочия военного командования закреплены в военно-уголовном законодательстве англосаксонской системы права.

Так, в США командование наделяется правом учреждения тех или иных военных судов, правом контроля их деятельности и утверждения их решений, а также назначением всех должностных лиц в органах военной юстиции. В поправке V к Конституции США закреплено: «Никто не должен привлекаться к ответственности за тяжкое или иное позорящее преступление иначе, как по постановлению или обвинению, вынесенному присяжными Большого жюри, за исключением случаев возбуждения дел, касающихся состава сухопутных и морских сил» [8]. Если правомочный командир признает, что собрано достаточно данных для рассмотрения дела в военном суде, он дает указание офицеру, производящему расследование, составить обвинительный акт и представить все материалы в военный суд. Он же своим приказом определяет, какой (специальный или общий) военный суд надлежит созвать для рассмотрения данного дела, кто будет председательствующим по делу, кто членами военного жюри, кто обвинителем, кто защитником, время и место рассмотрения дела. Приговор вступает в силу после его рассмотрения командиром, создавшим суд, и последующего утверждения вышестоящим военачальником [3].

Военные суды в Великобритании также подконтрольны военному командованию. Они так же, как и в США, комплектуются командованием, которое проверяет и утверждает приговоры военных судов [4]. В нормах военно-уголовного законодательства имеются многочисленные отсылки на правомочия министра обороны, Совета обороны, других органов управ-

ления и должностных лиц по принятию своих собственных нормативных актов по регулированию самых разнообразных вопросов уголовной ответственности и наказания. Названные акты, именуемые приказами, установлениями, инструкциями или правилами, призваны, по официальной доктрине, дополнить, конкретизировать те или иные нормы законов. В действительности же акты военного командования «поправляют» законодательные нормы, наполняют их новым содержанием. Тем самым обеспечивается мобильность уголовно-правового реагирования на проявления преступности в войсках. Внесение новых законопроектов, их обсуждение и прохождение в парламенте – довольно длительный процесс.

Акты военного командования – а наиболее важные из них утверждаются главой государства – оперативно отвечают на поставленные жизнью вопросы. Многие из них содержат нормы военно-уголовного характера. Как показывает анализ, не является препятствием для этого осуществляемый парламентом контроль при принятии (утверждении, введении в действие) актов подчиненного законодательства [5].

Военно-уголовное право зарубежных стран состоит главным образом из норм, в которых сформулированы конкретные составы воинских преступлений. Эти нормы составляют его ядро.

Характерно, что в национальные системы военно-уголовного права ряда стран (США, Великобритании, Франции) включены составы некоторых наиболее опасных преступлений, непосредственно не направленных против порядка прохождения военной службы (изнасилования, кражи, грабежа, поджога и т. д.). Зарубежные авторы не проводят различия между совершаемыми военнослужащими общеуголовными преступлениями и преступлениями воинскими. Теория американского военно-уголовного права классифицирует все предусмотренные данной отраслью преступления на воинские – те, которые предусмотрены уголовным, но продублированы военно-уголовным законодательством, и «исключительно» воинские – те, которые не имеют аналогов в уголовном законодательстве.

Военно-уголовное право зарубежных стран частично включает нормы общей части уголовного права. В одних странах они представлены в качестве самостоятельного раздела в военно-уголовном законе (ФРГ), в других – содержатся в нормативных актах о военной юстиции как в систематизированном (Франция), так и в несистематизированном виде (Великобритания, США).

Военно-уголовное право большинства стран содержит нормы о преступлениях лиц, не являющихся военнослужащими и не включенных в сферу военно-служебных отношений, но непосредственно посягающих на военную безопасность государства. К таким преступлениям относятся уклонение от призыва на военную службу, выступление с оружием против государства, помощь врагу, шпионаж и др.

Таким образом, анализ правовых систем современных государств показывает, что они с учетом отраслевой дифференциации включают в себя военно-уголовное право, которое близко граничит, с одной стороны, с уголовным правом, а с другой – с военным законодательством. По структуре военно-уголовное право представляет собой совокупность содержащихся, как правило, в комплексных нормативно-правовых актах уголовно-правовых норм, регулирующих уголовную ответственность военнослужащих и лиц, приравненных к ним.

1. *Безнасюк А. С., Толкаченко А. А.* Уголовные наказания военнослужащих: теория, законодательство, практика. М., 1999. С. 158.
2. *Боронбеков С.* Современные уголовно-правовые системы и школы. Рязань, 1994.
3. *Наумов А. В.* Основы уголовного права и процесса Демократической Республики Афганистан. М., 1985. С. 78.
4. *Гребенников С. С.* Уголовный процесс буржуазных государств, его реакционная сущность. М., 1978. С. 59–69.
5. *Карев Д. С.* Военно-уголовный процесс в армиях буржуазных государств. М., 1949.
6. *Лавочкин В. О.* Источники военно-уголовного законодательства Великобритании : сб. ст. М. : ВКИ, 1990.
7. *Обер М.* Вопрос о приказах старших войсковых начальников и ответственности командиров. М., 1997. С. 14.
8. Правовая система Нидерландов. М., 1998. С. 162.
9. Уголовное право США : сб. нормативных актов. М., 1985. С. 20.
10. *Шулепов Н. А.* Военно-уголовное законодательство зарубежных стран // Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы : учеб. М., 1999. С. 233–244.
11. *Bauer F.* Selbstverstummelung und Dienstentziehung durch Tauschund im deutschen Strafrecht // Diss. Universitat Glessen. Shaker Verlag Aachen, 1997. S. 7.
12. Manual of Military Law. London : HMSO, 1965. PARA. 9 (d).
13. Title 10, United States code. Armed forces. Chaptes 47. Uniform Code of military justice. Wash., 1985. P. 160–223; Code de justice militaire. Paris : Dalloz, 1992–1993.

14. W 50. Wehrstrafgesetz (WSTG). Bearbeiter: Dr. Riegel. Februar 1998. S. 1.
15. Wehrstafgesetz (WSTG). Vom 24. Mai 1974. (BGB1 I 1213). Disziplinar-und Strafrecht der Bundeswehr. 8 Auflage, 1978.
16. Army Act 1955, Air Fors Act 1955, Naval Discipline Act 1957 // Chronological table of the statutes. Pt. 2. London, 1985. P. 1002–1071.

Crimes against Military Service in Foreign Countries

V. I. Khokhlov

The article analyses the criminal law and criminal procedure law in the foreign developed countries. The article reveals features of soldiers' criminal responsibility for the crime against military service and prosecution for such crimes. The author describes the practice of distinct law developing to regulate the criminal defence of the soldiers.

Keywords: soldiers, criminal responsibility, foreign countries.

Оценка системы внутреннего контроля вуза

И. Б. Романова, О. Ф. Ермишина

В настоящей статье затронуты вопросы необходимости оценки внутреннего контроля деятельности вуза. В ходе исследования предложена оценка внутреннего контроля с использованием инструментов математической статистики, рассмотрены правила формирования результатов внутренней проверки.

Ключевые слова: внутренний контроль, методика внутреннего контроля, инструментарий оценки системы внутреннего контроля.

Современные рыночные отношения преобразовали существующие способы и методы внутреннего контроля в высших бюджетных организациях, но и породили новые, не использовавшиеся ранее в бюджетной сфере.

Так как основной целью вуза является оказание различного вида услуг, финансирование которых осуществляется за счет средств бюджетов разных уровней бюджетной системы Российской Федерации, в процессе их оказания вуз реализует свою деятельность, отражаемую по нескольким основным направлениям организации учета.

Средства от внебюджетной деятельности учитываются обособленно от бюджетного финансирования. В остальном ведение бюджетного учета в вузе основывается на принципах бухгалтерского учета: двойная запись на взаимосвязанных счетах бюджетного учета, данные аналитического учета должны соответствовать оборотам и остаткам по счетам синтетического учета, принцип непрерывности и т. д. [2, с. 31].

Основным документом, регулирующим деятельность бюджетных высших учреждений, являются Бюджетный кодекс Российской Федерации. Практическая деятельность вуза периодически также подвергается внешнему финансовому контролю в соответствии с действующим бюджетным законодательством. Систематический внутренний контроль позволяет осуществлять мониторинг движения бюджетных средств на объектах контроля. Благодаря такому контролю удается оценивать результаты финансово-хозяйственных операций, выявлять отклонения от действующего законодательства, принимать меры по устранению негативных последствий.

Актуальным на сегодня подходом к контролю финансово-хозяйственной деятельности бюджетных учреждений является использование механизмов финансового контроля в виде проверок и ревизий, что практически означает выявление:

- нецелевого использования бюджетных средств;
- эффективности использования бюджетных средств в целом, с учетом как финансовых, так и нефинансовых результатов.

Неотъемлемым способом контроля за использованием бюджетных средств являются разработка и применение эффективного инструментария оценки системы внутреннего контроля, который:

- с одной стороны, позволяет объективно оценить эффективность «управления бюджетными ресурсами»;
- с другой стороны, позволяет сделать акцент на «управлении результатами» и потребности внутренних пользователей в информации о качественных данных деятельности бюджетного учреждения.

Методика внутреннего контроля включает следующие этапы:

- проверка правоустанавливающих, учредительных, регистрационных документов в целях установления их законности;
- ознакомление с положениями, регламентирующими деятельность учреждения;
- проверка соответствия бюджетного учета и отчетности;
- проверка составления и исполнения бюджетной сметы и сметы за счет средств, по-

лученных от приносящей доход деятельности;
- оформление результатов проверки.

При проведении контрольных мероприятий работники отдела внутреннего контроля знакомятся с деятельностью объекта контроля, изучают следующие документы: устав (положение); свидетельство о государственной регистрации в органах статистики, налоговой инспекции, внебюджетных фондах; наличие утвержденных бюджетных смет учреждения в разрезе бюджетов; договоры банковских счетов; приказы; распоряжения; внутренние положения и др.

Особое значение на предварительной стадии планирования проверки имеет оценка учетной политики бюджетного учреждения.

При этом контролеры обязаны получить достаточную уверенность в том, что учетная политика способствует достоверному отражению хозяйственной деятельности проверяемого экономического субъекта, в частности бюджетного учреждения.

При проверке бюджетного учреждения контролеру необходимо оценить:
- соответствует ли деятельность бюджетного учреждения действующим нормативно-правовым актам и учредительным документам;
- правильно ли составлены бюджетная смета и смета за счет средств, полученных от приносящей доход деятельности, а также обоснованы ли расчеты по конкретным видам доходов и расходов;
- соответствуют ли показатели бюджетной сметы лимитам бюджетных обязательств и сведениям, содержащимся в уведомлении о бюджетных ассигнованиях;
- своевременно ли представляются бюджетным учреждением бюджетные сметы на утверждение распорядителям (главным распорядителям) бюджетных средств;
- достоверно ли составлена отчетность бюджетного учреждения по исполнению бюджетной сметы и сметы за счет средств, полученных от приносящей доход деятельности.

При проверке соблюдения бюджетным учреждением нормативных актов контролер должен установить:
- обеспечивается ли персонал бюджетного учреждения необходимыми нормативными актами, проводится ли систематическое ознакомление персонала с их требованиями;
- разработаны ли внутренние рабочие документы, включая учетную политику, схемы документооборота и визирования совершаемых финансово-хозяйственных операций и контроль за их соблюдением;
- организована ли качественная и работоспособная система бюджетного учета и внутреннего контроля.

Особенно пристальное внимание следует обратить на соблюдение учетной политики учреждения. При проверке контролеру необходимо выяснить, что:
- корреспонденция счетов контролируется главным бухгалтером или лицом, на то уполномоченным, для установления бухгалтерских проводок действующей методологии;
- все хозяйственные операции санкционируются лицами, уполномоченными на то приказом руководителя бюджетного учреждения;
- финансово-хозяйственные операции отражаются в бюджетном учете только на основании первичных документов;
- остатки по счетам синтетического учета соответствуют остаткам по счетам в главной книге;
- остатки по счетам синтетического учета в главной книге соответствуют остаткам по счетам в журналах операций или замещающих их других учетных регистрах;
- данные аналитического учета соответствуют данным первичных документов и данным синтетического учета;
- отсутствуют случаи несоответствия сумм остатков по одному и тому же счету в разных регистрах бюджетного учета (кассовая книга и главная книга);
- отсутствуют случаи несоответствия сумм по одной и той же бухгалтерской проводке в разных регистрах бюджетного учета (журнал операций и главная книга);
- отсутствуют карандашные записи и неоговоренные исправления в первичных документах и регистрах бюджетного учета;
- операции в учете правильно отражают временной период их осуществления;
- средства целевого финансирования расходуются по назначению в соответствии с утвержденными сметами;
- учет ведется в соответствии с учетной политикой.

В ходе осуществления контрольных мероприятий проверяется законность всех совершаемых бюджетным учреждением финансово-хозяйственных операций, устанавливаются полнота и своевременность формирования финансовых ресурсов, их целевой характер и эффективность использования, выявляются нарушения финансовой дисциплины.

При этом контролер должен неукоснительно соблюдать требования действующего законодательства и правил, регулирующих финансовую деятельность бюджетных вузов в РФ.

Контролер должен дать полный и обоснованный отчет с описанием системных ошибок, сделать ссылку на нормативный акт из правового обеспечения бюджетного процесса, дать предложения по разработке или внесению изменений в нормативно-правовые акты, спо-

собствующие устранению системных ошибок, и рекомендовать методику учета.

Основные факторы, влияющие на надежность системы внутреннего контроля в вузе, представлены на рис. 1.

Среди них: стиль и принципы управления вузом, организационная структура бухгалтерии вуза, распределение ответственности и полномочий, кадровая политика и практика, порядок подготовки бухгалтерской и внутренней отчетности, соблюдение требований действующего законодательства.

Но даже хорошо организованная система внутреннего контроля нуждается в оценке своей эффективности, с точки зрения как достижения поставленных целей, так и экономичности функционирования.

Именно этим и занимается отдел внутреннего контроля, применяя научно обоснованные экономико-математические и статистические методы в оценках.

Такую оценку лучше всего производить по принципу рациональности: построить математическую модель, позволяющую определить эффективность системы внутреннего контроля. Эффективность функционирования системы внутреннего контроля учебного заведения во многом зависит от качества и корректности подготовки процедур контроля.

В этом отношении этапы проведения внутреннего контроля в вузе являются определяющими. Как известно, основными критериями качества решения задач внутреннего контроля являются вероятность обнаружения отклонений или же вероятность пропуска таких отклонений, а также потенциальный ущерб, который может быть нанесен необнаруженными отклонениями. Причем комплексная оценка в этом случае определяется как математическое ожидание отклонений по всем возможным вариантам, то есть критерием качества проверки, как правило, является критерий Лапласа.

Обращает на себя внимание тот факт, что подобный формальный подход к оценке качества проверки без учета содержательного аспекта деятельности проверяемой организации отрицательно влияет на затраты, связанные с реализацией контрольных процедур.

Методики планирования эксперимента наподобие пассивного эксперимента Вальда сложны в реализации, и их результат во многом определяется субъективным заданием доверительных вероятностей, причем планы проверки составляются главным образом исходя из предположения о нормальном распределении отклонений по всему многообразию хозяйственных операций, в том числе и операций, непосредственно влияющих на финансовые результаты деятельности организации.

Предложено на этапе планирования проверки отбирать документы в соответствии с модифицированным оценочным методом формирования выборки. Основная особенность предложенной модификации заключается в следующем.

На этапе планирования проверки устанавливаются используемые в учете счета, записи на которых непосредственно влияют на формирование налоговой базы. Такая зависимость определяется посредством выявления связей в отсутствии нормального распределения.

Собирается статистика использования различных счетов и формируется гипотеза H_0: отсутствие связи между интенсивностями ис-

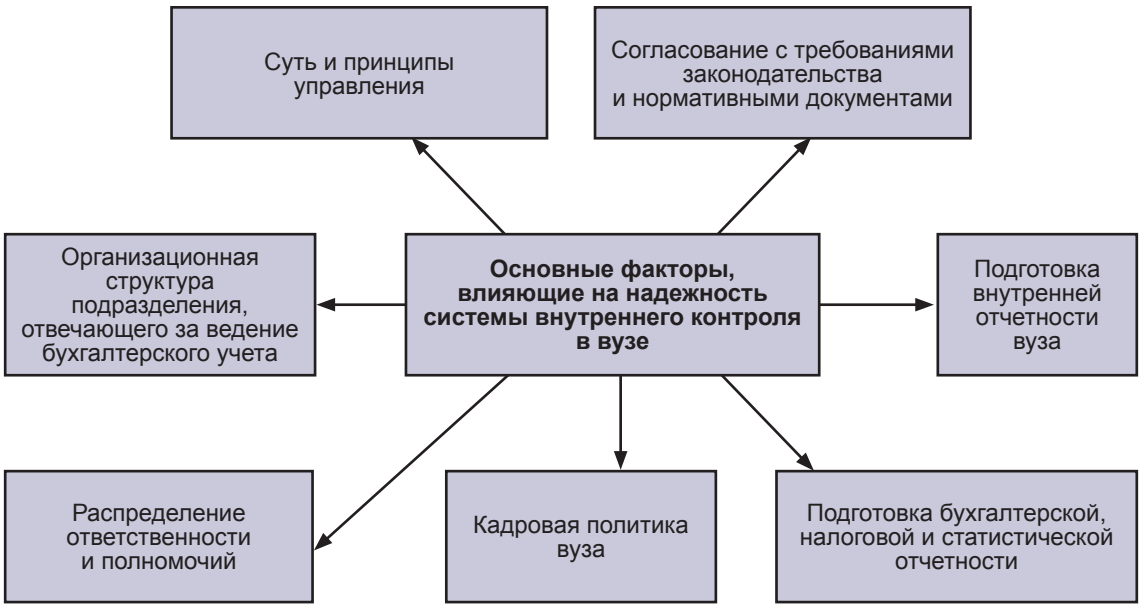

Рис. 1.

Факторы, позволяющие оценить надежность системы внутреннего контроля в вузе

пользования счетов при формировании финансовых результатов деятельности. Соответственно, гипотеза H_1 соответствует наличию связи.

Составляются таблицы сопряженности, которые содержат наблюдаемые частоты f_0 и ожидаемые частоты f_E. Эти таблицы содержат сведения о частотах совместного использования счетов при учете наиболее часто встречающихся хозяйственных операций, то есть операций, которые соответствуют специфике проверяемой организации, после чего задаются экспертным образом доверительная вероятность p и уровень значимости $\alpha = 1 - p$. Далее определяется фактическое значение критерия χ^2:

$$x^2 = \sum \frac{(t_0 - t_E)^2}{f_E} ,$$

а также его табличное значение. По результатам сравнения принимается решение о наличии или отсутствии значимой связи счетов, используемых при описании хозяйственной деятельности. При наличии такой связи в программу проверки включаются те документы, которые отражают соответствующиепроводки.

Таблица 1

Сведения о результатах оценки внутреннего контроля в вузе

Тип контрольных мероприятий	Наименование мероприятия	Выявленные нарушения	Устранение выявленных нарушений	
			Меры по устранению	Ответственные лица
Текущий внутренний контроль	Инвентаризация основных средств, нематериальных активов, материальных запасов, денежных средств, расчетов с дебиторами и кредиторами			
Текущий внутренний контроль	Осуществление внутреннего контроля с целью выявления и предупреждения перерасхода установленного фонда оплаты труда структурных подразделений и соблюдения положения «Об оплате труда работников вуза»; расходов на коммунальные услуги и аренду учебных площадей; расходов на ГСМ в соответствии с установленными лимитами; финансово-хозяйственной деятельности, бухгалтерского учета филиалов вуза			
Текущий внутренний контроль	Осуществление контроля за формированием и исполнением бюджетных смет и смет расходов по приносящей доход деятельности; эффективного использования внебюджетных средств и материальных ресурсов			
Текущий внутренний контроль	Контроль соблюдения требований законодательства о размещении заказов в части соблюдения квартального лимита денежных средств при размещении заказов на приобретение одноименных товаров; выполнение одноименных работ; оказание одноименных услуг всеми структурными подразделениями университета, включая обособленные подразделения и филиалы			
Текущий внутренний контроль	Контроль составления технико-экономического задания на проведение аукционов, запроса котировок цен в процессе согласования уполномоченными должностными лицами университета в соответствии с локальным нормативным актом – документальная процедура «Об организации размещения заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг»			

В процессе проведения исследования на материалах учреждений высшего профессионального образования было проведено сравнение предлагаемой методики формирования программы проверки с методикой пассивного эксперимента Вальда. Сравнение показало, что использование методики на основе критерия χ^2 обеспечивает экономию трудозатрат на проведение проверки на 18 % при сравнимом качестве.

Оценка полученных результатов и их оформление имеют большое значение при правильном использовании полученных данных. При этом надлежит руководствоваться следующими правилами:

1) формируя вывод, необходимо достоверно оценивать обстоятельства выявленных погрешностей и ошибок;
2) все обнаруженные в процессе исследования ошибки и неточности должны рассматриваться в их совокупности;
3) при оценке выявленных погрешностей следует по возможности учитывать причины их возникновения;
4) вывод должен основываться на наиболее характерных ошибках и погрешностях;
5) конечное обоснование погрешностей формируется при установлении достаточного количества подтверждений погрешностей и ошибок (арифметических, документальных, учетных и т. д.).

Результаты проведенного исследования отделу внутреннего контроля необходимо сформировать и представить в «Сведениях о результатах оценки внутреннего контроля в вузе» (табл. 1).

Данный документ должен быть представлен руководителем отдела внутреннего контроля на утверждение ректору и главному бухгалтеру университета. Выявленные нарушения в данном документе подробно не рассматриваются, а дается сноска на конкретный документ, где они расписаны.

Меры по устранению выявленных нарушений в каждом отдельном случае устанавливаются конкретные, ими могут быть:

- объявление выговора руководителю отдела;
- административное наказание виновных должностных лиц;
- наложение дисциплинарного взыскания на работников университета.

По выявленным нарушениям отдел внутреннего контроля составляет план мероприятий по устранению нарушений, где должны быть расписаны сроки исполнения и ответственные лица.

Должностные лица, на которых возложена работа по организации внутреннего контроля в вузе, также должны рассматривать материалы ревизий и проверок внешних контролирующих органов и принимать меры к своевременному устранению выявленных нарушений и недостатков, повышению качества и эффективности внутреннего контроля в университете.

1. *Ермишина О. Ф.* К вопросу о формировании учетной политики бюджетной организации // I Международная науч.-практическая конф. «Наука в 21 веке», направление «Новое в экономике и менеджменте», г. Краснодар, 2013. С. 31–40.
2. *Лермонтов Ю. М.* Вопросы законности оптимизации налогообложения // Налоговый вестн. 2009. № 10. С. 43.
3. *Мельник М. В.* Ревизия и контроль : учеб. пособие. М. : ИД ФБК-ПРЕСС, 2003.

Assessment of the Internal University Control System

I. B. Romanova, O. F. Ermishina

The given article touches upon the problems of internal university activity control assessment. In the course of research the authors suggest the assessment of internal control with the help of mathematical statistics. They also consider the rules of summing up the results of internal control.

Keywords: internal control, methodology of internal control, assessment methods of the internal control system.

Понятие бизнес-процесса учреждения культуры

Е. Г. Ходжаян

На основании анализа представленных в литературе определений бизнес-процесса предложена авторская систематизация в рамках функционального, системно-элементного, командного, кибернетического и продуктового подходов. Сформулировано понятие бизнес-процесса учреждения культуры.

Ключевые слова: функциональный, системно-элементный, командный, кибернетический, продуктовый подходы; бизнес-процесс учреждения культуры.

Получившее широкое признание в промышленности процессно-ориентированное управление стремительно распространяется на сферу культурных услуг, выступая эффективным инструментом обеспечения конкурентоспособности учреждения, позволяя отладить «культурное производство», улучшить качество продуктов и услуг, а также снизить их себестоимость.

Несмотря на то что процессное управление получило широкое распространение во второй половине XX в., процессное мышление появилось задолго до того. Феномен находит отражение в работах Г. Г. Исаева, И. В. Чернышева (процессный характер стихийно сложившихся способов организации производства) [1, с. 15, 26] и Б. Андерсена (организация производственного процесса силами разнорабочих в условиях фермерского хозяйства) [2, с. 21–22].

Зарождение научных взглядов на процессное управление стало предпосылкой появления понятия «бизнес-процесс» (от англ. business – «экономическая деятельность» и process – «процесс или цех с непрерывным производством» [3, с. 83, 424]). В разных источниках оно используется для разграничения обозначения процесса управления или создающего потребительские ценности процесса в системе процессов организации. Во избежание неоправданного усложнения терминологической базы далее мы в равной мере оперируем обоими терминами, придерживаясь тем самым прослеживающейся в последнее десятилетие в научной литературе тенденции по сближению понятий «процесс» и «бизнес-процесс».

«Систематическое определение и менеджмент процессов, применяемых организацией, и особенно взаимодействие этих процессов могут рассматриваться как "процессный подход"» [4, с. 2]. Большое количество авторских и отсутствие общепринятого определения бизнес-процесса затрудняет реализацию процессного подхода в учреждении культуры.

На сегодняшний день предпринято несколько попыток разработать единую систематизацию. Н. М. Абдикеев, Т. П. Данько, С. В. Ильдеменов и А. Д. Киселёв ограничиваются выделением лишь некоторых акцентов, среди которых организованная деятельность, продукт как основная цель и механизм получения добавочной стоимости [5, с. 234–235].

В понятии В. В. Ефимова существуют следующие точки зрения на определение процесса:

- процесс – это организация ресурсов;
- процесс – это организационная деятельность [6, с. 7].

А. Г. Поршнев, З. П. Румянцева и Н. А. Саломатин выделяют два дополняющих друг друга подхода к определению сущности процесса управления: с точки зрения функций и с точки зрения управленческого решения. В первом случае подчеркивается целенаправленный характер процесса, его связь с функциями и необходимыми ресурсами. Во втором случае процесс представляет собой «совокупность циклических действий, связанных с выявлением проблем, поиском и организацией выполнения принятых решений». Цикл замыкается на входе и выходе производственного процесса, который имеет вид «черного ящика» [7, с. 48–50].

Формулировка зачастую зависит от методики описания и процессного моделирования, поэтому необходимо изучить и «обратные» классификации. Так, В. В. Репин сталкивался в своей практике со следующими подходами к созданию архитектуры бизнес-процессов [8, 9]:

1. Структурный (в рамках существующих структурных подразделений).
2. Продуктовый (на основе перечня продуктов и услуг).
3. «Блюдо спагетти» (выделение «сквозных» процессов по мере необходимости).
4. Component Business Model (структурирование «ключевых» процессов компании для поддержания и развития основных «компетенций» бизнеса).

5. На основе анализа цепочек создания ценности.
6. Смешанные подходы.

Между тем О. В. Малышев считает возможным метамоделирование на основании представления:

- процесса как самостоятельной сущности;
- процесса как структуры;
- процесса как элемента системы процессов;
- процесса как объекта управления;
- продукции процесса как объекта управления [10, с. 17].

Вслед за ним рассмотрения процесса как объекта управления с вышеперечисленных пяти точек зрения придерживаются С. Ю. Чеснокова, А. В. Донская и Р. А. Горчиков [11, с. 202].

Далее приведена авторская классификация подходов к определению «бизнес-процесс» исходя из ключевых характеристик, выделенных авторами в том или ином случае.

1. Функциональный.

Большинство исследователей, среди которых В. В. Репин, В. Г. Елиферов [12, 13], В. М. Хамидова [14], А. Н. Бородулин, А. Ю. Заложнев, П. В. Мешков, Е. Л. Шуремов [15], придерживается функционального подхода в определении бизнес-процесса.

Функция – это направление, включающее в себя отдельные виды деятельности. Бизнес-процесс – целенаправленная или взаимосвязанная совокупность видов деятельности, следовательно – функция. В рамках этого подхода подчеркивается важность технологии или механизма выполнения.

2. Системно-элементный.

Система – целенаправленная совокупность элементов. Появление данного подхода связано со значительным влиянием на современный менеджмент теории систем, в соответствии с которой «деятельность организации описывается в терминах входящих ресурсов, процесса трансформации, выходящих ресурсов, обратной связи и внешней среды» [16, с. 88].

Проще говоря, организация в целом и каждая из ее подсистем представляют собой связанный с внешней средой процесс трансформации входящих ресурсов в выходящие.

3. Командный.

Свое название получил от «командно-структурированных» организаций [16, с. 93]. В рамках этого подхода бизнес-процесс рассматривается как форма кооперирования работников.

Производство материально-вещественных товаров или оказание услуг выполняется самостоятельными командами работников разных специальностей, обладающих всеми необходимыми для этого ресурсами, в том числе информационными, а также необходимой квалификацией, полномочиями и творческим потенциалом.

4. Кибернетический.

Получил отражение в работах Ю. П. Адлера [17], А. Г. Поршнева, З. П. Румянцевой, Н. А. Саломатина [7], Т. В. Алесинской [18] и В. В. Ефимова [6].

Кибернетика (от греч. «искусство управления») – это наука, изучающая информационные процессы в управлении. В соответствии с принципами кибернетического подхода процесс представляется в виде «черного ящика» с «входами» и «выходами».

5. Продуктовый.

Продуктовый подход наглядно иллюстрирует определение Н. М. Абдикеева, Т. П. Данько, С. В. Ильдеменова и А. Д. Киселёва: «Бизнес-процесс – это операция, включенная в систему операций, целью которой является производство и поставка услуг/товаров операциям, входящим в систему, а также другим системам» [5, с. 240].

Здесь обращается внимание на тот факт, что целью бизнес-процесса является производство продукта. Так как определение бизнес-процесса необходимо в первую очередь для построения в организации модели «как есть», то акцент на продуктовую составляющую представляется нам вполне конкурентоспособным. Классический пример реализации – банки.

На сегодняшний день отнесение культуры и искусства к сфере услуг является общепринятым в экономике. Значение культуры в создании качественного досуга неоспоримо. Культурным услугам присущи некоторые особенности, среди которых приоритет социальных результатов над экономическими, преимущественно некоммерческий характер и двойственность рынков сбыта – речь идет о потребителях и благотворителях.

Приведем определение С. Н. Горушкиной, которая под услугами культуры понимает «вид деятельности, направленный на доставку для общества и каждого индивидуума совокупности культурной информации, заключенной в материальные и духовные формы, способствующей развитию творчества и инноваций».Это определение акцентирует внимание на процессном характере услуги как «процессе преобразования различного рода ресурсов (материальных, финансовых, интеллектуальных и пр.) в рыночное предложение нематериальных действий, направленных на удовлетворение иерархически возвышающихся потребностей человека» [19, с. 89].

Базирующиеся на представлении учреждения культуры в виде совокупности четко прописанных взаимосвязанных бизнес-процессов процессно-ориентированные технологии

управления в большей степени соответствуют задаче формирования ключевых факторов конкурентоспособности на отраслевом рынке в отличие от традиционных функциональных.

Среди существующих трактовок бизнес-процесса учреждения культуры наиболее общая принадлежит Л. А. Дубровиной, которая рассматривает действия работников учреждения как «процессы – логически упорядоченные последовательности (алгоритмы) этапов (шагов, элементов), преобразующих входы в выходы» [20, с. 58–59].

Ю. А. Ахмадова и Е. Я. Галимова дают определение «библиотечного процесса», понимая под ним «совокупность различных видов деятельности, которые вместе создают результат, имеющий ценность для самой библиотеки, читателя, потребителя, клиента» [21, с. 28].

На основании представленных в литературе объяснений и исходя из особенностей культурных услуг нами сформулировано понятие бизнес-процесса учреждения культуры как инициируемого на входе преобразования ресурсов в представляющий ценность для потребителя результат на выходе.

Каждый бизнес-процесс представляет собой систему, ключевыми элементами которой являются вход, выход, владелец, потребитель и ресурсы процесса.

Инициирующим событием могут выступать потребительский запрос, информация, культурные блага и ценности, которые в процессе производства превращаются в культурный продукт.

Непосредственное управление процессом осуществляет его владелец. Это может быть должностное лицо или коллегиальный орган. Владелец несет ответственность за продукт процесса, является представителем в переговорах с потребителями, распоряжается ресурсами.

Ресурсы не тождественны входу, в отличие от которого представляют собой постоянную категорию. Помимо информационных, материально-технических, финансовых, кадровых и других традиционных ресурсов ресурсами культурной деятельности могут выступать культурные ценности и блага.

Потребителями производимой продукции в равной мере выступают непосредственные клиенты, государство, общество, инвесторы, меценаты и сотрудники учреждения, которые получают возможность реализовать свои творческие амбиции.

Таким образом, на формирование представлений о бизнес-процессе значительное влияние оказали теория систем, кибернетика, концепция всеобщего управления качеством, концепция маркетинга, а также практика описания и моделирования. Выделенные нами подходы – функциональный, системно-элементный, командный, кибернетический и продуктовый – свидетельствуют о расхождениях в его трактовке.

Культурные бизнес-процессы имеют некоторые отличия по сравнению с другими отраслями народного хозяйства. Сформулированное нами понятие расширяет терминологический аппарат и может быть использовано при построении процессной модели управления учреждениями культуры.

1. *Исаев Г. Г., Чернышев И. В.* Реинжиниринг бизнес-процессов. Ульяновск : УлГТУ, 2005.
2. *Андерсен Б.* Бизнес-процессы. Инструменты совершенствования. М. : РИА «Стандарты и качество», 2005.
3. *Иванов С. С., Кочетков Д. Ю.* Большой англо-русский экономический словарь. М. : ЗАО «Центр-полиграф», 2007.
4. ГОСТ ISO 9000-2011 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. М. : Стандартинформ, 2012.
5. Реинжиниринг бизнес-процессов / Н. М. Абдикеев и др. М. : Эксмо, 2007.
6. *Ефимов В. В.* Описание и улучшение бизнес-процессов. Ульяновск : УлГТУ, 2005.
7. Управление организацией / под ред. А. Г. Поршнева, З. П. Румянцевой, Н. А. Саломатина. М. : ИНФРА-М, 2008.
8. *Репин В. В.* Как создать архитектуру бизнес-процессов компании? Ч. 1 // URL : http://www.finexpert.ru/view/kak_sozdat_arkhitekturu_biznes_protsessov_kompanii_chast_1/767 (дата обращения: 08.05.2013).
9. *Репин В. В.* Как создать архитектуру бизнес-процессов компании? Ч. 2 // URL : http://www.finexpert.ru/view/kak_sozdat_arkhitekturu_biznes_protsessov_kompanii_chast_2/768 (дата обращения: 08.05.2013).
10. *Малышев О. В.* Реконструкция мета-модели процесса по стандартам ISO серии 9000:2000 // Методы менеджмента качества. 2009. № 4. С. 17–20.
11. *Чеснокова С. Ю., Донская А. В., Горчиков Р. А.* Процессно-ориентированное управление как основа эффективной деятельности // Вестн. АГТУ. 2007. № 3(38). С. 201–203.
12. *Репин В. В., Елиферов В. Г.* Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
13. *Елиферов В. Г., Репин В. В.* Бизнес-процессы: регламентация и управление. М. : ИНФРА-М, 2011.
14. *Хамидова В. М.* Содержание процессно-ориентированного подхода к управлению организацией // Вестн. АГТУ. 2008. № 4(45).
15. *Бородин А. Н.* и др. Построение процессно-ориентированных систем внутрифирменного

управления как метод оптимизации бизнес-процессов // Управление большими системами. 2006. Вып. 12–13. URL : http://www.mtas.ru/Library/uploads/1151995410.pdf (дата обращения: 12.05.2013).
16. *Дафт Р.* Менеджмент. СПб. : Питер, 2007.
17. *Адлер Ю. П., Щепетова С. Е.* Что нам стоит процесс построить? // Методы менеджмента качества. 2002. № 6.
18. *Алесинская Т. В.* Основы логистики. Общие вопросы логистического управления. Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2005. URL : http://www.aup.ru/books/m95/5_2.htm (дата обращения: 10.05.2013).
19. *Горушкина С. Н.* Услуги учреждений культуры как инструмент реализации государственной культурной политики : дис. ... канд. социол. наук. М., 2011.
20. *Дубровина Л. А.* Минимум управления, максимум управляемости. Руководителям библиотек о Всеобщем управлении на основе качества. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004.
21. *Ахмадова Ю. А., Галимова Е. Я.* Менеджмент качества и библиотека : учеб.-практическое пособие. М. : Либерея-Бибинформ, 2007.

Business Process Concept of Cultural Institution

E. G. Khodzhayan

Analysing the definitions of business process in modern literature the author suggests her own classification in the framework of functional, system-related, command, cybernetic and product approaches. The author defines the business process concept of culture institution.

Keywords: functional, system-related, command, cybernetic, product approaches; business process of cultural institution.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

О классификации наук и моделях роста научного знания[1]

Н. Г. Баранец, А. М. Дорожкин

В статье анализируется проблема классификации наук и описываются модели роста научного знания. Статья имеет методический характер и ориентирована на преподавателей курса «История и философия науки» для аспирантов, а также тех, кто интересуется проблемами философии науки.

Ключевые слова: проблема классификации наук, история и методология науки, модель развития науки.

В реальной жизни научного сообщества нет науки вообще, а есть деление ее по направлениям исследования: естественно-научное, гуманитарное, социальное, техническое и математическое. Очевидно, что выявление структуры науки в этом ее аспекте ставит *проблему классификации наук* – раскрытие их взаимосвязи на основании определенных принципов и критериев и выражение их связи в виде логически обоснованного расположения в определенный ряд.

КЛАССИФИКАЦИЯ НАУК В ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

В истории развития классификаций наук прослеживаются следующие тенденции. С формированием науки в античной Греции был предложен способ разделения наук по предмету. Аристотель (384–322 до н. э.) все знание в зависимости от сферы его применения разделил на три группы: теоретическое, где познание ведется ради него самого; практическое, которое дает руководящие идеи для поведения чело¬века; творческое, где познание осуществляется для достижения чего-либо прекрасного. К умозрительным наукам он отнес метафизику, математику (арифметика, геометрия, астрономия, оптика, гармония, механика) и физику (все естественные науки), к практическим наукам – политику, экономику, этику. Наукам Аристотель противопоставлял «производящие искусства» – медицину, гимнастику, грамматику, музыку, риторику и поэтику.

Средневековье познакомилось с аристотелевской классификацией через труды Боэция (480–524), который целью философии видел познание мироздания, а вершиной – познание универсального разума. Теоретическая (спекулятивная) философия делится им на «натуральную философию» (имеется в виду физика, исследующая предметы, которые не существуют вне движения), математику (рассматривает материальные предметы, лишенные движения) и теологию (имеет дело с предметами абстрактными и лишенными материи и движения).

Наиболее полные классификации сложились к XII в. Так, Гуго Сен-Викторский (1097–1141) в «Дидаскаликоне» писал: «Философия делится на теоретическую, практическую, механическую и логическую; эти четыре раздела охватывают все научное знание» [1]. Теоретическая философия состоит из теологии, математики (арифметика, музыка, геометрия, астрономия), физики. Практическая философия – этика, экономика и политика. Механическая делится на сукноделие и ткачество, производство орудий, морское дело и навигацию, земледелие, охоту и рыболовство, медицину и театральное дело («театрику»). Логическая философия – грамматика, диалектика, риторика.

Классификация научного знания, предложенная Гуго Сен-Викторским, была заимствована учеными XII – начала XIII вв. Гильом Поррейский, Теодорик Шартрский, Роберт Гроссетест также рассматривали теологию, физику, этику как составные части научного знания. Однако в практике монастырских, кафедральных и придворных школ сохранялось

[1] Работа поддержана грантом РГНФ № 12-33-01329.

обучение семи свободным искусствам, на естественно-научные же исследования, относимые по-прежнему к «физике», новая классификационная система наук существенного влияния не оказала.

В XIII в. после перевода на латинский язык трудов Аристотеля проблема классификации наук была актуализирована. Появились сочинения на эту тему Герарда из Кремоны, Михаила Скотта и Доминика Гундисальви, который написал сочинение «О разделении философии» (ок. 1150). Как и его предшественники, он считал, что грамматика – инструмент философии, и ее следует изучать первой. Затем следуют поэзия и риторика. Далее необходимо изучить логику, включающую диалектику (систему доказательств). Изучившие эти науки могут приступать к трем разделам философии: физике, математике и теологии. В своей классификации наук Гундисальви следовал аристотелевской классификации (представленной как организованная иерархия предметов, восходящих от воспринимаемых объектов через математические закономерности к познанию божественного) [2].

В XVI–XVII вв. добавился субъективный принцип классификации наук, учитывающий такие свойства человеческого интеллекта, как память (чему соответствовала история), воображение (поэзия) и рассудок (философия). Субъективный принцип в классификации наук развил Ф. Бэкон (1561–1626), деливший все знания на историю, поэзию и философию. В зависимости от познавательных способностей человека (таких как память, рассудок и воображение) он разделил науки на три большие группы:

1) история как описание фактов, в том числе естественная и гражданская;
2) теоретические науки, или «философия» в широком смысле слова;
3) поэзия, литература, искусство вообще.

В составе «философии» в широком смысле слова Бэкон выделил «первую философию» (или собственно философию), которую, в свою очередь, подразделил на «естественную теологию», «антропологию» и «философию природы». Антропология разделяется на собственно «философию человека» (куда входят психология, логика, теория познания и этика) и на «гражданскую философию» (т. е. политику). При этом Бэкон считал, что науки, изучающие мышление (логика, диалектика, теория познания и риторика), являются ключом ко всем остальным наукам, ибо они содержат в себе «умственные орудия», которые дают разуму указания и предостерегают его от заблуждений («идолов»).

Оригинальную классификацию научных знаний разработал Томас Гоббс (1558–1679). Предметом науки, полагал Гоббс, являются «тела», их причины и свойства. Наука не изучает тексты божественного откровения и вопросы истории. Тела делятся на естественные (природные) неодушевленные, естественные одушевленные (т. е. человек) и искусственные (государство). Соответственно науки, классифицируются в зависимости от объекта следующим образом: науки о естественных телах; об одушевленных телах и о человеке; об искусственных телах, т. е. о государстве. Рене Декарт (1596–1650) развил объективный принцип классификации наук в соответствии с признаками самих предметов знания. Поль Гассенди (1592–1655) восстановил классическое деление наук на логику, физику и этику. В XVIII в. французские энциклопедисты (Д. Дидро и д'Аламбер) в основном приняли принципы и схему Бэкона, выделив основные разделы (природа, общество и мышление).

В первой половине XIX в. выделились две линии классификации наук. *Первое направление* основано на принципе координации: от общего к частному в порядке убывающей общности (К. А. Сен-Симон, О. Конт).

Огюст Конт (1798–1857) располагал основные науки по убывающей простоте и сложности: математика (включая механику) – астрономия – физика – химия – физиология (включая психологию) – социология. При дальнейшем расчленении этих наук Конт руководствовался идеей противоположения между абстрактным и конкретным и между статической и динамической сторонами явлений.

Математика, занимающаяся определением неизвестных величин через соотношение их с известными, разделяется на *абстрактную*, или учение о числах вообще, и *конкретную*, занимающуюся уравнениями в области пространственных форм и явлений природы; вторая, в свою очередь, расчленяется на статическую, или геометрию, и динамическую, или механику.

Астрономия прилагает математические законы к определенным конкретным телам нашей Солнечной системы (пределами которой Конт ограничивал область этой науки); это есть небесная геометрия и механика. Особый факт природы, составляющий специфический элемент астрономии, есть мировое тяготение, не вытекающее из данных чистой математики, хотя и определяемое математически в своих законах.

Физика занимается такими явлениями телесной природы, при которых частичный состав тел остается неизменным: вес, теплота, звук, свет и электричество. Она сложнее астрономии как по орудиям непосредственного чувственного познания, которыми, сверх зрения, употребляемого астрономией, служат еще слух и осязание, так равно и со стороны научного

метода, к средствам которого, сверх наблюдения и вычисления, присоединяется здесь еще эксперимент.

Химия изучает изменения в составе веществ или те явления их сочетаний и разрешений, которые происходят из особого частичного взаимодействия тел или так называемого избирательного сродства.

Биология имеет специфическим предметом органические или живые тела. Биология разделяется на статическую, или анатомию, и динамическую, или физиологию [3].

Завершающая эту лестницу наук *социология* изучает строение и развитие человеческой общественности, первое – в *социальной статике*, второе – в *социальной динамике*. Конт доказывал, что между всеми видами знаний существует глубокая внутренняя связь. Однако контовская классификация наук носила статический характер.

Второе направление в половине XIX в. разработало принцип субординации на основе принципа развития духа (Ф. В. Шеллинг, Г. Гегель). Георг Гегель (1770–1831) положил в основу классификации принцип развития и иерархии форм знания. Абсолютная идея проходит в своем развитии три этапа, которые изучают соответственно логику (диалектика и теория познания), философию природы, философию духа. Философия природы подразделялась на механику, физику (включающую и изучение химических процессов) и органическую физику, которая последовательно рассматривает геологическую природу, растительную природу и животный организм.

Во второй половине XIX в. популярность получил неокантианский подход, исходивший из принципиального различия между науками о природе (явления которой считались закономерными) и об обществе (истории, события которой представлялись хаосом случайностей).

Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) предлагал различать науки не по предмету, а по методу. Он делил научные дисциплины на номотетические и идеографические. Номотетические науки ориентированы на установление общих законов, регулярности предметов и явлений. Идеографические науки направлены на изучение индивидуальных явлений и событий. Генрих Риккерт (1863–1936), развивая выдвинутую Виндельбандом идею о разделении номотетических и идеографических наук, приходит к выводу, что различие вытекает из разных принципов отбора и упорядочивания эмпирических данных. Для Риккерта центральной является идея, что данная в познании действительность имманентна сознанию. Безличное сознание конституирует природу (естествознание) и культуру (науки о культуре). Естествознание направлено на выявление общих законов как априорных правил рассудка. История занимается неповторимыми единичными явлениями. Естествознание свободно от ценностей, культура и индивидуализирующее понимание истории есть царство ценностей.

Разделение номотетического и идеографического методов стало важным шагом в классификации наук. Номотетический метод (от греч. nomothetike – «законодательное искусство») направлен на обобщение и установление законов и проявляется в естествознании. Согласно различению природы и культуры общие законы несоразмерны и несоотносимы с уникальным и единичным существованием, в котором всегда присутствует нечто невыразимое при помощи общих понятий. Отсюда следует вывод о том, что номотетический метод не является универсальным методом познания и что для познания «единичного» должен применяться идеографический метод.

Идеографический метод (от греч. idios – «особенный», grapho – «пишу») – это метод исторических наук о культуре. Суть его – в описании индивидуальных событий с их ценностной окраской. Среди индивидуальных событий могут быть выделены существенные, но никогда не просматривается их единая закономерность. Тем самым исторический процесс предстает как множество уникальных и неповторимых событий, в отличие от заявленного номотетическим методом подхода к естествознанию, где природа охватывается закономерностью.

Немецкий физиолог, психолог и философ Вильгельм Вундт (1832–1920) выделил три области наук: математика, естественные науки и науки о духе. Только естественным наукам удалось добиться твердого положения. Математика то причислялась к естественным наукам, то рассматривалась как вспомогательная дисциплина. Науку о духе то пытались присоединить к естественным наукам, то признавали ее самостоятельность. Вундт предлагал делить специальные науки на формальные и реальные. К формальным наукам относится чистая математика в силу присущего ей абстрактно-формального характера. Прочие дисциплины, занимающиеся реальным содержанием опыта, относятся к реальным опытным наукам [4].

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ФИЛОСОФЫ О ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН

Русские философы и ученые также предлагали свои оригинальные классификации наук. Василий Никитич Татищев (1686–1750) разработал классификацию наук в зависимости от степени их полезности. Исходя из принципа полезности, он подразделил научные знания на пять групп:

1. «Нужные» (речение, экономику, медицину, юриспруденцию, логику, богословие).
2. «Полезные» (грамматика, риторика, иностранные языки, физика, математика, ботаника, астрономия, история, география).
3. «Щегольские», или «увеселяющие» (поэзия, живопись, музыка, танец).
4. «Любопытные», или «тщетные» (астрология, алхимия, хиромантия).
5. «Вредительские» (некромантия и чернокнижие).

Классификация В. Н. Татищева основывалась на признании приоритета научного метода и допускала возможность определения круга образовательных дисциплин, отвечающих потребностям Просвещения и производственно-экономического роста.

Владимир Николаевич Ивановский (1867–1939) был одним из первых русских философов, последовательно изучавших проблемы методологии науки и классификации наук. Наука, по Ивановскому, – это совокупность общих и частных «познаний», систематически охватывающих какую-либо область действительности или деятельности человека, создаваемая разумом человека помимо всякого внешнего авторитета, состоящая как из достоверных, так и их предположительных утверждений, опирающихся на проверку и доказательство и сопровождаемых указаниями относительного того, как и когда были установлены ее положения [5].

Ивановский полагал, что вопрос о классификации наук разрешим, если учесть необходимые признаки: содержание конкретной науки, характер ее предмета, методы ее развития, обусловленные содержанием, и ее цели. У науки может быть две общих цели − теоретическая либо практическая, что приводит к выделению наук практических и теоретических. Причем и те, и другие имеют дело с одним и тем же содержанием, а правила практических наук представляют собой комбинированные приложения законов теоретических наук. Эти группы знаний различаются положением субъекта. В *теоретических науках* субъект может выступать активным наблюдателем, отыскивающим закономерности в известной области явлений. В качестве мыслителя он также может конструировать систему понятий со своим собственным, объективно-общеобязательным строем и специфической, принудительной структурой. В *практических науках* субъект комбинирует сведения и вырабатывает на их основе системы практических средств и приемов действий, удовлетворяющих человеческим потребностям.

В свою очередь, существует внутреннее дифференцирование теоретических и практических наук. Поскольку изучаться может либо общее (общие понятия, группы сходных вещей и событий), либо частное (единичные представления и понятия, единичные предметы, однократные события), теоретические науки подразделяются на науки об общем и науки об индивидуальном. *Теоретические науки об общем*, или систематические науки, изучают свои объекты в системе, в группировке, в общих типах. Они вырабатывают разного рода общие положения, обобщения, единообразия. *Теоретические науки о частном*, или исторические, изучают однократные события, фактический ход явлений, перипетии судьбы отдельных вещей, явлений, мнений и обществ, в тех обстоятельствах и связях времени, места и причинности, как это происходило. *Практические*, или *прикладные науки* (техники, технологии) представляют собой систему правил и действий, составляемых на основании достоверных положений теоретического знания и ясно поставленных целей и указывающих средства для достижения целей.

Логическая классификация наук указывает основные типы знания (в зависимости от его материала, методов и целей) и выявляет особенную структуру и методологию каждого типа. Науки также можно разделить по предмету и методам на математические, реально-математические и естественные (включающие как разновидности исторические, прикладные, технические и философские).

В советском философском сообществе в 60–80-е гг. главным специалистом по проблеме классификации науки был Бонифатий Михайлович Кедров (1903–1985), посвятивший этой проблеме три монографии [6]. Кедров доказывал, что классификация наук означает связь наук, выраженную в их расположении в определенном последовательном ряду и в соответствии с некоторыми принципами. Он построил «объективную», как он сам называл, а точнее, объектную классификацию наук, в которой пытался учесть порядок расположения наук, отразив историческую последовательность их возникновения. Принцип историзма в его понимании обозначал не только освещение последовательности ступеней развития наук, но и выявление внутренней закономерности в развитии науки. Общая классификация современной науки производилась Кедровым на основании раскрытия взаимосвязи главных разделов научного знания: естествознания, общественных наук и философии. Порядок расположения наук был представлен как отражение исторической последовательности возникновения и взаимосвязи ступеней развития мира как взаимосвязи наиболее общих и частных его законов. На стыке главных наук, не входя целиком ни в один из основных разделов научного знания, располагались, в его пред-

ставлении, технические науки (на стыке между естественными и социальными) и математика (пребывающая между естествознанием и философией). Между тремя главными разделами находится психология как самостоятельная наука, изучающая психическую деятельность человека с естественно-исторической и социальной сторон. Работа Б. М. Кедрова носила столь исчерпывающий и полный характер, что к этой тематике советские философы с 70-х гг. почти не обращались.

Современное науковедение по предмету и методу познания выделяет математику, естествознание, технические и социо-гуманитарные науки. Тема классификации наук попрежнему привлекает внимание эпистемологов, особенно в контексте обсуждения проблемы их методологической и предметной специфики. Правда, за последние три десятилетия ничего принципиально нового в этой теме добавлено не было.

МОДЕЛИ РОСТА НАУКИ

О том, как происходит развитие науки и какие факторы на нее влияют, написано много. Представим свой взгляд с помощью аллегорий, которые, как нам кажется, позволяют увидеть новый ракурс в этой проблеме. Развитие науки можно уподобить *строящемуся зданию*. В этом случае основанием должен выступать фундамент. Это могут быть внешние по отношению к науке положения (в том числе и философские), на которые можно было бы опираться как на абсолютно неизменные истины. Именно такие истины в свое время предложили Ф. Бэкон и Р. Декарт. Чрезвычайно важно отметить при этом два обстоятельства:

1) такие основания сами не нуждаются в основаниях, потому что и линия эмпиризма, и линия рационализма полагали, что их истины самоочевидны;
2) выстроенные на таких основаниях научные положения, как первый ряд кирпичей, положенных на фундамент, становятся основаниями для дальнейшего ряда научных положений.

С точки зрения общеизвестных правил дискуссии это не очень хорошо: стоит разрушить единственные основания целой системы положений, как разрушится вся эта система. Гораздо лучше было бы иметь не единственное, а несколько логически не связанных друг с другом оснований, потому что при утрате одного из них мы теряем лишь ту часть системы, которая была непосредственно связана с этим основанием.

Такому желанию частично соответствует другая модель развития науки, аллегория которой – *ветвящееся дерево*. Это давно используемое и знакомое еще из учебников философии сравнение, где корнями полагают мифологию, стволом – философию, а ветвями – различные отрасли науки. В определенной мере такое сравнение соответствует истории становления философии и науки и полагает возможным считать философию основанием науки. Однако такую точку зрения на взаимоотношения философии и науки нельзя признать единственно верной при существующих ныне версиях возникновения науки.

Существуют пять основных версий возникновения науки, если не считать той, в которой считается, что наука еще не возникла. При этом из существующих пяти первая относит возникновение науки к каменному веку и не позволяет полагать философию ее стволом, потому что в этой версии наука появляется ранее философии. Вторая практически отождествляет философию и науку по основным признакам отличия и полагает одновременным их возникновение. Эта точка зрения также не позволяет считать философию основанием науки. Третья приписывает науке чисто эмпирические основания, что отличает науку от философии весьма существенно; таким образом, философия здесь также не есть основание науки. Четвертая и пятая точки зрения – наиболее подходящие для объявления философии основанием науки. Четвертая относит время возникновения к эпохе Возрождения и связывает его с деятельностью Галилея. Пятая полагает, что наука возникла в середине XIX в. Четвертая точка зрения характерной особенностью науки считает использование для производства этого нового типа знания мысленного эксперимента и математического описанияявлений. Согласно пятой точке зрения наука как самостоятельная форма знания появилась тогда, когда превратилась в самовоспроизводящуюся систему, посредством слияния науки и образования, а также тогда, когда появляется признанная и оплачиваемая государством профессия – ученый. Как видно, формально, в рамках последних точек зрения на возникновение науки, философия может выступать в качестве ее основания. Но каково должно быть это основание? Если в качестве такового мы назовем какие-либо содержательные философские утверждения, то это не будет соответствовать отмеченным признакам научности ни в четвертой, ни в пятой точках зрения. Также трудно будет доказать, что мысленный эксперимент и математическое описание явлений есть достижения философской методологии, равно как и необходимость системы науки обладать свойством самовоспроизведения.

Можно воспользоваться еще одной аллегорией, дающей общее представление о росте научного знания. Данная модель роста под-

черкивает различия в отраслях научного знания, вплоть до практически полного самостоятельного формирования и развития. Аллегория такой модели – *кустарник*, не имеющий общего ствола, да и об общих корнях говорить можно при этом лишь условно. Для того чтобы представить эту систему в качестве единой, необходимо некое искусственное в своем роде образование, которое позволит считать разрозненные направления действительно едиными, не по корням – их ведь не видно – а иным образом. Для разнонаправленных ветвей «кустарника» таким искусственным образованием может служить веревка, которая соберет ветви в единый пучок. Мы полагаем, что роль такой веревки в предложенной модели развития науки выступает научная картина мира, которая и по своему содержанию, и по назначению отличается от философского знания.

Обсуждение обстоятельств, затрудняющих сразу и без сомнения возможность заявить о философии как ценностном основании науки, можно было бы и продолжить. Здесь мы отметили лишь те из них, с которыми аспиранты знакомятся в ходе усвоения курса «История и философия науки». Причем и вопрос о типах взаимоотношения философии и науки, и проблема возникновения науки, и вопрос о формах бытия научного знания (его «ипостасях») рассматриваются до обсуждения вопроса об основаниях науки. В таком случае обойти вниманием все эти обстоятельства и рассмотреть проблему оснований в общих чертах – значит пойти по формальному, несодержательному пути представления философии науки, да и всей философии в целом. Можно, разумеется, провести содержательный анализ этой темы, подбирая обстоятельства, указывающие только лишь на доказательства положения о философии как основании науки, то есть пойти путем верификации, но не фальсификации выдвинутого положения. Мы, однако, выбрали последнее. Это не означает, что мы остановились лишь на критике существующих мнений по этому поводу.

Положительное решение вопроса у нас имеется. Кратко рассмотрим его. С нашей точки зрения, было бы наивным полагать, что представитель конкретнонаучного знания прямо и непосредственно будет руководствоваться в своей деятельности тем или иным философским выводом как основанием. Времена, когда законы диалектики полагались не просто всеобщими, но считалось, что все частнонаучные законы есть следствия их, прошли. Роль философии как поучающей другие отрасли знания была незавидной как для философии, так и для науки. Но философии всегда была присуща и другая, более важная, с нашей точки зрения, функция – вопрошание. Иначе говоря, философ всегда выступал как генератор проблем. Начиная с Сократа, эту функцию многие философы отмечали как определяющую. Разумеется, это не означает, что философия ограничивается в своей деятельности только производством проблем. Она многое и утверждает. И при этом мы как раз заявляем, что, во-первых, любое философское утверждение, если оно истинно философское, содержит в себе и новый вопрос. Во-вторых, для современного состояния науки более важным, или, если угодно, основательным, является не какое-либо философское утверждение, а проблема. Она-то и выступает в качестве основания науки, но не в смысле заложенного фундамента, а как начало пути исследования. Заданный вопрос так же, как и утверждение, предопределяет развитие науки, но при этом не загоняет ее в «прокрустово ложе» жестких ограничений поиска. Вопрос также является основанием, но в несколько ином смысле.

1. *Сен-Викторский Г.* Семь книг назидательного обучения, или Дидаскалион // Антология средневековой мысли. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 2001. Т. 1. // URL : http://krotov.info/acts/12/2/gugo_sv2.htm.
2. *Баранец Н. Г.* Философия науки. Ульяновск : ИПЦ «Гарт», 2013. С. 41–60.
3. *Конт О.* Дух позитивной философии. СПб., 1910. С. 10–30.
4. *Вундт В.* Введение в философию. М. : «ЧеРО» : «Добросвет», 2001, С. 44–65.
5. *Ивановский В. Н.* Методологическое введение в науку и философию. Т. 1. Мн., 1923. С. 36.
6. Классификация наук. Энгельс и его предшественники. М., 1961; Классификация наук. От Ленина до наших дней. М., 1965; Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. М., 1995.

Some Words about Classification of Sciences and Growth Models of Scientific Knowledge

N. G. Baranets, A. M. Dorozhkin

The authors analyze the problem of classification of sciences and describe the models of scientific knowledge growth. The article is of a systematic character and it is intended for the lectures of “History and Philosophy of Science”, for post-graduate students, and also for those who are interested in the philosophy of science.

Keywords: problem of classification of sciences, history and methodology of science, model of scientific development.

Роль культурно-досуговой деятельности в формировании личностных качеств молодежи

Д. В. Едышев

В статье определена роль культурно-досуговой деятельности в формировании личностных качеств и характеристик современной молодежи.

Ключевые слова: социализация, организованность, потребности и интересы, культура досуга молодежи.

Обострение многих общественных проблем в современной России, перемены в политической, социально-экономической жизни страны требуют поиска новых механизмов социокультурного становления личности человека.

В научной литературе подчеркивается, что социализация и социальная адаптация, выражая взаимоотношение индивида и общества, где индивид выступает одновременно субъектом и объектом отношений, раскрывают различные стороны данного взаимодействия [4]. Л. К. Синцова утверждает, что социализация в онтогенетическом аспекте раскрывает механизм социального становления человека, формируя его в качестве субъекта процесса общественной жизни, усвоения индивидом социального опыта, тогда как социальная адаптация рассматривается как активное приспособление к окружающему миру. Как явления, выражающие процесс взаимодействия общества и личности, они тесно интегрируют друг с другом, порой смыкаются, иногда находятся в противоречии, но никогда не исключают друг друга. Процесс социального становления человека, социализации осуществляется на протяжении всей жизни личности и немыслим без адаптации, которая носит ситуативный характер [4, с. 24].

Культурно-досуговая деятельность является одним из существенных ресурсов социокультурной оптимизации в общественной среде, обладает способностью стимулировать процессы самораскрытия личности [6]. Это достигается за счет реализации креативно-образовательного потенциала культурной деятельности, соединения учебного и внеучебного времени, когда деятельность образовательной системы, выполняющей преимущественно функции социализации, функционально и содержательно дополняется культурно-досуговой деятельностью, более успешно обеспечивающей самореализацию личности [5]. Как утверждает И. Ю. Кулагин, деятельность, осуществляемая в аспекте определенных интересов и целей, которые ставит перед собой человек, усвоение культурных ценностей, познание нового, любительский труд, творчество, физкультура и спорт, туризм, путешествия – все эти виды досуга укажут на достигнутый уровень развития личности [2, с. 163].

Проблемы развития личности молодого человека средствами культурно-досуговой деятельности, на наш взгляд, разработаны в педагогической литературе недостаточно. Отдельные аспекты этой проблемы изучались в трудах М. Брейк, Г. Г. Воробьёва, В. А. Гришина, Ю. Н. Давыдова, А. И. Долговой, В. Д. Ермакова, В. Т. Лисовского, К. Г. Мяло, З. В. Синкевич, А. В. Толстых и др.

Традиционно к специфическим чертам досуговой деятельности молодежи относятся:

- преобладание у юношей и девушек поисковой, творческо-экспериментальной активности;
- особенности в выборе среды организации и местонахождения досуга;
- ярко выраженное стремление к психологическому комфорту в общении;
- стремление приобрести определенные навыки общения с людьми различного социально-психологического склада, интеллектуального уровня, социального статуса.

Следует подчеркнуть, что характеристика молодежного досуга с позиций культуры его организации и проведения охватывает как личностные, так и общественные стороны данного явления. Интеллект, характер, организованность, потребности и интересы, умения, вкусы, жизненные цели, желания – все это составляет личностный, индивидуально-субъективный аспект культуры досуга молодежи. Существует прямая зависимость между духовным богатством личности и содержанием ее досуга. Но справедлива и обратная связь. Полезным может быть только содержательно насыщенный и, следовательно, эффективный по своему воздействию на личность досуг. Все эти условия следует учитывать при организации досуга молодежи и в его совершенствовании с учетом изменений, происходящих в социуме, политической и экономической сторонах жизни. Этот уровень досуга называют созерцательным,

и ему соответствует общение только между близкими по духу людьми [2, с. 92].

В педагогическом аспекте культурно-досуговая деятельность состоит не столько в том, чтобы предоставить каждому индивиду спектр разнообразных занятий, сколько в том, чтобы через то дело, которым человек любит заниматься на досуге, как можно более многообразно и глубоко развивать различные стороны его личности: интеллект, нравственность, эстетические чувства. Полагаем, что деятельность современных культурно-досуговых центров должна базироваться на определенной перспективе, на системе мероприятий, которые не только удовлетворяли бы потребности в отдыхе, в новой информации, но и способствовали бы развитию способностей личности. Следовательно, досуг может выступать как фактор становления и развития личности и усвоения ею культурных и духовных ценностей. Данный процесс называется социализацией, а культурно-досуговое учреждение является институтом социализации [2, с. 170].

В молодости человеку доступны самые сложные виды профессиональной деятельности, наиболее полно и интенсивно происходит общение, легко устанавливаются и развиваются отношения дружбы и любви, молодость считается оптимальным временем для самореализации личности. А. И. Григорьева убеждена, что в юном возрасте возникшие трудности не являются серьезным препятствием, сомнения и неуверенность быстро проходят, идет активный поиск новых средств и форм достижения целей.

В это время у молодого человека формируются [1, с. 89]:

- самосознание (целостное представление о самом себе; эмоциональное отношение к самому себе; самооценка внешности; умственные, моральные, волевые качества; осознание своих достоинств и недостатков, на основе чего возникают возможности целенаправленного самосовершенствования, самовоспитания);
- собственное мировоззрение (целостная система взглядов, знаний и убеждений; жизненная философия, которая опирается на усвоенную ранее значительную сумму знаний и сформировавшуюся способность к абстрактно-теоретическому мышлению, без чего разрозненные знания не складываются в единую систему);
- стремление заново и критически осмыслить все окружающее, утвердить свою самостоятельность и оригинальность, создать собственные теории смысла жизни, любви, счастья и т. п. [1, с. 90].

Молодой человек усваивает принятые данным обществом правила поведения, обычаи, накопленный обществом запас знаний, умений, навыков, формирует собственные взгляды на общество, явления и события. Каждая личность связана с окружающим ее миром и обществом прежде всего через производство и потребление материальных благ. Эти отношения являются основными в формировании личности молодых людей, их сознания [1, с. 94].

Системный подход к решению проблем организации досуга молодежи в аспекте культурно-досуговой деятельности предлагает целостное рассмотрение проявлений интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер личности.

Культурно-досуговая деятельность молодежи это – общественно осознанная необходимость в формировании и совершенствовании социокультурной ситуации современного общества, которое заинтересовано в эффективном использовании свободного времени молодых людей, в их развитии и духовном обновлении. В современных условиях досуг становится все более широкой сферой, где происходит самореализация творческого и духовного потенциала молодежи и общества в целом. Так, познание нового, творчество, спорт, физкультура, усвоение культурных ценностей – все эти занятия и многое другое указывает на повышение личностного уровня молодого человека.

Таким образом, досуг – это часть социального времени личности, группы или общества в целом, которая используется для сохранения, восстановления, развития физического и духовного здоровья молодого человека, его интеллектуального и личностного совершенствования.

1. *Григорьев А. И.* Культура досуга. К. : Высш. шк., 2000. С. 118.
2. *Кулагин И. Ю., Колюцкий В. Н.* Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека : учеб. пособие. М. : ТЦ «Сфера», при участии «Юрайт-М», 2001. С. 237.
3. *Петрова З. А.* Методология и методика социологических исследований культурно-досуговой деятельности : учеб. пособие / З. А. Петрова. М. : МГИК, 1990. С. 108.
4. *Синцова Л. К.* Социализация и адаптация // Социальная адаптация и вопросы нравственного воспитания личности. Барнаул : БПИ, 1984. С. 24–28.
5. *Шубович М. М.* Этнопедагогические основы семейного досуга // Педагогика как наука и искусство : межвузовский сб. науч. ст. М. ; Чебоксары : АПСН, 2003. С. 41–45.
6. *Шубович М. М. Т*еоретико-методологические основы развития педагогики семьи как отрасли педагогической науки. Ульяновск : Изд. Качалин А. В., 2011.

Role of Cultural and Leisure Activity in Development of Personality Traits among the Young Generation

D. V. Edyshev

The article determines the role of cultural and leisure activity in the process of formation of personal traits and characteristics of the representatives of young generation.

Keywords: socialization, self-discipline, needs and interests, leisure culture of young generation.

Религиозный «ренессанс» в постсоветской России

А. М. Конопкин, М. М. Медиев

Статья посвящена анализу тенденций современного религиозного «ренессанса», его характерных черт, в том числе связи с русским религиозным «ренессансом» начала XX в. Обсуждается проникновение церкви в различные социальные институты.

Ключевые слова: религия, клерикализация, атеизм, теология, русский религиозный ренессанс.

Религиозная сфера – один из тех компонентов общества, который всегда находится под пристальным вниманием. Эта сфера – своеобразный «барометр» общественных настроений, «климата» в стране. По колебаниям уровня религиозности, конфессионального состава общества социологи судят о том периоде, который переживает общество в целом. Философы, используя этот же материал, говорят об уровне рациональности в обществе, анализируют уровень терпимости, отношение к науке и т. д. Поэтому изучение религиозности общества важно не только само по себе, но и в связи с другими проблемами.

В данном случае нас интересует возрождение религиозности в постсоветском обществе, его связь с религиозным «ренессансом» начала XX в. Крах СССР ознаменовался «реваншем» религии, возвращением утраченных церковью позиций. Почему же религиозный «ренессанс» был столь бурным, как и последовавшее отрицание советского периода? Долгое время религия считалась устаревшим, отживающим институтом общества, и ее роль существенно принижалась. Переход к безрелигиозному обществу многие оптимисты считали назревшим; известный критик ислама Ибн Варрак остроумно замечал, что если, как предлагают религиозные люди, считать прогрессивным переход от политеизма к монотеизму, то следующим этапом в таком развитии станет полный отказ от одного бога и переход к атеизму [1]. Научно-технический прогресс способствовал развитию атеистических, агностических взглядов, оставляя все меньше «белых пятен» и спорных моментов между наукой и религией, вытесняя религию на периферию общественного сознания.

К этому располагали философия и идеология Нового времени. Можно вспомнить последнего представителя немецкой классической философии Л. Фейербаха, который рассматривал веру как сон разума, Бога – как человеческое изобретение, религиозную деятельность – как удовлетворение ложных потребностей и считал, что на место любви к Богу следует поставить любовь к человеку, а на место веры в Бога – веру в самого себя. Однако все эти тенденции не привели к скорому полному вытеснению религии из жизни общества. Дело в том, что современные высокоурбанизированные, технологичные общества стали испытывать проблемы, такие как потеря оснований доверия другим людям, недостаточность материального благополучия для душевного равновесия. Поэтому религия переместилась в область личную, духовную, потеряв былую роль в вопросах политики, науки, познания.

Возрождение религиозности было подготовлено в годы перестройки, когда издавалось немало литературы, проводились тематические телепередачи. В «Историко-философском ежегоднике», издаваемом Институтом философии РАН, уже в 1987 г. появились работа Вл. Соловьёва, а также исследования о буддизме и йоге [2]; сборник 1988 г. содержал исследования творчества Вл. Соловьева, П. А. Флоренского. В сборнике 1989 г. немало место уделено буддизму. Это лишь слабое отражение общей тенденции интереса к русской религиозной философии, которая была существенной частью дореволюционной культуры. Было переиздано множество произведений авторов, казалось бы, давно забытых: С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Вл. Соловьёва и др.

Официальный атеизм советской эпохи сменился противоположными тенденциями, среди которых можно выделить следующие черты современного религиозного «ренессанса»:

1) постепенное уменьшение религиозного плюрализма в пользу нескольких традиционных конфессий;
2) тесная связь с дореволюционной религиозной традицией;
3) попытки религиозных организаций проникнуть в светские институты, придать теологии научный статус;
4) критически-реваншистское отношение к советской культуре.

Рассмотрим отмеченные тенденции. Лозунг «Россия – православная страна» все

чаще звучит в пропаганде, несмотря на неопределенные данные социологических исследований, которые говорят, что лишь небольшой процент верующих действительно посещает церкви и соблюдает религиозные правила. Характерная для перестройки религиозная свобода сменилась настороженным отношением к религиозным новообразованиям (сектам, деноминациям) и усиленной пропагандой традиционных конфессий. Так, если в начале 90-х гг. в России появились десятки новых религий (такие как «белые братья», сайентологи, мормоны и др.), то сейчас их присутствие стремительно сокращается. Число католиков, буддистов, тенгрианцев, индуистов, протестантов даже вместе составляет не более 2–3 % (данные Левада-Центра, 2012 г.).

В то же время проявления религиозности часто становятся более явными, декларативными; например, многие политические деятели, представители поп-культуры позиционируют себя верующими. Впрочем, соблюдение религиозных правил, запретов, этических установок и обрядов, как показывает опрос ВЦИОМ, даже уменьшается. Так, в 2010 г. 28 % респондентов исполняли обряды от случая к случаю (в 2006 – 24 %), только по праздникам – 27 % (против 26 % в 2006). Сохраняется и традиционное российское смешение многобожия, язычества с христианскими идеями; языческие праздники (например Масленица) уживаются с христианскими.

Говоря об интересе к дореволюционной религиозной традиции, мы имеем ввиду не только чисто церковные каноны, обряды, но и обращение к религиозно-мистической философии, особенно популярной в России конца XIX – начала XX вв. Понятие «русский религиозный “ренессанс”» объединяет творческий подъем в литературе, философии, искусстве. Хотя Н. Бердяев считал, что этот «ренессанс» не был в полном смысле религиозным, скорее мистическим, это было «религиозное беспокойство и религиозное искание» [3], поиск эсхатологической перспективы, однако название закрепилось именно такое. Бердяев среди источников «ренессанса» выделил марксизм, литературу и поэзию конца XIX – начала XX вв. (символизм, космизм), хотя имело значение и влияние нравственных и историко-философских идей Л. Толстого, Ф. Достоевского. В. А. Кувакин в книге «Религиозная философия в России: начало XX века» говорит о «богоискательстве», «веховстве», «новом религиозном сознании» [4]. Истоки этого явления ищутся в религиозно-мистической философии Вл. Соловьёва.

Рационалистический стиль мышления, характерный для русских марксистов, позитивистов, здесь третируется, и происходит переход к мышлению религиозно окрашенному, ориентированному на раскрытие взаимоотношений между Богом и его творением, тему России и «русской идеи». Эти же тенденции мы можем наблюдать и сейчас, ведь есть существенное сходство нынешней ситуации с религиозным «ренессансом» начала XX в. Очень модна стала тема особой роли России, переиздаются труды о «русской идее» (И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, Вл. Соловьёв, Ф. М. Достоевский и др.). Особенно актуально это становится на фоне очередного витка противостояния с западными странами, сирийского кризиса. Официальная идеология настойчиво ищет цивилизационные основания России в религиозности, приверженности традиционным семейным ценностям, особой геополитической роли России и т. д.

Идея ввести теологию (богословие) в светское образование – часть многочисленных попыток религиозных организаций проникнуть в светские институты власти и общества. Она начала звучать еще в 2000-х гг. Был принят государственный образовательный стандарт по теологии. Однако научной специальности и степени по теологии введено не было. Теперь это положение пытаются исправить. Так, в недавней статье в журнале «Вопросы философии» православный богослов К. М. Антонов обосновывает научный статус теологии. Он заявляет, что «на Западе теология изначально и прочно входит в состав универсума наук, занимая вполне определенное место в структуре университетского образования и системы научных специальностей» [5]. Поэтому и в России, по его мнению, теологии нужно подобное положение.

Впрочем, по американской системе научных специальностей теология относится к разделу Humanities and Arts, что означает, конечно, не то, что искусство и гуманитарные дисциплины из этого раздела являются науками, а лишь академический их статус. Академический же статус не означает признания научности. Докторские степени в США присуждаются не только по философии и теологии, но и по искусствоведению, дизайну, музыке, социальной работе и т. д., что не означает их научного статуса, а лишь то, что по этим направлениям идет подготовка специалистов.

Кроме того, западная теология – светская академическая дисциплина, не связанная с конкретными религиозными организациями (наподобие российского религиоведения). Кембриджский университет на факультете теологии готовит вовсе не богословов, а специалистов в области теологии и религиоведения (TRS), которые должны работать в банках, на государственной службе, в правовой сфере, журналистике, но не в церковной иерархии. Цель обучения – специалист по религиозным делам, а не богослов. В Германии

шире распространены теологические факультеты именно религиозной ориентации, но там не приходит в голову выдавать такие факультеты за светские, внеконфессиональные и научные. Конфессия – протестант или католик – заявляется открыто в названии специальности. В Англии теология часто преподается без связи с конкретной церковью, как учение о Боге вообще, общих моментах разных религий (университеты Эксетера, Лидса, Абердина и др.). Один из старейших факультетов теологии Оксфордского университета включает в себя центры как религиоведческого, так и христианского, исламского, иудаистского толка (например, центр по истории Библии, центр по ивриту и иудаистике, центр исламских исследований, центр по изучению буддизма).

На сайте факультета теологии в Лидсе абитуриентов предупреждают, что они не должны быть религиозными, чтобы учиться там. Богословие и религия рассматриваются как одни из самых сложных и захватывающих областей научного исследования. В российской же версии теология хочет успеть за обоими зайцами – и вести конфессиональное преподавание и исследования, и быть академической дисциплиной. Так, пытаясь доказать, что теология более глубоко понимает нормы церковной жизни, К. М. Антонов говорит о том, что она представляет изнутри саморефлексию этого конкретного сообщества, в горизонте истории конкретной церкви, а не истории религии вообще. Теология, утверждает автор, «стремится описать религиозный опыт, присущий некоторому сообществу, как бы изнутри, представляет собой саморефлексию этого сообщества» [6], а религиоведение описывает его извне. Автор пытается доказать, что теология выявляет нормы церковной жизни изнутри, но при этом беспристрастно и внеконфессионально. Впрочем, многие богословы не согласны с этой позицией и считают, что теология выше всяких наук, и поэтому не должна претендовать на статус науки.

Школьное образование впервые за многие десятилетия подверглось религиозному влиянию. С одной стороны, для школ подготовлены религиозные учебники, например учебник по биологии С. Ю. Вертьянова (10–11 класс). С другой стороны, с 1 апреля 2010 г. Министерство образования и науки Российской Федерации включило в школьную программу предмет «Основы религиозных культур и светской этики». Можно выбирать несколько вариантов – православие, ислам, буддизм, иудаизм, а также «Основы мировых религиозных культур» и «Основы светской этики». На практике многие школы массово стали выбирать последний предмет, а если и выбирается какая-то религия, то священнослужителей не приглашают, а отдают чтение курса своим учителям, что, фактически, сводит на нет идеологическую подоплеку предмета.

В октябре 2012 г. было заявлено о создании в Московском инженерно-физическом институте кафедры богословия (теологии). Обучение предполагалось факультативным, однако затем учебные курсы кафедры стали появляться в учебных планах. Это решение вызвало многочисленные споры и конфликт научного и религиозного сообществ.

Все перечисленное дает повод для разговоров о наблюдающейся тенденции клерикализации российского общества и государственных институтов. Клерикализация означает усиление роли церкви в области светской власти, политики, насаждение религиозных стандартов поведения, морали. Еще в августе 2007 г. резонанс в обществе и СМИ вызвало так называемое «письмо академиков». Десять академиков РАН, в том числе два нобелевских лауреата В. Л. Гинзбург и Ж. И. Алфёров, обратились с открытым письмом к президенту страны, в котором выразили серьезное беспокойство в связи с возрастающей клерикализацией российского общества. Говорилось в письме и об активном проникновении церкви во все сферы общественной жизни, в том числе в систему государственного образования [7]. С тех пор эта тема неоднократно поднимается в прессе, заявлениях академиков РАН и самой академии, комиссии РАН по борьбе с лженаукой.

Это письмо было вызвано активным проникновением церковных организаций в армию, науку, образование. В штатном расписании российских Вооруженных сил появилась новая должность – военный священник (капеллан), а Русская православная церковь начала подготовку священнослужителей на эту должность. Ряд министерств, ведомств, государственных учреждений имеет свои религиозные храмы, а 7 января (православное Рождество) – официальный нерабочий праздничный день в России.

Показательны и требования особенным образом законодательно защитить чувства верующих. Трудно будет понять, как же определить то, что оскорбляет чувства верующих, ведь многие из них считают неприемлемыми для себя научные теории (например, теорию эволюции или Большого взрыва). Кроме того, юридически крайне сомнительно выделение среди равноправных граждан отдельной категории, чувства которых должны учитываться более, чем чувства других; это означает дискриминацию остальных граждан. Поэтому правоприменительная практика этого закона имеет туманные перспективы.

Подводя итоги анализу, отметим, что современный религиозный ренессанс имеет ярко выраженный характер, распространяется в са-

мых разных сферах общества. Он связан с дореволюционной религиозно-мистической идеологией, философией, литературой, имеет с ней сходные «сквозные» темы (например, тему «русской идеи»). Религиозные организации и их идейные лидеры, по всей видимости, сами не определились еще, какое именно положение они хотят занимать в обществе, и идет напряженный, подчас конфликтный процесс поиска этого места в обществе. С этим связан и резко критический пафос по отношению к советской культуре и атеистической российской традиции, что со временем, скорее всего, изменится. Ведь «и Ренессансная, и Советская культура несли в себе достаточно мощный потенциал общественного развития, ибо были связаны идеей нового Человека. Это подтверждает то, что и культура Ренессанса, и Советская культура несли в себе принцип не только критического, но и самокритического отношения, и в первую очередь к системе» [8]. Для советской культуры, настойчивая ностальгия по которой не менее ощутима в обществе, чем возрождение религии, характерны научно-техническая революция, тесная связь науки и просвещения, культурный подъем, целостность, особое мироощущение. Думается, что без синтеза советской и дореволюционной традиции невозможно построить нечто новое и жизнеспособное.

1. Бог как иллюзия / пер. с англ. Н. Смелковой. СПб. : Азбука, 2013. С. 41.
2. Историко-философский ежегодник'87. М. : Наука, 1987.
3. *Бердяев Н. А.* О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990. С. 265–267.
4. *Кувакин В. А.* Религиозная философия в России: начало XX века. М., 1980. С. 41.
5. *Антонов К. М.* Теология как научная специальность // Вопр. философии. 2012. № 6. С. 73–74.
6. Там же. С. 77.
7. Первая публикация письма академиков // Новая газ. 22.07.2007. URL : http://www.novayagazeta.ru/data/2007/kentavr03/00.html.
8. *Булавка Л. А.* Ренессанс и Советская культура // Вопр. философии. 2006. № 12. С. 47.

Religious Renaissance in Post-Soviet Russia

A. M. Konopkin, M. M. Mediev

The article is devoted to defining the contemporary religious revival, its characteristics, such as the connection with the Russian religious Renaissance of the early twentieth century. The penetration of the church in various social institutions is discussed.

Keywords: religion, clericalization, atheism, theology, Russian religious renaissance.

О месте и роли философии в современном мире: по итогам работы XXIII Всемирного конгресса философии (Греция, Афины, 4–10 августа 2013 г.)

А. П. Мальцева

Автор анализирует содержание и итоги работы Всемирного философского конгресса (далее – Конгресса), который проходил в Афинах с 4 по 10 августа 2013 г.

Ключевые слова: Всемирный философский конгресс, философия как познание, философия как образ жизни, Афины, 04–10 августа 2013.

Всемирные конгрессы философов проводятся раз в пять лет, начиная с 1900 г. (исключение составили пропуски в связи с двумя мировыми войнами и некоторыми другими событиями). Конгресс 2013 г. собрал наибольшее число участников – более 2,5 тыс. человек, на нем были представлены почти все страны мира и все философские направления, течения и школы современности. В ходе работы Конгресса состоялись десятки пленарных заседаний, субсидированных лекций, симпозиумов, «круглых столов», заседаний авторитетных сообществ. Тысячи участников представили свои доклады на сотнях сессий специализированных тем, просмотрели бессчетное количество сессионных постеров, участвовали в работе множества выставок. В течение семи дней восьмиэтажное здание «Школы Философии» Национального университета было заполнено до отказа с раннего утра до глубокого вечера. И каждая минута, каждый метр площади служили одной цели – как можно полнее представить позиции мыслителей, принадлежащих к миру современной философии.

В данной статье представлен обзор и проанализированы итоги работы XXIII Всемирного философского конгресса в Афинах «Философия как познание и образ жизни». Личное участие автора статьи в работе Конгресса [1], программа Конгресса [2] и опубликованные тезисы выступлений философов [3] послужили основанием излагаемых здесь наблюдений и выводов.

1. Цель и задачи Конгресса. Как следует из обращения к участникам XXIII Всемирного философского конгресса его президента, доктора У. Л. МакБрайда, организаторам хотелось, чтобы Афины явили миру примеры вежливости и взаимоуважения, дефицитные в современном мире. Тема Конгресса – «Философия как познание и образ жизни» – послужила праздничным поводом для знакомства с наиболее выдающимися и плодотворными достижениями человеческой мысли, она собрала людей, согретых, как писал платоновский Сократ, «лучами блага». Наибольшим благом Всемирного философского конгресса явилось, по мнению председателя, «окно, открытое в целый мир мысли», мир, совмещающий различные культурные подходы к его пониманию и порождающий особое чувство общности, глобальное понятие «мы». Значимость Конгресса определяется не только создаваемым философией *утешением*, как чем-то направленным «внутрь», но и той «внешней» практической пользой, которую может принести философия конкретным людям, находящимся под давлением совершенно определенных могущественных сил и вынужденных решать реальные жизненные задачи. Основной надеждой президента явилось «воссоздание в ходе работы конгресса веры в философию как в наставницу жизни» [2, p. 4].

Президент Греческого организационного комитета доктор К. Будурис подчеркнул практическую ориентацию Конгресса, проходящего в мире, «отягощенном технологическим прогрессом и экономической напряженностью». По его мнению, Конгресс предоставляет возможность философам всего мира «в атмосфере дружбы, духа состязания, но и с чувством смирения, совместно разделить живое участие в поиске, философских и диалектических исследованиях», «лучше узнать друг друга», «установить пути открытого общения». К. Будурис отметил, что перед участниками Конгресса поставлена задача «сформулировать плодотворные и позитивные мысли о состоянии дел нашей Эйкумены», найти пути и способы достижения «согласия между верованиями, теориями, концепциями и тем образом жизни, которому мы должны следовать, как существа с повышенным чувством моральной ответственности по отношению к нашим ближним и всем другим существам природы». Мыслителям, приехавшим из всех уголков мира, предложено «задуматься над сократовским вопросом – «Как следует жить?», посмотреть на различные способы и образы жизни всех народов Земли, подойти к философии как к искусству жизни, поразмышлять об ответственной роли и твердой позиции философа по отношению к нынешним и будущим проблемам сложных

современных ситуаций, которые будут возникать в результате перераспределения экономических, социальных и других сил глобализированного гражданского общества» [2, p. 5].

2. Направления, течения и школы современной философии и наиболее интересные темы и идеи секций Конгресса.

Темы пленарных заседаний были весьма многообразны и пестры по тематике. Вот некоторые из тех заседаний, в которых могли принять участие гости Конгресса: Философия как образ жизни; Философия и наука; Философия и религии; О пользе скептицизма; Методологический базис современных археологических исследований; Феминистская феноменология и феномен уязвимости; Репродуктивные технологии и женское тело; Боль как укрепляющая справедливость; Юмор как философский образ жизни; Эстетическое и комическое; Философия истории философии; Будущее марксизма; Идентичность и модернизация в исламе; Женщины-философы и их роль в развитии философской мысли; От гуманизма к мета-, пост-, трансгуманизму; Феномен дружбы и гражданское общество; Транскультурный потенциал китайской философии; Перспективы мудрости в технологической эпохе; Культура поверхностная и культура глубокая; Прагматистская теория демократии в контексте современной политической теории; Образ жизни: соревнование, кооперация и искусство оппонирования; К интегративной теории ценности и разума; Греческий след в «философии завтра» Эдуардо Николя (Eduardo Nicol); Капитализм, рыночный социализм или командная экономика; Западная и восточная философия о глобальном феминизме; Иоанна Кусуради (Ioanna Kucuradi) о достижениях эпохи; Дж. А. Коген (G.A. Cohen) о марксизме, социализме и социальной справедливости; Скептицизм и эпистемическая циркулярность; Этика жизни [2].

На конференции работали многочисленные секции, некоторым участникам которых удалось предложить своим коллегам оригинальные идеи для обсуждения:

1. *Философская антропология* (Философия человеческого молчания; О возможности философской кибер-антропологии).
2. *Философия для детей* (О важности слушать философию, исходящую от детей; Инструменты диалогичного познания: теория, исследование, оформление в начальной школе).
3. *Античная греческая философия – классическая греческая философия* (Философия как энергия; Можно ли считать Сократа феминистом; Бытие вне и отдельно; Генеалогия счастья: Солон и Сократ; Философия как способ умирания).
4. *Политическая философия* (Биополитика и права человека: анализ гуманитарной помощи; Индивидуализм выживания как отрицательное последствие коммунистического тоталитаризма; Пределы религиозной толерантности в демократических политических системах; Радикальная европейская политика или новый колониализм; Временная приватность; Философия неясного: боль, ненависть, одухотворенность; Рассуждая о будущем без атомной энергетики; Воспринимая религиозные голоса в публичной сфере серьезно; Европа: действительно ли референдум – против легализма; Совещательная демократия; Гражданское общество: после национального государства.
5. *История философии* (Влияние феномена войны на философию).
6. *Философия развития* (Афро-конструктивистская теория развития; Что мешает развитию современного человека).
7. *Этика* (Этика на пути от философии ценностей к ценностному менеджменту; Производство человеческого достоинства как идеальная норма обучения; О необходимости перехода от абстрактных ценностей к ценностям практическим; Моральная практика в никчемном (ничтожном) мире; Частная жизнь как этическая ценность; Концепция индивидуально-коммунитарных ценностей; Толерантность к нетолерантности; Необходимость моральной тренировки сегодня; Человек между разумом и наклонностью; Права животных: Аргументы в защиту вегетарианства; Геоэтика: природа и принципы; Города развивающего обучения и образовательные сообщества; Гендерная справедливость; Философия и этика после Фукусимы; Старение и ответственность в последних прижизненных решениях; Концепции старения в дебатах об антивозрастной медицине; Историческая религиозная индифферентность и ее связь с современной апатией; Мы есть то, что мы покупаем: к этике потребления).
8. *Феноменология* (Феноменология мусора).
9. *Философия образования.*
10. *Эстетика и философия искусства* (Манифестация реализованной и нереализованной сущности: красота и уродство; Граффити: искусство идентичности и его критика; Еда и философия в эстетике Джозе Васконселоса (Jose Vasconcelos); Искусство как образ жизни, жизнь как искусственный образ; Эстетика как привилегированный путь к познанию реальности).
11. *Философия глобализации* (Д. Миллер о нашей ответственности за глобальную бедность; Социальная роль религий и глобальная справедливость; Будущее капитализма: транснациональное государство или транс-

национальная система; Глобальная миграция – путь к глобальному гражданству или к правам резидентов; Глобализация как мегатренд; Действительно ли поиск Африкой своего места в современном мире – нонсенс; Уместность М. Ганди в контексте глобализации).

12. *Философия права* (Проблема увеличения ответственности; Этический индивидуализм Р. Дворкина; Философия права и мир труда; О совместимости исламского права и права универсального).
13. *Онтология* (Онтология становления (онтокинетика); Аффективные реакции на прожитую жизнь; Современная онтология хаоса; Базовые принципы ситуативности бытия; К вопросу о равенстве физического и социального времени; Бытие прошлого).
14. *Биоэтика* (Концепции персональной ответственности в современной и будущей биоэтике; Человеческое достоинство и репродуктивные технологии; Понятие минимального согласия в эвтаназии; Справедливость между возрастными группами; Россия: десекуляризация как модель выхода из цивилизационного кризиса; Этика заботы; Этические вопросы Биобанка Китая; Философия радости).
15. *Теории познания и эпистемология* (Опытный разум: после критического/аналитического/дискурсивного разума).
16. *Философия экономики* (Продуктивный и непродуктивный труд, полезная и бесполезная работа).
17. *Этика бизнеса* (Хозяйственный этос как социокультурный феномен; Неоменеджмент и новая парадигма неэгоистической организации бизнеса).
18. *Философия языка* (Лингвистическая диспозиция королевы и королевское отношение к языку; Л. Витгенштейн как самая важная философская фигура на стыке логицизма и функционализма).
19. *Философия математики* (Социальные аспекты процедуры доказательства).
20. *Философия и литература* (Философия и литература, соревнующиеся в отражении оттенков безумия).
21. *Медицинская этика* (Философия риска).
22. *Философия коммуникации, информации, медийности* (Теория прорыва).
23. *Философия действия* (О возможности действовать в отсутствии желания).
24. *Философия культуры* (Философия прогулки; Культура согласия и культура несогласия).
25. *Философия сознания* (Эмпатия, чтение чужих мыслей и разница между тобой и мной) [2, 3].

Некоторые выводы. Знакомство с темами пленарных заседаний Конгресса показывает, что классические философские проблемы соседствуют со злободневными темами и совершенно оригинальными идеями; собственно философский контекст сочетается с контекстом социологическим, политологическим, экономическим и культурологическим; интерес к разного рода феноменам переплетается с интересом к историческим личностям и ныне живущим выдающимся людям (заявленная на 7 августа лекция знаменитого писателя и философа Умберто Эко [2, p. 68] собрала рекордное количество слушателей). Считаем, что такое разнообразие новых тем, неожиданных подходов к пониманию современного человека, непривычных решений поставленных ранее проблем и сделало Всемирный философский конгресс 2013 г. в Афинах событием ярким, живым и интересным.

Анализ работы секций Конгресса показывает, что наибольшее количество докладов на Конгрессе подготовили этики, что и понятно: философия по самой своей сути обязана говорить не о том, каков мир *есть* на самом деле, но о том, каким мир в идеале быть *должен*. Важно отметить, что современные этики не только откликаются на трагические события недавнего прошлого (землетрясение в Японии), но и продолжают искать решения древнейших философских проблем (эвтаназия), не проходят мимо вызовов современности (миграция, клонирование), но по-прежнему главным объектом своих изысканий считают человека, его поиски справедливой жизни и счастья.

Наибольшее количество россиян приняло участие в работе направления «Философия образования». К сожалению, знакомство с темами и тезисами заявленных выступлений не позволяет говорить о новизне и оригинальности идей, представленных нашими философами образования на суд международной общественности. Слишком очевидное несоответствие между масштабом и глубиной реформирования образования в нашей стране и «застоем» в умах теоретиков может (и, вероятно, должно) стать особым предметом размышлений российских философов.

Между континентальной европейской философией и философией англо-американской по-прежнему пролегает пропасть, становящаяся лишь глубже при встречах и обсуждении докладов их представителей на секциях. Например, тексты французских философов все более становятся похожи на тексты художественные, авторы все больше нацелены удивлять и даже смешить, чем направлять на путь истинный [4]. Напротив, тексты канадских, североамериканских, британских, австралийских философов содержат, как правило, материалы, никаким образом не относящиеся к живому, реальному современному человеку. Ориента-

ция на науку и прагматическая направленность исследований все больше превращает англо-американскую философию в раздел нейрофизиологии, кибернетики или физики [5].

На Конгрессе были представлены все без исключения философские общества, объединения, союзы и организации:

- Международная ассоциация ясперских обществ;
- Афро-Азиатская философская ассоциация (AAPA);
- Международное общество изучения ценностей (ISVI);
- Американское общество углубленных философских исследований;
- Международное общество изучения полемик (IASC);
- Иберо-Американское общество неоплатонических исследований;
- Шанхайская академия социальных наук;
- Международное сообщество философии спорта (изучаются проблемы соотношения этики, атлетики и эстетики; феномен и процесс, ценность и смысл победы);
- Международная ассоциация греческой философии (IAGP);
- Международное общество буддийской философии;
- Международное общество универсального диалога (ISUD);
- Ассоциация радикальной философии (RPA) (исследуются феномены либерального империализма, разрабатывается теория войны);
- Немецкая философская ассоциация;
- Ницшеанское общество;
- Всемирный феноменологический институт углубленных феноменологических исследований и обучения;
- Международный институт философии;
- Институт философии РАН и др. [2].

Возникает вопрос: есть ли смысл в проведении столь многочисленных конференций? Многие считают, что нет (например, в одно время с Конгрессом в Афинах состоялась конференция по философии науки в Великобритании, куда отправились те из крупных российских философов, кто предпочел «широте» «глубину»).

Мы убеждены, что всемирные конгрессы – это особая форма коллективного творчества, которая отнюдь не изжила себя. При этом нужно понимать, что успех столь многочисленных собраний зависит не только от организаторов, но и от ответственного отношения участников к своим докладам, к работе на секциях. Участие в работе любой конференции – прослушивание многочасовых лекций, формулировка вопросов докладчикам, защита собственного видения обсуждаемых проблем – это большой труд, сопряженный не только с радостью от новых открытий, но и с огорчениями при встрече с аргументированной критикой, заставляющей пересмотреть свою позицию, усилить доказательную базу, а порой и отказаться от некоторых своих гипотез.

Проанализировав организацию, ход и материалы Всемирного философского конгресса в Афинах (август 2013 г.), мы пришли к выводу, что столь представительное собрание позволило участникам на собственном опыте убедиться в огромном авторитете философии в мире, в широчайшей распространенности любви к мудрости, в исключительном многообразии человеческой мысли, что, конечно же, благоприятно скажется прежде всего на самоощущениях философов, живущих в эпоху, полную сомнений в человеческой морали, человеческом разуме, да и в самом человеке. Конгресс обновил и укрепил сознание коллективной идентичности, способствовал возвращению участникам утраченного чувства гордости за принадлежность к философскому сообществу, вселил надежду на новые прорывные открытия в человеческом самопознании.

1. *Maltseva A.* New philosophical theory of desire // XXIII World Congress of Philosophy “Philosophy as Inquiry and Way of Life”. Athens 4–10 August 2013. Athens : University of Athens, School of Philosophy Press, 2013. P. 429.
2. XXIII World Congress of Philosophy “Philosophy as Inquiry and Way of Life” : Programme; Athens 04–10 August 2013. Athens : University of Athens, School of Philosophy Press. 2013.
3. XXIII World Congress of Philosophy “Philosophy as Inquiry and Way of Life”. Athens 04–10 August 2013. Athens : University of Athens, School of Philosophy Press, 2013.
4. Institut International de Philosophie: General Assembly XXIII World Congress of Philosophy “Philosophy as Inquiry and Way of Life” : Programme; Athens 04–10 August 2013. Athens : Univer-sity of Athens, School of Philosophy Press, 2013. P. 83–84.
5. *Mendelovici A.* Intentionalism about moods // XXIII World Congress of Philosophy “Philosophy as Inquiry and Way of Life”; Athens 04–10 August 2013. Athens : University of Athens, School of Philosophy Press, 2013. P. 429.

Some Words about the Role Of Philosophy in Modern World: Based on the Work of XXIII World Conference of Philosophy (Greece, Athens, 04–10 August 2013)

A. P. Maltseva

The author of the article analyses the content and results of the work of the XXIII World Congress of Philosophy “Philosophy as Inquiry and Way of Life” (Athens 04–10 August 2013, University of Athens, School of Philosophy Press).

Keywords: World Congress of Philosophy, philosophy as inquiry, philosophy as way of life, Athens, 04–10 August 2013.

Научная рефлексия как объект исследования отечественных эпистемологов

С. Е. Марасова

В статье анализируются подходы к исследованию феномена научной рефлексии в отечественной эпистемологии. Выявляются основные тенденции в эпистемологии и то место, которое занимает проблема рефлексии.

Ключевые слова: научная рефлексия, самоанализ науки, регулятивы функционирования науки, эпистемология, методология науки, механизмы развития научного знания.

Рефлексия (от лат. reflexio – «обращение назад») – это способность человеческого мышления к критическому самоанализу, форма теоретической деятельности, направленная на осмысление собственных действий, деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека.

Выделяется несколько видов рефлексии:

1. Элементарная рефлексия, характеризующаяся направленностью на осмысление собственных знаний и деятельности, ее границ и значения.
2. Научная рефлексия – критический анализ научного знания, методов его получения и обоснования, а также процессов развития и функционирования.
3. Философская рефлексия – осознание и осмысление предельных оснований бытия и мышления, предметного мира культуры [13].

Интерес к проблеме рефлексии как необходимому компоненту и регулятиву деятельности ученых, к исследованию механизмов ее функционирования и специфики возникает в среде отечественных эпистемологов на рубеже 1960–1970-х гг. XX в.

Основой внимания к данной проблематике являются возрастающая роль самосознания, самоанализа науки, сознательное представление о характере и специфике процесса научно-исследовательской деятельности, нормах и критериях оценки действий по формированию научного знания.

Рефлексия в этом понимании представляет собой особый «контрольный механизм», выполняющий функции координации и организации научного знания и главным образом позволяющий осуществлять контроль над функционированием самого познавательного процесса – его направлением, логикой развития, формами и методами. Развитая рефлексивная составляющая есть необходимое условие достижения высокого уровня развития, самостоятельности и успешности отдельных научных дисциплин, а также науки в целом.

С точки зрения функционального приложения, рефлексия в науке может выполнять двоякую роль. С одной стороны, она выполняет регулирующую и упорядочивающую функции по отношению к научно-исследовательской деятельности в периоды нормального развития науки. С другой стороны, в периоды коренных сдвигов в науке научная рефлексия акцентирует внимание на ситуации парадигмального кризиса, в котором оказывается наука, на его анализе, способствует выработке путей его преодоления и тем самым открывает перед наукой новые горизонты.

Поэтому представляется актуальным проанализировать сущность рассматриваемого феномена, его структурную специфику и механизм функционирования.

Многообразие исследований по этой проблеме обусловило появление множества различных подходов к пониманию природы научной рефлексии, ее типологизации, места и функций в структуре научного исследования и т. д.

Ключевая роль рефлексии в развитии науки, основывающемся на постоянном взаимодействии рефлектируемого и нерефлектируемого слоев знания, подчеркивается *В. А. Лекторским*. Научная рефлексия, по его мнению, представляет собой один из ведущих регулятивов функционирования науки, акцентирующий внимание на ее фундаментальных основаниях и, в случае их обнаруживаемой несостоятельности, приводящий к реорганизации системы научного знания на новых основаниях: «Теоретическая рефлексия над системой знания предполагает его расчленение, уточнение, а в некоторых случаях отказ от неявно принимаемых предпосылок (подобный характер имеет процедура обоснования в математике и в ряде др. наук). То, что раньше казалось ясным, непосредственно очевидным и понятным, в результате рефлексии оказывается достаточно сложным и нередко проблематичным» [6, с. 261].

Научное познание предстает как форма взаимодействия рефлектируемого и нереф-

лектируемого знания. Каждый акт самоанализа предполагает наличие некоего смыслового фона, принятие некоторого другого знания в качестве нерефлектируемого в данном контексте средства анализа – парадигмальных предпосылок, норм и стандартов рассуждений и т. п., т. е. «рамку смысловых связей», предстающую в данном контексте в качестве неявного знания [6, с. 259]. При этом само неявное знание также может впоследствии становиться предметом анализа, превращаясь в явное, что, в свою очередь, предполагает появление нового нерефлектируемого основания. Таким образом, результатом рефлексии становятся выход за пределы наличной концептуальной системы и порождение нового знания, как явного, так и неявного, ввиду чего рефлексия получает статус одного из ведущих механизмов роста научного знания.

М. А. Розов делает акцент на том, что анализ науки может осуществляться с трех позиций: ученого, методолога и гносеолога. Собственно научная рефлексия представляет собой осознание самим ученым проводимого им научного исследования, «самонаблюдение», формирование представлений об объекте и задачах исследования в целях его организации и управления им. В этом случае рефлексия понимается как «разработка методов оперирования конкретными объектами, методов решения конкретных задач, связанных с производством или потреблением этих объектов» [10, с. 107–108]. От научной рефлексии отличается методология науки как особая инженерная деятельность по формированию новых нормативов научного исследования. Гносеологическое исследование науки представляет собой особую надрефлексивную позицию, с которой наука рассматривается в единстве ее предметного и рефлексивного уровней. В отличие от методолога, который является активным участником современных ему событий в развитии науки, претендующим на ее перестройку, «гносеолог – это, скорее, историк, желающий выяснить закономерности формирования и развития научного познания». Соответственно, гносеология рассматривается Розовым как «теоретическая история науки».

Придерживаясь взгляда, что рефлексивная картина науки, конституируемая самими субъектами научной деятельности – отдельными учеными и коллективами, – отлична от картины науки, построенной в рамках гносеологии, *Л. С. Сычёва* указывает на принципиальную разницу целей и предметов рассматриваемых уровней анализа науки.

Собственно научная рефлексия характеризуется как процесс, деятельность, в рамках которой «ученый смотрит на свою науку как бы со стороны» [12, с. 122]. К сфере рефлексии относятся обсуждение и решение проблем предмета конкретных наук, которые могут осуществляться двумя путями: анализом внутренней структуры науки – обоснованием ее объекта, методов, продуктов либо путем выяснения ее места в системе наук посредством анализа специфических задач и функций. Специфика данного вида деятельности ученого, отличающая ее от непосредственной научно-исследовательской деятельности, проявляется и на уровне методологической основы: здесь ученый «уже не может воспользоваться теми средствами, с помощью которых он обычно работает, ибо у него при этом совсем другой объект исследования – сама наука, специфика ее познавательной деятельности», но в его арсенале оказывается «весь набор философских категорий, концепции науки, разработанные гносеологией, а также представления из общей и частной методологии науки» [12, с. 122] .

Данный уровень рефлексии оказывается необходимым, поскольку способствует решению значимых для науки задач: организации и формирования возникающих научных дисциплин, систематизации и дифференциации научных дисциплин, обучения и формирования учебных предметов и т. д.

Задача гносеолога в процессе анализа науки принципиально иная: он должен «объяснить рефлексивную картину, а также выявить роль рефлексии в функционировании науки, в частности, роль представлений о предмете науки в ее развитии» [12, с. 127]. Для этого исследователь должен занять особую надрефлексивную позицию, т. е. отказаться от использования языка рефлексии при описании познания, что означает «требование коренного пересмотра почти всей системы терминов и понятий, которыми она до сих пор пользовалась, ибо большинство этих понятий, такие как абстракция, моделирование, эксперимент, обобщение и т. п., формировалось именно в ходе рефлексивного осознания исследователем своей работы, т. е. представляет собой элементы той или иной рефлексивной картины познания, характерной для определенного этапа ее развития» [12, с. 126]. Таким образом, гносеолог вырабатывает особую, гносеологическую картину познания, в которой рефлексия выполняет специфическую роль «источника эмпирического материала для гносеологии» [12, с. 127]. Результат рефлексии рассматривается как объект исследования гносеолога, который на материале критического анализа этого результата в сопоставлении с объективными факторами делает вывод о механизмах и закономерностях развития науки.

Содержательный подход к анализу рефлексии как необходимой конструктивной составляющей науки на современном этапе ее

развития предполагает экспликацию ее объектов, осуществляемую с учетом специфики структуры исследовательской деятельности. Многоуровневость структуры научного исследования обусловливает разнообразие типов и уровней самой рефлексии, каждый из которых концентрируется на решении специфических задач. Поэтому анализ феномена рефлексии в науке ставит своей целью разработку классификации и систематизации ее основных форм.

Так, *В. Н. Борисов* разрабатывает классификацию форм научной рефлексии на основании их места в научном познании и выполняемых в нем функций. Прежде всего он выделяет внутреннюю и внешнюю рефлексию: первая включена в конкретный познавательный процесс и систему знания, а вторая представляет собой осознание научного познания и его результатов как бы со стороны, хотя и в рамках науки в целом.

В качестве внешних форм рефлексии может рассматриваться теория познания, логика, общая методология, психология научного творчества, науковедение, историко-научные исследования, а также разнообразные методологические и методические разделы специальных наук. В их рамках происходит исследование самого научного познания в том или ином отношении, выработка средств познавательной деятельности. Но сами они не включаются ни в одну конкретную науку и осуществляемый в ее рамках познавательный процесс.

Внутренняя рефлексия – рефлексия, функционирующая в самих познавательных процессах. Она выступает проявлением осознанного целенаправленного характера научного познания, представленного как «решение познавательных задач с помощью определенных средств и действий субъекта» [4, с. 10]. Соответственно, предшествующим исследовательскому процессу становится так называемый «протопредметный уровень» познания – особый тип внутренней рефлексии, включающий предварительную постановку задачи, определение условий и средств ее решения, установление критериев оценки получаемых результатов, выработку программы решения как определенной последовательности применения средств и действий. Таким образом, на протопредметном уровне внутренняя рефлексия выполняет функции планирования, контроля и управления познавательным процессом.

Другим типом внутренней рефлексии выступает метапредметная рефлексия, необходимая для наиболее полного выявления компонентов познавательных процессов и систем знания. Метапредметная рефлексия, в свою очередь, дифференцируется на метатеоретическую, метаэмпирическую и метанаучную.

Метатеоретическая рефлексия представляет собой содержательное описание теории-объекта, выявляющее ее структуру и применяемые в ней средства и методы. При этом метатеория выступает не только средством анализа, но и средством формализации теории-объекта, т. е. только в единстве они образуют систему знания, ввиду чего правомерно считать метатеоретическую рефлексию формой внутренней рефлексии. Метаэмпирическая рефлексия – это анализ того или иного эмпирического исследования и его результатов: «…например, научные эксперименты обязательно оцениваются с точки зрения чистоты, репрезентативности, воспроизводимости и других методологических требований» [4, с. 12]. Можно говорить и о метанаучной рефлексии применительно к той или иной науке в целом, когда решаются проблемы определения ее предмета, основных направлений исследования, разработки новых методов и т. п.

Н. С. Автономова, называя саморефлексивность особым свойством науки, отличающим ее от таких форм сознания, как мораль и религия, определяет ее как сознательный контроль над формами, условиями и основаниями процесса познания. Учитывая предмет рефлексии и степень связи с ним, она выделяет два уровня рефлексии в науке: объектную рефлексию (собственно познание своего предмета ученым) и методологическую рефлексию (размышления ученого о нормах своей деятельности, критериях обоснованности знания и др.).

На уровне методологической рефлексии ученый подходит к постановке вопросов, относящихся к собственно философской гносеологической рефлексии, которая отличается от научной. На уровне философской рефлексии «рефлексия специально-научного знания приобретает подлинную глубину, очищаясь от спорадичности и фрагментарности, а порой – и от слишком жесткой связи с исследуемым предметом, ведущей к абсолютизации его специфики» [1, с. 20].

В. С. Швырёв концентрирует внимание на особой значимости рефлексивных механизмов в науке на современном этапе ее развития, когда рефлексия получает статус необходимого атрибута деятельности по формированию и развитию научного знания. Рефлексивные механизмы, по В. С. Швырёву, – это «представления и понятия о методах научного исследования, формах и структурах знания, операциях и приемах, критериях оценки действий по формированию и развитию знания» [14, с. 26]. Самосознание науки проникает на все уровни научного исследования, ввиду чего представляется обоснованной его дифференциация на различные типы.

Первый уровень методологических средств, использующихся в качестве норма-

тивов формирования научного знания, включает в себя совокупность предписаний и процедур, направленных на получение и обработку исходного знания об исследуемом объекте. «Этот уровень методологического исследования, – отмечает В. С. Швырёв, – выявляет средства наблюдения, экспериментирования, описания, измерения, установления эмпирических количественных и качественных зависимостей и пр.» [14, с. 27].

Второй уровень методологического анализа науки предполагает исследование понятий частных наук и возникающих при их разработке познавательных ситуаций: здесь «…рассматриваются различные операции, направленные на решение частных задач научного исследования, а также использование знаний из других областей науки, общие предпосылки содержательного характера и т. п.» [14, с. 28].

Третий уровень методологического исследования – это анализ общей методологической проблематики отдельных научных дисциплин или их комплексов (математики, физики, биологии и т. п.), объединенных предметной направленностью и стилем мышления.

Далее возможен переход к общенаучному уровню методологического анализа, выражающемуся в:

- исследовании закономерностей научно-познавательной деятельности, характерных для группы дисциплин определенного профиля (например, дисциплин социально-гуманитарного или технического профиля);
- создании подходов и концепций, относящихся к целым комплексам научных дисциплин, объединяемых общностью стоящих перед ними задач, или к научному познанию в целом, взятому в определенном «измерении».

Предметом общей методологии науки также являются:

- вопросы, касающиеся специфики научного знания;
- закономерности научно-познавательной деятельности;
- соотношение эмпирического и теоретического уровней научного исследования;
- структура и функции научной теории и т. д.

Особенностью общенаучного уровня методологического анализа становится представление вышеуказанных элементов в системной форме: он имеет своей целью построение «целостной, синтетической картины научно-познавательной деятельности, в которую были бы вписаны все отдельные элементы и которая давала бы представление о том, как формируется и развивается научное знание» [14, с. 36].

Высшим уровнем анализа науки выступает *философско-гносеологический уровень*, специфика которого заключается в том, что научное познание рассматривается как элемент познавательной деятельности в целом в ее отношении к объективному миру и включенности в практическую деятельность человека.

В. А. Бажанов, отмечая, что понятие рефлексии применяется «для обозначения актов самосознания, самопознания, самоанализа, самооценки того, что можно было бы назвать «мышлением о мышлении», указывает, что научная рефлексия предполагает рассмотрение научного знания и его развития «под особым углом зрения, задаваемым переносом фокуса внимания с объекта исследования на его средства, орудия познавательной деятельности, на активность субъекта познания» [3]. Имея, казалось бы, теоретическое значение, рефлексивные процедуры в науке предполагают и последующую практическую реализацию, выполняя функции обоснования, регулирования, контроля и критической оценки генерируемых научно-теоретическим мышлением концептуальных построений, что обеспечивает эффективную и оперативную регуляцию действия механизмов обогащения и развития научного знания.

Сложность, «многослойность» научного знания влечет за собой и разнообразие типов рефлексии. На основании характера аргументации, применяемой в процессе рефлексивных процедур, и, отчасти, провозглашаемых целей выделяются *следующие уровни научной рефлексии*.

1. Первичной формой самосознания науки выступает *внутритеоретическая* рефлексия, целью которой являются организация и систематизация знания либо оценка результатов исследования с позиций самой рассматриваемой теории без привлечения аргументов за ее пределами.
2. Выход за границы теории, помещение ее в более широкие концептуальные рамки происходит на уровне *метатеоретической* рефлексии, направленной на критический анализ объектной теории, ее структуры, методов построения, границ применимости с метатеоретических позиций, реорганизацию в соответствии с нормами повышенной строгости и доказательности.
3. В условиях роста интегративных тенденций в науке особую роль приобретает *общенаучная* рефлексия, с одной стороны, выполняющая функцию «катализатора интертеоретических обменных взаимодействий», а с другой стороны, заключающаяся в создании концептуальных структур, претендующих на методологическую и теоретико-познавательную универсальность и воспроизводящих знание в более упорядоченном виде.

4. Высшим уровнем рефлексии, традиционно обладающим прерогативой общенаучной и общекультурной рефлексии, является *философско-методологическая* рефлексия, определяющая максимально широкий контекст анализа конкретно-научных результатов, логику развития и нормы деятельности ученого, а также направленная на объяснение и преодоление общих проблем, «трудностей (парадоксов, противоречий), которые имеют ценностно-смысловую и логико-гносеологическую природу» и не могут быть разрешимы и даже поставлены на низших уровнях рефлексии [2, с. 45].

Формальный подход к определению рефлексии в науке предлагает В. Т. Ополев. Указывая на вариативность содержания того, что может входить в сферу рефлексивного осмысления, он рассматривает два подхода к определению, форме фиксации и понимания предмета рефлексии. Первый подход – объектный – так называемый «объектный принцип идентификации рефлексии» – представляет собой определение предмета путем очерчивания границ того фрагмента реальности, который представляет исследовательский интерес [8]. При этом набор перечисляемых реалий может варьироваться, но остается инвариантным сам принцип – указание релевантного объекта или совокупности таковых.

Особенностью определяемой на базе данного подхода научной рефлексии называется то, что ее когнитивная основа оказывается «мозаичной», или полипредметной (ввиду того, что полная, или «совокупная», рефлексия над наукой осуществляется целым комплексом систем дисциплинарно-организованного знания – философией науки, методологией, логикой, психологией научного творчества, социологией науки и т. д., каждая из которых имеет свой предмет, представляющий собой специфический аспект научной деятельности, взаимосвязанный с предметами «родственных» дисциплин, но все же отличный от них).

Более перспективным согласно концепции *В. Т. Ополева* оказывается функциональный подход. Он предполагает не указание на конкретные фрагменты реальности, претендующие на статус объекта исследования рефлексии, а обозначает признак, по которому они могут быть выделены, в данном случае – «отношение влияния на продуктивные характеристики мышления» [8]. Рефлексия понимается как «самосознание, вплетенное в канву продуктивных рассуждений, а шире – вообще любых более или менее целенаправленных движений души» [9]. Особая роль принадлежит методологической рефлексии, которая понимается как процесс, в ходе которого формируются особого типа знания, оказывающиеся «методологически значимыми» для решения специальных научных проблем.

Функциональный подход снимает проблему жесткого определения предметных границ рефлексии, ориентируя ее на постоянное расширение своей предметной сферы, определяя принципиально иное качество исследовательского горизонта, который становится горизонтом в собственном смысле – то, что, с одной стороны, притягивает к себе, с другой – «все время отодвигается, держится на определенном расстоянии». Такой подход, по мнению *В. Т. Ополева*, оказывается наиболее продуктивным: «Именно к такому положению дел необходимо стремиться в определении предмета и задач научного исследования или каких-то других видов интеллектуальной активности, во всех тех случаях, когда мы хотим максимально расширить продуктивные возможности последних» [8].

Таким образом, правомерно понимать под научной рефлексией самосознание, самоанализ науки, выступающий одним из ведущих регулятивов функционирования науки, осуществляющий контроль над действием механизмов обогащения и развития научного знания, играющий первостепенную роль в исследовании оснований, на которых строится научная работа, средств и приемов исследовательской деятельности, что в конечном итоге определяет стратегию развития науки.

Многоуровневость, разветвленность системы научно-исследовательской деятельности детерминирует существование соответствующей системы рефлексивных механизмов, специфических для каждого этапа научного исследования, направленных на решение задач разного уровня сложности и общности. Построение адекватной картины функционирования этих механизмов, их роли в конкретном процессе исследования и в эволюции науки в целом выступает важнейшим фактором прогресса науки в усложняющихся условиях научного поиска.

1. *Автономова Н. С.* Рефлексия в науке и философии // Проблемы рефлексии в научном познании : межвузовский сб. Куйбышев : Куйбышевский гос. ун-т, 1983. С. 19–25.
2. *Бажанов В. А.* Наука как самопознающая система. Казань : Изд-во КГУ, 1991.
3. *Бажанов В. А.* Рефлексия // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М. : «Канон +» : РООИ «Реабилитация», 2009. URL : http://epistemology_of_science.academic.ru/696/рефлексия (дата обращения: 23.09.13).
4. *Борисов В. Н.* Рефлексия в науке: гносеологическая природа, формы, функции // Проблемы

рефлексии в научном познании: межвузовский сб. Куйбышев : Куйбышевский гос. ун-т, 1983. С. 7–13.
5. *Лекторский В. А.* Диалектика рефлективного и нерефлективного в познании // Проблемы рефлексии в научном познании : межвузовский сб. Куйбышев : Куйбышевский гос. ун-т, 1983. С. 5–7.
6. *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. М. : Наука, 1980.
7. *Лекторский В. А., Швырёв В. С.* Методологический анализ науки (Типы и уровни) // Философия. Методология. Наука. М. : Наука, 1972. С. 7–44.
8. *Ополев В. Т.* Два подхода к определению предмета методологической рефлексии в науке // Наукове пізнання, 2002. № 10. С. 77–79. URL : http://philosophy.ucoz.ru/publ/33-1-0-51 (дата обращения: 23.09.13).
9. *Ополев В. Т.* Методологическая рефлексия в структуре специализированного мышления // Рефлексивные процессы и творчество : методические рекомендации. Всесоюзая конф., 3–5 апр. 1990 г. Новосибирск : ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 17–25. URL : http://philosophy.ucoz.ru/publ/21-1-0-50 (дата обращения: 23.09.13).
10. *Розов М. А.* Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск : Наука, 1977.
11. *Розов М. А.* Философские аспекты проблемы математизации науки. URL : http://www.biometrica.tomsk.ru/naukoved/mathem4.htm (дата обращения: 23.09.13).
12. *Сычёва Л. С.* Рефлексия как объект исследования и эмпирический материал гносеологии (на материале обсуждений проблемы предмета конкретных наук) // Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования / отв. ред. И. С. Ладенко. Новосибирск : Наука. Сибирское отд. 1987. С. 122–128.
13. Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2006.
14. *Швырёв В. С.* Научное познание как деятельность. М. : Политиздат, 1984. URL : http://psychlib.ru/mgppu/shv/shv-001-.htm# (дата обращения: 23.09.13).
15. *Швырёв В. С.* Об отношении понятий рефлексивности, методологичности, теоретичности и эмпиричности при характеристике научного познания // Проблемы рефлексии в научном познании : межвузовский сб. Куйбышев : Куйбышевский гос. ун-т, 1983. С. 50–54.

Scientific Reflexion as an Object of Investigation of Native Epistemologists

S. E. Marasova

The article analyses the approaches to phenomenon of scientific reflexion in native epistemology. The author reveals the main tendencies in epistemology and the place which the problem of reflexion occupies.

Keywords: scientific reflexion, scientific self-examination, regulatives of scientific functioning, epistemology, methodology of science, mechanisms of scientific knowledge development.

ФИЛОЛОГИЯ

Способы речевой характеристики персонажа в политическом анекдоте

Э. В. Егорова, Н. А. Крашенинникова

В статье рассматривается речевая характеристика персонажей политических анекдотов. Представлены некоторые приемы создания речевой характеристики героев анекдотов.

Ключевые слова: политический анекдот, речевая характеристика, персонаж, приемы создания.

В настоящее время все чаще возникают вопросы, связанные с решением проблем культурных, социальных и национальных различий. Как правило, это связано с поведением индивидов, обусловленным культурой (социальные нормы и ценности), в которой они воспитаны. Однако лингвистика также может помочь в решении данных проблем при помощи исследования речевых портретов языковых личностей. Так, с одной стороны, речевой портрет раскрывает индивидуальные особенности личности, отражает ее уникальный жизненный опыт. С другой стороны, будучи коллективным хранителем информации о мире, язык является «зеркалом» общества.

К понятию речевого портрета обращались многие исследователи русского языка. Некоторые лингвисты определяют понятие речевого портрета как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [6]. Другие полагают, что речевой портрет – это «воплощенная в речи языковая личность» [4]. У Д. Э. Розенталя понятие речевого портрета рассматривается следующим образом: подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей. В одних случаях для этой цели используются слова и синтаксические конструкции книжной речи, в других средством речевой характеристики служат просторечная лексика и необработанный синтаксис и т. д., а также излюбленные «словечки» и обороты речи, пристрастие к которым характеризует литературный персонаж с той или иной стороны (общекультурной, социальной, профессиональной и т. п.) [5].

В данной статье рассматривается речевая характеристика не реальной языковой личности, самостоятельно осуществляющей речевую деятельность, а персонажей политических анекдотов, являющихся художественным воплощением реальной личности. Несмотря на то что персонаж любого произведения включает в себя такие составляющие, как внешность, характер, поступки и т. д., лишь речь персонажа в полной мере передает его неповторимый внутренний мир. Так, В. В. Виноградов писал: «…персонаж свой характер раскрывает… в своих речах. Речевая характеристика персонажа строится на основе закрепления за данным образом не только определенной лексики (тематическая характеристика), но и определенных экспрессивно-синтаксических и стилистико-фразеологических форм, индивидуальной системы мимического и пантомимического выражения. Образ – то единство, которое связывает все реплики персонажа» [2]. Речевая характеристика персонажа дает возможность увидеть как характер и психологию героя, так и отношение автора к нему. Так, в Словаре лингвистических терминов дано следующее определение: «Речевая характеристика – это подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей» [5].

Анекдот принадлежит к числу устных видов словесности и строится по законам жанра фольклорных текстов [3]. Так, основными характерными чертами жанра анекдота являются:

1) анонимность – как правило, автор анекдота неизвестен, а если даже и станет известен, то он становится соавтором, так как каждый вправе рассказывать анекдот по-своему, видоизменяя его текст;
2) принадлежность к форме устного творчества (несмотря на то что анекдот все чаще передается не из уст в уста, а может быть

найден в медиа-пространстве: в газетах, Интернете и т. д.);

3) театральность.

Рассмотрим политический анекдот, который является жанром интеллигентского фольклора и ценным источником общественных настроений. Все события в политических анекдотах происходят со стереотипными персонажами. Героями анекдотов являются не Ленин, Сталин, Путин как личности, а пародированные фольклорные герои. Стереотипными героями политических анекдотов являются известные личности-пародии национальной культуры, которым присущи характерные образы, ментальные стереотипы и комические стандарты поведения. Все персонажи анекдотов обладают определенным набором клишированных качеств, а некоторые из них имеют знаковые речевые характеристики: картавость Ленина, грузинский акцент Сталина. При этом за последнее десятилетие в политических анекдотах абсолютное лидерство принадлежит Владимиру Путину.

При обращении к анекдотам XX–XXI вв. мы можем отметить такую интересную деталь, как повторяемость сюжета:

...Воскресший Сталин пришел на заседание ЦК.
– Товарищи, предлагаю принять постановление. Расстрелять Хрущева и покрасить Кремль в зеленый цвет.
– Но почему в зеленый?
– Я так и знал, что по первому пункту возражений не будет.

Аналогичный анекдот про В. Путина:

Спит Владимир Владимирович, и снится ему Иосиф Виссарионович. Спрашивает Путина Сталин:
– Могу я тебе как-нибудь помочь, а?
– Почему у нас все плохо, экономика разваливается и т. п. Что мне делать?
Сталин, не задумываясь, отвечает:
– Расстрелять все правительство и покрасить стены Кремля в голубой цвет.
– Но почему именно в голубой?
– Я так и предполагал, что дискуссия будет только по второму вопросу!

Вообще, персонажи политических анекдотов соблюдают определенную преемственность. Так, анекдоты про Б. Ельцина в период его второго срока очень часто переделывались из историй про Брежнева, а сюжеты путинских анекдотов появляются из сталинских и андроповских. Также в анекдотах про Путина можно отметить, что новых сюжетов мало. Многие сюжеты появляются из старых «кагэбэшных» баек: *«Почему у ВВП так много телохранителей? Поодиночке они его боятся»*.

Рассмотрим некоторые лексические приемы создания речевой характеристики персонажей политических анекдотов.

Иносказания. Герой говорит намеками и загадками. Используется для создания колоритного второстепенного персонажа:

*– **Ах ты, гадкий, ах ты, грязный, Неумытый поросенок! Ты чернее трубочиста, Полюбуйся на себя. . .***
– Дмитрий Анатольевич, Вы уверены, что Барак Обама понимает, что Вы цитируете «Мойдодыр» Чуковского?

Иностранные слова. В речь героя вводятся иноязычные слова там, где это не предполагается, что зачастую вызывает смех.

*Мэр Москвы поздравил работников ЖКХ с их профессиональным праздником. **«Эшельме кухельме!»**, – сказал Сергей Собянин.*

Сказительность. Герой говорит в манере русских народных сказок:

*– Папа, а скажи, все сказки начинаются со слов: «**Жили-были…**»?*
– Нет, сынок. Самые лучшие сказки начинаются со слов: «Если вы проголосуете за меня на выборах…».

Канцеляризмы. Устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, употребление которых в литературном языке закреплено традицией за официально-деловым стилем. В политических анекдотах могут использоваться для создания образа строгих начальников, вся жизнь которых посвящена работе:

«Дорогой Дедушка Мороз! Хочу на Новый год: 1. Айфон-6 2. Стать президентом 3. Новую ракетку для бадминтона. Дима».
*Директор ФСБ положил письмо на стол Путину. Тот прочитал, нахмурился и **наложил резолюцию «Удовлетворить»**, добавив в один из пунктов слово «Сколково»...*

Профессионализмы. Слова или выражения, свойственные речи той или иной профессиональной группы. В следующем примере представлен профессиональный жаргон чекистов, который относится к первой профессии Путина:

Западный журналист спрашивает у Путина:
– Вы следите за созданием гражданского общества?
Путин:
*– Я уже больше десяти лет ни за кем **не слежу**!!!*

Паремия. Устойчивая фразеологическая единица, представляющая собой целостное предложение дидактического содержания. Благодаря ей герой оказывается в коммуникативном выигрыше:

*Березовский заявил, что навсегда покидает Россию! Путин обиделся: «**А посидеть на дорожку**?»*

Слова-паразиты. Лингвистическое явление, выраженное в употреблении лишних и

бессмысленных в данном контексте слов. Передает косноязычие и ограниченный лексикон персонажа. Как правило, используется для комического эффекта при создании образа второстепенного персонажа:

Путин:

– Шойгу! Куда Вы дели 200 миллионов рублей?..

*– **Ну-у…***

– Правильный ответ: ГНУ – грозы, наводнения, ураганы! Учитесь быть кратким.

Жаргонизмы.

Учитель:

*–Так, тряпка совсем сухая. Идите и, как нас учит товарищ Путин, **замочите ее в сортире**!*

Также при создании речевой характеристики персонажей автор может использовать интонационные, фонетические, синтаксические и психологические приемы. Рассмотрим на примерах.

1. *Интонационные приемы* используются, когда с помощью интонационных средств подчеркиваются характеристики речи героя, выражающие эмоциональное состояние говорящего и усиливающие смысловое и экспрессивное отношение к предмету речи, значение звучащей речи в целом:

Путин звонит Чубайсу и орет:

– Твою мать, все телеканалы отключили, новости не работают, радио не работает, Интернет не работает, ФСБ, менты, армия – ничего не работает, народ без управления остался!!! Что происходит?!

– Владимир Владимирович, все нормально… это называется сбой в матрице!

2. *Фонетические приемы* используются, когда необходимо обратить внимание на дефекты речи персонажа: акцент, заикание, шепелявость. Как правило, акцент используют для создания комического эффекта в речи второстепенных персонажей. Шепелявость свойственна отрицательным персонажам, а заикание может быть использовано в двух направлениях: либо это действительно физический недостаток персонажа, либо проявляется как результат психологического состояния героя, при этом обычно является признаком слабого и трусливого героя.

Медведев размышляет вслух:

– За что же мне уволить Лужкова? За жадность… за воровство… за утрату доверия… за… за…

– Зае@@@! – подсказывает Путин.

3. *Синтаксические приемы* реализуются с помощью использования в речи персонажа синтаксических конструкций с нарушенным порядком слов, повторов, инверсии и т. д., что подчеркивает индивидуальность героя, его противопоставленность всему миру:

Путин после первой шестилетки решил свежим воздухом подышать. Вышел из Кремля, глядь, а людей нет! Пусто! Стоит только один Апостол Пётр посреди Красной площади и что-то в книжечку пишет.

ВВП:

*– А что... а эти... а **эти где**???*

Апостол:

*– **Кто эти**??? Ах, **эти**! Да в **раю** уже все... Намучились, поняли, покаялись...*

ВВП в истерике:

*– А как же **я**?! Я ведь лучше, лучше **собаки**!*

4. *Психологические приемы* помогают отразить психоэмоциональное состояние героя (персонажа). В речи героя могут появляться мысли о проблемах, которые его беспокоят, также могут использоваться болтливость и молчаливость как реакция на стресс.

Таким образом, мы рассмотрели лишь некоторые средства создания речевой характеристики персонажей политического анекдота. Однако очевидно, что данные средства широко используются при создании речевых портретов героев.

1. *Архипова А. С.* Традиции и новации в анекдотах о Путине // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 181–251.
2. *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы Текст. М. : Гослитиздат, 1959.
3. *Карасик В. И.* Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 144–153.
4. *Леорда С. В.* Речевой портрет современного студента : автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2006.
5. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителей : 2-е изд. испр. и доп. М. : Просвещение, 1976.
6. *Тарасенко Т. П.* Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.
7. Литературный проект Дмитрия Кравцева. URL : http://maximych.ax3.net/putinandmedvedev.html (дата обращения: 21.09.2013).
8. Шуток.нет. URL : http://www.shytok.net/anekdots/politicheskie-anekdoty.html (дата обращения: 23.09.2013).

Methods of Speech Characteristics of Characters in a Political Anecdote

E. V. Egorova, N. A. Krasheninnikova

The speech characteristics of the characters in a political anecdote are considered in the article. Some methods of creating speech characteristics of the anecdote characters are presented.

Keywords: political anecdote, speech characteristics, character, methods of creation.

Истоки русской печати в Финляндии

М. Е. Крошнева

В работе анализируются главные направления русского книгопечатания 1808–1920 гг., называются крупные издательские дома, исследуются библиографические источники. Автором статьи ставится вопрос об изучении книгоиздательского процесса русской литературы в Финляндии XIX–XXI вв.

Ключевые слова: издательское дело, история книги, русская диаспора.

Научная новизна исследования определяется попыткой автора представить особенности зарождения российского книгопечатания в Великом княжестве Финляндском Российской империи начиная с 1808 г., описать истоки формирования и распространения русской литературы на территории Финляндии до 1920-х гг. Научной базой изучения издательского дела русской Финляндии 1808–1920 гг. служили труды ученых Б. Хеллмана, Ю. Челлберга, С. А. Михайлова и других.

Истоки русской печати в Финляндии XIX – 20-х гг. XX вв. заметным образом пересеклись с мировым издательским процессом. Весной 1808 г., когда Российская армия вошла в Финляндию, в стране выходила в свет единственная газета на шведском языке «Або тиднингар». В труде С. А. Михайлова «Журналистика Северной Европы» об истории существования газеты сообщается, что у основ данного издания стояли члены научного общества «Аврора», организованного в 1770 г. в Турку – столице Финляндии того времени, центре научного мира финнов. Ответственность за судьбу предпринятого дела, подготовку и выпуск газеты взял на себя основатель и секретарь «Авроры», доцент латинского языка, будущий профессор университета города Турку Хенрик Габриэль Портан (1739–1804) [1, с. 271–273]. В первые годы работы научного общества номера издания «Або тиднингар» выходили в свет с перерывами, но с 1791 г. газета печаталась регулярно. Причиной непостоянного выхода издания служили иные обязанности Портана и ужесточение цензуры в целом по стране [2].

Издание «Або тиднингар» представляло собою нечто среднее между газетой и журналом. Здесь публиковались исторические статьи, биографии известных личностей, документальные материалы, сведения об иностранной литературе, стихотворения известных финских поэтов-современников Й. Х. Келльгрена, А. Н. Клевберга (Эдельканца), Б. Седонии, К. Хастфера, переводные произведения западноевропейских писателей (Й. Гёте, Ф. Шиллера) и русских именитых авторов (например А. С. Пушкина).

Отрадно отметить, что первая типография в Турку, основанная в 1642 г., занимавшаяся подготовкой и выпуском «Або тиднингар», существует в Финляндии и сегодня. В 1763 г. типографию приобрел новый владелец, Й. С. Френкель, и до нашего времени она называется его именем [2].

Вскоре в Финляндии кроме «Або тиднингар» начали выходить газеты «Инрикес тиднингар», «Суоменкейлисет тиетосаномат» и журналы «От Костен ат ратт бехага», «Ангемана Сйелфсвалд», «Аллман литтературтиднинг», однако они были закрыты цензурой.

Уместно напомнить, что развитие финской национальной культуры, языка и литературы еще со времен средневековья испытывало на себе жесткое влияние шведского владычества. Социально-экономическое господство сильного северного соседа закреплялось путем насильственной христианизации финнов, введения постоянного налогообложения местного населения. В XII–XIII вв. в результате трех крестовых походов шведы овладели всей территорией страны. В XVI–XVII вв. Финляндия являлась герцогством Швеции. Это означало, что страна была обязана подчиниться административно шведскому королю, как и любой другой район или епархия Швеции. При этом Финляндия не считалась примыкающей к ней провинцией, как Ингерманландия, балтийские или немецкие провинции, и имела «свой определенный идентитет» [3, с. 7].

Ботнический залив и Балтийское море внесли некоторые коррективы в социальное устройство Финляндии, отделив восточную часть страны от западной. Около 90 % населения говорило на финском языке, сохраняло национальную культуру. Тем не менее шведы все дальше рассеялись по побережью Финляндии и заняли «основные позиции» в политическом и социально-экономическом устройстве страны. Государственным языком герцогства считался шведский, который вскоре был с успехом про-

возглашен языком дворянства и духовенства. Шведский сохранял важность на юге страны в сфере торговли, на финском же языке печатались преимущественно религиозные книги для церковных нужд [2].

Поскольку университет в Турку служил центром интеллектуальной жизни Финляндии и готовил к службе чиновников, духовенство, ученых, журналистов, деятелей культуры, постольку совершенно логично было преподавателям этого образовательного учреждения заниматься выпуском газеты на шведском языке как языке потенциально образованной части населения. Однако в Финляндии до середины XVIII в. основным языком науки, искусства оставался латинский и лишь спустя сто лет – финский [2].

Исторические завоевания сильных народов столетиями влияли на развитие любой государственности в целом, тормозили социально-экономическое и национально-культурное развитие порабощенных стран, замедляли рост национального самосознания, но в Финляндии было принято рассматривать период до 1809 г. как часть отечественной истории, а не как историю завоевателя и угнетателя. Таким образом, история Финляндии – это общая со шведской державой судьба, ее религиозное и культурное наследие, политическая борьба против общих врагов (таких как католический германский император, русский православный царь, датская и польская династии, ганзейское экономическое давление) [3, с. 7].

Из сказанного становится ясно, что книгоиздание Финляндии, в том числе и его репертуар, развивались в чрезвычайно трудных условиях.

С середины 1808 г. до конца 1809 г. «Або тиднингар», с политической точки зрения, была российским органом печати. С помощью газеты российская власть начала формировать общественное мнение финского народа относительно роли и значения в его жизни нового события – военных успехов Александра I, благодаря которым финляндские земли присоединялись к России. В «Або тиднингар» также публиковались новости из-за рубежа, что стало нововведением в издательском деле финнов. Таким образом, 1809-й – год вступления Финляндии в состав Российского государства – уместно считать началом русской книгоиздательской деятельности на финляндской территории. Правительственный совет Великого княжества переименовал газету «Або тиднингар», дав ей новое название «Або аллманна тиднинг», и поставил перед редакторским составом новые задачи, среди которых выделились следующие: укрепить статус строящейся автономии и пропагандировать новое устройство государства. Вскоре данный совет превратил «Або аллманна тиднинг» в свой политический печатный орган.

После того как в 1812 г. приказом Александра I столица автономии была перенесена в ближайший к Санкт-Петербургу Хельсинки, выгоревший во время третьей русско-шведской войны 1808–1809 гг., но отстроенный надлежащим для нового статуса образом город, за ним закрепилось положение и центра издательского дела. Начиная с 1820-х гг. именно в Хельсинки выходили в свет газеты и журналы, бюллетени и прочая печатная продукция на финском, шведском и русском языках. В качестве примера отметим несколько русскоязычных изданий, публиковавшихся сериями:

- *Собрание* постановлений Великого княжества Финляндского. – Або, 1812–[18]27; Гельсингфорс, 1827–[18]59;
- *Приказ* по финляндскому отдельному корпусу. – Гельсингфорс, 1824;
- *Приказ* в войски(!) отдельного финляндского корпуса. – Гельсингфорс, 1826–[18]31;
- *Статистический ежегодник Финляндии* / изд. Центральным статистическим бюро. – 13–23(!). – Гельсингфорс, 1892–1902 [3, с. 93–94].

К 1830 г. книгоиздание княжества уже представлено разнообразной книжной продукцией, типология которой была достаточно разветвленной. Опираясь на библиографические сведения финских исследователей, выделим данные книжной публикации по целевому назначению – официальные, учебные, научно-популярные и информационные издания:

- *Дорожник Финляндии* [издан Горнборгом в 1821 г. и исправленный при штабе Отдельного финляндского корпуса в 1830 г.]. – Гельсингфорс : Тип. Штаба Отдельного финляндского корпуса, 1830 г. – 142 с.
- *Гейтлин, Гавриил.* Ручной российско-шведский словарь = Ryskt och swenskt handlexicon / составлен Гавриилом Гейтлиным = af Gabriel Geitlin. – Гельсингфорс : Френкель, 1833–1834. – 2 т. – Ч. 1. = Förra delen : А–О. – 1833. – XII, 847 с. Ч. 2. = Senare delen : П–V. – 1834. – 869 с.;
- *Живописный мир*, или Взгляд на природу, науки, искусства и человека = L'univers pittoresque ou Aperçu de la nature, des sciences, des arts et de l'homme = Das malerische Weltall oder Ansicht der Natur, der Wisssenschaften, Künste und des Menschen / составлен по немецкому образцу Гайлера Федором Кони. – Гельсингфорс : Весениус, 1839–1840. – 2 т. – [Ч. 1] = Tome 1 er = 1ter Theil. – 1839. – 246 с., [74] илл. п. л. [Ч. 2] = Tome 2 = 2ter Theil. – 1840. – С. 247–491, [77] илл. п. л.
- *Карельские известия* : еженедельный орган по вопросам религиозно-православной, по-

литической, общественной и народной русско-карельской жизни = Karjalan Wiestit. – 1913:1 (янв. 1913)–1917:9 (13.3.1917). – Салмис, 1913–1914:12? ; Выборг, 1914:13/16?–1917 [3, с. 9, 11, 90].

Анализируя библиографическое описание представленных источников, отметим, что русская печатная продукция княжества отличалась читательским адресом, периодичностью издания, составом основного текста, оригинальностью содержания, способом организации, объемом, повторностью выхода, характером оформления, принадлежностью издателю и автору.

Б. Хеллман настаивает, что издание русских книг в Великом княжестве носило случайный характер, четко организованного издательского дела там не существовало [5, p. 1]. Думается, данный тезис преждевременен, поскольку не отражает объективных данных книгоиздательского процесса. До сих пор остаются вне поля зрения книговедов-исследователей вопросы, связанные с описанием концепции издания, с тематико-типологической и организационно-функциональной структурами издательского дела русской диаспоры в Финляндии XIX–XXI столетий. Также до настоящего момента не выявлены основные издательства и издающие учреждения, выпускавшие в свет литературу на русском языке в то время.

Опираясь на составленные финскими исследователями хроники вышедшей литературы – «Библиографию русской литературы, изданной в Финляндии 1813–1971» и «Puskinista Peleviniin: Venalaisen kaunokirjallisuuden suomennosten bibliografia 1876–2007» – яркие примеры, иллюстрирующие разнообразие российского книжного рынка в Финляндии, – уместно поставить вопрос о развернувшейся издательской деятельности русскоязычной диаспоры XIX – начала XX вв., продолжившейся перед Второй мировой войной и после нее, а также в XXI столетии на территории финляндского государства.

В предисловии к «Библиографии русской литературы…» Б. Хеллман пишет (*сохранена авторская орфография*): «В библиографию не включены русские печатные издания, выпущенные в Старой Финляндии между 1721 и 1811 гг., в Выборге и Ханко в 1940–1941 гг. и в Порккала-Удд с 1944 по 1956 г. <…> Изданиями мы считаем публикации объемом более двух страниц. Таким образом, каталогизируются также брошюры, в том числе коммерческие публикации и выставочные каталоги <…> Самые ранние из учитываемых изданий относятся к 1810-ым годам, самые поздние – к 1972 г. <…>

Целью данной работы являлась полная регистрация русской литературы, изданной в Финляндии по 1972 г. включительно. Однако, собирание и сохранение русских изданий носило порой весьма случайный характер <…>.

В ходе работы учтены следующие библиографии: Материалы для библиографии, собранные М. Бородкиным (С.-П. 1902); Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии 1901–1913 (Петроград 1915); Veli Kolari ja Jarmo Suonsyrjä, Political History of the Scandinavian Countries and Finlahd in the 19-th and 20-th centuries: a Bibliography of Literature in Russian language (Turku 1973), Työväen arkisto: slaavilaisen kokoelman luettelo (Helsinki 1986); Yrjö Aav, «Suomen venäjänkieliset sanoma – ja aikakauslehdet» (Miscellanea bibliographica XI, Helsingin yliopiston kirjaston julkaisuja 35, Helsinki 1971 с. 9–19; и каталог русских журналов, составленный Jarmo Suonsyrjä в кн. Suomen aikakauslehdistön bibliografia 1782–1955 (Hki 1985) и Suomen aikakauslehdistön bibliografia 1956–1977 (Hki 1986)» [3, с. 3].

Далее в хронике переводной русской художественной литературы «Puskinista Peleviniin…» этот же исследователь сообщает: «Библиография <…> включает опубликованные отдельными книгами финские переводы русской беллетристики, которые были изданы в Финляндии в 1876–2007 гг. <…> Библиография в основном представляет художественную литературу, но учтены и другие разновидности литературы, такие как эссе, социальная критика или мемуары. Кроме того, в библиографию включены воспоминания о русских авторах, оставленные людьми из их ближайшего окружения. В качестве источника использовалась прежде всего Финская национальная библиотека (FENNICA)» [6].

Из научно-описательного материала следует, что на территории Финляндии русская литература издавалась постоянно с 1812 г., переводная – позже, с 1876 г.

Справедливость научной гипотезы о деятельности развернувшихся русскоязычных издающих организаций и слаженно работающем на протяжении XIX – начала XX вв., подчеркивает и такой факт, что издание русской литературы в Финляндии носило целенаправленный характер. Во-первых, обосновавшаяся на периферии России, в «финском уединении», русская военно-политическая диаспора и административные круги, поддерживавшие официальную идеологию, вкладывали материальные средства в процессы печатания книг, чтения, распространения литературы. Военные создавали типографии и выпускали в свет учебники, газеты-однодневки, объявления, приказы, листовки, различные выписки, очерки, брошюры в качестве учебно-методических пособий, хрестоматий, призывов, разъяснений, обращений к служащим, солдатам, матросам. Примером процесса может служить деятельность типо-

графий Штаба Финляндского военного округа, 22-го армейского корпуса, а также Центральной типографии и Типографии Императорского сената, обнаруженные автором статьи в работах финских ученых [3, с. 1–4]. Цель литературы такого рода – заострение всеобщего внимания к существующей власти, укрепление политических, социально-экономических, культурных и просветительских позиций Российского государства в финском сообществе.

Во-вторых, вдали от центра военные чиновники стремились добиться беспрекословного профессионального выполнения целей, задач, приказов главнокомандующего и в период нарастающего революционного кризиса в России 1905–1907 гг. Следующие работы выборочно иллюстрируют этот и предыдущий процессы книгоиздания:

- *Абрамович, Д. Б.* Русско-финско-шведский словарь, напечатанный русскими буквами / изд. Д. Б. Абрамовича. – Гельсингфорс, 1903 (Тип. Штаба Финляндского военного округа). – 100 с.
- *Приказ* и приказание по войскам Финляндского военного округа. – Гельсингфорс, 1864–1905;
- *Приказ* по войскам Гельсингфорс(!)кого гарнизона. – Гельсингфорс, 1906–1915;
- *Приказ* и приказание по 22-му армейскому корпусу. – Гельсингфорс, 1907;
- *Приказ* и приказание по 22-му армейскому корпусу и крепостям, находящимся в Финляндии. – Гельсингфорс, 1910–1914;
- *Белевич, В. В.* Родные стихи: основные приемы выразительного чтения и сборник обработанных для чтения и заучивания наизусть произведений к программам русского языка в начальных и средних школах. Ч. I – Гельсингфорс : Русский книжный магазин [дистр.], 1913 (Тип. Штаба 22-го армейского корпуса). – [2], 280 с.;
- *Объявление* по Гельсингфорс(!)кому и Свеаборгскому гарнизонам. – Гельсингфорс, 1915 [3, с. 1, 3, 93].

Однако «военные» официальные публикации прекращались по мере ухода российских войск из Финляндии, а после событий 1917 г. исчезли вовсе.

В княжестве также выходила в свет периодика многочисленных гражданских объединений – экономических, общественных, христианских организаций русскоязычного населения: «Вестник кредиторов» (Выборг, 1908), «Экономист Финляндии» (Гельсингфорс, 1912), «Приезжий» (Выборг, 1912); «Искусство и жизнь» (Гельсингфорс, 1913), «Победа Креста» (Выборг, 1913–1915), «Меркурий» (Гельсингфорс, 1915); «Пасхальный листок» (Гельсингфорс, 1906–1907), «Православный финляндский сборник» (Гельсингфорс, 1910–1911).

В начале XX в. на почве «финского уединения» параллельно с деятельностью русскоязычных военных и гражданских издательских организаций зародилась, а затем разрослась реакционная печать. Революционный кризис в России способствовал формированию в Гельсингфорсе (на финском – Хельсинки) и других городах Финляндии издательского процесса революционного характера. В 1900–1910-х некоторые русские газеты, журналы княжества были зарегистрированы как издания местного отдела РСДРП в Финляндии: «Вестник казармы» [Гельсингфорс?] 1906, «Солдатское чтение» [Выборг?] 1906–1907, выходившее далее под названием «Наступление» [Выборг?] 1907 (орфография – *Б. Х.*) [3, с. 90–91], еженедельно печатались как издания Военной организации партии социалистов-революционеров в Финляндии – Всероссийского союза солдат и матросов. Среди основных задач выявленных изданий были пропаганда идеологии партии большевиков, привлечение единомышленников в организацию и демонстрация политической свободы революционеров.

Новый этап русского книгоиздания в Финляндии связан с событиями Октября 1917 г. в России. Как известно, в 1918 г. через финляндские земли мощным потоком хлынула волна русских беженцев. Это давало большие перспективы для книжных предпринимателей в Финляндии, поскольку в эмиграционных кругах Европы формировался большой спрос на русскую литературу. На рубеже 1910–1920 гг. государственное русское книгоиздание в молодой стране носило коммерческий характер и ориентировалось на широкую читательскую аудиторию из советской России, рассеянной по миру. Выразительным примером данного процесса служит деятельность издательства «Библион» (1918–1924), возглавляемого шведом Хольгером Шильдтом (Holger Schildt) (1889–1964) [5]. Финские издающие учреждения Otava, WSOY, Gummerus и другие помимо коммерческого интереса отражали профессионально-избирательный подход в управлении и демонстрировали особую тематическую направленность – публикации классиков и популярных современников. В период 1924–1926 гг. ими были выпущены в свет произведения Л. Н. Толстого, Д. С. Мережковского, мемуары П. Н. Краснова, других авторов.

С другой стороны, русское книгопечатание имело социальную направленность. Частные издательства, печатные органы русских учреждений в Финляндии выпускали большое количество изданий, представлявших собой литературу общего содержания (отчеты, уставы различных обществ, воззвания, справочную литературу), потенциальными потребителями которой являлись эмигранты внутри страны.

Справедливо иллюстрируют этот процесс целые страницы из библиографии Б. Хеллмана и Ю. Челлберга. Кроме того, издающие отделы русских эмигрантских газет и журналов («Новая русская жизнь», «Русские вести», «Гельсингфорсский кружок народных писателей» и др.) выпускали литературу различной тематики: философскую, религиозно-теологическую, общественную, естественно-научную, математическую, медицинскую, техническую, торговую, искусствоведческую, филологическую, историческую и художественную.

Таким образом, истоки книгопечатания русской литературы в Финляндии 1808–1920 гг. указывают на намеченные российской стороной военно-политические, революционные, социокультурные тенденции публикаций, на фоне которых ярко выделялись коммерческие особенности работы финских и шведских издательств, выпускавших в свет русскую книгу художественного содержания.

1. Деятельность Портана-ученого полно описывается на страницах сайта Фундаментальной электронной библиотеки, где исследователи финской литературы называют его «отцом финской историографии». См.: *Карху Э. Г.* Финская литература // [Литературы скандинавских стран и Финляндии : История всемирной литературы. Т. 5. Раздел первый. Гл. 7 седьмая] // История всемирной литературы : в 8 т. / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1983–1994. На тит. л. изд. : История всемирной литературы : в 9 т. 1988. Т. 5. URL : http://feb-web.ru/feb/ivl/vl5/vl5-2712.htm

2. *Михайлов С. А.* Журналистика стран Северной Европы. СПб. : Изд-во Михайлова С. А., 2003. URL : http://evartist.narod.ru/text14/48.htm
3. *Вихавайнен Т.* Предисловие редактора // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки : Об-во финской лит., 2004. URL : http://www.kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf.
4. *Хеллман Б., Челлберг Ю.* Библиография русской литературы, изданной в Финляндии 1813–1971. Helsinki : Helsinki ylohiston kirjasto, 1988. [1], 95 с.
5. *Hellman B.* Puskinista Peleviniin: Venalaisen kaunokirjallisuuden suomennosten bibliografia 1876–2007. Helsinki : Yliopistopaino, 2008.
6. См.: *Hellman B.* Biblion. A Russian Publishing House in Finland // Studia Slavica Finlandensia. II. Helsinki, 1985.

Origins of Russian Printing in Finland

M. E. Krosheva

The article analyzes the main directions of Russian book printing in 1808–1920, names large publishing houses, and examines bibliographic sources. The author takes up the question of studying the publishing process of Russian literature in Finland in 19–21 centuries.

Keywords: publishing trade, history of books, Russian diaspora.

Взаимосвязь развития языка и исторического пути его носителей: степень изученности проблемы

В. Н. Кузнецов, Е. А. Шумаева

Центральной проблемой данной статьи является раскрытие взаимосвязи развития языка и исторического пути народов, на нем говорящих. В статье на примере индоевропейской лексики современного русского языка реконструируется картина жизни индоевропейских племен (хозяйство, ремесло, религия). Для анализа взяты индоевропеизмы, начинающиеся на букву «М».

Ключевые слова: индоевропейцы, индоевропеизмы, сравнительно-историческое языкознание, язык, значение слова, история, прародина, потребляющее и производящее хозяйство, религия.

Уже в первой четверти XIX в. начала осознаваться проблема сохранности русского языка. В 1803 г. увидел свет трактат А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». В нем автор выступает за самобытное развитие отечественной культуры, в том числе и языковой. В 1825 г. была опубликована пьеса А. С. Грибоедова «Горе от ума», на страницах которой Чацкий возмущался засильем всего иностранного, той ситуацией, когда «французик из Бордо», приехав в Россию, «ни звука русского, ни русского лица не встретил». Не стала менее острой проблема вестернизации русского языка и в начале XXI в. В речи неуклонно возрастает количество англицизмов.

Обращение к корням русского языка в настоящее время приобретает огромное значение: как культурное, так и историко-филологическое. Это связано с тем, что развитие языка накладывается на историческое развитие его носителей. Невозможно понять логику развития языка, не зная логики исторического пути народов, на нем говорящих, и наоборот. История российского народа уходит корнями в глубокую древность, ее изучение требует комплексного подхода, в т. ч. с применением данных языкознания. В рамках настоящей статьи сделана попытка охарактеризовать степень изученности проблемы взаимосвязи языковых и исторических процессов от индоевропейской общности до возникновения древнерусской цивилизации.

Бесценные основополагающие знания по теории развития языка дают труды отечественных (А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, Ф. П. Филина, Н. И. Толстого, О. Н. Трубачёва и др.) и зарубежных языковедов (В. фон Гумбольдта, А. Мейе, Т. Лер-Сплавинского и др.).

Уже к концу XVIII в. язык стал рассматриваться как социальное явление. Немецкий ученый Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) ставил вопрос о том, что исследовать язык – значит установить его связь с «деятельностью мышления», что язык, будучи открытой системой, представляет собой явление социальное, и его необходимо изучать как «созидающий продукт» («…язык не есть мертвый часовой механизм, но живое творение…» [10, с. 275]). Эти взгляды получили свое распространение в последующие столетия. В частности, видным представителем так называемой «социологической школы» в языкознании становится известный французский лингвист А. Мейе (1866–1936). Согласно его убеждению, язык имеет в большей степени социальную природу, нежели физиологическую и психологическую, он не может существовать в отрыве от общества [18]. О социальном содержании языковой структуры пишет и Б. В. Горнунг [7, с. 33].

Вильгельм фон Гумбольдт, закладывая теоретические основы языкознания, делал упор на взаимном влиянии духовной деятельности человека и языка, которым он обладает. При этом «…язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее», что определяет его «отчасти устойчивость, отчасти текучесть» [10, с. 70, 82]. Знаменитый отечественный философ и филолог А. А. Потебня пошел по пути дальнейшего развития идей Вильгельма фон Гумбольдта в части понимания языка как развивающегося во времени явления.

А. А. Потебня критически рассматривает несколько существующих на тот момент теорий происхождения языка (сознательное изобретение людьми, божественное создание, бессознательное происхождение) и приходит к выводу, что все они обращены к языку как к готовой «вещи», а отсюда и непонимание его прогрессивного развития. Ошибки этих теорий «…задавили бы в самом зародыше историческое и сравнительное языкознание…» [22, с. 26–27], а исторический и сравнительный методы – это «столько же методы… сколько и основные истины науки» [22, с. 45]. Признав, что образование слова – процесс очень сложный, А. А. Потебня придал языкознанию доминирующее по отношению к другим наукам о человеке значение. Он исходил из того, что язык – это явление, предупреждающее любую человеческую

деятельность. С его выводами во многом соглашался советский и российский филолог Н. И. Толстой (1923–1996). Исследователь, обращая внимание на взаимообусловленность языковых и иных процессов, происходящих в обществе, утверждал, что язык «всегда оказывается в доминантной позиции» независимо от объекта исследования [28, с. 41]. А в работе «О некоторых этнолингвистических наблюдениях А. А. Потебни» Н. И. Толстой отметил, что его идеи во многом продолжают оставаться плодотворными и для современности [28, с. 302–316]. Уместно отметить, что А. А. Потебня стал одним из первых исследователей российской науки, которые обратились к этнолингвистической проблематике – он попытался установить связь между культурным и языковым развитием народа. Взаимообусловленность праязыковой и праэтнической проблем берет во внимание и О. Н. Трубачев, причем решаться эти проблемы должны с использованием как социолингвистических, так и этнолингвистических принципов. Имеет право на существование и точка зрения Т. Лер-Сплавинского (1891–1965), который, указывая на общественный характер и языка, и материальной культуры, подчеркивает имеющийся разрыв между ними. Он делает вывод, что не всегда развитие материальной культуры позволяет объяснить те или иные процессы в языке [15, с. 11].

Особым явлением в истории советского языкознания стало получившее распространение в 20-е гг. прошлого столетия «новое учение о языке». Его основатель – Н. Я. Марр – выдвинул теорию стадиального развития языка. Н. Я. Марру принадлежит идея движения от языкового множества к языковому единству, что вписывалось в концепцию построения коммунистического общества. Одной из причин появления марризма В. М. Алпатов называет «наметившийся к концу XIX в. кризис в мировом языкознании»: невозможность решения с помощью сравнительно-исторического метода многих серьезных проблем (например, проблемы происхождения языка) [2]. В 1950 г. И. Сталин выступил с критикой марризма в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания». Так, язык не может выполнять функцию надстройки, не может являться «продуктом одной какой-либо эпохи», поэтому и изучать его необходимо «в неразрывной связи с историей общества, с историей народа» [25, с.45–46].

В 50-е гг. прошлого столетия происходит осознание важности сравнительно-исторического метода в языкознании. Его значимость уже в 1952 г. на страницах журнала «Вопросы языкознания» подчеркивает Б. В. Горнунг. Он отмечает, что отказ от использования данного метода затормозил развитие историко-лингвистических исследований, более того привел к огромному ущербу в «деле внедрения подлинного историзма в науку о языке». В то же время Б. В. Горнунг указывает на «опасность универсализировать значение сравнительно-исторического метода» [8, с. 20–21].

В к. XIX – нач. XX вв. само языкознание стало рассматриваться как сравнительно-историческая дисциплина, и как раз такое видение проблемы справедливо для современной науки [26, с. 223]. Среди ученых, внесших наибольший вклад в развитие сравнительно-исторического языкознания, А. Мейе, Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, Н. И. Толстой и др.

Важность сравнительно-исторического метода обусловлена, в том числе, возможностью построения на его основе теорий о местонахождении индоевропейской прародины. Анализируя общеиндоевропейские названия животных, растений, окружающего ландшафта, термины, относящиеся к земледелию и скотоводству, Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, путем исключения ряда районов, намечают географическую область, в пределах которой указанная прародина могла располагаться. Это район современной Восточной Анатолии (Западная Азия), откуда и началась миграция индоевропейских племен, приведшая к распределению их на обширной территории Евразии и самостоятельному развитию диалектов [4, с. 8, 11]. О. Н. Трубачёв, напротив, определяет место концентрации индоевропейских племен в центральноевропейских районах [31, с. 8]. Б. В. Горнунг находит прародину индоевропейцев в северобалканских и нижнедунайских районах, при этом решительно отвергает все другие варианты [6, с. 10–11]. С ним солидарен Б. А. Рыбаков [23, с. 147].

Интерес представляет статья А. К. Шапошникова «Индоевропейский этногенез – свидетельствуют мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия» (2010 г.), в которой автор ставит цель «оживить несколько ослабевший в 90-е гг. интерес научной общественности к проблемам индоевропейского праязыка, праэтноса и прародины» [35, с. 251]. А. К. Шапошников приходит к следующим выводам:

1. Расцвет ДНК-генеалогии в начале XXI в. способствует более точному установлению генетического родства современных народов.
2. Предковым родом индоевропейцев признан галлотип R1a1, впервые зафиксированный в промежуток между 10200 и 7760 гг. до н. э. в районе Динарских Альп и окрестных территориях. Миграции начинаются спустя примерно 6 тысячелетий и приводят к широкому расселению индоевропейских племен. Так, в период IV–III тыс. до н. э. галлотип R1a1 встречается уже на территории современных Ирландии, Англии, Венгрии, Германии, Польши, чуть позже (III–II тыс. до н. э.)

на территории современных России, Эстонии, Латвии, Беларуси, Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии и др.

3. Сделанные Ж. Дюмезилем, Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Ивановым, О. Н. Трубачевым и др. исследователями языка выводы подверглись «излишней модернизации, идеализации», они «чрезмерно абстрагированы». В то же время использованием только археологических методов «принципиально невозможно решить проблему локализации и.-е. прародины» [35, с. 253–257].

С точки зрения А. К. Шапошникова, именно генетические исследования необходимо положить в основу решения индоевропейских проблем, причем исторические и языковедческие данные обязательно должны подкрепляться и сведениями мифологии, так как она представляла собой универсальную форму сознания в древности.

Важным представляется то, что многими авторами (причем как историками, так и языковедами) подчеркивается значимость именно лингвистического аспекта этногенеза индоевропейских и славянских народов. К примеру, за доминирующую роль языка среди прочих признаков этнической общности выступает В. В. Мавродин [17, с. 5]. Большой вклад в разработку внесли Н. И. Толстой и О. Н. Трубачёв. Н. И. Толстой ставит проблему этногенеза славян более широко, чем ее привыкли понимать – не просто определение славянской прародины, а «реконструкция праславянского состояния», которая охватит все сферы жизни славян (язык, быт, общественное устройство и т. д.) [28, с. 31–39]. О. Н. Трубачёв говорит о важности понимания взаимосвязи языковых и этнических процессов, при этом «надежная реконструкция слов и значений – путь к реконструкции культуры во всех ее проявлениях». Индоевропейскую проблему нельзя рассматривать, используя только узколингвистический подход. Индоевропейцы – это не только и не столько язык, сколько культура, находящая отражение в нем [31, с.12; 32].

Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский обосновывают необходимость комплексного подхода к изучению «науки индоевропейской древности» при доминирующей роли исторических и филологических данных. Даже если научный труд написан профессионально, но на основе одностороннего подхода, он в некоторой степени теряет свою объективность. А. К. Шапошников также призывает решать связанные с индоевропейцами вопросы на основе подлинно научных сведений, полученными различными науками. При этом исследователями подчеркивается, что в настоящее время проблема индоевропейской прародины еще очень далека от своего решения [3, с.155–157; 36, с. 251]. Ф. П. Филин утверждает и то, что абсолютно достоверно определить, когда и где возникла индоевропейская языковая общность (а значит, когда и где искать корни языка), не представляется возможным даже с учетом привлечения данных различных наук [33]. А по утверждению А. Мейе, многообразие говоров внутри одного индоевропейского языка было существенным и до начала миграции [18, с. 82].

При рассмотрении языковых и исторических процессов в их взаимосвязи объективную значимость приобретает определение времени распада индоевропейской общности и выделения из нее славянской. Следует отметить большую вариативность в оценке этого периода. На данный вопрос обращали внимание многие исследователи: А. Мейе, Б. В. Горнунг, Т. Лер-Сплавинский, В. В. Седов, Б. А. Рыбаков, Т. И. Алексеева и др. По усредненным данным, распад индоевропейской общности произошел в период между IV и II тыс. до н. э. В. Я. Петрухин и Д. С. Раевский подчеркивают широкое распространение гипотезы о распаде индоевропейского единства в IV–III тыс. до н. э. После преодоления этого рубежа можно вести речь о существовании древнеевропейского единства [20, с. 41, 55]. И. Н. Данилевский отмечает, что процессы колонизации индоевропейцами новых земель, формирование и дробление этнических объединений заняли все три тысячелетия до н. э. [11, с. 25]. Заслуживает пристального внимания позиция Б. В. Горнунга. Он подчеркивает длительность процесса как образования (уходит корнями в V тыс. до н. э.), так и распада индоевропейской языковой общности (о том же пишут Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский [3, с. 162]). Что касается распада, то, по предположению Б. В. Горнунга, с III тыс. до н. э. начинается обособление отдельных языковых групп от индоевропейской языковой общности, и данный процесс затянулся на 2–2,5 тыс. лет [6, с. 9–10]. «Распад индоевропейского языка был многоактным процессом, растянувшимся на тысячелетия», – пишет В. В. Седов в работе «Этногенез ранних славян» [24]. Именно это обстоятельство и предопределяет размытость, а подчас и невозможность точной датировки.

Заканчивая рассмотрение вопросов, связанных с индоевропейской языковой общностью, имеет смысл подвести некоторые промежуточные итоги, отметив следующее:

- наличие большого количества трудов по теории развития языка. Среди них особую группу занимают работы по сравнительно-историческому языкознанию как смежной области между лингвистикой и историей, где обе науки ищут ответы на однородные вопросы: локализации прародины, определения хронологических рамок существования языкового и культурного единства и т. д.;

- пограничность многих дискуссионных вопросов (логически вытекает из первого вывода, но спорные моменты не ограничиваются только областью сравнительно-исторического языкознания). Ответы на них даются и языковедами, и историками. Зачастую именно это обстоятельство приводит к значительной вариативности, вплоть до полной полярности имеющихся точек зрения по тому или иному вопросу;
- нецелесообразность параллельного рассмотрения языковых и исторических процессов с тем, чтобы затем сопоставить их. В связи с этим – важность одновременного изложения взглядов представителей двух разных наук.

Переходя к истории славян, следует в первую очередь подчеркнуть дискуссионность времени выделения их в единую общность (оно спорно в той же мере, как и время распада индоевропейского языкового единства). Решение этого вопроса зависит, в том числе и от выбора критерия, хотя в рамках одного и того же критерия опять-таки нет единогласия. Если во внимание брать данные антропологии, об общеславянском единстве можно говорить, начиная со II тыс. до н. э. Например, Т. И. Алексеева приходит к выводу, что к рубежу III–II тыс. до н. э. уже формируются черты, присущие древним славянам [1]. Если же критерием выбрать язык, то время образования рассматриваемого единства может сдвигаться вплоть до конца I тыс. до н. э. Так, В. В. Седов, рассматривая располагающуюся в междуречье Вислы и Одера культуру подклешевых погребений (400–100 гг. до н. э.), признает ее соответствующей «первому этапу развития славянского языка и этноса» [24]. О. Н. Трубачёв выступает за длительное самостоятельное существование праславянского языка как индоевропейского диалекта [31, с. 4]. Б. А. Рыбаков считает, что о праславянах, выделившихся из индоевропейской общности, можно вести речь с III–II тыс. до н. э. [23, с. 96], Б. В. Горнунг говорит о существовании славянского единства, начиная с середины II тыс. до н. э. [6, с. 3], Т. Лер-Сплавинский относит складывание общеславянского комплекса к III тыс. до н. э. [16, с. 23].

Говоря о славянской истории, нельзя не обратить внимания на многочисленность исследовательских работ по ней отечественных и иностранных авторов. В 1901 г. была написана книга Л. Нидерле «Славянские древности» [19], которую довольно-таки высоко ценил Б. А. Рыбаков, называя ее первым серьезным обобщением славянской истории [23, с. 217]. Особый вклад в изучение вопроса внесли советские историки, среди которых можно выделить В. В. Мавродина, Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова. Их позиции по основным проблемным вопросам сходятся, и точка зрения Б. А. Рыбакова во многом типична. В область научных интересов исследователя входила история и культура славян, быт Древней Руси. Он дает полную картину религиозных верований древних славян, их культурной и социально-экономической жизни. Историческое наследие Б. А. Рыбакова высоко ценится и в XXI в., например, А. В. Чернецов называет его «одним из тех, с кем ассоциируются целые эпохи научной жизни», а труды Б. А. Рыбакова, с его точки зрения, представляют собой «энциклопедический очерк средневековой русской истории и культуры» [34, с. 538, 542].

В то же время ряд исследователей относится к трудам Б. А. Рыбакова критически, среди них, например, Л. С. Клейн. Он отмечает националистический характер убеждений Б. А. Рыбакова, которые «пришлись ко двору» со второй половины 30-х гг. прошлого столетия. Л. С. Клейн обвиняет Б. А. Рыбакова в подборе одних фактов и игнорировании других (к примеру, игнорировании более отсталой, чем черняховская, роменско-боршевской культуры), в бездоказательности, в незнании иностранных языков. Он критически относится к выпускаемым им периодическим изданиям («Археология СССР» и др.). Позиция Л. С. Клейна по отношению к трудам Б. А. Рыбакова выражается его словами: «Я сам их читаю с удовольствием. Но вот тому, что я прочел, не верю» [14].

Одной из центральных проблем славянской истории (как и в случае с индоевропейской) является поиск прародины. Изучение этногенеза славян в любом случае приводит к выявлению тех или иных археологических культур, которые можно отнести к славянским. Общую позицию можно выразить словами В. В. Мавродина: этот вопрос «чрезвычайно сложный и спорный» [17, с. 11]. Советский и российский археолог-славист В. В. Седов (ратующий за преобладающее положение археологии над другими науками в деле изучения древнейшей истории славян) призывает решать проблему при помощи ретроспективного метода, позволяющего заглянуть вглубь веков, отталкиваясь от известного и таким образом поэтапно двигаясь к неизвестному [24]. К тому, как он это делает, критически относится Б. А. Рыбаков (аргументирует тем, что В. В. Седов, напротив, ведет изложение от более древних культур к менее древним) [23, с. 218–220].

Даже принимая во внимание размытость территории славянской прародины, мнения по поводу ее локализации расходятся сильно. Л. Нидерле (в книге «Славянские древности», которая впервые увидела свет в 1901 г.) определяет территорию, на которой жили славяне около начала н. э., т. е. до своего расселения, как область «между Эльбой и средним Поднепровьем». Сам Л. Нидерле отмечает не-

точность названных им границ [19, с. 31–33]. При этом Б. А. Рыбаков обозначает тенденцию, сложившуюся со времени выхода его книги: поиск прародины велся учеными либо в западной, либо в восточной частях обозначенного Л. Нидерле пространства. Так сложились две основные гипотезы о славянской прародине: висло-одерская и висло-днепровская [23, с. 217]. Среди авторов, которые поддерживают висло-днепровскую гипотезу, – Ф. П. Филин [33], среди авторов, поддерживающих висло-одерскую гипотезу, – Т. Лер-Сплавинский [16, с. 23]. В. В. Седов отмечает факт преобладания славянского этноса в бассейнах обеих рек: и Вислы, и Одера. В большей же степени, по его мнению, славяне все-таки были сконцентрированы в бассейне Вислы [24]. О. Н. Трубачёв вообще отвергает обе гипотезы, выступает за дунайскую прародину славян [30, с. 39–40].

В исследованиях, посвященных славянскому этногенезу, важным аспектом признается определение трипольской культуры, потому как ее рассматривают (Б. А. Рыбаков, Б. В. Горнунг), с одной стороны, как часть индоевропейского ареала, с другой стороны, как языковую предшественницу славян. При этом отмечается, что трипольское искусство часто имеет тесные параллели с индоиранской Ригведой. Это может быть объяснено наличием периодов тесных контактов между предками славян и индоиранцами, на что указывают Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский [3, с. 76]. Наличие славянско-иранских лексических связей еще раньше подчеркивал видный польский лингвист Т. Лер-Сплавинский, отмечая довольно сильное культурное влияние иранцев на славян [15, с. 8]. В то же время он считал, что языковые связи славян с иранскими племенами все же выражены чуть меньше, чем с германскими и балтийскими народностями [16, с. 21]. Б. А. Рыбаков, анализируя характерные черты трипольской культуры, приходит к интересному выводу, что в истории первобытной Европы она «была тем, чем была эпоха Ренессанса для Средневековья. Здесь полнее всего проявились творческие возможности и сложность мировоззрения индоевропейских земледельцев той эпохи» [23, с. 174].

Время распада общеславянского единства по-разному оценивается исследователями, но временной интервал здесь менее размыт, чем в случае с распадом индоевропейской общности. Весьма условно к этому вопросу подходит Б. В. Горнунг, обозначая периодом между VII и X вв. время деления славян на три ветви (восточную, западную и южную) [6, с. 4]. В. Мавродин считает временем обособления восточнославянских племен середину I тыс. н. э., В. П. Филин называет VI–VII вв. н.э. [33]. А. Мейе относит распад общеславянского языкового единства к VII–VIII вв. н. э. Интерес представляет вывод Л. Нидерле о том, что в полном смысле славяне никогда не составляли единого целого, в состав славянства входили различные этнические группы, что, в конечном итоге, и привело к дифференциации славян [19, с. 43]. А. Мейе, анализируя древнеславянские тексты IX в., приходит к выводу о существовании нескольких славянских диалектных групп: южной (македонский, болгарский, сербо-хорватский, словинский диалекты), русской (украинский и русский диалекты), западной (чешский, словацкий, лужитский, полабский, польский диалекты) [18, с. 102–104].

При изучении восточнославянской истории особое место занимают проблемы образования древнерусского государства, появления древнерусской народности, возникновения древнерусской цивилизации. Все эти процессы взаимосвязаны и отличаются своей длительностью. Последовательно рассмотрим взгляды исследователей на каждый из них.

Что касается первой из обозначенных проблем, то познание особенностей повседневной жизни славян неизбежно приобретает либо антинорманнский (Б. А. Рыбаков, В. В. Мавродин), либо норманнский окрас (Л. С. Клейн). П. Н. Третьяков отмечает дискуссионность многих вопросов: время возникновения территориальной общины, распада патриархальной семьи, неоднозначности толкования многих древнерусских терминов. Затем на основе археологических данных он пытается восстановить картину общественных и семейных отношений славян до образования древнерусского государства. П. Н. Третьяков приходит к выводу, что изменение семейных и общественных отношений – процесс, протекающий неравномерно для различных восточнославянских племен. Только к концу I тыс. н. э. территориальные общины и малые семьи становятся характерными в Древней Руси повсеместно [29]. М. Н. Громов и А. Н. Ужанков хронологически определяют период существования Древней Руси (а значит, и всего того, что обозначается термином «древнерусский») с IX в. и до начала Петровских реформ [9, с. 212]. Значение Киевской Руси в объединении восточнославянских племен и формировании древнерусской народности подчеркивает В. Мавродин [17, с. 157].

Вторая проблема не менее спорная. На полярность имеющихся точек зрения указывает А. С. Горин: от полного отрицания существования древнерусской народности до убежденности в ее раннем происхождении. В данном вопросе А. С. Горин поддерживает В. П. Даркевича: предпосылки к образованию древнерусской народности сложились не раньше X–XI вв. [5, с. 112–113]. В. П. Даркевич консолидирующую роль в этом процессе придает при-

нятию и распространению христианской веры, при этом отмечает недооценку конфессионального фактора в современной науке [12, с. 38, 41–42]. И. Н. Данилевский, напротив, отрицает даже возможность названия Киевской Руси государством (хотя бы потому, что «человек мыслил себя в масштабах одного города»), а также и существование древнерусской народности, т. к. население Древней Руси можно разбить на несколько этнических групп, отличающихся друг от друга особенностями культуры, внешности и даже языком [11, с. 169–171].

Обращаясь к третьей проблеме, отметим работы А. Н. Полякова «Образование древнерусской цивилизации» (2005 г.) и В. П. Даркевича «Единство и многообразие древнерусской культуры» (1997 г.). А. Н. Поляков рассматривает цивилизацию «как социальную систему». На ее образование указывают развитие и рост древнерусских городов (с «окультуренной территорией»), а значит, и становление ее приходится по большей мере на X в. С этого же времени ведет свое существование Киевская Русь [21, с. 73–75, 85]. В. П. Даркевич также полагает, что именно с X в. на Руси можно проследить наличие «атрибутивных признаков цивилизации», среди таковых, кроме собственно города, он рассматривает монументальную архитектуру и письменность [12, с. 38–39].

С распадом Киевской Руси начинается более самостоятельное развитие различных восточнославянских диалектов, что в конечном итоге приводит к выделению из восточнославянского единства русских, украинцев и белорусов. С XIII–XIV вв. уже можно говорить о появлении слов, относящихся к собственно русской лексике. Типичной является точка зрения В. Мавродина, который указывает, что в XIV–XVI вв. часть восточных славян объединялась русской (или великорусской) народностью, формировавшейся на территории от Поморья до Дикого поля, от Пскова до Нижнего Новгорода [17, с. 157]. Процесс складывания русской нации – длительный процесс. Временной отрезок с середины XVI в. до середины XVIII в., с точки зрения Е. И. Дёминой, образуют преднациональный период [13, с. 5].

А. В. Чернецов в статье, написанной к столетию со дня рождения Б. А. Рыбакова, с сожалением констатирует, что в настоящее время очевидным становится уход в прошлое «эпохи крупнейших достижений» научной мысли, и данная тенденция может затянуться надолго [34, с. 538]. Возможно, в какой-то степени это связано с теми новыми условиями, в которых сейчас находится историческая наука и о которых говорит А. Н. Поляков: в частности, падение значения теории общественно-экономических формаций в связи с распадом СССР и поиск новых подходов к историческому материалу [21, с. 72].

Проведенный историографический обзор показывает:

- обилие литературных источников как по теории развития языка, так и по истории его носителей. Значительное расхождение хронологических и сущностных оценок по обширному кругу важных для изучения вопросов даже в рамках отдельной отрасли науки: будь то языкознание или история;
- наличие теоретического обоснования необходимости взаимосвязанного изучения языковых и исторических процессов (в рамках сравнительно-исторического языкознания, во-первых, и в целом стремления использовать комплексный подход к изучению объекта исследования, во-вторых);
- появление на рубеже XX–XXI вв. работ, не просто обосновывающих важность комплексного подхода к объекту исследования, но и предлагающих современные методы исследования (как ДНК-генеалогия), позволяющие в гуманитарных науках использовать данные точных наук;
- при надлежащем теоретическом освещении важности взаимосвязанного изучения логики развития языка и исторического пути его носителей, ощущается недостаток конкретных исследований, призванных обозначить данную взаимосвязь практически, с точки зрения непосредственно анализа лексического состава русского языка.

1. *Алексеева Т. И.* Славяне и германцы в свете антропологических данных // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 58–68.
2. *Алпатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М. : Наука. Гл. ред. Восточной лит., 1991.
3. *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд., доп. и испр. М. : Мысль, 1983.
4. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Древнейшая Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // Вестн. древней истории. 1980. № 3. С. 3–27.
5. *Горин А. С.* Об имперском государственном устройстве Древней Руси X–XI вв. // Вопр. истории. 2011. № 9. С. 110–116.
6. *Горнунг Б. В.* Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М. : Изд-во АН СССР, 1963.
7. *Горнунг Б. В.* Место лингвистики в системе наук и использование в ней методов других наук // Вопр. языкознания. 1960. №4. С. 31–36.
8. *Горнунг Б. В.* О границах применения сравнительно-исторического метода в языкознании // Вопр. языкознания, 1952. № 4. С. 20–38.

9. *Громов М. Н., Ужанков А. Н.* Культура Древней Руси // История культур славянских народов : в 3-х т. М. : ГАСК, 2003. Т. I : Древность и Средневековье. С. 211–299.
10. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984.
11. *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М. : Аспект Пресс, 1998.
12. *Даркевич В. П.* Единство и многообразие древнерусской культуры (конец X – XIII вв.) // Вопр. истории. 1997. № 4. С. 36–52.
13. *Демина Е. И.* К проблеме становления литературных языков славянских народов на преднациональном этапе их историко-культурного развития: типология процесса // Литературные языки в контексте культуры славян. М. : ИСл РАН, 2008. С. 5–24.
14. *Клейн Л.* Академик Рыбаков и партийная линия. URL : http://trv-science.ru/2011/03/01/akademik-rybakov-i-partijnaya-liniya.
15. *Лер-Сплавинский Т.* Балто-славянская языковая общность и проблема этногенеза славян // Вопр. славянского языкознания. М. : Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 3. С. 5–14.
16. *Лер-Сплавинский Т.* К современному состоянию проблемы происхождения славян / Т. Лер-Сплавинский // Вопр. языкознания, 1960. № 4. С. 20–30.
17. *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М. : Высш. шк., 1971.
18. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1938.
19. *Нидерле Л.* Славянские древности. М. : Изд-во иностранной лит., 1956.
20. *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М. : Знак, 2004.
21. *Поляков А. Н.* Образование древнерусской цивилизации // Вопр. истории. 2005. № 3. С. 72–89.
22. *Потебня А. А.* Полное собрание трудов: Мысль и язык. М. : Лабиринт, 1999.
23. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М. : Наука, 1994.
24. *Седов В. В.* Этногенез ранних славян. URL : http://slavya.ru/trad/history/genezis/sed.htm.
25. *Сталин И.* Марксизм и вопросы языкознания. М. : Гос. изд-во политической лит., 1950.
26. *Толстой Н. И.* Избранные труды. М. : Языки русской культуры. 1997. Т. I.: Славянская лексикология и семасиология.
27. *Толстой Н. И.* Избранные труды. М. : Языки русской культуры, 1998. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация.
28. *Толстой Н. И.* Избранные труды. М. : Языки русской культуры, 1999. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию.
29. *Третьяков П. Н.* Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тысячелетии н. э. Советская археология, 1974. № 2. С. 73–84.
30. *Трубачёв О. Н.* Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
31. *Трубачёв О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М. : Наука, 2003.
32. *Трубачёв О. Н.* Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология. 1988–1990 : сб. ст. М. : Наука, 1993. С. 12–27.
33. *Филин Ф. П.* О прародине славян, распаде общеславянского языка и образовании языка восточных славян. URL : http://slavya.ru/trad/history/genezis/vost_slav.htm.
34. *Чернецов А. В.* Крупный учёный, неповторимая личность. К 100-летию со дня рождения академика Б. А. Рыбакова // Вестн. РАН. М., 2008. Т. 78, № 6. С. 538–548. URL : http://www.ras.ru/publishing/rasherald/rasherald_archive.aspx.
35. *Шапошников А. К.* Индоевропейский этногенез – свидетельствует мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия // Индоевропейская история в свете новых исследований : сб. науч. ст. М. : МГОУ, 2010. С. 251–262.

Interrelation of Language Development and Historical Way of its Native Speakers: State of Knowledge

V. N. Kuznetsov, E. A. Shumaeva

The main task of the article is to reveal the interrelation between language development and the historical evolution of its native speakers. The authors give the examples from Indo-European vocabulary of the modern Russian language and reconstruct the way of life of Indo-European tribes (their household, trade and religion). The authors analyzed the examples of Indo-European vocabulary starting with the letter “M”.

Keywords: Indo-European, Indo-European vocabulary, comparative and historical philology, language, word meaning, history, ancestral homeland, consuming and producing household, religion.

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ

Городской междисциплинарный семинар «Проблемы развития российского и регионального образования»

Заседание второе.
«Диффузия электронного обучения в традиционные формы образования:
проблемы, поиски, перспективы»
(стенограмма)

С. Д. Поляков, *доктор педагогических наук, координатор семинара*:

Начинаем второе заседание междисциплинарного городского семинара «Проблемы развития российского и регионального образования».

Тема сегодняшнего заседания «Диффузия электронного обучения в традиционные формы образования: проблемы, поиски, перспективы».

В семинаре участвуют представители УлГПУ, УИПКПРО, УлГТУ.

Напомню правила работы нашего семинара. У нас есть основной докладчик. На этот раз это доктор педагогических наук Валерий Александрович Куклев из Ульяновского государственного технического университета. В режиме офлайн, в записи, участвуют и неульяновские специалисты по проблематике семинара: профессор, доктор педагогических наук, А. А. Андреев (Москва); профессор, доктор педагогических наук, заслуженный работник высшей школы Е. А. Солодова (Москва); профессор, кандидат технических наук, действительный член Российской академии информатизации образования А. В. Соловов (Самара).

Перед семинаром всем приглашенным на него были разосланы тезисы доклада и вопросы для обсуждения. Регламент участия в дискуссии: первое выступление – до 5 минут, второе и третье – до 2-х минут. Управляющий временем символ – это желтая карточка в руках секретаря семинара Людмилы Николаевны Белоноговой.

Начинаем нашу работу.

Слово для доклада Валерию Александровичу Куклеву, доктору педагогических наук, УлГТУ.

В. А. Куклев.

Тема доклада: «Диффузия электронного обучения в традиционные формы образования»:

Уважаемые коллеги! С 1 сентября 2013 г. вводится федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», в котором уточнены важные для нас положения.

Согласно Закону под *электронным обучением* понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих взаимодействие обучающихся и педагогических работников.

Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников.

Приказом Минобрнауки России от 06.05.2005 № 137 утвержден актуальный в настоящее время *Порядок использования дистанционных образовательных технологий*. Вероятно, он сможет применяться и после вступления в силу Закона № 273-ФЗ.

Мы все знаем о технологиях, которые изменили мир: карты (оказывается, в мире есть границы и рамки); часы (они научили нас жить фиксированными интервалами времени); книги (научили думать линейно, последовательно); наконец, *информационные технологии* (стали менять наши мысли). Одним из примеров применения информационных технологий является электронное обучение (e-learning).

Каковы последствия феномена электронного обучения?

1. *Произошли изменения между ценностью и доступностью информации.*

Еще достаточно недавно информация в стенах учебного заведения была труднодоступна, потому ценилась высоко. Важно было прийти на лекцию (занятие), записать, запомнить. С течением времени просто надиктованный текст лекций перестал иметь ценность, а динамика времени стала заставлять современных студентов рационально относиться ко времени. Потому необходимо адаптировать учебные мероприятия к современным условиям, делать их ценными и важными. Занятия должны привлекать практической ценностью, чем-то таким, чего нельзя просто так найти в Интернете. Должны быть диалоги, совместное создание чего-то нового, того, что позволит получить уникальные, практичные знания, которые уже завтра можно будет применить на рабочем месте или в проекте. Вывод: нужно изменить то, что происходит в стенах вуза.

2. *Студент и школьник становятся активными участниками образовательного процесса.*

Активность в Интернете и социальных сетях меняет отношение к образованию. Нужны учебные задания, ориентированные на творчество, использование возможностей Интернета не для скачивания готовых работ, а для формирования новых навыков анализа, синтеза и создания чего-то нового. Вывод: обучаемые должны активно участвовать в учебном процессе.

3. *Подчеркивается уникальность каждого студента.*

В традиционном учебном процессе студента редко спрашивают о том, что нравится, а что нет, редко прислушиваются к его мнению. Вывод: нужна возможность индивидуализации учебного процесса.

4. *Востребована практическая ориентация образования.*
5. *Произошло изменение мотивации.*

Изменение мотивации не на сдачу экзаменов, а на получение новых знаний, умений и навыков, которые можно будет применить в жизни, в работе.

Информационные технологии для образования характеризуются двумя положениями:

а) три вектора развития: гибкость, доступность, мобильность. Информационные технологии в обучении должны быть простыми и удобными, чтобы работа с ними не отнимала время и внимание, а они сами помогали в достижении учебных целей. Учебные ресурсы должны быть доступны с любого устройства, с любой операционной системы и через любой браузер;

б) задача – победить в конкуренции за внимание студента и сделать образование таким, чтобы знания, полученные за 4–6 лет в вузе, не нужно было актуализировать сразу после окончания. Для этого нужно видеть векторы развития общества, человека и образа мышления.

Охарактеризуем распространенность электронного обучения в России.

С позиции распространения e-learning Россия находится только на втором этапе развития дистанционных образовательных технологий, в то время как западный мир уже прошел ступени традиционного дистанционного обучения, электронного обучения (e-learning), мобильного обучения (m-learning) и развивает всепроникающее (u-learning) обучение. Последние три ступени явились базой для создания новой learning-индустрии, которая успешно завоевывает мировой рынок.

Сегодня e-learning занимает в современной системе образования в России особое место, органично дополняя другие формы обучения. Электронное обучение активно используется как в учебных заведениях, так в других организациях.

Ведущие российские вузы и крупные учебные центры предлагают большое число курсов по самым разным предметным областям. Идет активный процесс адаптации зарубежного контента от ведущих поставщиков, разрабатываются российские дистанционные курсы. Число потребителей дистанционных курсов в России значительно и растет быстрыми темпами. Однако большая часть студентов данной системы дистанционного обучения проживает в Москве, Санкт-Петербурге, Московской области.

Государственное предприятие «Почта России» реализует социальный проект «Новые возможности дистанционного образования через пункты коллективного доступа для населения России». В рамках данного проекта была запущена пилотная программа дистанционного обучения через пункты коллективного доступа в десяти регионах России, среди которых Самарская, Ростовская, Томская области, республики Бурятия, Удмуртия, Приморский край и др.

В настоящее время основной *политикой по ресурсообеспечению образовательного* процесса является централизация ресурсов в составе нескольких хранилищ федерального уровня:

- федерального портала «Российское образование» (www.edu.ru), наиболее посещаемого ресурса в сфере образования. В составе портала выделен отдельный раздел – так называемый каталог образовательных ресурсов. В основу каталога положены практически все ресурсы, имеющие какое-либо отношение к образованию. Все это разбито по темам, рубрикам, типам ресурсов, аудитории и т. п.;

- Федерального центра информационных образовательных ресурсов (http://fcior.edu.ru);
- Единой коллекции цифровых образовательных ресурсов (http://school-collection.edu.ru/). Значительную часть коллекции составляют оцифрованные фрагменты музыкальных произведений, привязанные к программе средней школы. Здесь хранятся произведения русской и зарубежной классической музыки.

Отметим проект «Электронный дневник» в российской школе. Он выполняет функции разработки и публикации расписания занятий; ведения журналов успеваемости; профилированного доступа (администратор, учитель, школьник, родитель); социальной сети для общения; системы оповещения пользователей (sms, email).

Выделим новое явление – массовые открытые дистанционные курсы.

В последнее время по инициативе Массачусетского технологического института в мире появилось более 3000 открытых курсов, среди которых: «Будущее образования» (2009 г.) – тьюторы Дейв Кормье и Джордж Сименс, участвовало более 600 чел.; «Открытое образование», 2010 г. – тьютор Дэвид Уили, участвовало около 60 чел., 2008 г. – тьюторы Джордж Сименс и Стивен Даунс, училось более 2200 чел.; «Социальные сервисы и открытое образование» (2010 г.) – тьютор Алек Курос, обучалось более 180 чел.; «Обучение и аналитика знаний 2011» – открытый курс, который провела команда Дж. Сименса весной 2011 г. для более чем 1500 чел.

Отметим общие проблемы распространения инноваций. Известно, что диффузия инноваций (diffusion of innovation) – это процесс распространения новшеств в обществе, закономерности распространения новых продуктов, технологий, идей среди потенциальных потребителей (пользователей) с момента их появления. Назван этот процесс по аналогии с диффузией в физике – процессом взаимного перемешивания молекул различных веществ в смеси. Этот инновационный процесс изложен в книге Эверетта Роджерса (Everett M. Rogers) Diffusion of Innovations («Диффузия инноваций»), в которой он предложил модель описания этого явления. В основе модели Э. Роджерса лежит *сегментация* потенциальных потребителей инновации по признаку индивидуальной предрасположенности к восприятию инновации, в которой выделяется пять *сегментов*: новаторы; ранние последователи; раннее большинство; позднее большинство; опоздавшие.

Скорость внедрения инноваций, по Э. Роджерсу, зависит от пяти основных свойств инновации (нового продукта), которые потенциальные потребители оценивают при принятии решения, *использовать инновацию или нет*: а) относительные преимущества инновации; б) ее совместимость; в) ее сложность; г) простота апробации; д) коммуникативность.

Процесс вовлечения в использование инновации состоит из следующих этапов. *Узнавание* – потребитель получает первую информацию о новом продукте, но ее еще недостаточно для принятия новшества. *Интерес* – потребитель испытывает интерес к новому продукту и осуществляет поиск дополнительной информации о нем. *Оценка* – потребитель оценивает новый продукт применительно к своей ситуации (в настоящем или будущем) и решает, стоит или нет использовать его. *Апробация* – потребитель использует/тестирует новый продукт. *Признание* – индивидуум принимает решение о дальнейшем использовании новшества.

Обозначим проблемы распространения соответствующих инноваций в школьном и высшем образовании России. Их можно разделить на организационные, технические, методические. Охарактеризуем часть из них:

а) поиск инноваций и результат внедрения электронного обучения находится на стыке педагогики, информационно-телекоммуникационных технологий и их применения. Есть ли такие специалисты? Необходима специализированная подготовка специалистов для осуществления учебного процесса в системе электронного обучения (ЭО);
б) *преподаватель электронного обучения* – кто это? Где учатся на преподавателя электронного обучения?
в) *функционирование электронной информационно-образовательной среды* (ЭИОС), включающей в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств и обеспечивающей освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от их местонахождения;
г) *создание электронного контента* должно осуществляться силами преподавателя, или нужна соответствующая структура в каждом учебном заведении;
д) *интерактивность в электронных ресурсах* (в традиционном обучении интерактивность предполагает постоянное взаимодействие «учитель-ученик»); лучшие западные образцы – 100 % интерактивность;
е) стоимость и скорость проводного и беспроводного доступа к интернет-ресурсам;
ж) обеспечение интеллектуальной собственности авторов-разработчиков;
з) образование лиц с ограниченными возможностями здоровья;

и) экспертиза содержания, нужны эксперты в предметной области;
к) разнообразие программных платформ для реализации электронного обучения, сейчас выбор предоставлен вузу;
л) нужен стандарт электронного обучения, обеспечивающий совместимость электронных ресурсов;
м) нормирование и оплата труда преподавателей и работников;
н) гарантии качества и обеспечения безопасности (в т. ч. информационной) электронного обучения.

Значимость проблем развития электронного образования хорошо представлена в видеофрагменте, который предлагаю посмотреть.

(Далее участникам семинара представлен видеофрагмент диалога научного руководителя МЭСИ, президента международного консорциума «Электронный университет», профессора В. П. Тихомирова и профессора, доктора педагогических наук А. А. Андреева о перспективах электронного обучения.)

В. А. Куклев, продолжение доклада:

Рассмотрим сценарии развития электронного образования.

Сценарий 1: «Инициатива “снизу”».

Одобрено премьер-министром Д. Медведевым (январь 2013 г.). Ассоциация некоммерческих университетов «Омский региональный электронный университет». Включает 7 вузов. Создается единая база учебных ресурсов, открытая и обновляемая, доступная студентам вузов – участников проекта. Действует сайт omreu.ru, на котором будет доступно более 400 курсов.

Башкирия. Создана компания ООО «Электронный университет». За 3 года создано 47 сайтов для инновационно-образовательных проектов. В 2013 г., по заявлению Президента Башкирии Р. Хамитова, будет создан консорциум «Башкирский электронный университет», основными функциями которого будут: послевузовская подготовка специалистов; содействие в профессиональной переподготовке кадров предприятий, государственных служащих.

Ожидаемый результат. Участники проектов разрабатывают и размещают образовательные ресурсы за счет собственных средств на региональном уровне. Государственные органы осуществляют мониторинг функционирования проектов. Возможна грантовая поддержка проектов со стороны госорганов.

Сценарий 2: «Приказано “сверху”».

Сетевая межуниверситетская площадка «Универсариум» (universarium.org). Инициатор – Д. Гужеля (зам. директора департамента федеральных целевых программ). Основная идея современного электронного университета – бесплатно и в любое время получать энциклопедическую подготовку и целевое профильное обучение в различных направлениях науки и образования. Заявленные участники проекта – МГУ, РИА «Новости», компания «Современные образовательные концепции» (edu-sok.ru).

Ожидаемый результат. Министерство образования и науки РФ разрабатывает проект электронного университета, на что выделяются *федеральные средства*, реализуются пилотные проекты, которые в дальнейшем развиваются под руководством госструктур. Место реализации выбирается по конкурсу. Имеется аналог – единая коллекция цифровых образовательных ресурсов по предметам для 1–11 классов (school-collection.edu.ru).

С. Д. Поляков: К нашему семинару прислали свои выступления в видеозаписи известные специалисты по проблемам дистантного и электронного обучения А. А. Андреев, Е. А. Солодова, А. В. Соловов.

Слово А. А. Андрееву, доктору педагогических наук (Москва).

А. А. Андреев: Решение задачи бесплатного и массового доступа к качественным учебным курсам независимо от места проживания и статуса обучающегося привело к появлению массовых открытых дистанционных курсов МООС, которые реализуются в среде Интернет. Широкое распространение и признание МООС в мире показало, что методика преподавания требует изучения их методических основ на предмет внедрения их элементов в очный и дистанционный учебный процесс в российских вузах.

Анализ проектов, которые иногда называют электронными университетами, типа Coursera, Udasity, EdX, Khan Academy, позволил сделать обобщения, которые будут изложены в форме заметок и могут быть учтены преподавателями.

Предварительно скажем, что схема организации учебного процесса во всех МООС, как мне показалось, имеет много общего. Потенциальный студент выбирает в Интернете интересующий его курс и записывается на него. Деятельность студента включает в себя работу на лекциях, выполнение заданий, тестирование, работу в форумах по обсуждению заданий и проблем. Кроме того, студент может пройти итоговую аттестацию для получения сертификата.

Позволю себе высказать некоторые утверждения, правильность которых и хотелось бы обсудить.

Теоретический материал в курсах представляется лекциями, которые разбиваются на части длительностью 2–10 мин. Причем каждая часть лекции завершается тестом, викториной

или контрольными вопросами на понимание. Лекции чаще всего представляются в записи. Кстати, такой подход описан и использовался М. Е. Вайндорф-Сысоевой в 2005 г. Вебинары, представляющие собой дистанционные интерактивные лекции, которые распространены в ДО курсах в России, в МООС не используются.

Практикуется подача теоретического материала и формул с помощью графического планшета «хановским» методом, когда преподаватель доносит учебную информацию голосом, одновременно делая пояснительные графики, схемы и рисунки. Это можно трактовать как возврат на новом электронном уровне к «меловому» периоду обучения с помощью доски, мела и голоса преподавателя. В этом случае ясно виден принцип развития явления по спирали, которому нас учили в советском курсе философии.

Дополнительный теоретический материал к лекциям дается в ссылках на интернет-источники. Мультимедийное представление учебных материалов автору не встречалось. Практикумы представлены в виде разного рода заданий и дистанционных виртуальных лабораторий. Основные усилия авторов и разработчиков курсов направлены на автоматизацию проверки результатов выполнения заданий.

Помимо заданий с вариантами ответов и вопросов с краткими свободными ответами, как на видеолекциях, разрабатываются задания по математике, с алгебраическими выражениями, а также с выводом формул и доказательствами. В заданиях может проверяться правильность моделей, будь то финансовые модели из курса по бизнесу, физические модели из курсов по науке и технике или довольно сложные задания по программированию.

Для контроля деятельности студентов используется самостоятельное и перекрестное (взаимное) оценивание студентами работ друг друга. Только итоговое контрольное мероприятие принимает очно преподаватель, в случае когда необходимо выдать сертификат. Итоговая аттестация проводится очно в специально организованных местах.

Для гуманитарных дисциплин организуются онлайн-дискуссии в форумах как один из вариантов заданий по курсам гуманитарного направления.

Форум рассматривается как место, где: люди могут задавать вопросы и помогать друг другу; люди могут выразить свои чувства по отношению к курсу и получить поддержку и поощрение; может быть дополнительная информация, касающаяся курса; студенты могут связаться с другими студентами для формирования учебных групп, организации реальных встреч для общения и совместного сотрудничества.

Много внимания уделяется сотрудничеству. Студенты сотрудничают различными способами. Во-первых, существует форум вопросов и ответов, где одни студенты могут задать вопрос, а другие на него ответят. Правила сотрудничества подробно расписаны на сайте курса. Например, Udacity призывает студентов создавать сообщества для общения как онлайн, так и лично, чтобы помогать друг другу учиться. Ключевым является использование сотрудничества как способа повышения качества обучения, а не как способа поделиться ответами, не понимая их.

Поощряется совместный просмотр лекций, а также обсуждение и совместная работа над ответом на лекции в викторинах. Для выполнения заданий можно обсудить вопросы с другими студентами в онлайн-форумах.

Важно отметить, что в процессе обучения по МООС во всех зарубежных проектах проводится большая научно-исследовательская работа по анализу учебного процесса. Это позволяет оценивать качество и эффективность тех или иных новаций.

Российские протоМООС типа «Интуит» (А. В. Шкред) и Businesslearning («Альянс-Медиа» и МИМ ЛИНК), характеризуются доступом к теоретическим материалам в текстово-графической форме, тестам и отсутствием общения между студентами. Консультации с преподавателем минимизированы.

С. Д. Поляков: Слово Е. А. Солодовой, доктору педагогических наук (Москва).

Е. А. Солодова: Хочу подискутировать по некоторым мыслям основного доклада В. А. Куклева.

1. По поводу *изменения мотивации не на сдачу экзаменов, а на получение новых знаний, умений и навыков, которые можно будет применить в жизни, в работе*. Речь идет как раз о компетенциях, т. е. о способности применять в нестандартных условиях жизни ЗУНы. Информационные технологии позволяют создавать такие нестандартные виртуальные жизненные ситуации, в которых студент мог бы попытаться применить свои знания, умения и навыки.

2. По поводу *информационных технологий для образования*.

«Три вектора развития: гибкость, доступность, мобильность». Абсолютно согласна. Очень важный тезис: «Победить в конкуренции за внимание студента и сделать образование таким, чтобы знания, полученные за 4–6 лет в вузе, не нужно было актуализировать сразу после окончания. Для этого нужно видеть векторы развития общества, человека и образа мышления». Для того чтобы сделать образование таким, необходимо строить информационные технологии на основе принципа трансдис-

циплинарности, т. е. давать такие универсальные знания, которые «работают» в любой науке, любой дисциплине. Например, это знание о том, что мир нелинеен, и только в нелинейных системах можно наблюдать появление нового качества, в то время как в линейных системах происходят только количественные изменения. Именно потому и происходит эволюция, что все явления в мире нелинейны. К трансдисциплинарным знаниям относятся знания принципа дополнительности Н. Бора, принципа соответствия Н. Бора, свойство фрактальности мира как фундаментальное свойство материи и много других основополагающих знаний методологического свойства, справедливых для любой дисциплины.

3. По поводу *электронного дневника в российской школе*. Помимо указанных в докладе функций он выполняет свою главную функцию – формирования нового качества образовательного пространства. Действительно, электронный дневник – это новое качество школьного образования, воплощенное в форме автоматизированной поисковой системы, в которой отражено все образовательное пространство школы со всей совокупностью отношений, складывающихся между субъектами образовательного процесса – учителями, учениками и родителями. В школах, имеющих статус ФЭП по программе «Электронный паспорт школы», автоматизирован также мониторинг процесса формирования компетентностей учащихся (начальная и, частично, основная школа). Например, в гимназии № 56 г. Ижевска уже работают такие автоматизированные программы, результаты которых выложены на сайте гимназии.

Эта гимназия является также базовой школой в сетевом интернет-проекте ФОРОС – формирование общероссийской образовательной среды – www.foros.awse.ru/. Одной из особенностей этого проекта является трансляция части мероприятий – лекции ведущих ученых, выступления учащихся на общероссийских конференциях, педсоветы и т. д. – в режиме онлайн в сети Интернет для всех участников проекта.

4. По пункту 6 – *Проблемы распространения соответствующих инноваций в России в школьном и высшем образовании* – общее мнение таково, что высшее образование резко отстает от школьного.

Среди проблем в основном докладе не указана проблема информационного сопровождения одаренных детей, особенно детей-инвалидов. Есть, правда, определенные подвижки в этом нелегком деле. Так, в Национальном Университете НИЯУ МИФИ создана дистанционная школа по сопровождению одаренных детей. Этот опыт должен стать повсеместным.

С. Д. Поляков: Слово А. В. Соловову, кандидату технических наук, (Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королева).

А. В. Соловов: Важным фактором, стимулирующим увеличение степеней свободы в образовании, является развитие и широкое внедрение технологий электронного обучения (ЭО). Концептуальный девиз ЭО: «Учиться тому, что необходимо, в любое удобное время, в любом удобном месте» – существенно подрывает устои жестко регламентированного формального образования.

Фундаментальным отличием в традиционном (face-to-face) обучении и ЭО является самостоятельная учебная работа (с печатными материалами, с электронными образовательными ресурсами, выполнение проектных работ и т. п.). И если уроки уже сами по себе естественным образом задают регламентацию (структурируют содержание, время, виды учебной деятельности), то самостоятельная учебная работа этими свойствами, увы, не обладает. К чему это приводит? Если людям предоставить свободный выбор способа какой-либо деятельности, то большинство выберет наиболее легкий для себя. Многие обучающиеся при этом, не стесненные временными и структурными рамками изучаемого курса, приступают к изучению учебного материала лишь в конце срока обучения, незадолго до, а то и во время зачетно-экзаменационного периода. Бегло просматривают учебное пособие и пытаются многократным штурмом пройти итоговый тест. Естественно, что такая практика учебного процесса лишь дискредитирует саму идею и технологические средства ЭО. У различных систем управления обучением (Learning Management Systems – LMS) имеется ряд общих функциональных возможностей, важных для регламентации учебного процесса, прежде всего в формальном образовании.

1. Предоставление специально подготовленного контента закрытым группам обучающихся, изучающих конкретный курс в определенный период времени с разграничением прав доступа к электронным ресурсам для обучающихся, преподавателей-тьюторов, разработчиков курса, менеджеров-администраторов.
2. Структуризация содержания курса на отдельные блоки-модули и различные виды электронных ресурсов внутри самих модулей.
3. Различные виды деятельности: просмотр ресурсов, тренинг по теории, контроль, проектная работа (индивидуальная и совместная), различные виды взаимодействия (семинары, форумы, чаты, индивидуальные консультации) и др.
4. Различные виды контроля: промежуточный, итоговый, с ограничением по времени и чис-

лу попыток, с различными формами тестов и др.
5. Выполнение проектных работ (формулировка и предъявление заданий, размещение выполненных работ в базе данных, их проверка, оценивание, консультирование).
6. Оценивание различных видов учебной деятельности (компьютерных тестов, проектных работ, активности на семинарах и форумах и др.) с автоматическим формированием индивидуальных и групповых рейтинговых ведомостей успеваемости.
7. Контроль преподавателей за учебной деятельностью обучающихся (когда и с какими элементами курса работал каждый, каковы результаты и др.).
8. Контроль менеджеров-администраторов за работой преподавателей и обучающихся.
9. Сбор различной статистики и генерация отчетов (по группе, отдельному обучающемуся или преподавателю и др.).

Эти и ряд других функций современных LMS создают предпосылки для *жесткой регламентации процесса обучения*, что, несомненно, важно для формального образования, сохраняя при этом комфортные условия учебной работы как для обучающихся, так и для преподавателей («в удобное время в удобном месте»). Неслучайно поэтому современные LMS иногда называют «золотыми клетками» учебного процесса.

Рассмотрим электронное образование в облаке. «Золотые клетки» виртуальных учебных сред современных LMS нередко критикуют за слабые возможности генерации и хранения создаваемого пользователями контента и низкий уровень интеграции с социальными сетями. Некоторые преподаватели пытаются избежать ограничений, которые эти системы накладывают на пользователей. Они используют вместо установленных в учебных заведениях LMS различные общедоступные интернет-инструменты, формируя более современные, «живые» условия для сотрудничества студентов, создания и совместного использования ими собственного учебного контента.

Перемещение сервисов электронного образования в облако содержит в себе не только преимущества, но и определенные риски для учебных заведений. Даже незначительные обновления программного обеспечения облачного сервиса, которые выходят регулярно, могут сделать пользовательскую документацию устаревшей или коварно изменить тщательно спроектированную образовательную деятельность.

Облачные сервисы, являющиеся одним из весьма перспективных направлений развития ИКТ, начинают все более активно использоваться в сфере образования. Эти сервисы предлагают учебным заведениям новые возможности для предоставления динамичных и актуальных, основанных на интернет-технологиях приложений для электронного обучения. Облачные технологии хотя и несут с собой новые риски, но создают ряд существенных преимуществ, в том числе экономического характера, как для учебных заведений, так и для непосредственных участников учебного процесса – обучающихся и преподавателей.

С. Д. Поляков: Спасибо. Переходим к обсуждению. Позвольте поставить сквозные вопросы, чтобы не растекаться по очень широкому полю, т. к. проблематика семинара чрезвычайно большая.

Первый вопрос. Достаточно ли носителей электронного образования (преподавателей, техников, инженеров), чтобы электронное образование развивалось?

А если недостаточно, то какие стимулы, какие механизмы могут увеличить их число и компетентность?

Второй вопрос. Какие практические ходы необходимо делать для наращивания носителей этой инновации, которые бы продвигали ее в массу, то есть каковы закономерности, по Э. Роджерсу, распространения данной инновации?

Я могу владеть информацией о том, как действовать в электронном преподавании (я умею), но *хочу ли* я так действовать?

Вероятно, есть какие-то очень важные социально-образовательные последствия, которые мы плохо представляем и прогнозируем, и они – не в самом электронном обучении, а в последействиях-эффектах, без понимания которых тот же электронный дневник станет чумой, портящей отношения родителей и детей, и т. п.

С. Д. Поляков: Первым слово предоставляется Сергею Вячеславовичу Данилову, кандидату психологических наук, УИПКПРО.

С. В. Данилов: Уважаемые коллеги, у меня несколько реплик, я, может быть, где-нибудь пересекусь с моментами, которые обозначил С. Д. Поляков.

Во-первых, хочу поблагодарить за содержательный доклад Валерия Александровича, я для себя кое-что новое узнал и кое в чем убедился.

Начать хотелось бы с позиции «пролетая над лесом». Дистанционное образование – это не форма, а ресурс, средство образования, и целесообразно относиться к нему как средству, которое довольно активно и интенсивно проникает во все сферы жизнедеятельности.

Смотрите, какой любопытный эффект наблюдается за счет информационных средств в институтах воспитания и социализации. Например, социальный институт друзей уже за-

меняется электронным вариантом – «френдами». За счет социальных сетей количество таких «вроде бы друзей» увеличивается, качество общения становится другим, не таким, как при межличностном общении.

При дистанционном обучении меняется не только форма, но и содержание, и качество образования. Я вспоминаю известный анекдот: «Чем отличается соловей от воробья? – Оба певцы, оба консерваторию оканчивали, но по-разному».

Что же будет дальше? Может быть, венцом будет дистанционная семья? Почему бы и нет, раз уж есть новый институт социализации?

Интернизация дает новый мощнейший инструмент социализации, который широким фронтом проходит по всем социальным институтам.

Я думаю, в ближайшем будущем появится виртуальная реальность, о которой пишут футуристы и фантасты (тот же Лукьяненко), которая будет использоваться сначала для обучения, потом для общения, а потом…

Если говорить об электронном обучении, это достаточно хороший ресурс, средство. Сопротивляться его диффузии бесполезно, она уже осуществилась, речь идет о деталях. Может быть, наиболее интересна в связи с этим проблема мотивации преподавателя.

Я считаю, что преподаватель высшей школы имеет право сам решать, применять или нет ему электронные средства и в какой степени. Когда мне надо, я их использую ровно настолько, насколько мне это нужно. Но вот для детей с некоторыми особенностями развития дистантное обучение может быть спасением.

С. Д. Поляков: Спасибо. Слово Наталье Николаевне Белухиной, кандидату педагогических наук, УлГПУ.

Н. Н. Белухина: По поводу мотивации. Кроме хочу – не хочу, позволят – не позволят есть еще критерий выгодно – невыгодно. Если я начну работать в дистантном режиме, те часы, которые у меня были в нагрузке, частично секвестируют (например, с малокомплектными группами занятия будут проходить не с каждой отдельно, а в режиме распределенного класса). Я как преподаватель стану менее востребована, и поэтому у многих преподавателей это вызывает опасение: и так происходит сокращение контингента обучающихся, так еще своими руками добьемся сокращения часов. Поэтому нужно подумать о размере оплаты за дистантный час или о нормах часов при применении дистантных технологий.

С. Д. Поляков: Есть еще одна проблема. Если мы уходим в электронное обучение, то необходимы особенные нормы, правовые основы в отношении норм деятельности преподавателей.

Н. Н. Белухина: Совершенно справедливо. Валерий Александрович говорит об электронном обучении, а не о дистантном образовании. Дистантное образование как форма в новом законе об образовании не прозвучало. Какие последствия это может иметь для обучающихся? Мы будем применять дистантность всего лишь как технологию.

С. Д. Поляков: Как я понял, у нас в обсуждении две рамки. Одна – внутриквалификационная. В ней разговор идет о нехватке нормативности. Вторая – об электронных средствах обучения, которые могут использоваться и в заочном (дистантном) образовании, и в очном. Для первой темы – важная информация из Министерства образования: к новому закону об образовании готовится около 200 нормативных актов. Слова просит кандидат педагогических наук Наталья Николаевна Новичкова, УлГПУ.

Н. Н. Новичкова: Я хочу сказать слова благодарности Валерию Александровичу за то, что он стимулировал наши мысли.

Я хотела бы поделиться некоторыми соображениями как преподаватель педагогики. Вижу такую проблему: при активном использовании электронных средств изменяется сама природа педагогического процесса. В основе педагогического процесса лежит межличностное взаимодействие. И оно будет меняться, вопрос только, в направлении какой плоскости – реальной или виртуальной. В любом случае, природа учебной мотивации будет другой, ее надо изучать.

Второе соображение. На мой взгляд, диффузия электронного образования в традиционное происходит прежде всего как диффузия электронных средств, ресурсов. Со средствами мы отстаем. Была информация, что уже есть электронные учебные столы, но не у нас.

Третье. Диффузия электронных средств может носить реакционный характер, может довести до отчуждения человека и всего человеческого. Здесь же тема здоровья. Наверно, скоро потребуется валеология, посвященная виртуальному миру.

С. Д. Поляков: Я услышал две идеи, которые мы не должны потерять либо оспорить.

Первая – это идея виртуального взаимодействия студентов, школьников и педагогов. Андреев и Тихомиров говорят, что они не личностные. Я думаю, что они все же личностные, просто по средствам другие.

Вторая. Спор о том, что такое электронное обучение – это просто новое учебное средство или образовательная революция, в которой меняются и смыслы учения, и его мотивация? Продолжит обсуждение доктор педагогически наук Ольга Михайловна Железнякова, УлГПУ.

О. М. Железнякова: Я бы хотела пробежаться по предложенным нам вопросам. К какому сегменту вы себя относите в плане электронного обучения? Я себя отношу к позднему потребителю, хотя мы с московской внучкой уроки по скайпу учим, зарядкой занимаемся. И все равно я себя отношу к позднему потребителю.

Второй вопрос. При каких условиях электронное обучение может стать обычным? На мой взгляд, оно уже стало обычным, традиционным, так как оно уже реализуется в той мере, в которой это возможно при данной материальной базе и финансовом обеспечении.

Что касается дистантного образования, то оно будет обычным инструментом только при полной компьютеризации.

Третий вопрос. Дистантное образование для определенной категории учащихся весьма привлекательно. Оно целесообразно для особой категории людей, у которых есть потребность в образовании без отрыва от производства. Требуется оно и одаренным людям с ограниченным здоровьем, а также заочникам.

Что касается очников, здесь другая ситуация. В вузе у них та жизнь, на которую они, собственно, рассчитывали. И это отнюдь не только, а для кого-то и не столько учение...

Четвертый вопрос. При каких условиях социальные сети могут быть ресурсом электронного обучения? Только при высокой потребности в образовании без отрыва от производства. Я думаю, такая потребность скоро заявит о себе в полную силу, потому что молодежь уже на ранних этапах своей жизни все стремительнее пытается освоить профессию и создать личное финансовое обеспечение.

Пятый вопрос. Не приведет ли электронное обучение к разрушению традиционной системы образования? В том понимании, которое вкладываю я в этот вопрос, – нет.

Дополнительное соображение. Мне кажется, с переходом на американскую модель образования, на которую ориентируются наши инновации, мы многое теряем. На этом пути мы претерпели изменения, которые соразмеримы с разрушениями, если не с катастрофой, нашего образования. Уровень образованности наших студентов падает. Спасибо.

С. Д. Поляков: Я хотел сказать одну реплику, чтобы мы не уходили в мифологизм относительно американской системы образования. В нашей работе участвует Инна Алексеевна Семикашева, которая десять месяцев стажировалась в американском университете. Если у американского образования тот уровень, о котором говорила Ольга Михайловна, то непонятно, почему 90 % нобелевских лауреатов – американцы. Вероятно, с американским образованием дело обстоит сложнее. Слово Инне Алексеевне Семикашевой, кандидату психологических наук, УлГПУ.

И. А. Семикашева: Может быть, так. Если мы возьмем восемнадцатилетних американцев, то их образовательный уровень ниже нашего. Но если возьмем 24-летних, то наоборот. В американских университетах – весьма жесткий отбор, и выживают в образовании самые сильные. Слова просит Инна Владимировна Захарова, кандидат педагогических наук, УлГТУ.

И. В. Захарова: Дорогие коллеги, я расскажу о двух идеях: одна более глобальная, другая более частная.

В том, что такое e-lerning для нашей системы образования, я могу согласиться с Н. Н. Новичковой: да, это другая педагогика. Но это и не совсем так. Когда мы используем e-lerning в вузовской заочной системе или экстернате, тогда это просто новая техника. Для заочного обучения в аспирантуре, магистратуре, повышения квалификации, для людей, которые имеют навыки самообразования, – это эволюционный ход. А в школьной системе электронное обучение – революция, так как дети уже к этому готовы. Мне рассказывала одна студентка, как ее пятилетняя сестренка прекрасно работает в Интернете. Нам нужна новая педагогика. И это тема будущих исследований. Это первая мысль.

Вторая мысль. Может быть, я сделаю маленькую рекламу. В Ульяновске e-lerning существует 12 лет, и практическая школа и практические методики электронного обучения у нас – это то, что под руководством Валерия Александровича возникло и разрабатывалось в нашем Институте дистантного образования. Это то, чего нет нигде в Поволжье, мы на несколько шагов впереди других поволжских центров. В новом законе об образовании есть норма – повышение квалификации раз в три года. Решить эту задачу без электронного дистантного обучения, наверное, невозможно.

С. Д. Поляков: Я хочу зафиксировать по мотивам последних выступлений три идеи. Первая модель – традиционное обучение, и к нему добавляется электронное средство. Вторая модель – если в обучении есть человек, запрашивающий такое обучение. Ему оно зачем-то нужно: для работы, для собственного интереса. И третья модель – то, что Валерий Александрович называл блендингом.

Проблемы же здесь таковы. Что меняется, когда человек выбрал этот путь образования, когда реализация этих моделей работает на эффективность и когда она начинает мешать достижению целей? Продолжает выступления кандидат психологических наук Марина Михайловна Силакова, УлГПУ.

М. М. Силакова: Я бы хотела рассмотреть проблему с точки зрения преемственности и приемлемости возможностей электронного обучения по отношению к тем профессиям, по которым работает наша кафедра психологии. Кроме того, что мы готовим учителей, мы еще занимаемся подготовкой педагогов-психологов. При этом очень важны личностный контакт, общение и взаимодействие. Приведу пример. Моя выпускница защищала выпускную квалификационную работу о развитии у наших студентов качеств эмпатии и навыков социального взаимодействия. Эти качества входят в профессиограмму психолога. Гипотеза у нас была такая: наши профессиональные дисциплины, которые изучаются с третьего курса, каким-то образом влияют на становление этих профессиональных качеств. У нее получилось, что навыками социального взаимодействия студенты овладевают на достаточно высоком уровне, а вот эмпатией не овладевают. Чтобы развить эмпатию, нужны не знания, а специальные тренинговые программы с эмоциональным контактом с преподавателем. Другого пути нет. Наверно, возможно использовать некоторые формы электронного и дистантного обучения в базовых дисциплинах, таких как история психологии, но не в специальных психологических дисциплинах.

Так что не по всем специальностям можно обучать только с помощью электронных средств. Где-то их можно использовать в 100 %, где-то – в 90 % а где-то – минимально. Наверное, в подготовке к профессиям типа «человек – человек» использовать дистантное обучение можно минимально.

Еще одно новое явление для размышления. К нам в последнее время приходят студенты, которые прошли ЕГЭ, при подготовке к которому осуществлялась деятельность, близкая к письменному тестированию. Мы получаем в итоге «не говорящих» студентов. Задания, в которых надо говорить, например моделирование разговора психолога и клиента, вызывают большие затруднения. Студенты так и говорят: на занятиях в школе мы не говорим.

На мой взгляд, система высшей школы должна не только давать знания, вводить в профессию, но и формировать научное мышление, мировоззрение, определенную позицию. А их можно сформировать только при помощи взаимодействия с преподавателем. Перехожу снова на нашу специальность педагога-психолога. В психологии сейчас много подходов и теорий. И чтобы стать профессионалом, нужно вырабатывать позиции в отношении этих подходов. А это возможно в основном во взаимодействии с преподавателем – носителем этих позиций.

И последнее. У нас на кафедре работает Александр Иванович Федоров. Он недавно рассказал такой случай. К нему попросились ходить на лекции люди, уже закончившие образование в дистантной форме. Александр Иванович спрашивает их: «А вам-то зачем, у вас же есть дипломы?» А они отвечают: «Мы хотим живого преподавателя послушать». Вот так.

О. М. Железнякова: Подтверждаю. Нам прислали перед семинаром тезисы, и я их изучила. Но только с удовольствием прослушав Валерия Александровича, начала что-то понимать.

И. А. Семикашева: Я присоединяюсь к Ольге Михайловне. Пример: у меня есть клиент с ограниченными возможностями, который достаточно успешно занимается в дистантном варианте. Но он просит, чтобы мы, я со студентами, приходили к нему хоть на полчаса в день и вместе занимались.

Н. Н. Белухина: Если мы говорим о социализации детей с ограниченными возможностями, то тоже возникает сложность. Я проводила у заочников, которые у нас учатся и в школе уже работают, небольшое исследование. Они учили детей по индивидуальной программе дистантно. Так эти ученики умоляли: «Придите к нам! Мы везде распишемся, что Вы дистанционно с нами провели все. Но Вы придите к нам».

Еще пример. Есть областная целевая программа «Дистанционное образование лиц с ограниченными возможностями». Они хотят живого общения. Им нужны не только и не столько знания, сколько общение. Они хотят видеть живого человека.

Дистанционное образование для людей с ограниченными возможностями имеет ограниченные возможности. Вот второе высшее – дистанционка. Самообразование – дистанционка.

С. Д. Поляков: Спасибо. Мне кажется, что у нас в выступлениях более-менее сложились следующие позиции. Первая: электронное средство обучения – всеобщее средство, выполняющее разные функции. Вторая: в ближайшем будущем будет весьма сегментезированное образование. Если речь идет об обучении профессиям «человек – человек», то это позиция Марины Михайловны Силаковой. Для ее усиления приведу пример. У меня есть знакомая в Москве, блестящий, на мой взгляд, специалист, работающий с ребятами с особенностями здоровья. Она работала в системе дистанционно. Но почувствовала, что этого недостаточно. И сейчас у нее четыре дня в дистанционном режиме, а два дня они собираются небольшими группами вместе и совместно с ними что-то делают. Слово кандидату педагогических наук Раису Рамазановичу Загидуллину, УИПКПРО.

Р. Р. Загидуллин: Мне кажется, что электронное обучение будет развиваться в двух традиционных вариантах. Первый вариант – электронное обучение как замещающее традиционное, второй – электронное обучение как интегрирующееся с традиционным. Мне кажется, что выделенные группы проблем, организационные, технические и методические, в этих двух вариантах будут совершенно различны. Если электронное обучение замещает традиционное, то оно может формировать систему знаний вне контекста личностного общения педагога. При этом качества, которые назывались – интерактивность и мобильность, – будут возрастать. А электронное обучение, интегрирующееся с традиционным, становится не более чем одним из средств обучения. Мне иногда электронное обучение мешает вести занятие, снижает мою интерактивность и мобильность, потому что я выстраиваю диалог непосредственно со слушателем

С. Д. Поляков: Диалог сейчас и здесь, да?

Р. Р. Загилуллин: Да. Если мне задается вопрос традиционно здесь и сейчас, который у меня в рамках плана электронного обучения будет звучать через 5–10 минут, то моя интерактивность нарушается. Я бы сейчас с удовольствием ответил на вопрос слушателя, включился с ним в дискуссию, но ведь в рамках использования электронных ресурсов это у меня позже будет!

Мне кажется, что при использовании электронного обучения в традиционном интерактивность и мобильность преподавания будут снижаться.

Я бы рассматривал в рамках темы нашего семинара два класса проблем: образовательные (как решать задачи образования) и социальные (социальные последствия).

Если говорить о проблемах в рамках образовательных перспектив, то скоро человек будет знать ровно столько, сколько ему расскажут – не более. О перспективе социальных последствий, мне кажется, лучше всего сказал Эйнштейн: «Если технологии на всех уровнях войдут в нашу жизнь, то мы скоро получим поколение идиотов».

С. Д. Поляков: Спасибо. У нас есть возможность одной-двух реплик, и мы на этом завершаем. Жанна Николаевна Дюльдина, кандидат педагогических наук, УлГПУ.

Ж. Н. Дюльдина: Все, наверное, знают Маугли. И если мы хотим получить «маугли», то мы можем получить его в трех видах: маугли-человека, не ставшего человеком, воспитанного животными; маугли-робота, воспитанного роботом, компьютером; маугли-человека, развивающегося, как положено человеку. Последнее возможно, если мы отдаем ребенка бабушке, воспитателю, учителю, маме.

И, вероятно, последняя реплика. Шигабетдинова Гузель Мирхайзановна, кандидат педагогических наук, УлГТУ.

Г. М. Шигабетдинова: Тема семинара мне очень близка, поскольку мы часто обсуждаем эти вопросы со студентами. Студенты прощают нам, преподавателям, наше нежелание или, может быть, техническую неготовность использования современных технических электронных средств, поскольку ценят прежде всего возможность получения того бесценного опыта, которым владеет конкретный преподаватель.

Дистанционные формы общения являются реальностью в практике работы современных фирм. У меня сын работает в компании, где дистанционно обмениваются заданиями, проводят дистанционно пятиминутки и т. п. И так работают не только программисты, но и менеджеры, и редакторы. В таком режиме общаются наши школьники. Пришли в университет на занятие в Школу журналистики ребята-восьмиклассники. Когда мы стали им рассказывать, что такое SMM, выяснилось, что они являются не только активными пользователями, но и создателями контента ряда сайтов, групп «ВКонтакте».

И, может быть, ключевая проблема – это преподаватель. Хочет ли он, может ли, готов ли осваивать технологию электронного обучения? Готов ли размышлять на эту тему вообще?

Вот главные вопросы.

Почему неактивен педагог? Возьмем, к примеру, электронный дневник. Где-то он, наверное, работает, но он вызывает, я знаю, отторжение у многих педагогов. Для них это – излишняя нагрузка. Учитель оформил обычный дневник, поставил оценки в бумажные носители и еще должен перевести их в электронные. Это дополнительная работа. Это временные затраты.

Хотим ли мы тратить собственное время на дополнительную работу – тоже вопрос.

С. Д. Поляков: Спасибо! Обратите внимание: мы сделали круг, но в виде спирали. Мы вернулись к проблеме готовности преподавателя, если трактовать ее не как умелость, а и как мотивационную готовность.

Заключительное слово В. А. Куклеву.

В. А. Куклев: Я постараюсь некоторые мысли, которые прозвучали, прокомментировать и в то же время ответить на некоторые вопросы.

По поводу виртуальной реальности, которая как будто бы нас ждет. Так вот, она уже есть. Есть соответствующе проекты. Например, «Виртуальная Академия», российская разработка. Мы опробовали этот вариант два года тому назад.

По поводу мотивации – тут я могу не со всем согласиться. Меняется природа педагоги-

ческого процесса: из реального он превращается в виртуальный.

Напомню, согласно вузовскому стандарту 50 % времени студент учится в аудитории, 50 % – в самостоятельной работе. Вот туда, в самостоятельную работу, хотелось бы вложить больше ИКТ-технологии.

Надо изучать мотивацию к применению электронного обучения. Это простор для исследования.

По поводу проникновения трансферных технологий. Три года назад я считал, что нетбук – самое лучшее средство. Но уже созданы планшетные компьютеры. А дальше больше будет.

Но суть в том, что пока мы сами не будем это применять, этого трансфера как учебной реальности и не будет.

Была высказана важная мысль: «Мы открыты и готовы учиться». Нет вопросов: приходите – научим.

Говорилось, нужны теории разработки. Извините, книг за 15 лет написано множество (у меня на балконе огромные стопки книг, касающиеся электронного обучения). Мы можем и дальше продолжать теоретические разработки, но нужно проектирование будущего. Мы почему-то чаще спрашиваем, что будет 1 сентября 2013 года. А хотелось бы спросить, что будет в 2014, 2015 гг.

По поводу спора о том, что есть электронное обучение – образовательное средство или образовательная революция. Если мы эту революцию не сделаем, тогда электронное обучение останется ресурсами и средствами. Революцию делаем мы.

Связано ли электронное обучение с экономическими вопросами? Конечно. В Москве раздали электронные книги на основе электронных чернил. Но они не интерактивные и черно-белые. Это просто текст. А есть ли деньги на другие электронные книги?

Дистанционное образование для особых категорий. Этот тезис пересекается с вопросом о подготовке психологов. Я приведу еще один пример: специалистов в области радиационной безопасности тоже заочно и дистанционно не учат. Есть список специальностей и профилей, которые на самом деле учить дистанционно нельзя. Не могу не согласиться.

По поводу обучения без отрыва от производства. Это, наверно, тот пласт, где нужно было это дело внедрять еще вчера.

По поводу того, что нужна студенческая жизнь. Я с этим могу не согласиться. Занятие с преподавателем никто не отменяет. Но смотри, студент, дополняй, обсуждай, ищи дальше сам.

Прозвучала хорошая мысль, что катастрофы от внедрения электронного обучения не будет. Я надеюсь, что так и будет.

Идея Инны Владимировны Захаровой про эволюционный путь в вузовском преподавании. Мы сами идем по этому пути, я надеюсь, что так оно и будет. А революцию в школе, к сожалению, у меня не получится сделать – я вузовский преподаватель.

По поводу того, что нужна новая педагогика. Ответ такой: Андреееев Александр Александрович – заведующий кафедрой электронной педагогики (!). Это официальное название.

Электронные учебники больше необходимы для повышения квалификации и переподготовки – тут перспективы. Нельзя с этим не согласиться.

Ключевой вопрос: «Нужно ли живое общение?». Здесь дело техники, способа поведения преподавателя. Обратите внимание: все выступали, а я специально, намеренно молчал.

Но электронное обучение не противоречит живому общению. Пример: молодая мама-преподаватель, недавно родила, не может приходить на занятие, живет в другом городе – не там, где находится работа. Проводит занятие в интерактивном режиме из дома, из другого города. Она говорит, что чувствует себя востребованной. Вот так.

С. Д. Поляков: Реальное взаимодействие сложнее, чем дальнее. Надо думать.

В. А. Куклев: Вместо традиционного. Или необходима их интеграция. Пройдет несколько лет, и мы с вами посмотрим. Это будет, скорее всего, интеграция, проникновение. Диффузия – это проникновение. Простой пример. Помнит кто-нибудь из вас ламповые телевизоры? Потом были телевизоры на транзисторах, потом – на микросхемах. А теперь – на микроконтроллерах. Телевизор остался, только он стал меньше, функции улучшились, цифровое телевидение появилось уже в Ульяновске. Но телевизор остался. Поэтому и обучение останется.

На этом я остановлюсь и вручу флаг электронного обучения от УлГТУ Ульяновскому государственному педагогическому университету.

(*Общие аплодисменты*)

С. Д. Поляков: Уважаемые коллеги! На этом мы завершаем работу. Всем спасибо большое за участие в работе семинара.

Последействие

(*Интервью после семинара***)**

В. А. Дронов: Наталья Николаевна, Ваши впечатления о семинаре.

Н. Н. Белухина: Я с чем пришла, с тем и уйду, поскольку с Валерием Александровичем мы знакомы не первый день.

Я рада, что волна e-learning, как его сейчас стали называть (а мы по-старому называем дистанционным образованием), в

общем-то, докатилась до нашего гуманитарного вуза.

В. А. Дронов: Наталья Николаевна, а зависит ли применение электронного обучения от учебного содержания: в истории, психологии, педагогике?

Н. Н. Белухина: Речь сегодня об этом шла. Если осваивать профессию типа «человек – человек», то предпочтительнее традиционные формы обучения.

Мое убеждение, что первое высшее образование, неважно, получаешь ли ты специальность техническую или гуманитарную, человек должен получить все-таки в очной форме. Потому что молодой человек, кроме того, что должен освоить профессию, должен получить образование и должен уметь социализироваться в обществе, должен уметь решать проблемы, в том числе научиться взаимодействовать со сверстниками, со старшими, с людьми разного статуса.

А вот для второго высшего образования, для самообразования дистанционное образование незаменимо. Так я думаю.

В. А. Дронов: Спасибо, Наталья Николаевна!

City interdisciplinary seminar “Problems of Russian and regional education development”

Second meeting. “Diffusion of e-teaching in the traditional forms of education: problems and perspectives” (Shorthand report)

Студенческая научно-практическая конференция на историческом факультете УлГПУ им. И. Н. Ульянова

Р. В. Ильязова

26 апреля 2013 г. в рамках исторического факультета Ульяновского государственного педагогического университета состоялась ежегодная научно-практическая конференция, посвященная проблемам социально-экономической и политической истории России и зарубежных стран (рис 1).

Открыл конференцию заведующий кафедрой истории, кандидат исторических наук, доцент **Л. А. Шайпак**.

По сложившейся традиции, на пленарном заседании перед студентами и преподавателями факультета с докладами выступают выдающиеся деятели культуры и науки Ульяновской области, которые не работают в стенах вуза.

В 2013 г. таким почетным гостем стал **Геннадий Александрович Дёмочкин**, литератор, краевед и автор издательского проекта «Антология жизни». Известный в области и в России публицист рассказал о своем новом проекте «Народная история», целью которого является привлечение огромного числа людей по всей России для воссоздания истоков, истории развития отдельных семей, а вместе с ней – истории российского общества и государства (рис. 3).

Работа на конференции была организована в четырех секциях:

Секция 1. Проблемы истории, этнографии и археологии России.

Сессия 1А. История России и края в дореволюционную эпоху.

Сессия 1Б. История России и края в советское время.

Секция 2. Проблемы истории зарубежных стран.

Секция 3. Музееведение.

Секция 4. Педагогика и методика преподавания истории.

Во время работы секций был освещен достаточно широкий круг научных вопросов (рис. 2).

Д. Алферьев в своем выступлении, посвященном роли и месту балашовских волнений 1905 г. в становлении личности П. А. Столыпина, раскрыл вехи государственной деятельности великого российского реформатора, административный талант которого проявился в период Первой русской революции во время урегулирования крупных социальных конфликтов в губерниях Среднего Поволжья.

А. Матвеев дал оценку демографических данных, приведенных в метрических книгах в фондах Симбирской духовной консистории Государственного архива Ульяновской области. Автор пришел к выводу о том, что эти источники позволяют получить довольно обширную информацию социально-демографического характера о населении Симбирской губернии. Наиболее привлекательными выглядят приходы бывшего Сызранского уезда, так как именно по ним представлено большое число метрических книг.

Рис. 1. **Студенты исторического факультета на пленарном заседании**

Рис. 2.
Объявление рабочих секций

В. Гиматдинова в своем докладе представила основные формы и методы ревизионной деятельности государственных контрольных органов Симбирской губернии в годы Гражданской войны. **М. Фролова** дала характеристику сельскому хозяйству региона в целом, а также описала специфику социально-экономических отношений в симбирской деревне в период новой экономической политики. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на первоначальный подъем сельского хозяйства в результате реформ, давление партийно-государственного администрирования все сильнее сказывалось на крестьянском хозяйстве, подавляло его активность на протяжении всего изучаемого периода.

Рис. 3.
Выступление Геннадия Дёмочкина

Часть авторов обратила свое внимание на вопросы истории культуры. В частности, **Е. Ховрина** предприняла попытку раскрыть своеобразие традиций и обычаев мордовского народа. Особое внимание было уделено свадебным обычаям. Автор представил собственную точку зрения на ряд вопросов: что такое обычай, как он влияет на развитие общества, необходимы ли обычаи и традиции предков современному поколению. **А. Чекушкина** в своем докладе на тему «Основные языческие мотивы в русском декоративно-прикладном искусстве» определила наиболее характерные виды народного искусства, раскрыла ключевые мотивы в декоративном творчестве, выделила центральные религиозные мотивы в прикладном искусстве.

Целый ряд вопросов, озвученных на конференции, был затронут в докладах нескольких участников. Весьма актуальной на прошедшей конференции стала история этнических меньшинств на территории Симбирской губернии и Ульяновской области. **Е. Торгова** рассмотрела направления деятельности подотдела по работе с национальными меньшинствами при Организационно-агитационном отделе РКП(б) в Симбирской-Ульяновской губернии в 1918–1928 гг. **И. Максимова** уделила большое внимание деятельности И. Я. Яковлева и проблеме художественного воспитания в Симбирской чувашской школе как пути к саморазвитию и сохранению национального самосознания. Гуманистические взгляды педагога – основателя народных школ были рассмотрены в качестве возможных педагогических ориентиров для современных учителей в докладах **А. Бузиновой** и **Т. Кузьминой**.

Рис. 4.
Руководитель секции педагогики Н. Н. Новичкова

В связи со 165-летним юбилеем Ульяновской областной научной библиотеки невозможно было обойти тему ее становления, а также истории развития Симбирской Карамзинской общественной библиотеки, непосредственной преемницей которой она является в настоящее время. В докладе **А. Фоминой** также говорилось о системе управления библиотекой, составе руководящего органа и его функциях на различных этапах существования библиотеки.

Повышенным вниманием на конференции пользовались научные изыскания, посвященные роли религии в общественной жизни России. В целом ряде докладов были рассмотрены положение христианских (не православных) религиозных сообществ Симбирской губернии на рубеже XIX–XX столетий (**А. Македонова**) и теоретические основы антирелигиозной борьбы в СССР в 1920–1930-е гг. (**Р. Ильязова**), проблема реституции церковного имущества в России (**А. Яфизов**), некоторые особенности становления ислама (**А. Гущин**) и, наконец, задачи духовного православного воспитания по формированию основ нравственной жизни школьников (**М. Матвеев**).

Несколько выступлений студентов специальности «Музееведение» носили практико-ориентированный характер и содержали конкретные предложения по развитию туризма в Ульяновской области. В частности, студенткой 5 курса исторического факультета **К. Семеновой** на конференции была озвучена концепция экскурсионной культурно-образовательной программы «Круглый год». **А. Атмашкина** рассказала о специфике доходных домов симбирских купцов Зеленковых как экскурсионных объектов. **Е. Ключникова** представила Новую Беденьгу в качестве формирующегося центра событийного туризма на территории Ульяновской области.

В рамках «Секции 2» прозвучали доклады, касающиеся проблем изучения зарубежной истории. **К. Бабкова** рассмотрела процесс объединения Италии во второй половине XIX в. с позиции философии Н. Макиавелли. Был дан историко-философский анализ внутренних и внешних процессов, поспособствовавших объединению Италии в эпоху Рисорджименто.

Предметом научных интересов студентов исторического факультета стали также сравнительно недавние события, происходившие на Востоке. **А. Мурыгин** изучил события «Арабской весны» 2011 г. в освещении СМИ, а **А. Князев** рассмотрел интеграционные процессы на Востоке в новое и новейшее время на примере АСЕАН.

Настоящим оплотом для будущих учителей стала секция педагогики и методики преподавания истории. Здесь студенты старших курсов смогли не только рассказать о впечатлениях от своей педагогической практики, но и поделиться ценным опытом с теми, кому еще только предстоит это испытание (**А. Македонова**). Особое внимание было уделено принципам гуманной педагогики, отраженным в «Манифесте гуманной педагогики» Ш. А. Амонашвили и группой учителей новаторов. Особый интерес вызвал доклад **Д. Алферьева** об идеях гуманной педагогики в трудах Н. К. Рериха. Работа секции прошла в необычном формате – презентации фрагмента мастер-класса «Духовный гуманизм как философия педагога-гуманиста» под руководством **Н. Н. Новичковой** (рис. 4). Основы и принципы мастер-класса представили студенты 5 курса исторического факультета **Е. Аленченкова**, **Е. Козлова** и **М. Митянина**.

После завершения конференции многие участники отмечали необходимость вне-

дрения новшеств в работу секций: различных тренингов, мастер-классов, семинаров, а также проведения обучающих мероприятий, которые способствовали бы повышению уровня публичных выступлений студентов исторического факультета.

Таким образом, «Студенческая научно-практическая конференция», ежегодно проводимая на историческом факультете в апреле, – действительно важное мероприятие, позволяющее развивать в студентах умение критически подходить к озвученным в докладах идеям и положениям, задавать интересующие их вопросы, расширять свой кругозор и помогающее преподавателям выявить талантливых и одаренных исследователей. Безусловно, такое мероприятие требует развития, и хочется верить, что будущие поколения ученых поднимут его на новый уровень.

Scientific Conference among Students of Historical Department, Ulyanovsk State Pedagogical University Named after I. N. Ulyanov

R. V. Ilyazova

НАШИ АВТОРЫ

Алферьев Данил Станиславович – студент исторического факультета; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
valerya.alferjeva@yandex.ru; тел. 8-908-951-09-46.

Андреев Сергей Алексеевич – кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры истории; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
eco_asa@mail.ru; тел. 8(8422)44-16-98.

Арябкина Ирина Валентиновна – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета педагогики и психологии; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
ar_irina@rambler.ru; тел. 8-960-372-49-32.

Баранец Наталья Григорьевна – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии; Ульяновский государственный университет;
n_baranetz@mail.ru; тел. 8(8422)32-21-09.

Башаева Светлана Георгиевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физики, доцент кафедры немецкого языка; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
bashaevaswet@mail.ru; тел. 8-987-630-57-56.

Бибикова Надежда Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
nv95@rambler.ru; тел. 8-960-372-80-20.

Будылина Ирина Николаевна – соискатель Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; старший научный сотрудник; Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации;
ib3007@mail.ru; тел. 8-906-033-08-17.

Галдобина Светлана Владимировна – профессор кафедры педагогики и культурологии; Национальный институт им. Екатерины Великой;
dinabs@mail.ru; тел. 8-905-569-42-33.

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии; Ульяновский государственный университет;
comm3@yandex.ru; тел. 8-902-123-04-35.

OUR AUTHORS

Alferiev Danil Stanislavovich –student-researcher, Historical Department; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
valerya.alferjeva@yandex.ru; tel. 8-908-951-09-46.

Andreev Sergey Alekseevich – Candidate of History, senior lecturer; Chair of History; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
eco_asa@mail.ru; tel. 8(8422)43-59-71.

Aryabkina Irina Valentinovna – Doctor of Education; Professor; Head of the Chair of Pedagogical Sciences and Psychology; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
ar_irina@rambler.ru; tel. 8-960-372-49-32.

Baranets Natalia Grigorievna – Doctor of Philosophy, Professor; Chair of Philosophy; Ulyanovsk State University;
n_baranetz@mail.ru; tel. 8(8422)32-21-09.

Bashaeva Svetlana Georgievna – Candidate of Pedadogic Sciences; associate professor; Chair of Physics, Chair of the German Language; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
bashaevaswet@mail.ru; tel. 8-987-630-57-56.

Bibikova Nadezhda Vyacheslavovna – Candidate of Pedadogic Sciences; associate professor; Chair of Social Work; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
nv95@rambler.ru; tel. 8-960-372-80-20.

Budylina Irina Nikolaevna – post-graduate student; Military University (Moscow); researcher; Central Archive of the Ministry of Defence (the Russian Federation);
ib3007@mail.ru; tel. 8-906-033-08-17.

Galdobina Svetlana Vladimirovna – Doctor of History, Professor; Chair of Pedagogic and Culturology; National Institute named after Ekaterina the Great;
dinabs@mail.ru; tel. 8-905-569-42-33.

Dergunova Nina Vladimirovna – Doctor of Political Science, Professor; Head of the Chair of Sociology and Political Science; Ulyanovsk State University;
comm3@yandex.ru; tel. 8-902-123-04-35.

Долгов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент; Институт образования и науки (г. Москва);
sts@yandex.ru; тел. 8(495)764-78-66.

Егорова Элеонора Валериевна – ассистент кафедры английского языка для профессиональной деятельности; Ульяновский государственный университет;
eleanor_63@mail.ru; тел. 8-906-390-86-86.

Едышев Денис Викторович – ассистент кафедры педагогики, директор культурного центра; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
edyshev@bk.ru; тел. 8-927-827-06-27.

Ермишина Оксана Федоровна – старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита; Ульяновский государственный университет;
eof19@ yandex.ru; тел. 8-951-094-84-98.

Жилкина Людмила Николаевна – ассистент кафедры географии; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
comm3@mail.ru; 8-905-035-50-78.

Иглин Алексей Владимирович – кандидат юридических наук; доцент кафедры государственного и административного права юридического факультета; Ульяновский государственный университет;
iglin-AV@list.ru; тел. 8(8422)44-29-50.

Ильина Лилия Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романских языков; Ульяновский государственный университет;
liliana-m@freemail.ru; тел. 8-906-145-84-38.

Илькин Алексей Николаевич – аспирант, старший преподаватель кафедры спортивных дисциплин; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
ilkin-aleksei@mail.ru; тел. 8-927-803-25-11.

Ильязова Рената Витальевна – студентка 5 курса; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
rena.ilyazova@mail.ru; тел. 8-902-127-74-31.

Истомин Александр Викторович – аспирант кафедры ТОФВ; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
slasty@list.ru; тел. 8-937-032-45-05.

Калинина Наталья Валентиновна – доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии; Ульяновский государственный университет;
kalinata66@mail.ru; тел. 8(8422)32-00-22.

Dolgov Sergey Nikolaevich – Candidate of History; associate professor; Institute of Education and Science (Moscow);
sts@yandex.ru; tel. 8(495)764-78-66.

Egorova Eleanora Valerievna – teaching assistant, Chair of English for Professional Activity; Ulyanovsk State University;
Eleanor_63@mail.ru; tel. 8(8422) 27-24-69.

Edyshev Denis Viktorovich – teaching assistant, Director of Cultural Centre, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
edyshev@bk.ru; тел. 8-927-827-06-27.

Ermishina Oksana Fedorovna – senior lecturer; Chair of Accounting and Audit; Ulyanovsk State University;
eofl9@yandex.ru; tel. 8-951-094-84-98.

Zhilkina Ludmila Nikolaevna – teaching assistant; Chair of Geography; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
comm3@mail.ru; tel. 8-905-035-50-78.

Iglin Aleksey Vladimirovich – Candidate of Jurisprudence, associate professor; Chair of State and Administrative Law; Ulyanovsk State University;
iglin-AV@list.ru; tel. 8(8422)44-29-50.

Ilyina Liliya Mikhailovna – Candidate of Pedagogic Sciences; associate professor; Chair of the Romance Languages; Ulyanovsk State University;
liliana-m@freemail.ru; tel. 8-906-145-84-38.

Ilkin Aleksey Nikolaevich – post-graduate student, senior lecturer; Chair of the Sport Disciplines; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
ilkin-aleksei@mail.ru; tel. 8-927-803-25-11.

Ilyazova Renata Vitalievna – student-researcher; Historical Department; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
rena.ilyazova@mail.ru; tel. 8-902-127-74-31.

Istomin Aleksander Viktorovich – post-graduate students; Chair of the Theory of Physical Education; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
slasty@list.ru; тел. 8-937-032-45-05.

Kalinina Natalia Valentinovna – Doctor of Psychology, Professor; Head of the Chair of Psychology; Ulyanovsk State University;
kalinata66@mail.ru; tel. 8(8422)32-00-22.

Камениченко Сергей Борисович – соискатель кафедры истории; Военный университет (г. Москва); начальник 6 отдела (руководство архивным делом ВС РФ) Управления делами МО РФ; oovak09@mail.ru; тел. 8(495)696-40-01.

Kamenichenko Sergey Borisovich – post-graduate student; Chair of History; Military University (Moscow); archive-keeping, military forces of the RF, General Affairs Department of the Ministry of Defence;
oovak09@ mail.ru; tel. 8(495)696-40-01.

Кондратьев Владимир Вячеславович – ассистент кафедры физического воспитания; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
kondratjevvova@yandex.ru; тел. 8-917-626-94-50.

Kondratiev Vladimir Vyacheslavovich – teaching assistant; Chair of Physical Education; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
kondratjevvova@yandex.ru; tel. 8-917-626-94-50.

Конопкин Алексей Михайлович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и культурологии; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова; научный сотрудник Управления научных исследований; Ульяновский государственный университет;
amkonopkin@yandex.ru; тел. 8-908-476-70-90.

Konopkin Aleksey Mikhailovich – Candidate of Philosophy; senior lecturer; Chair of Philosophy and Cultural Science; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; researcher; Office of scientific research; Ulyanovsk State University;
amkonopkin@yandex.ru; tel. 8-908-476-70-90.

Костюнина Любовь Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой ТОФВ; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова; l ikost@mail.ru; тел. 8-950-883-36-70.

Kostyunina Lubov Ivanovna – Candidate of Pedagogic Sciences; associate professor; Head of the Chair of the Theory of Physical Education; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
likost@mail.ru; tel. 8-950-883-36-70.

Костяев Эдуард Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и культуры; Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина;
edikost@bk.ru; тел. 8-917-207-75-64.

Kostyaev Eduard Valentinovich – Candidate of History; associate professor; Chair of Russian History and Culture; Yuri Gagarin State Technical University of Saratov;
edikost@bk.ru; tel. 8-917-207-75-64.

Крашенинникова Наталья Александровна – кандидат технических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка для профессиональной деятельности; Ульяновский государственный университет;
kna.73@mail.ru; тел. 8-903-339-98-88.

Krasheninnikova Natalia Aleksandrovna – Candidate of Science, associate professor; Head of the Chair of English for Professional Activity, Ulyanovsk State University;
kna.73@mail.ru; tel. 8-903-339-98-88.

Крошнева Марина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Филология, издательское дело»; Ульяновский государственный технический университет;
kroshneva@yandex.ru; тел. 8-903-336-70-86.

Kroshneva Marina Evgenievna – Candidate of Philology, associate professor; Chair of Philology and Publishing; Ulyanovsk State Technical University;
kroshneva@yandex.ru; tel. 8-903-336-70-86.

Кузнецов Валерий Николаевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова; kuznetsow_ simb@mail.ru; тел. 8-906-394-05-20.

Kuznetsov Valeriy Nikolaevich – Doctor of History, associate professor; Chair of History; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
kuznetsow_simb@mail.ru; tel. 8-906-394-05-20.

Лёвин Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории; Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского; Serg. Lewin@ yandex.ru; тел. 8-906-155-37-17.

Levin Sergey Vladimirovich – Candidate of History; associate professor; Chair of History; Balashov's Institute (branch of N. G. Chernyshevsky Saratov State University);
Serg. Lewin@ yandex.ru; tel. 8-906-155-37-17.

Максимов Александр Иванович – аспирант Волжского университета им. В. Н. Татищева (г. Тольятти);
s-1923@bk.ru; тел. 8(8482)48-06-83.

Максимов Дмитрий Сергеевич – младший научный сотрудник в/ч 54726 (г. Москва);
rus_dimax@mail.ru; тел. 8-909-638-46-82.

Марасова Светлана Евгеньевна – аспирант кафедры философии; Ульяновский государственный университет;
marasova@list.ru; тел. 8-964-858-60-23.

Мартынов Вячеслав Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента; Государственный инженерно-экономический университет (Санкт-Петербург);
kkirova@pnk.ru; тел. 8(812)271-05-54.

Медиев Максим Михелевич – студент исторического факультета; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
mmmaxim1993@gmail.com; тел. 8-927-829-16-16.

Мещеряков Алексей Викторович – кандидат биологических наук, доцент кафедры физического воспитания; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
aleksei236@rambler.ru; тел. 8-905-184-29-18.

Плохова Ирина Анатольевна – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социальной работы; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
soc.rabota2007@mail.ru; тел. 8(8422)44-15-97.

Романова Ирина Борисовна – доктор экономических наук, профессор; заведующая кафедрой бухгалтерского учета и аудита; Ульяновский государственный университет;
romanova_i.b.ulgu@mail.ru; тел. 8-951-096-96-48.

Сосновский Ярослав Викторович – адъюнкт очной формы подготовки; Военный университет Министерства обороны РФ, г. Москва;
sosnovskij1975@mail.ru; 8-929-517-23-98.

Спиридонова Анна Владимировна – студентка юридического факультета; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
anna73-14@mail.ru; тел. 8(8422)44-16-96.

Сычёва Ольга Александровна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой образовательного права; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова.
sychewa@bk.ru; тел. 8(8422)44-16-96.

Maksimov Alexander Ivanovich – post-graduate student; Volzhsky University after V. N. Tatischev (Togliatti);
s-1923@bk.ru; tel. 8(8482)48-06-83.

Maksimov Dmitriy Sergeevich – employee; military unit 54726 (Moscow);
rus_dimax@mail.ru; tel. 8-909-638-46-82.

Marasova Svetlana Evgenievna – post-graduate student; Chair of Phylosophy; Ulyanovsk State University;
marasova@list.ru; tel. 8-964-858-60-23.

Martynov Vyacheslav Fedorovich – Candidate of Jurisprudence; associate professor; Chair of Economy and Management; Saint-Petersburg State University of Engineering and Economics;
kkirova@pnk.ru; tel. 8(812)271-05-54.

Mediev Maksim Mikhelevich – student-researcher; Department of History; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
mmmaxim1993@gmail.com; tel. 8-927-829-16-16.

Meshcheryakov Aleksey Viktorovich – Candidate of Biological Sciences; associate professor; Chair of Physical Education; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
aleksei236@rambler.ru; tel. 8-905-184-29-18.

Plokhova Irina Anatolievna – Candidate of Sociological Sciences; Head of the Chair of Social Work; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
soc.rabota2007@mail.ru; tel. 8(8422)44-15-97.

Romanova Irina Borisovna – Doctor of Economics, Professor; Head of the Chair of Accounting and Audit; Ulyanovsk State University;
romanova_i.b.ulgu@mail.ru; tel. 8-951-096-96-48.

Sosnovsky Yaroslav Viktorovich – adjunct, post graduate military courses; Military University (Moscow);
sosnovskij1975@mail.ru; tel. 8-929-517-23-98.

Spiridonova Anna Vladimirovna – student-researcher; Law Department; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
anna73-14@mail.ru; tel. 8(8422)44-16-96.

Sycheva Olga Aleksandrovna – Candidate of Jurisprudence; Head of the Chair of Educational Law; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
sychewa@bk.ru; tel. 8(8422)44-16-96.

Тулякова Людмила Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления и экономики на воздушном транспорте; Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации;
L.tuliakova@yandex.ru; тел. 8-927-821-68-02.

Ушников Анатолий Иванович – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой физического воспитания; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
kurnaev_su@mail.ru; тел. 8-960-362-48-22.

Хайрудинова Резеда Иршатовна – аспирантка кафедры психологии; Ульяновский государственный университет;
psy@sv.uven.ru; тел. 8(8422)27-24-72.

Ходжаян Елена Гукасовна – аспирант кафедры экономики и организации производства; Ульяновский государственный университет;
elxo@yandex.ru; тел. 8-906-144-52-75.

Хохлов Владимир Иванович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
upp_kaf@mail.ru; 8-960-367-08-87.

Шердяев Денис Михайлович – руководитель секретариата руководителя ЦИК партии «Единая Россия»;
Sdm_333@mail.ru; тел. 8-925-086-19-12.

Шубович Валерий Геннадьевич – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой информатики; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
shubvg@mail.ru; тел. 8(8422)30-83-97.

Шумаева Екатерина Андреевна – студентка исторического факультета; Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова;
montecat@rambler.ru; тел. 8-917-057-76-59.

Юдина Анастасия Александровна – ассистент кафедры «Философия, социология и история»; Российская открытая академия транспорта;
nastya28-88@mail.ru; тел. 8-915-188-18-51.

Tulyakova Ludmila Mikhailovna – Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Management and Economics in the Airline Service; Ulyanovsk Higher Civil Aviation School;
L.tuliakova@yandex.ru; tel. 8-927-821-68-02.

Ushnikov Anatoliy Ivanovich – Candidate of Pedagogics; Head of the Chair of Physical Education; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
kurnaev_su@mail.ru; tel. 8-960-362-48-22.

Khairutdinova Rezeda Irshatovna – post-graduate student; Chair of Psychology; Ulyanovsk State University;
psy@sv.uven.ru; тел. 8(8422)27-24-72.

Khodzhayan Elena Gukasovna – post-graduate student; Chair of Economics and Manufacturing Process Management; Ulyanovsk State University;
elxo@yandex.ru; tel. 8-906-144-52-75.

Khokhlov Vladimir Ivanovich – Candidate of Jurisprudence; associate professor; Head of the Chair of Criminal Law and Criminology; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
upp_kaf@mail.ru; 8-960-367-08-87.

Sherdyaev Denis Mikhailovich – secretariat party leader; Central Executive Committee, All-Russia political party “Union Russia”;
Sdm_333@mail.ru; 8-925-086-19-12.

Shubovich Valeriy Gennadievich – Candidate of Technical Sciences; associate professor, Chair of Information Technologies; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
shubvg@mail.ru; tel. 8(8422)30-83-97.

Shumaeva Ekaterina Andreevna – student-researcher, Historical Department; Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov;
montekat@rambler.ru; tel. 8-917-057-76-59.

Yudina Anastasiya Aleksandrovna – teaching assistant; Chair of Philosophy, Sociology and History; Russian Public Academy of Transport (Moscow State University of Railway Engineering);
nastya28-88@mail.ru; tel. 8-915-188-18-51.

Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «Поволжский педагогический поиск»

- К публикации принимаются научные статьи объемом 0,25–0,5 авторского листа (один авторский лист – 40 тыс. печатных знаков с учетом пробелов, знаков препинания, цифр и т. п.) по научным специальностям, по которым ведется подготовка научных кадров в аспирантуре, и сформировавшимся в вузах научным направлениям (экономика, юриспруденция, психология, педагогика, философия, история, политология, филология).

- Статьи представляются в 2-х экземплярах в машинописном виде (текст должен быть отпечатан на одной стороне листа формата А4, шрифт Times New Roman, размер 14, межстрочный интервал 1,5) и в электронной форме (в формате *.doc).

- Библиографический список, оформленный в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания, приводится в конце статьи в порядке упоминания источника. В тексте в квадратных скобках дается порядковый номер источника и страницы цитирования (например: [8, с. 25]).

- К статье должны быть приложены сведения:
  1) фамилия, имя, отчество автора (авторов);
  2) место работы с указанием адреса и телефона организации;
  3) должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание;
  4) контактная информация (почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты);
  5) краткая аннотация статьи (на русском и английском языках);
  6) список ключевых слов (на русском и английском языках).

- Статьи следует направлять в распечатанном (по адресу: Россия, 432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, д. 4) и в электронном виде (E-mail: pedpoisk@mail.ru).

- При невыполнении авторами отмеченных требований рукописи для рассмотрения редакционной коллегией не принимаются.

- Решение редакционной коллегии о принятии к публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки.

- Очередность публикаций статей определяется в зависимости от времени представления статьи и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.

- Направляя статью в редакцию журнала, автор выражает свое согласие на ее опубликование и размещение в сети Интернет (в том числе на официальном сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru), а также на ее распространение в иных формах.

- Статьи в журнале «Поволжский педагогический поиск» размещаются БЕСПЛАТНО.

- Первоочередное право на размещение статей имеют подписчики журнала.